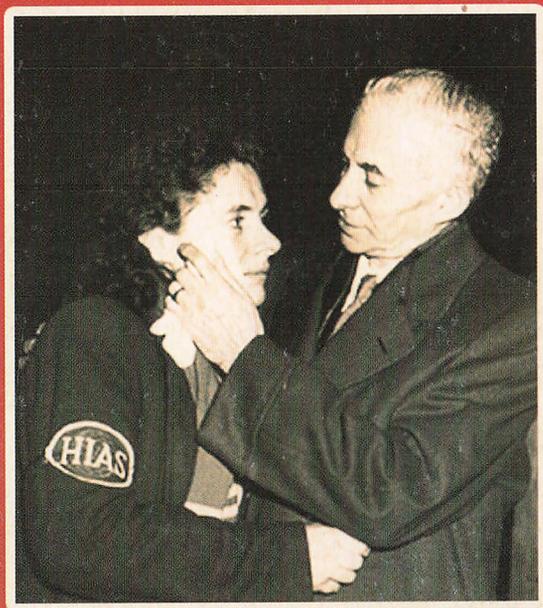

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ИЕРУСАЛИМ-ТОРОНТО-МОСКВА
2005

RUSSIAN JEWRY ABROAD. Vol. 12

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 1

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg
Mikhail Parkhomovsky

Jerusalem–Toronto–Moscow
2005

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 12

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 1

Редакторы-составители:

Эрнст Зальцберг

Михаил Пархомовский

ИЕРУСАЛИМ–ТОРОНТО--МОСКВА
2005

**Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ**
Научный руководитель *Михаил Пархомовский*

Том 12
Русские евреи в Америке. Кн. 1
Редакторы-составители:
Эрнст Зальцберг и Михаил Пархомовский

Редакционный совет: *Валерий Базаров, Клара Жигня,
Ирина Обухова-Зелиньска, Дан Харув, Ленина Драгицкая*

Иерусалим–Торонто–Москва, 2005

© Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
© Редакторы-составители тома © Авторы статей
© Ассоциация Гешарим/Мосты Культуры
Книга выпущена при финансовой поддержке ХИАСа
(Общества помощи евреям-иммигрантам)

Research Center for RUSSIAN JEWRY ABROAD
Director for Scholarly Works *Mikhail Parkhomovsky*

Vol. 12
Russian Jews in America. Book 1
Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*
and Mikhail Parkhomovsky

Editorial Board: *Valery Bazarov, Klara Jignea,
Irina Obukhova-Zelin'ska, Dan Kharuv, Lenina Dragitskaya*

Jerusalem–Toronto–Moscow, 2005
Financial support was provided by the Hebrew Immigration Aid Society (HIAS)

ISBN 965-222-911-3

Мосты культуры, Москва	Gesharim, Jerusalem
Тел./факс. (095) 684-3751	Tel./fax: (972)-2-624-2527
(095) 792-3856	Fax: (972)-2-624-2505
e-mail: gesharim@e-slovo.ru	e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

На обложке: Снова вместе. 1946 г. (Из фотоархива ХИАСа)

Dear Friends,

You hold in your hands the book *Russian Jews in America*. It is not necessary to prove that the Jewish immigrants from Russia and later from the former Soviet Union have contributed a great deal to the different areas of American life – such as science, business, art and sport. You can find their names in *Forbes* magazine or in the victorious reports from the Olympics, or on theatre marquees. However, despite all this diversity, there is something common that unites these people in one group: almost all of them came to America with assistance from HIAS.

We at HIAS are very proud of our mission not only to help millions of Jews to come to safe haven from lands of persecution, but to help them become worthy citizens of their new homeland. At the same time, it is no less important to preserve for future generations the specific features of Russian speaking Jewry. The versatile activity of Russian Jews abroad has only recently begun to be explored and we support the efforts of the Research Center for Russian Jewry Abroad to collect and publish materials related to the history and culture of Russian Jewish immigrants. Therefore, this is not just a book. You hold in your hands an integral part of Jewish history.

Enjoy it.

Leonard Glickman
President and CEO
Hebrew Immigrant Aid Society

Дорогие друзья!

Вы держите в руках книгу «Русские евреи в Америке». Не нужно доказывать, что еврей-иммигранты из России и бывшего Советского Союза внесли значительный вклад в различные области американской жизни, будь то наука, бизнес, искусство или спорт. Их имена можно увидеть и на страницах журнала «Форбс», и в победных репортажах с Олимпийских игр, и на театральных афишах. Но, несмотря на все разнообразие характеров и судеб, есть одно общее, объединяющее этих людей: почти все они прибыли в Америку с помощью ХИАСа. Сотрудники ХИАСа горды тем, что не только помогли миллионам евреев обрести безопасное убежище, но также и стать достойными гражданами своей новой родины.

В то же время важно сохранить для будущих поколений характерные особенности и преемственность традиций русскоговорящих евреев. Их разнообразная деятельность стала предметом исследований лишь в недавнее время, и мы поддерживаем усилия Научно-исследовательского центра Русское еврейство в Зарубежье по сбору и публикации материалов по истории и культуре евреев-иммигрантов из России. Книга, которая перед Вами, – это не просто книга, это неотъемлемая часть еврейской истории.

Я надеюсь, что ее чтение доставит Вам удовольствие.

Леонард Гликман,
Президент и Исполнительный Директор ХИАСа

Предисловие

Еврейская эмиграция из России началась в первой половине XIX в. За период 1820–1880 гг. из России в США эмигрировало около 48 тыс. евреев. Эмиграция русских евреев становится массовой в 1881–1914 гг., особенно после принятия антиеврейских законов 1891 г., кишиневского погрома 1903 г. и волны погромов 1905–1906 гг. Всего за этот период из России эмигрировало около 2 млн евреев, из них около 80% – в США¹.

Русско-еврейская эмиграция стала той силой, которая дала новую жизнь уже существовавшим в Америке еврейским общинам. Как писал М.Ошерович: *«Нет сомнения в том, что без участия русских евреев не была бы создана ни получившая большое распространение еврейская печать, ни богатая еврейская литература, не удалось бы воспитать народную массу и не удалось бы с таким умением и глубокой верой в справедливость организовать еврейских рабочих в тред-юнионы, ставшие образцом для всей Америки... И если бы не влияние русских евреев, американское еврейство не было бы так тесно связано с еврейством других стран и не выказало бы такой готовности оказывать помощь повсюду, где она требовалась»*².

В период между двумя мировыми войнами Россию и СССР покинули около 300 тыс. евреев, лишь небольшая часть которых осела на американском континенте.

Бурный период еврейской эмиграции из СССР начался в 1968 г. Вспомним, что, наряду с прочими причинами, она стала возможна благодаря усилиям американских еврейских общественных и политических организаций, членами которых были как местные евреи, так и евреи – выходцы из России и СССР. До 1989 г. из Союза выехало более 360 тыс. евреев, примерно половина из которых избрала местом жительства США и Канаду. В 1990–1997 гг. СССР и страны СНГ покинуло более 1 050 000 евреев, 320 тыс. из них прибыло в США и несколько десятков тысяч – в Канаду. По данным на

---

¹ Д.Хирув. Еврейская эмиграция из Российской империи и Советского Союза: статистический аспект // РЕВЗ. Т.1(6). С.350–355.

² М.Ошерович. Русские евреи в Америке // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). Союз русских евреев. Н.-Й., 1960. С.287.

1999 г., в США насчитывалось около 500 000 бывших советских евреев и членов их семей, в Канаде – около 50 000–60 000³.

Многие русские евреи, эмигрировавшие в разное время в Америку, получили признание далеко за пределами еврейской среды. Среди них были выдающиеся литераторы, публицисты, деятели театра и кино, музыканты, бизнесмены, ученые, политики, филантропы, внесшие неоценимый вклад в развитие американского общества (о некоторых из них рассказано в нашем альманахе).

Настоящий сборник является продолжением серии книг, изданных в Израиле М.А.Пархомовским и посвященных вкладу русских евреев в культуру Зарубежья. Первые пять томов этой серии (1992–1996 гг.) назывались «Евреи в культуре Русского Зарубежья», тома с шестого по десятый (1998–2003 гг.) – «Русское еврейство в Зарубежье». Четыре тома посвящены конкретным странам и имели соответствующие подзаголовки. Это: «Русские евреи в Великобритании» (Т.7. 2000 г., редакторы-составители М.Пархомовский и А.Рогачевский), «Русские евреи во Франции» (Тома 8 и 9. 2001–2002 гг., редакторы-составители М.Пархомовский и Д.Гузевич), «Идемте же отстроим стены Йерушалаима (Евреи из России в Эрец-Исраэль и в Государстве Израиль)» (Т.11, редакторы-составители Ю.Систер и М.Пархомовский; в печати).

И хотя в первых пяти томах и в десятом томе есть статьи, посвященные русским евреям в Америке, мы считали, что такой необъятной теме должен быть посвящен, по меньшей мере, отдельный сборник или, что еще лучше, серия сборников.

Настоящее издание составлено по тому же принципу, что и все предшествующие. Это – собрание статей, эссе и документов. Первоначальным намерением составителей было включение в издание как можно больше статей обобщающего характера, как то: «История русско-еврейской общины в США», «Процесс адаптации русских евреев в Северной Америке», «Российские евреи и развитие социалистического движения в США и Канаде», «Русские евреи в Голливуде», «Русско-еврейская мафия в США» и др. В силу ряда причин этот замысел остался неосуществленным (за исключением статьи В.Базарова о ХИАСе), однако мы надеемся вернуться к нему в будущем.

---

³ *М.Куповецкий*. Евреи бывшего Советского Союза: численность и расеяние в мире // Евреи СССР на перепутье (иврит). Т.4(19). Иерусалим, 2000. С.133, 134.

Таким образом, в предлагаемой книге господствует личный, а не историко-социальный подход, то есть почти все статьи и публикации посвящены отдельным лицам. В таком подходе кроются свои недостатки и достоинства. К числу последних относятся разнообразие привлеченных материалов и представительный характер сборника, в котором принимают участие авторы из Израиля, России, США и Канады. К числу недостатков тома относится некоторая его мозаичность, отсутствие «большой картины». С другой стороны, из характеров героев, особенностей их поведения в определенных обстоятельствах, истории их достижений и неудач складывается своя «большая картина», возможно, не всеобъемлющая, но, как нам кажется, достаточно эмоциональная и убедительная.

При составлении сборника мы стремились к тому, чтобы был соблюден известный баланс между фигурами известными, малоизвестными и практически неизвестными широкому кругу читателей. Мы намеренно не включили в сборник публикации о таких героях, как Р.Якобсон, И.Бродский, С.Довлатов, Л.Ауэр и многих других, о которых имеется обширная литература на русском и (или) английском языках.

Среди персоналий мы выбирали, как правило, тех, чья жизнь отделена от нас некоторым временным промежутком и чьи достижения могут, таким образом, быть оценены в какой-то исторической перспективе.

Читатель без труда обнаружит, что почти все предлагаемые публикации связаны с США. В будущем мы намерены восполнить этот географический пробел и уделить внимание и другим странам американского континента.

Считаю своей приятной обязанностью выразить благодарность М.Пархомовскому за идею сборника и передачу опыта, которым он делился со мной в течение многих месяцев нашей многогранной совместной работы.

Составители выражают благодарность Майе Басс, Артуру Штильману, Владимиру Матлину и анонимному спонсору, которые, наряду с ХИАСом, оказали финансовую поддержку в издании книги.

Э.Зальцберг (Торонто)

Маяк в ночи (очерк истории ХИАСа)

Валерий Базаров (Нью-Йорк)

Предисловие

В объеме статьи невозможно полностью изложить более чем 120-летнюю историю ХИАСа – Общества помощи еврейско-иммигрантам, – для этого потребуется многотомное издание, труд большой группы историков. Цель автора намного скромнее – маленьким фонариком осветить пещеру, где хранятся невиданные сокровища истории нашего народа, которые, кстати, никто не прятал, но до которых не дошли занятые другими делами исследователи. Что ж, всему свое время. Во всяком случае, беру на себя смелость заявить, что без знания истории ХИАСа невозможно понять основные события в истории еврейского народа начиная с последней четверти XIX века и по сей день. Предоставляю читателю судить о правоте этого заявления.

Истории ХИАСа посвящено две монографии: «Визы свободы»¹ Марка Вишницера, издана в 1956, и «Берег надежды»² Роналда Сандерса. Обе книги прекрасно написаны, читаются с большим интересом, но...

Первая из них написана ровно 50 лет назад, к 300-й годовщине события, которое широко отмечается и сегодня, – приезд первых евреев-иммигрантов в Северную Америку в 1654 г. Автор, Марк Вишницер (1882–1955) с 1921 по 1938 г. был генеральным секретарем, а затем членом президиума Общества взаимопомощи немецких евреев в Берлине. Он в полной мере использовал в работе над книгой архивы ХИАСа. Однако близость описываемых событий по времени не позволила историку в достаточной мере проанализировать

---

¹ *Mark Wischnitzer. Visas to Freedom: History of HIAS. Cleveland & New York: World Publishing, 1956. 356 p.* О Марке Вишницере см.: Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Н.-Й., 1960. С.7–11; Краткая еврейская энциклопедия (далее КЕЭ). Т.1. 1976. С.680.

² *Ronald Sanders. Shores of Refuge: Hundred Years of Jewish Immigration. New York: Henry Holt, 1988. 673 p.;* о ХИАСе см. также: КЕЭ. Т.9. 1999. С.799–800.

их, многое было в то время неизвестно. Но главный недостаток книги, который никак нельзя поставить в вину автору, – то, что последние пятьдесят лет истории ХИАСа остались неосвещенными.

Создавая свою монографию «Берег надежды», которую он посвятил сотрудникам ХИАСа, Роналд Сандерс привлек обширнейший вспомогательный материал, подробно изложил причины эмиграции, начиная с убийства Александра II, рассказал о политической атмосфере в Америке до начала Первой мировой войны, во время войны и в послевоенный период, но при этом о непосредственной работе ХИАСа сказано, на мой взгляд, недостаточно. Но, несмотря на недостатки, которые присутствуют в любой работе, упомянутые две книги являются до сих пор единственными источниками сведений об организации, которая оставила след в жизни каждого из 600 тыс. русскоязычных евреев, приехавших в США начиная с 60-х годов прошлого века, и в жизни каждого из более чем трех миллионов евреев, приехавших с помощью ХИАСа за сто лет до нас.

Начало

«Там, где можно найти эмигранта, находится и ХИАС.

В любой точке земного шара, где еврей жаждет освобождения, можно найти ХИАС.

Там, где еврей живет во мраке ужаса и преследований, там, где еврей жаждет воссоединения со своей семьей на дальней стороне, там, где еврей ждет помощи, чтобы достичь мирной и безопасной гавани, ХИАС услышит его и поможет ему.

Если еврею нужна помощь в получении документов, или нужно заступиться за него перед властями, он найдет ХИАС на своей стороне, ХИАС поддержит его и укрепит его в тяжелую минуту.

А когда, счастливый, еврей достигнет, наконец, желанного берега, в этот радостный миг ХИАС встретит его и соединит со ждущими родственниками или даст ему кров, пока он не найдет постоянное жилище.

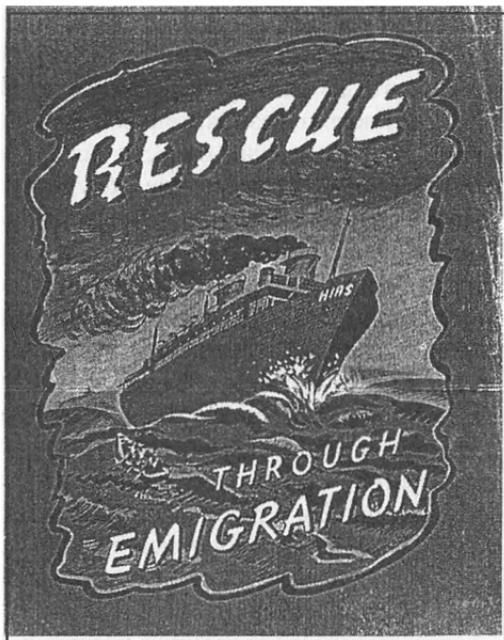
Не удивительно, что для миллионов евреев во всем мире ХИАС – это слово из домашнего лексикона. Для многих из них ХИАС – это член семьи. Никогда они не забудут, что ХИАС там, где есть эмигрант!»

Что это? Эмоциональный панегирик человека, слегка склонного к истерике? Доведенное до абсурда преувеличение? Кто написал эту почти молитву?

– Не знаю. Я нашел пожелтевший листок с этими строчками, когда перелистывал архивное дело ХИАСа за 1911 год. На нем не было ни заголовка, ни даты, ни имени автора. Знаю одно, что написанное – это квинтэссенция миссии ХИАСа как организации, и нет в этих строках ни капли преувеличения – все так и было. Но я не предлагаю поверить мне на слово. Иначе зачем бы я писал эту статью?

Истории ХИАСа посвящено две монографии. В заголовке стоит слово НАЧАЛО. Начало чего? Еврейской иммиграции? Русскоязычной еврейской иммиграции? ХИАСа? Поскольку статья посвящена истории ХИАСа, то основное внимание мы уделим последнему вопросу. Но ХИАС не возник на пустом месте, из ничего. И иммигранты из России сходили на берег с кораблей не в пустыню, а в густозаселенные районы со сложившимися традициями и привычками. Поэтому автор считает необходимым ответить по возможности кратко и на первые два вопроса.

Первые евреи ступили на берег Северной Америки 24 сентября 1654 года. Это была группа сефардов из Бразилии, вынужденных бежать после того, как Португалия (и вместе с ней инквизиция) вытеснила оттуда голландцев³.

Спасение – в эмиграции
Плакат ХИАСа (1939–1941)

³ *Rabbi Lee Levinger. A History of Jews in the United States. New York: Levinger, 1959. P.59; см. также КЕЭ.Т.8. 1996. С.317–330.*

За этим последовали две волны – испанских и немецких евреев. Каждая волна имела свои особенности, однако для наших целей важно отметить, что к 1880 году, когда началась третья волна – русской иммиграции, в США существовала крепкая еврейская община, насчитывавшая 250 000 человек⁴.

В колониальный период (1621–1776) лишь немногие евреи из живших в то время в основном в Прибалтике и бывшей Восточной Польше добрались до Нового Света. Из иммигрантов тех времен известны Хаим Саломон⁵ (родился в Польше), он оказывал финансовую помощь правительству Вашингтона; Мордехай М. Мордехай, житель Балтимора в 1780 г. (родился в Литве), и некоторые другие⁶. Членами Конгрегации Бней-Ешурун, открытой в Нью-Йорке в 1825 году, были многие польские евреи (наряду с немецкими и английскими), первая синагога русских евреев была открыта также в Нью-Йорке в 1852 г.⁷ Но все это не могло изменить того факта, что громадное большинство евреев Америки были немецкого происхождения, тогда как евреи, выходцы из Испании и ее бывших колоний, составляли незначительное меньшинство. Начало исхода немецких евреев можно отнести ко времени крушения наполеоновской Европы, когда мелкие государства Германии стали возвращаться к средневековым антиеврейским законам. Массовая иммиграция евреев Центральной Европы достигла пика после поражения европейских революций 1848 года. В своей массе евреи из Германии по приезду в Америку были ненамного богаче своих восточно-европейских собратьев и зачастую начинали так же, как они – бродячими торговцами, все имущество которых умещалось на тележке. Их коренное отличие состояло в другом. Они были людьми немецкой организации, людьми закона и, как правило, либералами. Эти иммигранты были озабочены сохранением иудаизма, однако при этом не впадали в религиозные крайности. После нескольких десятилетий пребывания в Америке они сохранили все эти качества, кроме одного – они уже не были бедными.

Евреи Восточной Европы были крайне бедны. Они были самой неимущей и угнетенной частью в отсталой стране – России. У них не было равных гражданских прав с остальным населением. Они жили в черте оседлости, говорили на идиш и зачастую не об-

---

⁴ Ibid. P.263. По др. данным, 230 000 и 280 000 евреев (КЕЭ. Т.8. С.323).

⁵ См. о нем статью в наст. книге (*примеч. ред.*).

⁶ *Mark Wischnitzer*. P.26.

⁷ *Rabbi Lee Levinger*. P.263.

щались с населением за пределами своего местечка. Русский еврей не был русским – прожив сотни лет в стране, он не был дома в России. Редкие люди из этой среды были либералами. Некоторые из них были крайне религиозными, другие – крайне радикальными. Анархисты, социалисты, революционеры – борцы за социальную справедливость немедленно и для всех – такова была часть эмигрантов, приезжавших в Америку с начала 80-х. Конечно, многие из этих людей разбогатели и стали консерваторами, другие разбогатели и стали либералами в американском смысле – но это уже другая история.

Для нас важно, что за сорок лет, с 1880 по 1920, количество евреев увеличилось с 250 000 до 3 500 000, 75% которых составляли выходцы из России⁸. Могло ли такое изменение в соотношении населения пройти гладко? Разумеется, нет. Это и привело к созданию организации, известной сегодня под названием ХИАС.

Официально Общество помощи евреям эмигрантам (HEAS – обратите внимание на разницу: не иммигрантам, а эмигрантам) было основано 27 апреля 1870 года⁹. Образованию общества предшествовала статья в нью-йоркской газете¹⁰, сообщавшая, что «250 иммигрантов уже прибыли, еще 500 находятся в пути, а 9 кораблей, зафрахтованных для перевозки иммигрантов, ждут погрузки в европейских портах. Об этих людях необходимо позаботиться немедленно».

Ответом на создавшуюся ситуацию и было создание ХИАСа. В газетах появились объявления, предлагавшие услуги плотников, медников, портных, пекарей, прислуги – женщин наравне с мужчинами.

Основной причиной эмиграции был голод 1869 г., охвативший Северо-Западный край. После стабилизации положения эмиграция значительно уменьшилась. Поэтому услуги Общества на данном этапе перестали быть необходимыми. Совершенно иная ситуация возникла через десять лет – в 1881 году.

Этот год принято считать началом волны из России. Но те, кто приехал в 1881-м, скорее всего, решили уехать несколько раньше. Мы знаем по себе, что в эмиграцию не соберешься за две недели. Правильней, на мой взгляд, сказать, что к 1881 году созрели причины массового выезда евреев из России. Убийство Александра II,

---

⁸ *Rabbi Lee Levinger*. P.263.

⁹ *Jewish Daily Forward*. 1979. 3 June.

¹⁰ *Hebrew Leader*. 1870. 5 April.

последующие погромы, выселение евреев из деревень в 1882 г. и выселение их из Москвы в 1891 г. подкрепили правильность решения – в России нет места для евреев. Должен сказать, что правительству России стоило больших усилий доказать евреям эту простую истину.

Рост количества прибывающих иммигрантов с 5 до 15 тыс. в год (разные авторы приводят разные цифры. Я склонен верить Вишницеру, человеку, непосредственно работавшему с архивом ХИАСа) заставлял принимать меры. 27 ноября 1881 г. был создан второй ХИАС – Общество помощи евреям-иммигрантам. На острове Вард был организован приют, вновь прибывшие обеспечивались медицинской помощью, а в Кастл-Гардене, который до открытия в 1892 г. Эллис-Айленда служил местом прибытия и досмотра, иммигрантов кормили и помогали найти работу. В приюте, организованном ХИАСом на острове Вард, некоторое время работала на добровольных началах Эмма Лазарус, автор слов, вычеканенных у основания Статуи Свободы, – «Дайте мне ваших обездоленных...»¹¹

Предполагалось, что прибывавшие иммигранты не будут оседать в Нью-Йорке и других крупных городах Америки, а будут осваивать «запад и юг», зарабатывая на хлеб насущный в сельскохозяйственных колониях Канзаса, Колорадо, Техаса и т.д.

История роста и падения этих колоний представляет интереснейшую страницу еврейской жизни в Америке. Но мы оставляем ее другим исследователям, а сами расскажем о том, что случилось, когда в марте 1883 года двери ХИАСа закрылись.

Ее место заняла организация, которая называлась Объединенные еврейские филантропии – Charities. В ее деятельности в полной мере проявилось различие между приезжавшими восточно-европейскими евреями и встречавшими их немецкими. Последние проявляли чрезмерную осторожность в подборе «достойных» иммигрантов, отправляя «недостойных» обратно в Европу на судах, перевозивших скот. Иммигранты оплачивали свой проезд, ухаживая за животными. Больше тысячи человек было таким образом отправлено обратно в 1887 году¹². Параллельно в 1882 году было создано Еврейское общество нуждающихся в приюте. Финансовую поддержку обществу оказал Якоб Шиф, известный филантроп, но основные деньги были собраны среди русских и польских евреев. Разницу между двумя организациями определила в 1894 г. газета

---

¹¹ *Ronald Sanders*. P.132.

¹² *Mark Wischnitzer*. P.32.

Judische Gazetten, в статье, которая называлась «Справедливость»¹³.

«Хахнасам Орхим (Приют) был организован бедными русскими евреями. Когда приезжает иммигрант, то, прежде чем посылать его на поиски работы, ему дают кров на несколько дней, чтобы он привык к новой обстановке.

С другой стороны, вид роскошного здания Charities оказывал такое влияние на иммигранта, что его надежды вырастали непомерно... до тех пор, пока после нескольких посещений этого учреждения он не начинал понимать, что у него нет шансов даже просто заявить, что он голоден.

Мы не хотим критиковать наших немецких собратьев – кто из нас не без греха... В то же время мы, русские евреи, должны позаботиться о наших бедных соотечественниках и защитить их от оскорблений со стороны наших гордых собратьев, для которых русский еврей – попрошайка, бродяга и бездельник. В благотворительных заведениях немецких евреев-аристократов роскошные помещения и столы красного дерева, но над ними вы увидите холодные и сердитые лица. Здесь бедного человека допрашивают, как будто он преступник. Он дрожит, как осиновый лист, как будто он стоит перед русским чиновником...».

В 1901–1914 гг. поток иммигрантов из Восточной Европы достиг более 70 тыс. в год. С ростом притока беженцев возрастали проблемы по их приему, размещению и устройству. Эти вопросы обсуждались в синагогах и конгрегациях, собирались взносы на помощь отдельным нуждающимся. Дошло дело и до масонской ложи Бней-Брит в Бруклине, *Ложи рабби Иоханана*. Произошло это в 1902 году, и конкретной причиной озабоченности членов конгрегации была смерть на Эллис-Айленде одинокого иммигранта, не имевшего родственников или друзей в Америке.

Организация достойных похорон бедному соотечественнику была делом хорошим, но на этот раз члены конгрегации пошли дальше. Пятнадцать членов ложи решили, что только что прибывшие иммигранты нуждаются во многих услугах, главная из которых – правильная информация о том, чего можно ожидать на новом месте.

Так началась новая глава в истории ХИАСа, организации, которая с тех пор так и называется – ХИАС (Общество помощи

---

¹³ *Mark Wischnitzer. P.35.*

евреям-иммигрантам). Документы о создании общества были подписаны 26 декабря 1902 года.

Интересно, что первым пунктом цели организации стоит: *«...оказывать финансовую помощь бедным иммигрантам, которых не допустили к въезду, необходимую для их безопасного возвращения в страну, откуда они прибыли»*. Этот пункт любопытен тем, что как раз после того, как представитель ХИАСа обосновался на Эллис-Айленде, количество депортируемых резко упало. Так, из 103 869 (общее количество иммигрантов в 1913 году) 3 726 было по тем или иным причинам отказано в праве на иммиграцию. После вмешательства ХИАСа лишь 1 199 было депортировано¹⁴. ХИАС всегда следил, чтобы интересы иммигрантов строго соблюдались. Когда был введен незаконный налог (\$25 вместо \$4) на каждого иммигранта, ХИАС подал жалобу, и налог отменили. Если Эллис-Айленд мог вполне считаться чистилищем перед воротами в Землю обетованную, представители ХИАСа работали «ангелами в чистилище» (см. Приложение «Ангелы в чистилище»).

ХИАС получает признание

В 1911 году ХИАС разработал систему, которая позволяла не только проследить, как складывалась жизнь иммигрантов после того, как они прибывали в Америку, но и расширить сферу услуг для вновь прибывших. Представители ХИАСа на Эллис-Айленде регистрировали имена иммигрантов, а затем сообщали их своим сотрудникам в конечных пунктах. Те, в свою очередь, помогали иммигрантам найти работу, овладеть английским и впоследствии получить гражданство. В 1913 году был проведен опрос 300 семей иммигрантов, проживавших в 41 городе. Опрос выявил весьма интересные факты. Оказалось, что из тех, кто приехал за последние 4 месяца, 35% посещали курсы английского языка, две трети были моложе 27 лет, только 10% процентов зарабатывали меньше 5 долларов в неделю.

По мере роста авторитета ХИАСа в мире у некоторых директоров ХИАСа возникла мысль об организации представительства ХИАСа в Европе. Кроме того, обсуждались и другие проекты – создание Центрального информационного бюро и основание Эмиграционного банка – для гарантии того, что вновь прибывающие

---

¹⁴ HIAS Reports. 1913.

иммигранты не станут обузой налогоплательщикам. Было решено, что в августе 1914 года в Берлине состоится конференция по этому вопросу. Однако 1 августа началась Первая мировая война.

К этому времени в США проживало более трех миллионов евреев, две трети которых были восточно-европейского происхождения. Большинство из них имели родственников в России, Польше, Прибалтике. Из-за военных действий тысячи людей остались без всякой связи со своими родными в других странах. Кроме того, на Эллис-Айленде находились сотни эмигрантов, ожидавших депортации. ХИАС добился, чтобы депортация этих людей была отложена до окончания военных действий. Пароходные компании были категорически против этого решения – еще бы, ведь они должны были содержать депортируемых вплоть до доставки их до того места, откуда они прибыли. В конце концов в 1915 году компании добились разрешения отпустить 200 беженцев в Архангельск. ХИАС обратился к президенту Вильсону, который передал дело на слушание министру труда (министерство труда ведало в то время вопросами иммиграции). На момент слушания ХИАС получил письмо посла США в России Джорджа Кеннана:

RECORD OF ARRIVAL						Date 6-21-11		Port New York		Work		CLASS: K87CB	
NAME	DATE OF BIRTH	SEX	MARITAL STATUS	RELIGION	RESIDENCE	CITY	COUNTRY	SHIP	AGENCY	CLASS	STATUS	REMARKS	AGENCY
M. S. H. H. H.							France						
S. S. H. H. H. Foundation													

Страница регистра ХИАСа с записью о прибытии в США Марка и Бэллы Шагалов 21.06.1911

«Депортированных эмигрантов посылают на юг России из Архангельска по этапам. Расстояние в 1500–2000 км они должны пройти пешком, т.к. железные дороги перегружены военными перевозками. В день они будут проходить 16–20 км под охраной, как обычные преступники, с которыми их сгоняют на ночлег в грязные, переполненные насекомыми тюрьмы. Дорога занимает три-четыре месяца, в течение которых наиболее слабые скорее всего умрут от тягот и лишений. Не думаю, что у нас есть моральное право подвергать человеческие создания такого рода испытаниям. Мы пытаемся уменьшить страдания и смерть в России, но, возвращая этих

людей, мы увеличиваем и то и другое»¹⁵. После оглашения письма Кеннана министр труда Вильям Вильсон распорядился отменить депортацию этих двухсот. Вернее не отменить, а отложить на неопределенное время. Это было не единственное дело о депортации, когда ХИАС своим вмешательством изменял ход событий.

Одним из самых больших достижений ХИАСа в военное время можно считать договор директора ХИАСа Исидора Хиршфельда с Генеральным штабом германских войск. Совершив поездку по европейским странам, он добился в Берлине разрешения на переписку населения оккупированных немецкими войсками территорий с их родственниками в Америке через представительство ХИАСа в Роттердаме. Такое же разрешение было получено и от Верховного командования австрийской армии. Разумеется, этим разрешением воспользовались не только евреи. К концу 1918 года ХИАС получил в общем около 300 000 писем. Выходящая в Нью-Йорке литовская газета «Тевин» писала, восхищаясь помощью, оказываемой теми самыми евреями, *«которых так ненавидят. Зная это, мы должны сгореть от стыда! Оставим же эти предрассудки позади и давайте рука об руку работать вместе на благо человечества»*¹⁶. Насколько эти призывы нашли отклик в сердцах украинцев, поляков, венгров, литовцев и других соседних с Германией и Австрией народов, стало ясно во время Второй мировой войны, всего два десятка лет спустя. Но не будем забегать вперед.

ХИАС в зеркале русской революции

В феврале 1917 года дом Романовых, просуществовавший 300 лет, рухнул. Временное правительство опубликовало Декрет об отмене всех национальных и вероисповедальных ограничений. Отныне евреи имели те же права, что и остальные граждане России. Во многих еврейских домах новые законы читали вместе с традиционной Хагадой за пасхальным седемом. Торжество свободы продолжалось, однако, недолго. Большевицкий переворот в октябре 1917 года погрузил Россию в ночь террора и беззакония еще на семьдесят лет. Пока «железный занавес» не перекрыл окончательно путь к бегству, потоки беженцев ринулись через границу. В то же время практически полная невозможность пересечь Атлантический

---

¹⁵ Mark Wischnitzer. P.77.

¹⁶ Там же. P.81.

океан из-за военных действий заставила иммигрантов обратиться к длинному пути на восток – через всю Россию, через Сибирь, в Харбин, через Китай в Японию, в порты Кобе и Иокогама, через Тихий океан в Сиэтл, Сан-Франциско и Ванкувер и во многих случаях через всю Америку на берега Атлантического океана – почти кругосветное путешествие. ХИАС внимательно следил за событиями, происходящими на Дальнем Востоке. Здесь скопилось немало беженцев, попавших в тяжелое положение. Обесценение российской валюты оставило их практически без гроша и, следовательно, лишило возможности двигаться дальше. Небольшая еврейская община Иокогама оказалась в полной растерянности и не могла справиться с требованиями момента.

Чтобы на месте решить вопрос о необходимой помощи, в январе 1918 года в Иокогаму прибыл Сэмюэл Мейсон, один из отцов-основателей ХИАСа.

Уже через полтора месяца после его приезда положение беженцев нормализовалось. Нашлись необходимые средства, люди получили четкие инструкции, что делать. 11 февраля 1918 года торжественно открылось помещение ХИАСа. На открытии присутствовали мэр Иокогама и консул США. В архиве ХИАСа сохранилось меню обеда на этом вечере. Перечисление блюд напоминает вехи тысячелетней истории евреев:

Гефилте фиш по-литовски,
Картофель по-египетски,
Запеканка а-ля Вильно,
Опресноки по-палестински,
Американский компот.

Что произошло с евреями на территории Украины, Польши и Прибалтики, в местах, где власть переходила из рук в руки, известно достаточно хорошо. Когда закончилась Гражданская война, сотни местечек лежали в дымящихся развалинах, а 50 000 евреев были убиты – цифра, разумеется, приблизительная. С окончанием военных действий между Польшей и большевистской Россией ХИАС возобновил свою деятельность в этой части Восточной Европы – отделения ХИАСа открылись в Варшаве, Ровно, Львове, Барановичах, Вильно, Риге, в которых было зарегистрировано 250 тысяч просьб об иммиграции. Но тут на пути иммигрантов возникли новые препятствия.

Квоты

С момента появления представителей ХИАСа на Эллис-Айленде между ними и иммиграционными властями установились весьма непростые отношения, определяемые их изначальными задачами. Если отбросить риторику, то задача ХИАСа состояла в максимальном увеличении приезда евреев-иммигрантов, тогда как иммиграционные власти, представляя правительство, стремились понизить это число. Надо учесть, что, хотя ХИАС был самой большой и самой организованной силой, существовали еще организации, старавшиеся провезти (разумеется, на самых законных основаниях) как можно больше своих – греков, итальянцев, ирландцев, немцев, католиков и т.д., и т.п. При этом допускались различные уловки с обеих сторон (см. Приложение «Ангелы в чистилище»). Иммигрант заболел, следовательно, его можно депортировать, но ХИАС помещает его в госпиталь и лечит. У иммигранта нет родственников – он может сесть на шею налогоплательщику – депортировать! ХИАС находит ему родственников. У иммигранта нет денег – ХИАС дает ему деньги. Словом, что бы ни предпринимало правительство для сокращения приезда иммигрантов, ХИАС находил контрмеры, позволявшие обойти очередное препятствие. И вот в 1921 году были введены квоты. Это означало, что, скажем, из Польши в год может приехать не более 3% иммигрантов от количества поляков, уже живущих в США. И если приедет на одного больше, чем полагается, – этот один будет лишним, что бы ни предпринимал ХИАС или другие лица или организации. ХИАС делал отчаянные усилия, чтобы перенаправить поток иммигрантов, превысивших квоту, в другие страны – Канаду, Кубу, Мексику¹⁷. В 1921, в последний год свободной иммиграции, в США из Восточной Европы иммигрировало 119 036 евреев.

После введения закона о квотах естественным продолжением мер, ограничивающих иммиграцию, было их уменьшение. Так, в 1924 году общую квоту уменьшили с 357 до 167 тысяч. Особенно это уменьшение ударило по таким странам, как Польша, Россия и Румыния, где вопрос еврейской эмиграции был особенно острым.

Закон об уменьшении квоты вошел в силу 1 июля 1924 года. И снова тысячи людей оказались в безвыходном положении. Имея на руках визы, они прибывали в европейские порты отправки и только там узнавали, что не могут выехать, поскольку квота на их страну

---

¹⁷ Minutes of Board of Directors Meeting. New York, 1921.

исчерпана. Только из России 8 000 евреев оказались под угрозой депортации в «большевистский рай». ХИАС отправляет делегацию в Европу. Члены делегации посетили порты Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Данциг, различные города Польши, Латвии и Румынии. Благодаря усилиям делегации депортация была приостановлена, пароходные компании согласились заботиться об иммигрантах, пока не будет определена страна иммиграции. Французское правительство разрешило беженцам оставаться в стране, пока решается их судьба с условием, однако, что оно не будет тратить средства на их содержание. Все это были временные меры, окончательное решение требовало совместных усилий международных еврейских организаций. По инициативе ХИАСа был создан Объединенный эвакуационный комитет. В него вошли представители ХИАСа, Джойнта, Еврейское общество по колонизации, Чрезвычайный комитет по делам еврейских беженцев (Нью-Йорк) и Эмигдирект (Берлин). В результате усилий Комитета часть беженцев смогла уехать в США (1 177), в Палестину (532), в Канаду (494), в Бразилию (373), в Аргентину (251). Около полутора тысяч расселились в странах, где они находились к этому моменту, и еще почти столько же остались ждать возможности эмигрировать в США – срок ожидания достигал нескольких лет.

Так был ликвидирован кризис – один из многих, потому что эмиграция, а тем более еврейская, никогда не проходила гладко. Она всегда была связана с внутри- и/или внешнеполитическими и экономическими процессами и всегда проходила на фоне антисемитизма – в той его стадии, до которой его доводили вышеуказанные процессы.

В 1927 году, для того чтобы избежать дублирования и распыления средств в вопросе еврейской эмиграции из европейских стран, три организации объединили свои силы: ХИАС со штаб-квартирой в Нью-Йорке, ЕКО (Еврейское колонизационное общество) с центром в Париже и Эмигдирект с главным офисом в Берлине. Новая организация ХАЙСЕМ (акроним названий этих организаций на английском языке) выбрала своим местопребыванием Париж. Именно ХАЙСЕМ сыграл главную роль в спасении евреев во время Холокоста. Но об этом позже.

Центром эмигрантов на пути из Советской России была Латвия. В 20-х годах Россия еще была открыта для эмигрантов, и их поток на Запад направлялся через Ригу. С 1923 года ЕКО имело представительство в Москве для оказания помощи еврейским сельскохозяйственным кооперативам на юге страны. В 1928 году с

разрешения советского правительства было открыто Информационное бюро для потенциальных эмигрантов. В его задачу входило разъяснение эмиграционных возможностей желающим покинуть страну, поиски родственников, рассеянных во время революции и Гражданской войны и обеспечение эмигрантов документами. Те, кто направлялся в Соединенные Штаты, должны были получать визы в американском консульстве в Риге. ХАЙСЕМ в Риге должен был улаживать весьма сложные ситуации с иммигрантами. Его сотрудникам в 1928–1929 годах удалось добиться разрешения на иммиграцию 320 евреям, которым ранее этого разрешения не давали. Когда в Риге задержали группу из 300 человек, направлявшихся в Канаду, ХАЙСЕМ заявил протест канадскому правительству, который привел к специальному расследованию в Оттаве. В результате 60% задержанных смогли въехать в страну¹⁸.

Эмиграция из Советского Союза в 1927–1934 гг. представлена ниже:

1927.....	5 000
1928.....	7 500
1929.....	2 000
1930.....	1 200
1931.....	450
1932.....	200
1933.....	250
1934.....	100

Всего: 16 700¹⁹

Из этого числа более 4 000 уехали в США, остальные – в Латинскую Америку, Канаду, Палестину и другие страны. После 1934 года эмиграция из Советской России прекратилась по причинам, не требующим объяснений. Но к тому времени у ХАЙСЕМА были совсем другие заботы.

Наперегонки со смертью

В 1933 году канцлером Германии стал Адольф Гитлер. Начиная с этого момента история еврейской эмиграции перешла в со-

---

¹⁸ *Mark Wischnitzer*. P.127.

¹⁹ Более полные цифры выезда см.: РЕВЗ. Т.6. 1998. С.352.

всем другую плоскость. Это уже не был вопрос политического или экономического равноправия. Жизнь или смерть – казалось, выбор прост. Но это только казалось. На самом деле были тысячи причин, удерживавших евреев Германии (а позже евреев оккупированных ею или союзных Германии стран) от немедленного бегства куда глаза глядят. Долго евреи Германии не могли примириться с тем, что их, гордившихся своей принадлежностью к немецкому народу, вдруг перестали считать не только частью немецкой нации, но и людьми вообще. Для многих прозрение наступило слишком поздно. Но и те, кто хотел уехать, с трудом находили страну, которая бы их приняла. Не жаждала заполучить новых иммигрантов и благословенная Америка. Эта тема достаточно глубоко исследована в исторической литературе²⁰. В шумных спорах, пускать ли в страну иммигрантов, бегущих от преследований нацистов, или не пускать, а если пускать, то сколько, среди горьких упреков тем, кто ставил палки в колеса еврейской иммиграции в военные годы, как-то не заметили, что среди всего этого шума существовала и делала свое дело организация, созданная евреями с единственной целью – помочь гонимым добраться до спасительного берега, где им не будет угрожать смерть в газовой камере. Сегодня, спустя более чем шестьдесят лет, эти споры еще не утихли. И хотя люди всего мира отдают должное таким героям, как Рауль Валленберг, Оскар Шиндлер, Хирам Бингхам, Аристид Мендес и другим праведникам, роль ХИАСа в создании системы спасения евреев остается в стороне от интересов историков Холокоста.

Это тем более странно, что ХИАС не возник в ответ на угрозу уничтожения евреев со стороны нацистов, а продолжил свою работу в изменившихся условиях, имея шестидесятилетний опыт организации еврейской иммиграции, официальные представительства в 150 городах более чем 50 стран мира на всех континентах, колоссальные людские ресурсы и финансовую поддержку евреев всего мира.

Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу. Можно по-разному оценивать конечные цели Гитлера – экономические, политические, геополитические и прочие. Не

---

²⁰ *David S. Wyman. Paper Walls: America and the Refugee Crisis, 1938 – 1941. Pantheon Books: New York, 1985. 306 p.; Idem. Abandonment of the Jews: America and the Holocaust, 1941 – 1945. Pantheon Books: New York, 1985. 444 p.*

подлежит сомнению, что одной из главных его целей было полное уничтожение евреев. Этому он порой приносил в жертву даже стратегические задачи. От этой цели он не отступил, когда уже было ясно – война проиграна. Когда вся Германия лежала в развалинах, молох уничтожения продолжал пожирать свои жертвы и поезда с европейскими евреями непрерывно двигались к печам Освенцима.

Но тогда, в 1939 г., еще можно было успеть спасти евреев Западной Европы, Чехословакии, даже Польши.

В Европе эмиграцией евреев занимался ХАЙСЕМ. Однако входившее в него Еврейское колонизационное общество (ЕКО) переехало в Лондон, и фонды этой организации можно было использовать исключительно внутри стерлинговой зоны. Другой член ХАЙСЕМа, берлинский Эмигдирект, прекратил свое существование. Поэтому не будет ошибкой говорить о ХАЙСЕМе как о филиале ХИАСа в Европе с 30-х годов до 1945 года, когда ХАЙСЕМ был официально распущен.

К началу войны из Германии, Австрии и Чехословакии (Чешского протектората), где до 1933 года проживало 880 тысяч евреев, уехали 380 тысяч. 200 тысяч из них эмигрировали с помощью ХИАСа. В Америку за это время иммигрировало 92 тысячи евреев²¹. С 1938 года в оккупированной Праге эмиграцией евреев занимались представительницы ХИАСа Мария Смолка и Ханна Штайнер.

До июня 1940 года штаб-квартира ХАЙСЕМа в Европе находилась в Париже. За четыре дня до его падения, 11 июня, сотрудники, следуя за французским правительством, переехали в Бордо. Там штат временно распустили, но ХАЙСЕМ через некоторое время снова заработал, теперь уже в Марселе. В то же время было ясно, что нормальной работы уже не будет, т.к. правительство Виши ничем не отличалось от нацистов, а иногда и превосходило их в жестокости по отношению к евреям. Нужно было искать другое место, другую страну. И директор Европейского отдела ХАЙСЕМа Джеймс Бернштейн едет в Лиссабон.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что столица Португалии географически была идеальным местом для отправки беженцев. Но, кроме географии, были и другие положительные факторы. В Португалии существовала официально признанная еврейская община, президент которой был близким другом порту-

---

²¹ United HIAS Service, 80th Anniversary. 1964.

гальского диктатора Салазара. Португалия, соблюдавшая нейтралитет (сам Салазар питал к Гитлеру самые нежные чувства), сохранила хорошие отношения с Англией. Соседняя и тоже нейтральная Испания была враждебна Англии и США и дружелюбно относилась к Германии, что совершенно естественно, т.к. Гитлер помог Франко выиграть Гражданскую войну. Кроме того, нельзя забывать, что в 1940 году нацисты говорили только об изгнании евреев из Европы, идея «окончательного решения» стала главным пунктом в их повестке дня через полтора года – в 1942 г. Пока, соглашаясь на временный прием еврейских беженцев, прагматик Салазар подыгрывал всем сторонам. Кроме того, разрешение на въезд евреям обуславливалось многочисленными ограничениями и оговорками. Но здесь оказался незаменимым многолетний опыт ХИАСА в работе с иммиграционными властями – ведь бюрократии всех стран по своей сути одинаковы. И если первые полгода салазаровская полиция смотрела на деятельность ХИАСа несколько подозрительно, то вскоре стало ясно, что ХИАС более всего заинтересован, чтобы евреи, прибывавшие в Португалию, задерживались здесь как можно меньше и побыстрее грузились «на свои ковчеги», по выражению Эриха Ремарка, и «отплывали из затопленной коричневой волной Европы за океан».

Официально работа ХИАСа в Лиссабоне началась 26 июня 1940 года, а уже через неделю из порта вышло первое судно с еврейскими беженцами на борту.

В литературе встречаются различные цифры общего числа евреев, спасенных с помощью ХИАСа в Лиссабоне с 1940 по 1945 год. Аврахам Милграм в своей статье²² приводит цифры (различных авторов), которые колеблются между 40 и 100 тысячами. Эти цифры представляются мне завышенными, так же как и цифра 42 тысячи, приведенная в брошюре, посвященной 80-летию ХИАСа. Цитирую: *«После Пирл-Харбора усилия по спасению евреев с удвоенной силой продолжались до конца войны. За это время ХИАС и Джойнт в Лиссабоне помогли свыше 42 тысячам беженцев».*

Обратимся теперь к цифрам, приведенным в ежегодных отчетах ХИАСа. С 1940 по 1945 год через Лиссабон прошли 24 692 человека. Откуда же взялась цифра, почти в два раза большая? Обратите внимание на то, что цифра 42 тысячи состоит как бы из

---

²² *Avraham Milgram. Portugal, Consuls and Jewish Refugees. Shoah Resource Center, The International School for Holocaust Studies, www.yadvashem.org.*

совокупности людей, которым помогал ХИАС и Джойнт. Обе эти организации вели статистику, которая доступна исследователям. Так что, если сложить цифры из двух архивов, можно получить сумму, превышающую 40 тысяч. К сожалению, чрезвычайно трудно разграничить эти два потока, так как иногда одни и те же имена проходят через отчетные документы обеих организаций, а иногда только через одну. ХИАС и Джойнт располагались в Лиссабоне в одном и том же здании на улице Браахамп, 12. Функции у ХИАСа и Джойнта были разные. Джойнт в основном финансировал спасательные операции, а ХИАС, не оставляя в стороне денежные дела, в основном осуществлял подготовку к сложному процессу иммиграции – документы, визы, фрахт судов, закупка билетов. В то же время и у Джойнта был свой иммиграционный отдел (он слился с ХИАСом только после войны), в какой-то степени конкурировавший с соседом.

Лиссабонское отделение ХИАСа поддерживало непосредственную связь со своим отделением во Франции, и в июле 1942 года Джеймс Бернштейн, директор Европейского отдела в Лиссабоне, выехал в Марсель. Время было критическое. Правительство Виши прекратило выдачу выездных виз, а те визы, которые уже были выписаны, были отменены. Тысячи людей, уже считавшие себя в безопасности, вдруг оказались в ловушке. Премьер-министр марионеточного правительства Лаваль лицемерно объяснил, что для того, чтобы спасти 12 тысяч французских евреев, он должен пожертвовать 12 тысячами иностранных евреев, депортировав их по приказу немцев «на восточные территории» – то есть в лагеря уничтожения. Это была ничем не прикрытая ложь, т.к. «окончательное решение» еврейского вопроса уже заняло свое главное место в планах нацистов, и ни один еврей – свой или чужой не имел шансов на спасение.

Начались депортации. Евреев арестовывали и собирали в лагерь для отправки на восток. Сотрудники ХИАСа правдами и неправдами (какие тут неправды?) находили возможности для спасения немногих счастливых, в основном тех, у кого были выездные визы в США. Для выезда из Франции еврею нужно было иметь выездную французскую визу, испанскую транзитную визу, португальскую транзитную визу, американскую (или другого государства) выездную визу и билет на пароход. Все эти документы выдавались на срок четыре месяца, и если какой-то из документов устаревал, все нужно было начинать сначала. (Те из наших иммигрантов, кто проходил советский ОВИР, помнят знаменитые «характеристи-

ки», которые у нас требовали во время оформления. Так вот, это не было выдумкой советских измывателей. Такие же справки о «приличном поведении» должны были представлять в американское консульство желающие иммигрировать в Америку. А поскольку такая справка требовалась с места жительства, которым у многих была Германия, то среди документов въездного дела иммигранта можно увидеть бумаги, пропечатанные орлом со свастикой. Абсурд?)

В то время помощником Государственного секретаря США был недоброй памяти Брекенридж Лонг, выпустивший в 1941 году секретный меморандум, в котором говорилось:

«Мы можем задержать и практически остановить на неопределенное время поток иммигрантов в Соединенные Штаты. Для этого нашим консулам нужно лишь усложнить дело таким образом, чтобы выдача виз все откладывалась, и откладывалась, и откладывалась...»

Право, эту цитату можно было вывесить над столом начальника Главного ОВИРа Советского Союза. И это было бы даже смешно, если бы этот циркуляр не привел многих людей к газовым камерам Освенцима.

Следуя этим инструкциям, госдепартамент изменил порядок выдачи виз, и люди, которым уже сообщили о положительном решении, получили новое извещение из консульства о том, что им следует повторить весь процесс.

Вот почему многие беженцы въезжали в Португалию с уже просроченными визами или визами, срок которых истекал в ближайшее время. ХИАСу приходилось бороться сразу на нескольких фронтах – срочно добывать билеты на пароход, уходящий в ближайшие дни, что было почти невозможно, бороться с консульством за продление визы, что было еще труднее, и улыбаться салазаровской полиции, которая не хотела иметь в стране людей, неизвестно когда собирающихся ее покинуть. Как ни странно, но почти всегда сотрудникам ХИАСа удавалось что-то сделать, и счастливая семья покидала Европу, устремляясь к безопасным американским берегам. Но в отдельных случаях беженцам с просроченной визой приходилось ждать месяцы, а то и годы.

Диапазон проблем, которые приходилось разрешать сотрудникам ХИАСа, поистине не имел границ. Некоторые были просты – например, кому-то казалось, что его обошли при установлении срока отъезда. Некоторые... да, впрочем, судите сами.

Как, например, реагировать на такую телеграмму:

«В соответствии с полученными инструкциями продажа билетов лицам еврейской национальности запрещена» – это из телеграммы одной из пароходных компаний в Испании. Что делать? И ХИАС придумывает, комбинирует, находит новую пароходную компанию, ведет переговоры, приходит к соглашению. Иммиграция продолжается.

Те читатели, которые смотрели замечательный фильм «Война Вэриана», помнят, как молодой американец Вэриан Фрай, потрясенный тем, что он увидел в гитлеровской Германии, создает Чрезвычайный комитет спасения и вместе с американским консулом в Марселе Хирамом Бингхамом спасает десятки немецких и французских писателей, ученых, художников от нацистов и помогает им перейти через Пиренеи в нейтральную Испанию. Все это правда, все так и было. Но оказаться в Испании было еще не все, это было только начало.

Вот почему, когда на одной из конференций в Институте Давида Ваймана, изучающего американскую политику в свете Холокоста, я спросил у сына Хирама Бингхама, рассказавшего, как его отец помог Марку Шагалу, Лиону Фейхтвангеру и многим другим уйти от фашистских палачей, что было с этими людьми потом, когда они ступили на землю Испании, он не сумел мне ответить.

А ответ очень простой – весь список, составленный Чрезвычайным комитетом спасения, был передан ХИАСу для выполнения иммиграционной работы: визы, гарантии, транспорт. Вот почему вы можете увидеть карточку прибытия Марка и Бэллы Шагалов, Томаса и Генриха Маннов, скульптора Наума Аронсона, сына Альберта Эйнштейна и многих других в архиве ХИАСа – и нигде больше. Среди спасенных ХИАСом в это тяжелое время были не только евреи. Александр Коновалов, бывший министр Временного правительства, члены императорской семьи Габсбургов – все они получили помощь от ХИАСа. Были и те, кто попал в списки, но не приехал, предпочтя борьбу с фашизмом в своей стране. Их имена всем хорошо знакомы. Это – Андре Мальро и Антуан де Сент-Экзюпери.

В 1942 году Александр Керенский написал письмо, адресованное ХИАСу: *«Вы все работали с полной отдачей, не различая религии, расы или политических убеждений, ради спасения сотен и сотен невинных жертв от ярости тоталитарного режима. Благодаря вам, многие лучшие представители русской культуры ока-*

зались под защитой американского флага. Для нас, русских в Америке, было большой радостью приветствовать наших друзей»²³.

Преданность своему делу обходилась дорого. Есть в Париже здание, где когда-то располагался ХИАС. На его стене есть памятная доска с именами сотрудников ХИАСа, погибших от рук нацистов. Остановитесь на минуту. Помяните их святые имена. Они погибли – чтобы мы жили.

В 1945 году, характеризуя работу ХИАСа во время войны, директор Лиссабонского отделения Джеймс Бернштейн сказал: *«Нормальная иммиграционная работа была невозможна. Мы непрерывно должны были импровизировать, искать новые методы и новые пути решения задач, возникавших перед нами, с тем, чтобы отправить в безопасные места как можно больше тех, кто искал нашей помощи. Несмотря на все трудности, мы хорошо поработали и, я надеюсь, что будущий еврейский историк, справедливо оценит то, что сделала наша организация в эти трудные времена...»²⁴*

Пейзаж после битвы

Итак, подведем некоторые итоги. С 1933 года по 1939 Германию и оккупированные страны покинули около 380 тыс. евреев. Однако покинули Европу лишь 190 тыс., а значит, только эта цифра отражает число спасенных. С 1940 по 1945 с помощью ХИАСа Европу (в основном с 1940 по 1941) покинули еще 117 тыс. евреев. Когда утихло эхо последних выстрелов Второй мировой, население Германии, Австрии, Польши, Чехословакии с удивлением и, не побоюсь этого слова, с некоторым разочарованием увидело, что еще не всех евреев убили и что выжившие претендуют на собственность, к которой уже так привыкли их бывшие соседи. И снова погромы прокатились по Восточной Европе. В Германии и Австрии войска союзников не допустили бы расправу, да немцам и австрийцам было не до возвращавшихся евреев. Но и там возникала проблема, что делать с теми, кто чудом выжил в лагерях, кого случайно не уничтожили заматавшие следы гитлеровцы. Так появился новый термин: перемещенное лицо. Человек без паспорта, без подданства, без имущества. И лишь одно принадлежало этим людям

---

²³ *Mark Wischnitzer. P.172.*

²⁴ *HIAS Reports. 1945.*

неотъемлемо – их национальность. (Конечно, перемещенными лицами были не только евреи. Военнопленные, угнанные на работу украинцы, русские, поляки, французы, чехи – Вавилон народов! Но все они были перемещенными временно, до репатриации в свою страну, до воссоединения со своими близкими. И здесь было не все просто, особенно для русских и украинцев. Многие понимали, что у них появился единственный шанс покинуть «пролетарский рай» навсегда. Одни им воспользовались, другие – нет. Но наш рассказ не о них.) Евреям возвращаться было некуда. И, за исключением небольшого количества упрямцев, не желавших ничего слышать об отъезде за океан, большинство вспомнили, что у них есть в Америке родственники или друзья. И понеслись в Америку десятки тысяч – я не оговорился – десятки тысяч запросов на поиск родственников²⁵. Для помощи беженцам на местах ХИАС и Джойнт послали своих представителей во многие лагеря для перемещенных лиц в Германии, Австрии, Италии. Евреев в лагерях в 1946–1947 годах насчитывалось около 250 тысяч. Кроме лагерей, представительства ХИАСа были открыты во Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Берлине, Бремене, Ганновере, Регенсбурге, Баден-Бадене, Вене, Линце и Зальцбурге.

Представительство ХИАСа в Варшаве было открыто в 1945 – в это время польское правительство не мешало своим гражданам еврейской национальности покидать страну. Однако как только коммунисты получили безраздельную власть (в 1949 году), свободная эмиграция закончилась, ХИАС в Варшаве был закрыт. Работали представители ХИАСа в Будапеште, Софии, Афинах. Не все могли иммигрировать в Штаты. Работники ХИАСа помогали тем, кто хотел покинуть берега Европы и иммигрировать в Южную Америку, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию и, конечно, Палестину.

---

²⁵ Надо отметить, что этот поток открылся лишь в начале 1946 года, после того как президент Трумэн подписал указ о перемещенных лицах. До этого момента евреям, желавшим воссоединиться со своими родственниками в Америке, приходилось нелегко. Например, юноше-еврею, освобожденному американцами из Дахау, комендант американской зоны заявил в ответ на просьбу отправить его в Америку, где жили его бабушка и дедушка: «Евреев в Германии нет. Перестань врать и отправляйся к себе в Россию...» И встреча Миши Р. с его американскими родственниками была отложена на ...60 лет.

Там, где было возможно, ХИАС привлекал к работе евреев – будущих иммигрантов. Полезный труд помогал людям войти в круг нормальных забот, переключиться от кошмаров недавно пережитого. Но, разумеется, штатные сотрудники работали с полной отдачей (см. Приложение «Обычный день»).

После войны общественное мнение в Америке повернулось в сторону иммиграции.

Надо отдать должное многим организациям Америки – даже те из них, которые были за жесткую иммиграционную политику, теперь объединились с еврейскими организациями для воздействия на Конгресс и создания благоприятных условий для въезда уцелевших евреев.

С 1946 по 1951 год удалось вывезти еще около 167 тысяч человек. Наконец, с 1952 по 1954 год из стран Европы выехало 12 тысяч евреев. Итого спасенных от смерти за время Холокоста евреев мы насчитали около полумиллиона. Цифра эта весьма приближительная, точную статистику, боюсь, мы не узнаем никогда. Но, по крайней мере, эта цифра дает представление о масштабах спасательной операции, проводившейся ХИАСом в тесном сотрудничестве с Джойнтом.

Пятьсот тысяч по сравнению с шестью миллионами – может показаться немного. Но арифметика здесь неприменима. Пятьсот тысяч жизней – это пятьсот тысяч живых, и этим все сказано.

Последняя страница

В 1954 году последний из перемещенных лиц приехал в Соединенные Штаты, в этом же году навсегда закрылся знаменитый Эллис-Айленд, через который прошли миллионы иммигрантов. Так случилось, что последняя семья, задержавшаяся на этом острове, была еврейской, и, естественно, без ХИАСа здесь не обошлось (см. Приложение «Ангелы в чистилище»).

Количество иммигрантов резко упало, но ненадолго. 1956 год – Венгрия. 1958–1962 – кубинский кризис, Польша, Марокко, Ирак, Египет. Затем, с середины 60-х, постепенно набирая силу, пошел поток советских евреев. И снова ХИАС оказался в центре событий. Но эпопея еврейской иммиграции из Советского Союза, а потом из бывшего Советского Союза требует отдельного исследования. Здесь достаточно сказать, что за сорок лет с помощью ХИАСа только в Америку иммигрировали около 600 тысяч советских евреев.

Среди этих сотен тысяч оказалось несколько десятков... американских граждан. Это были родившиеся в Америке (и по закону – граждане США) дети тех безумных идеалистов, которые, убежав от погромов и преследований царской России, решили, что после семнадцатого года их место там, на строительстве нового общества. Были среди этих возвращенцев и прагматики, поехавшие строить советскую промышленность в тридцатые годы, когда в Америке разразился кризис. Сталин уравнивал и прагматиков, и идеалистов. Их судьба должна стать предметом особого исследования.

В начале девяностых годов прошедшего века было спасено около семи тысяч евреев из Сирии.

Все эти годы не прекращается эмиграция иранских евреев.

ХИАС продолжает активно действовать в изменившихся после событий 11 сентября 2001 г. условиях. Совсем недавно, рискуя жизнью, Рэйчел Зилон, вице-президент ХИАСа, отправилась в Ирак, разыскала и помогла эвакуировать в Израиль последних евреев из Багдада и Басры. Старая одинокая женщина, которую из жалости подкармливали несколько христиан, сами живущие в постоянном страхе, встретила Рэйчел со слезами: «Я думала, что обо мне все давно забыли...». Весь полет до Израиля она не выпускала руку своей спасительницы, боясь, что та исчезнет, как сон. А в аэропорту ее уже ожидали родственники, которых она не видела 50 лет.

История ХИАСа имеет начало, но не имеет конца. Во всяком случае, пока в какой-нибудь «точке земного шара еврей жаждет освобождения».

Непрерывно находя новые формы работы, ХИАС остается для каждого еврея тем, чем он был с самого начала, – ярким маяком, указывающим путь к спокойной гавани и безопасному берегу.

Приложения

Ангелы в чистилище

Пролог 1. 1905 год

Поздним осенним днем, когда солнце уже почти скрылось за ломаной линией нью-йоркского горизонта, жители нижней части города могли наблюдать необычное шествие. Несколько десятков человек, в которых мы с вами сразу бы признали русских крестьян

– длиннородые мужики в тулупах, женщины, закутанные в платки, – чинно шли за человеком среднего роста, чьи черты лица и одежда безошибочно выдавали еврея. Все тащили торбы и тюки, у многих на руках были дети. Шли они от Баттери-парка, от того места, куда причаливали баржи, доставлявшие с Эллис-Айленда в Нью-Йорк эмигрантов, уже пропешших «чистилище». Еврей, возглавлявший шествие, шел с уверенностью человека, проделывающего этот путь не в первый раз. Не оглядываясь по сторонам, он неторопливо – давая возможность мужикам с багажом и женщинам с детьми поспевать за ним – подошел к четырехэтажному зданию, у подъезда которого висела вывеска: Hebrew Immigrant Aid Society – HIAS.

Обитатели здания высыпали на улицу,

– Господин Гаркави, кого это вы нам привели?

Еврей, которого назвали Гаркави, ответил кратко:

– Эмигрантов из России.

– Но простите, господин Гаркави, они же не...они не... евреи.

– Ну? По-вашему, я должен был допустить, чтобы их отправили назад в Россию, к этим антисемитам?

А случилось вот что.

Александр Гаркави, представитель ХИАСа на Эллис-Айленде, уже заканчивал свой рабочий день и торопился к отходу парома с острова; он надеялся еще успеть в библиотеку – работа над большим англо-идишским словарем продвигалась медленно. Он уже надел длинное черное пальто и шляпу, когда его внимание привлекли громкие голоса, доносившиеся из зала досмотра иммигрантов. Выйдя из своей каморки, которую он занимал на втором этаже, Гаркави посмотрел через перила галереи вниз.

Человек пятьдесят русских мужиков столпились вокруг инспектора, который пытался им что-то втолковать. Поскольку обе стороны не понимали друг друга, напряжение возрастало.

Гаркави сошел вниз.

Пятьдесят пять русских мужиков-молокан (секта православных христиан, не пользовавшаяся одобрением официальной церкви) эмигрировали в Америку, но у них не было двадцати пяти долларов, необходимых каждому желающему ступить на Землю обетованную, и иммиграционный инспектор старался объяснить мужикам, что им придется вернуться в Россию.

Гаркави, для которого русский язык был родным, вмешался в спор.

– Посмотрите на их руки. Это же крестьяне, прирожденные фермеры. Дайте им лопаты, и они не только себя – они еще сотни людей вокруг обеспечат работой.

– Но у них нет двадцати пяти долларов на каждого...

– Их руки и привычка к земле – гарантия, что они сами о себе позаботятся. Они не станут обузой.

– Но двадцать пять долларов...

Хотя Гаркави говорил с инспектором по-английски, но общего языка они не находили. Наконец, инспектор пустил в ход последний козырь, чтобы отвязаться от настырного еврея. С ехидцей в голосе он сказал:

– Господин Гаркави, если вы так защищаете этих русских мужиков, пусть ХИАС за них заплатит.

Ответ последовал мгновенно:

– Хорошо!

И ХИАС заплатил.

Пролог 2. 2000 год

Детективная история, которую попросила меня распутать одна из моих клиенток, произошла с ее прадедом, Лейзером Орчо, в 1911 году. Прибыл он в Америку и, согласно семейным документам и надгробной плите на одном из кладбищ в Филадельфии, всю жизнь прожил со своей семьей, женой, детьми, а потом и внуками. И его биография не вызывала никаких сомнений, пока правнучке Лейзера не пришлось в голову заняться семейной историей всерьез.

Просидев в архиве немалое количество часов, до головной боли вглядываясь в бисерный и не всегда читаемый почерк корабельных клерков, она обнаружила нужный пассажирский список и в нем имя своего прадеда – Лейзера Орчо. Да вот беда, рядом с его именем стояла печать с грозной резолюцией – «Де-пор-ти-ро-ван». Уже как свершившийся факт – депортирован! В конце списка она нашла некоторые подробности. Прибыл на Эллис-Айленд 10 февраля, на берег допущен не был, предстал перед Особой Комиссией по проверке иммигрантов 12 февраля, а 15-го был отправлен обратно в Россию на том же корабле, на котором приехал. Даже время депортации было указано – 3.30 дня. В качестве причины стояли какие-то цифры, очевидно код, никому теперь непонятный.

Чему же верить? Семейным преданиям или официальному документу? И опять же, кому камешки на могилу приносили? Вон их

сколько набралось за многие десятилетия. Кто же лежит под могильным камнем в Филадельфии?

Вот с этим вопросом она и обратилась в ХИАС.

Я нашел запись о приезде Лейзера Орчо в архиве. И тайна перестала быть тайной. При медицинском осмотре на Эллис-Айленде у Лейзера обнаружили правостороннюю грыжу. Вот как серьезно – грыжа! Не дай Б-г, сядет на шею налогоплательщику. А раз такая угроза есть, пусть убирается туда, откуда приехал. И несчастного Лейзера отправляют пред грозные очи Особой Комиссии, которая быстренько постановила – депортировать!

Видимо, так уж созданы особые да чрезвычайные комиссии – выносить решения, не слишком утруждая себя размышлениями. Но комиссии могут быть похожи, да только условия разные. И там, где должно было стоять «Приговор приведен в исполнение», на карточке ХИАСа стояло: «Решение комиссии обжаловано». И дата – 15 февраля. Апелляцию Лейзер подал с помощью сотрудников ХИАСа.

И – выиграл!

И был отпущен к семье в Филадельфию.

А клерки, передав решение Комиссии о депортации на судно, не удосужились проверить дальнейший ход дела. Так и появилась против имени Лейзера Орчо печать о депортации, которой не было. Что ж, «слухи о моей смерти были несколько преувеличены», как писал Марк Твен.

Казалось бы, конец делу. Но мне не давало покоя то обстоятельство, что теория о помощи ХИАСа «отказнику» была лишь моей догадкой. Уверен, правильной, но – догадкой...

Я уже писал и говорил, что в самом ХИАСе хранятся лишь записи о приезде иммигрантов и беженцев, а основная масса документов находится в YIVO – Институте еврейских исследований. Это сотни тысяч, если не миллионы страниц на микропленках, и разобраться в них было бы просто невозможно, если бы не существовало каталога-путеводителя по этому лабиринту. Путеводитель составили, потратив на это многие годы, сотрудники YIVO.

Так вот, увесистые тетради этого каталога-путеводителя я часто беру домой и читаю перед тем как заснуть. Иногда, правда, результат получается прямо противоположный, так как чтение таких названий, как «Работа ХИАСа в Лиссабоне 1941–1947» или в Марселе в 1941, или в Вильно и Ковно в 1939, столько адреналина впрыскивает в кровь, что уснуть потом долго не удастся. Так было и на этот раз, когда в очередной части каталога я прочитал:

«Представительство ХИАСа на Эллис-Айленде. Апелляции по решениям Особой Комиссии по проверке иммигрантов 1905–1923 годы».

Я с трудом дождался утра и с открытием YIVO был уже в читальном зале.

Это было оно. То самое. Документам, которые медленно проплывали по экрану перед моими глазами, не было цены. И хотя истории Лейзера Орчо я не нашел, моя догадка о том, как помогали представители ХИАСа иммигрантам, не только полностью подтвердилась, но и наполнилась новым содержанием.

Становилось ясно, что половина пути в Америку приходилась не на середину Атлантического океана, а была придвинута почти к самому берегу, но чтобы до него добраться, не всегда хватало сил у новых иммигрантов – им нужна была помощь.

Наш рассказ о том, откуда они ее получали.

Шолом по Алейхему

Давайте перенесемся с вами в 1892 год, когда, начиная с первого января, иммигранты стали прибывать на небольшой остров в устье Гудзона. Имя острову было – Эллис-Айленд. Случайно или нет, но находился он чуть ли не у самых ног Статуи Свободы.

Необходимость в новом приемном пункте для иммигрантов назрела давно, причин было много, и главная – прибывающих иммигрантов было больше, чем мог пропустить через себя старый центр в Кастл-Гардене.

И вот двери нового центра открыты. Слухи об «острове слез» уже перелетели через океан, и толпы входящих в ворота переселенцев были охвачены страхом неизвестности. Что их ожидает там, на самом-самом пороге новой жизни? И перейдут ли они его?

Послушаем Мотеле, сына кантора, героя последней книги Шолом-Алейхема, которую он писал уже в Нью-Йорке. Сколько героев его предыдущих книг торопились передать ему свои впечатления от прибытия в Америку? Писателю оставалось только слушать и записывать...

«– Что они с нами будут делать? Замаринуют?»

– Нет, мариновать они нас не будут, – говорит портной из Гайсина, – но они привезут нас в такое место, которое называется остров Эли. Там они запрут нас в загоны для скота и будут

держат, пока наши друзья или родственники не вспомнят о нас и не заберут нас.

...Похоже, что портной из Гайсина таки был прав. Он сказал все как будет. Ну, может, он немного преувеличил. Он сказал, что нас запрут в загоны, как скотину. На самом деле нас привели в большой светлый зал и дали пить и кушать, и не спросили ни копейки – все бесплатно. Какие хорошие люди! Только что? Пока мы дошли до этого зала, ой, через что мы прошли... Мы шли через длинный мост с маленькими дверями по обе стороны. Мы шли гуськом, один за одним, и на каждом шагу нас останавливали надоеды с блестящими пуговицами и осматривали нас, тыкали в нас пальцами, толкали.

Первое, что они сделали, это осмотрели глаза, вывернув нам веки наизнанку. Затем они осмотрели руки и ноги. И каждый рисовал мелом что-то на наших спинах, а потом показывал, куда идти, направо или налево. И только потом нам разрешили пойти в большой зал и разыскать друг друга. Пока мы дошли туда, мы были сбиты с толку и ужасно напуганы...»

Конечно, невозможно описать процедуру лучше, но давайте переведем впечатления еврейского мальчика на нейтральный язык действительности. Вот что происходило на самом деле.

Оставив тяжелые вещи на первом этаже, иммигранты поднимались с ручным багажом по длинной крутой лестнице наверх. Это было первым этапом медицинского осмотра – на верхней площадке стояли «эскулапы», внимательно следя, как люди справляются с подъемом. Затем их пропускали по сети проходов, выложенных в Большом зале таким образом, чтобы врачи всевозможных специальностей могли определить, не принадлежит ли иммигрант к одной из нежелательных категорий – идиотов, слабоумных, эпилептиков, психопатов, – список был очень большим. Некоторые категории были видны сразу, другие требовали более тщательного осмотра. Особое внимание уделяли глазам. Трахома – тяжелое и чрезвычайно заразное заболевание, которое грозило заболевшему слепотой, было распространено среди иммигрантов из Восточной Европы. Хотя болезнь была излечима, иммиграционные власти считали трахому основанием для немедленной депортации. Поэтому и выворачивали веки у каждого приезжего, и, когда врач особенно долго вглядывался в чей-нибудь глаз, вся семья замирала в ужасе – угроза высылки была более чем реальной.

Но врачебный осмотр был только частью процедуры въезда в Америку. Пройдя первую полосу препятствий, иммигрант, вернее,

кандидат в иммигранты, попадал к столу, где ему предлагали ответить на двадцать девять вопросов анкеты. Конечно, ответить на вопрос «Не являетесь ли вы сторонником многоженства?» или «Анархист ли вы?» было просто, но дальше возникали затруднения. Например, положительный ответ на вопрос 21, была ли обещана работа в Америке, устно или письменно, вел прямо к депортации, ибо закон запрещал приезд «по контракту». С другой стороны, ответить «нет» тоже грозило депортацией, так как вызывало подозрение, что безработный иммигрант сядет на шею обществу.

Как пройти благополучно между этими сциллами и харибдами? Всем прибывшим нужна была помощь, слово участия, грамотный совет и крепкая защита.

Дайте мне ваших обездоленных

С давних пор, будь то в Кастл-Гардене или на Эллис-Айленде, кроме чиновников, таможенников, врачей, иммигрантов встречали представители благотворительных обществ. Многие годы евреев встречал Абрам Уайт. Пока первая волна иммигрантов приносила сплошь немецкоговорящих евреев, единственный иностранный язык Уайта всех устраивал, но затем стало прибывать все больше евреев, чей родной язык был идиш и русский. И здесь начались проблемы. Трудно было Уайту понять, что родственники ждут приехавшего не в Хьюстоне, Техас, а на улице Хаустон в Нью-Йорке, и очень просто мог какой-нибудь бедолага, поблагодарив доброго Уайта, отправиться в Кливленд, штат Юта, вместо Кливленда, Огайо. Кроме того, говорили, что за все время работы Уайта он возражал против депортации всего два раза. Назревал кризис.

Все изменилось, когда в 1904 году представителем ХИАСа на Эллис-Айленде стал Александр Гаркави. Человек энциклопедических знаний, принадлежащий к известной семье лингвистов и раввинов, Гаркави много путешествовал, учился сам и учил других. С его приходом на Эллис-Айленд кривая выигранных апелляций ракетой взмыла вверх. Это о нем говорит Шолом-Алейхем устами мальчика Мотеле: «К счастью, есть группа людей, которая называется Hebrew Immigrant Aid Society – ХИАС. У них есть специальный человек на Эллис-Айленде. Добрый, хороший человек...» Это ли не глас народа?

Гаркави был необычайно отзывчив на людское горе. Не абстрактно болел за человечество, а откликнулся на все, что видел и слышал. Вот история его женитьбы.

Шел он по Бруклинскому мосту. Видит, впереди стоит девушка в белом платье, оперлась на перила, в лице ни кровинки, только слезы на щеке блестят. Гаркави уже направился к ней, но она взглянула на него дико, перевесилась через перила и – вниз. Гаркави окаменел. А девушке повезло. В мини-юбке убились бы наверняка, а длинное платье, как парашют, замедлило падение. И видел Гаркави сверху, как матросы с проходившей баржи подняли ее на борт. Гаркави поехал за ней в госпиталь. Когда она пришла в себя и успокоилась, спросил, почему решила руки на себя наложить. «Обычная история, жених написал из России, что женится на другой...» Гаркави не замедлил с ответом: «Ну, вус из, мейне кинд, ихл мит хасене хобн» – «Что за беда, дитя мое, я женюсь на тебе».

И женился. И они жили долго и счастливо. Вот только умерли не в один день. Но это уже совсем другая история.

Теперь вы понимаете, кто был человек, приведший под стены ХИАСа пятьдесят пять русских мужиков? Конечно – Гаркави.

И ХИАС заплатил за них.

Но история на этом не закончилась

Через два года, в 1907 году, Гаркави получает письмо из российского посольства с просьбой зайти. Ну что ж, почему бы американскому гражданину Александру Гаркави не откликнуться на вежливое приглашение иностранного посольства? И все-таки под ложечкой чуть-чуть похолодело. А у вас нет?

Все оказалось просто. Те самые мужики, даром что неотесанные, а жалобу написали – в Думу, почему это евреев встречают в Америке, а русского иммигранта никто, и если бы не эти самые евреи, пришлось бы им, гордым русским крестьянам, возвратиться под высокую руку государя-императора, чего им, по правде, совсем не хотелось.

И собралась Дума обсуждать этот вопрос. И постановила Дума, русский парламент, выделить шесть тысяч американских долларов ежегодно на встречу русских иммигрантов на Эллис-Айленде и доверить эту встречу не кому-нибудь, а ХИАСу, еврейской организации! Такая честь...

Гаркави передал предложение Совету директоров ХИАСа, и теперь уже евреи собрались обсуждать предложение Думы, надо сказать, довольно-таки соблазнительное. Бюджет ХИАСа был очень напряжен – расходы большие, а доходы... Те десятки тысяч

евреев, которые потом составили цвет и гордость американского еврейства и финансовую основу ХИАСа, еще только старались выбраться из трущоб Ист-Сайда и дать своим детям образование, тут не до жертвований. Поэтому предложение Думы было очень кстати: шесть тысяч ежегодно – огромная сумма. Но... брать деньги от русского правительства? Еще не затвердела земля на могилах жертв кишиневского погрома. А Одесса? Киев? Белосток? И еще знали евреи ХИАСа простую истину: кто платит, тот и музыку заказывает. И будет русское правительство знать, кто приезжает, а уж это ему, правительству, знать не полагалось. И, как ни нужны были деньги, отказался ХИАС от выгодного предложения. Неправ был римский император Веспасиан – деньги пахнут!

В 1909 году Александр Гаркави ушел из ХИАСа. Все свое время он отдал завершению работы над словарем идиш, другим литературным занятиям. Умер он в 1939 году.

А на смену ему ХИАС прислал Ирвинга Липсича.

Именно ему обязан Лейзер Орчо тем, что его жизнь продолжилась с семьей в Филадельфии, а не в России.

Помимо отказов на въезд по состоянию здоровья, существовало немало других крючков и ловушек, куда старались завлечь нашего брата инспекторы службы иммиграции. Популярен был, например, вот такой трюк.

Известно, что многие евреи бежали в Америку, чтобы спастись от военной службы в России. То, что они были гражданами второго сорта, не спасало их от призыва. Наоборот, служба в русской армии представляла собой узаконенный погром, растянувшийся на годы. Известны имена отдельных героев, которые, несмотря на издевательства и насмешки, имели всю грудь в орденах. Одного такого посадили в тюрьму, когда он, напомнив о своих подвигах, заикнулся о праве на жительство вне черты оседлости. Но не о героях речь. Большинство молодых евреев справедливо полагали, что русский мундир им не к лицу, и предпочитали армии Америку. Но, понятно, что дезертиров и уклонистов полиция за границу не выпускала, и приходилось покупать чужие паспорта. Благополучно миновав русскую пограничную стражу, такой иммигрант садился на пароход и прибывал на Эллис-Айленд. Казалось бы, все в порядке. Но тут за дело бралась американская иммиграционная служба.

1913 год. Лейб Зимовол, еврей из Одессы, вздохнул с облегчением. Кажется, пронесло. Как врачи ни присматривались, придраться было не к чему – здоров! К жизни в Америке годен! Слово

«годен» здесь звучало гораздо приятней, чем на призывном пункте там, в России. Что он, идиот, идти им служить? Вон, Шмуль, сын соседа, вернулся без зубов и в глазах как будто навсегда застыл испуг. По ночам кричит...

– Эй, подойди к столу.

Лейб вздрогнул и подошел к позвавшему его инспектору. Инспектор ободряюще улыбнулся.

– Ну, еще немного терпения – и ты в Америке.

Продолжая улыбаться, инспектор наклонился над лежавшими перед ним бумагами.

Посыпались вопросы.

– Ты из Одессы?

– Тебе 20 лет?

– У тебя есть 25 долларов? На все это было приятно отвечать – да, да, да...

– Скажи, пожалуйста, сколько раз ты сидел в тюрьме, два или три? Лейб от неожиданности втянул в себя воздух и закашлялся

– Ка-кк-кая тюрьма? Я ник-кк-оггда не сидел...

– Ну, зачем же так? – инспектор укоризненно покачал головой. – Не бойся, назад не поедешь, мы не выдаем России арестантов. Но тут ясно сказано, – инспектор потыкал указательным пальцем в документ, – Зимовол, сидел. Не могу только разобрать, два раза или три. А у нас нужна точность, так что говори скорей и отправляйся к родственникам – они тебя заждались.

Лейб судорожно соображал. Вот подлец Янкель, продал арестантский паспорт. А может, и сам не знал. Это у них тут, в Америке, все знают... Эх, была не была...

– Два раза, господин инспектор, два раза в тюрьме побывал. Можно теперь идти?

Увы, наивный иммигрант сам вошел в ловушку и захлопнул дверцу. Его заперли, и через несколько дней он предстал перед Особой Комиссией. Здесь он, поняв, в какой переплет попал, попробовал все отрицать, но было уже поздно. Приговор гласил – депортировать.

Но тут вмешался Ирвинг Липсич, представитель ХИАСа на Эллис-Айленде.

После первого же разговора с бедолагой он выяснил, что Зяма Котин, кроме нежелания служить русскому царю, никаких недоразумений с законом не имел, что он назвался Лейбом Зимоволом, поскольку купил паспорт на это имя, и что инспектор иммиграционной службы спровоцировал его на самооговор. После этого

последовала апелляция, и Особая Комиссия в том же составе единогласно решила, что Зимовол–Котин может сойти на американский берег.

Но это была рутина.

Никогда не забудет Сэмюэль Литман, который сменил Липсича на Эллис-Айленде, 28 ноября 1915 года, когда по трапу на берег сошла семья из семи человек – Анна Зюссер с шестью детьми, двое из которых были... черными! Две девочки, девяти и пяти лет, были явно африканского происхождения.

Кто они? Какие причуды судьбы бросили двух негритят в лоно еврейской семьи из Южной Африки? Что скажет муж Анны Зюссер, приехавший на два года раньше и ожидавший свою семью в толпе встречающих?

Мендель Зюссер был в курсе. Мать Ани и Вильгельмины, так звали черных девочек, работала в их доме в Кейптауне. Кто был отец ее детей, не знал никто. Пока мать работала, старшая играла с детьми хозяйки. В условиях Южной Африки это было неслыханно. Анна Зюссер часто задумывалась о судьбе темнокожих детей, глядя, как ее девочки беззаботно бегают с Вильгельминой и опекают малютку Ани. Их мать теперь частенько оставляла их, пока ходила в другие дома убирать. Иногда она возвращалась поздно, и сестры укладывались с детьми Анны. Однажды их мать пришла домой под хмельком. Дети уже спали, и Анна не хотела поднимать скандал. Приходы в нетрезвом виде стали повторяться. Разговоры кончались слезами и обещаниями, но потом все начиналось сначала. А однажды она не пришла совсем. Анна в розыск не подавала – боялась, что найдут. Девочек она уже давно не выделяла среди своих детей – они стали членами семьи.

Мендель Зюссер полностью поддержал жену.

– Удочерим девчонок, – только и сказал он.

Но удочерить девочек не удалось. По законам Южной Африки (тогда колонии Великобритании) стать приемными могли дети лишь одной расы с родителями. Но как-то нужно было узаконить их положение. Знакомый адвокат посоветовал – оформите их ученицами. Так и сделали. Теперь Ани и Вильгельмина могли жить в доме Зюссеров до своего совершеннолетия, а потом поступать на службу гувернантками. Увы. Этот, казавшийся спасительным путь чуть не оказался гибельным в Америке.

Устроившись в Нью-Йорке, Мендель вызвал жену. Путешествие было тяжелым – бушевала война. Но все обошлось – вот она,

Америка! И вдруг, как обухом по голове – девочки, Вильгельмина и Ани, должны отправиться на родину – в Африку...

Почему? А потому, что Зюссеры им никто. Подумаешь, ученицы. Сегодня ученицы, а завтра их выгонят, и тогда сядут две крошки на шею американскому налогоплательщику. Что тогда? Нет, пусть отправляются к себе на родину. Одни? Ведь пропадут...

Но что могли сделать Анна и Мендель Зюссеры против иммиграционных чиновников? Слава Б-гу, они были не одни. Два месяца продолжалась борьба Сэма Литмана с Дядей Сэмом. Наконец, здравый смысл победил. Сэм Литман получает телеграмму из Вашингтона о том, что Анне Зюссер с детьми (со всеми) разрешен въезд в Америку при условии, что будет внесена сумма, достаточная для обучения двух черных девочек в течение двух лет.

Деньги, разумеется, внесли, девочки остались в семье Зюссер.

В 1920 году представителем ХИАСа на Эллис-Айленде стал Вильям Нибау. Через 35 лет, в конце 1954 года, он закроет последнее дело еврейской семьи, прошедшей Эллис-Айленд.

Но тогда, в двадцатом, до этого было еще далеко. «Великая война» – так называли Первую мировую, не подозревая, что за ней последует еще более «великая», грозила не только солдатам на фронте. Она разрушила основы жизни миллионов евреев, населявших приграничные районы воевавших между собой России и Германии. Люди бросали все и бежали. Если могли – в Америку. Волна за волной накатывалось иммигрантское море на ее берега. Только в 1920 году через Эллис-Айленд прошло сто тысяч евреев. Работы у молодого (ему не было и тридцати) Вильяма хватало. Он родился в семье религиозных евреев в Галиции в 1892 году, приехал с родителями в Америку в 1902 году, получил высшее образование в Нью-Йорке и нашел себя там, где был нужнее всего – на Эллис-Айленде.

Через 35 лет он напишет:

«...Я был неотъемлемой частью истории этого времени – с октября 1920 до закрытия Острова. В эти памятные годы мне выпала честь оказывать социальную, культурную и юридическую помощь десяткам тысяч несчастных душ, запертых на Эллис-Айленде. Если мне удалось спасти их от отчаяния и помочь им соединиться с их близкими, свою миссию я выполнил полностью».

Кто может усомниться в этом, читая апелляции, которые он писал иммиграционным властям?

1922 год. На Эллис-Айленде оказывается тринадцатилетняя девочка из Польши – Ханна Гринфельд. Сирота. Ее мама и папа умерли год назад, оставив четырех детей, из которых Ханна была младшей. Но и остальные были не больно уж зрелыми – самой старшей было двадцать, брату – шестнадцать и еще одной сестре – четырнадцать. Дяди и тети Ханны жили в Америке. Узнав о несчастье в семье, они посылали сиротам деньги и посылки, благо были не бедные. И вот одна из тетюшек решила Ханну удочерить. Но, когда Ханна приехала в Америку, ее не пустили. Оказывается, на ней закончилась квота для Польши. Квота была три процента от иммигрантов из этой страны, уже живших в Америке во время последней переписи. Понятно, что желающих было намного больше. Вильям Нибау пытался вмешаться. В письме, которое он направил главе иммиграционного ведомства, он просил сделать исключение для Ханны, пережившей потерю родителей, дать ей возможность соединиться со своими родственниками, учиться, стать достойной гражданкой Америки. Увы – все просьбы наталкивались на каменную стену – не положено!

Тогда в ход пошла тяжелая артиллерия – сенаторы, конгрессмены, общественные организации. Результат был тот же – «отправить обратно под опеку старшего брата и сестер». Старших! Сестрам – одной четырнадцать, другой – двадцать, а брату шестнадцать. А если старшая выйдет замуж и муж не захочет лишних ртов в доме? Что тогда? Но кого волновала судьба девочки...

Волновала. Я читал переписку между всеми участниками этого громкого дела, затаив дыхание. Просьбы войти в положение, ссылки на благородство, призывы к милосердию. Ничто не могло смягчить иммиграционные власти. Они решили дать урок надоедливому ХИАСу, беспрестанно оспарившему ИХ решения. Уже назначена дата депортации... Неужели нет надежды?..

В самый последний момент представители ХИАСа и Джойнта обратились в Еврейскую благотворительную организацию Канады. Там согласились принять девочку. Депортацию в Польшу заменили высылкой в Канаду. Прошло четыре месяца, и Ханна вернулась в США через канадскую границу. На этот раз все обошлось.

В таких бурях прошло тридцать пять лет... В ноябре 1954 года Эллис-Айленд, «остров слез», закрылся навсегда. И последнее слово осталось за Вильямом Нибау.

Еврейская семья, муж, жена и двое детей, пятилетний Моше и девятилетняя Сарра приехали из Европы. Что они пережили за долгие годы скитаний, известно одному Б-гу, но догадаться нетрудно.

Особенно тяжело пришлось детям. Сказывались частые переезды, отсутствие нормального режима. Короче, маленького Моше признали умственно отсталым и запретили ему въезд в Америку. Но не таков был Вильям Нибау, чтобы сдаться без борьбы. Он организует новую медицинскую комиссию. Ее состав должен был удовлетворить чиновников на Эллис-Айленде, и Нибау отправляется на поклон к светилам медицины в госпиталь Маунт Сайнай. Два месяца шли переговоры. Уже закрылся для эмигрантов Эллис-Айленд, а его последние узники еще ожидали решения своей судьбы. Наконец медики сочли Моше здоровым. Особая Комиссия признала свое первое решение неправильным.

Нибау выиграл дело – последнее на Эллис-Айленде.

Обычный день

Накануне отплытия «Марин Флешер» (в этот период для перевозки беженцев использовались переоборудованные военные транспорты, одним из них был «Марин Флешер») Илья Дижур, директор ХИАСа в Германии, позвонил Менахему Крейцеру, работавшему в британской зоне оккупации. Телефон в Ганновере, где располагалось представительство ХИАСа, не отвечал. Дижур набрал еще несколько номеров, где мог быть Крейцер, – с тем же результатом. Наконец, ему повезло, оказывается, Крейцер работал в Берген-Бельзене, бывшем лагере уничтожения, где теперь располагались перемещенные лица. Он регистрировал желающих иммигрировать в Канаду.

– Выезжай немедленно в Бременхевен (морской порт, из которого уходили корабли с беженцами), – сказал Дижур, – и захвати бумаги 29 беженцев, иммигрирующих в Штаты. Тебе нужно быть в порту до десяти утра, иначе их не пустят на пароход.

– Невозможно, – еле слышно донесся голос из Берген-Бельзена, – уже поздно, дождь льет как из ведра. Триста миль в такую погоду, ночью – нет, нет, и не думай, я не поеду.

Голос из Франкфурта звучал не менее устало.

– Как хочешь, но помни: ты не приедешь, 29 иммигрантов останутся, может быть на много месяцев... – Дижур положил трубку на рычаг. Он не волновался. Он знал, что сейчас делает Крейцер.

А Крейцер... заснул с телефонной трубкой в руке. Он настолько вымотался за день, который начался с 6 утра, что, поговорив с Дижуром, решил несколько минут передохнуть – и заснул, уронив

голову на стол. Гудки неразъединенного аппарата не разбудили его, но через 15 минут он проснулся сам и некоторое время сидел, непонимающим взглядом уставясь на телефонную трубку в руке. Затем, тихо выругавшись, положил в портфель нужные бумаги и выскочил во двор. Пока добежал до джипа, он уже промок насквозь – дождь хлестал немилосердно. Несмотря на неистово работающие дворники, видимость была почти нулевая, и, пока Крейцер не вышел на автобан, он вел машину осторожно, но, оказавшись на шоссе, придавил акселератор до отказа. Внезапно сначала смутно из-за дождя, потом отчетливо сзади замелькали огни, послышалась сирена.

«Черт, полиция! Только этого не хватало». Крейцер остановил машину и вышел из кабины, вытаскивая документы.

Полицейский в американской военной форме взял документы и начал что-то говорить о превышении скорости, затем замолчал.

– Где вы работаете?

– В ХИАСе. И у меня очень срочное дело. Если я не успею, 29 человек не смогут уехать в Штаты. А ведь это люди, пострадавшие от Гитлера...

– О'кей, садись в машину и следуй за мной, – сказал офицер, возвращая документы Менахему, – не отставай.

Сев в свою машину, полицейский включил сирену и помчался вперед. К девяти они были в порту. Крейцер успел вовремя.

Прощаясь, Менахем пожал руку офицеру: «Ну, спасибо, выручил!»

– Э-э, пустяки... Ведь ХИАС привез в Америку из России моего дедушку.

От автора. Приношу искреннюю благодарность Дану Харуву за ценные добавления и уточнения.

Тайна доллара, или как евреи спасли Америку

Юрий Борин (Балтимор, США)

Трудно сказать, что случилось бы с Америкой, если бы не Хаим Саломон. Конечно, он был не единственным спонсором, жертвовавшим деньги на американскую революцию, и все же...

Недавно я услышал поразительный рассказ об этом человеке и о том следе, который он оставил в истории Соединенных Штатов Америки. Краткий рассказ вызвал во мне горячее желание найти живые подробности, провести журналистский поиск. Я копался в энциклопедиях, исторических хрониках и прочих книгах. К сожалению, далеко не везде упоминается это имя, однако в ряде книг, хотя и довольно скупо, но всё же говорится о Саломоне. Вот, что я узнал.

Хаим Саломон родился в 1740 году, в той части Польши, которая затем отошла к России. В 32 года Хаим эмигрировал из родной страны, это было вскоре после первого её раздела.

Несчастливая Польша! Её делили все кому не лень. Ведь эта страна находится в самом центре Европы, так сказать, на большой дороге, на которой, как известно, властвуют бандиты... Куда эмигрировал Саломон? Конечно же, в Америку, прибежище тог-дашних (да и нынешних) евреев, которым не давали *свободно* жить на земле, где они родились. Он прибыл в столицу мира, славный город Нью-Йорк (впрочем, столицей мира он стал гораздо позднее, а в 1772 году Нью-Йорк был порядочным захолустьем). Вскоре Хаим женился на девушке по имени Рахиль, дочери богатого еврея Мозеса Франкса.

Все было бы в порядке, но в то время будущие Соединенные Штаты оставались британскими колониями, а многочисленные эмигранты, приехавшие сюда в поисках счастья, не желали зависеть от британской короны. Искатели счастья жаждали свободы и независимости, потому что без свободы не может быть настоящего счастья. Великобритания же решительно подавляла развитие колониального производства и торговли. Ей, как и всякой колониальной стране, надо было сохранить свои подчиненные территории в качестве источника дешевого сырья и рынка сбыта собственных промышленных товаров.

Торговля колоний с метрополией жестко регламентировалась так называемыми навигационными актами. Их главная задача была защитить британскую коммерцию от конкуренции. Основными конкурентами Англии были Франция и Голландия. (Кстати, и сам

Памятник деятелям американской революции в Чикаго. В центре – Джордж Вашингтон, справа – Роберт Моррис, слева – Хаим Саломон

город Нью-Йорк первое время назывался Новым Амстердамом). Голландские купцы в те времена были «мировыми извозчиками», однако у англичан имелись свои виды на «извоз» и торговлю вообще. Англия всегда считала себя владычицей морей и не могла терпеть, чтобы кто-то мешал ей торговать со всем миром.

Законы Британской империи запрещали колониям производить сталь, железо, шерстяные изделия и прочие товары и торговать этими товарами, то есть не давали им возможности делать свой бизнес, иметь свой рынок. Но и это еще не всё. Англичане задавили колонии, в том числе Америку, непосильными налогами и сборами. Это, конечно, не нравилось колонистам, которые хотели развивать свое собственное производство. К тому же они, являясь британскими подданными, не имели своих депутатов в британском парламенте. В то время у американских

колонистов был в ходу такой лозунг: «Никакого налогообложения без представительства».

Словом, быстро развивающаяся Америка стремилась всеми силами освободиться от тяжелой британской экономической зависимости и обрести политическую независимость. Подъем освободительного движения привел к созданию массовых патриотических организаций, наибольшую известность среди которых снискали «Сыны свободы». Это была тайная организация американских патриотов, возникшая в 1765 году, в период борьбы против Акта о гербовом сборе (так назывался закон о налогообложении). «Сыны свободы» сумели даже добиться отставки вновь назначенных сборщиков налогов и аннулирования пресловутого акта. Однако после отмены одного закона был принят другой – Акт о верховенстве (1766 год), который утверждал по сути безграничную власть британской короны над колониями. Это означало усиление уже существовавших экономических и политических притеснений.

Возмущенные американские колонисты объявили бойкот английским товарам. Ярким выражением такого бойкота стало знаменитое «Бостонское чаепитие» 1773 года. Сначала партии чая, прибывшие в Нью-Йорк и Филадельфию, были отправлены обратно в Англию. А потом дошла очередь до Бостона. В бостонском порту группа американских патриотов во главе с Сэмюэлем Адамсом, переодевшись индейцами, прокралась поздним декабрьским вечером на три груженных чаем английских судна и выбросила за борт 342 тюка с этим продуктом стоимостью 18 тысяч фунтов стерлингов (в то время колоссальные деньги).

Британский парламент ответил на это принятием целой серии репрессивных актов.

Но американские борцы за независимость не были сломлены. Они созвали в в 1774 г. в Филадельфии Континентальный конгресс, который фактически осуществлял законодательную и исполнительную власть в колониях, приняли «Декларацию прав и жалоб» и учредили так называемую «Ассоциацию», которая санкционировала прекращение всех и всяких торговых отношений с Англией. Страсти накалялись, и вскоре в городах Лексингтоне и Конкорде пролилась кровь.

Так в 1775 году началась Война за независимость Соединенных Штатов Америки против британского владычества, продолжавшаяся почти восемь лет. По предложению одного из лидеров Континентального конгресса Джона Адамса главнокомандующим

вооруженными силами Конгресса в этой войне был избран Джордж Вашингтон.

В начале войны Хаим Саломон жил в принадлежавшем британцам Нью-Йорке. Хотя он и не участвовал в боях, но был всей душой на стороне борцов за свободу. Хаим не скрывал своих убеждений и спустя четыре года после прибытия в Америку, в 1776 году, угодил в нью-йоркскую тюрьму по обвинению в шпионаже в пользу революционной армии Д.Вашингтона.

Так бы он и сидел в одиночной камере до скончания века, но однажды Хаиму крупно повезло. Тюремное начальство случайно узнало о поразительных лингвистических способностях узника. Оказывается, Хаим свободно владел несколькими европейскими языками. Он знал немецкий, французский, английский, не говоря уже об идиш, польском и русском. И эти знания здорово помогли ему. Саломона передали в распоряжение генерала Хайстера, а тот направил его на работу в комиссариат.

Что делал Саломон в этом комиссариате? Служил переводчиком. Но, кроме такой абсолютно легальной деятельности, Хаим занимался еще и нелегальной. Проще говоря, Саломон злоупотреблял своим служебным положением. Пользуясь известной свободой передвижения, он помог ряду заключенных бежать из тюрьмы. А в 1778 году и сам, подкупив стражу, подался в бега. Хаим направился в Филадельфию, оплот мятежников, оставив в Нью-Йорке любимую жену с грудным ребенком, которых, естественно, не смог взять с собой.

Помимо семьи, Хаим Саломон бросил и всё своё состояние – 5 или 6 тысяч фунтов стерлингов, которые к тому времени сумел накопить. В те времена это было огромное богатство. Но в таких обстоятельствах пришлось поступиться капиталами. Не в деньгах, как говорится, счастье.

Прибыв в Филадельфию, Саломон тут же обратился к Континентальному Конгрессу с просьбой предоставить ему какую-нибудь работу. Одновременно он просил выручить из нью-йоркской тюрьмы своего друга по несчастью Самуила Демезеса, обменяв его на какого-нибудь военнопленного.

Однако Конгрессу было не до прошения Саломона, он никак не прореагировал на него. Беглец из тюрьмы занялся частным бизнесом и очень скоро сделался одним из богатейших людей в Филадельфии.

Он стал довольно влиятельным человеком в финансовых кругах и близким другом Роберта Морриса, который в годы Войны за

независимость был вице-президентом Пенсильванского Комитета безопасности, а позднее – управляющим финансами США. В дневнике Морриса имя Саломона упоминается множество раз. «Этот брокер, – записал Роберт Моррис, – необычайно полезен для общественных интересов...»

Саломон был особо доверенным лицом в американской армии, вел переговоры о кредитах.

А три года спустя в филаделфийских газетах можно было прочитать, что известный финансист Хаим Саломон ведет крупные денежные операции с союзницей американцев Францией и голландским городом Амстердамом. По рекомендации Роберта Морриса Саломона назначили финансовым советником французского консула и казначеем французской армии в Америке. И на этом поприще Хаим достиг немалых успехов.

Вырученные в результате финансовых операций колоссальные деньги Хаим Саломон не складывал в кубышку. Он вообще любил помогать людям. Например, Джеймс Мэдисон, ставший в 1809 году четвертым президентом Соединенных Штатов, был одно время пенсионером Хаима Саломона. «Доброта нашего маленького друга с Фронт-стрит необыкновенна... Он упрямо возражает против возврата ему денег», – писал в одном из писем Мэдисон.

Хаим давал беспроцентные ссуды не только Мэдисону, но и еще двум будущим президентам США – Томасу Джефферсону и Джеймсу Монро. Кроме этого, он экипировал за свой счет несколько воинских подразделений революционной армии Д.Вашингтона.

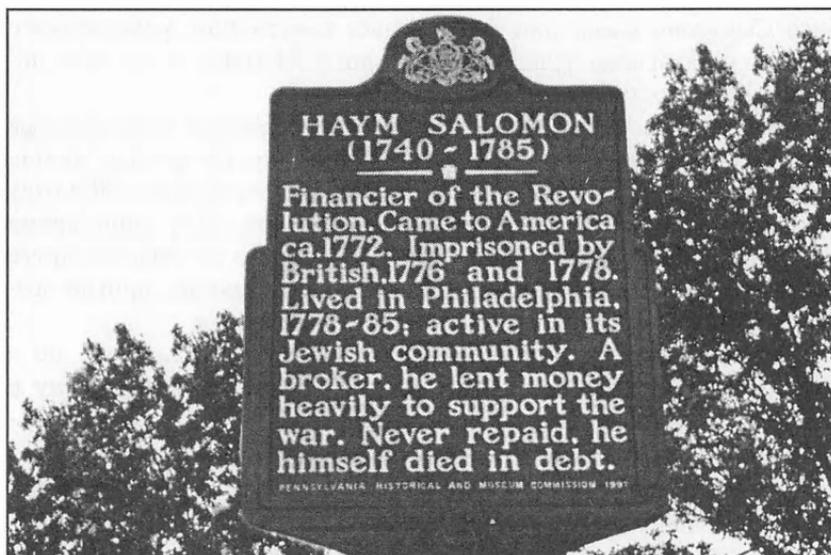
То была изрядная часть капиталов Хаима, которую он жертвовал на борьбу за независимость Америки. Впрочем, считалось, что эти деньги он давал в качестве займа, чтобы потом, когда революция победит (в чем Саломон ни минуты не сомневался), ему вернули его капиталы.

Разношерстное войско генерала Вашингтона поначалу можно было назвать армией лишь с большой натяжкой. То была масса плохо обученных и слабо организованных людей. Особенно остро армия нуждалась в продовольствии, вооружении, боеприпасах и обмундировании. Единственное, чему можно было позавидовать, – это боевому духу и стремлению к победе. Ведь солдаты сражались за свою свободу и за ту землю, на которой они жили и которую считали своей.

Но одного лишь боевого духа все же было недостаточно, чтобы справиться с хорошо оснащенной и опытной королевской армией Великобритании, которая почти сплошь состояла из

наемников-немцев, воевавших исключительно за деньги. На рубеже 1776–1777 годов Джордж Вашингтон потерпел ряд тяжелых поражений, правда, взял реванш в сражениях у Принстона и Трентона. И эти две победы сильно подняли моральный дух континентальной армии.

Вообще, война шла с переменным успехом. Например, у Джерментауна Вашингтон потерпел довольно серьезное поражение, после чего в декабре 1777 года армия стала на зимние квартиры в Вэлли-Фордж.

Мемориальная доска в честь Хаима Саломона в Филадельфии

Вашингтон Ирвинг пишет в своей книге «Жизнь Джорджа Вашингтона»: *«Зима началась рано и была необычайно суровой. Перевозки и снабжение приостановились. Армия была истощена, порой без мяса, порой без хлеба, порой без того и другого. Не хватало одежды и одеял. Бедные солдаты голодали и замерзли».*

Еще немного – и молодая американская армия бесславно погибла бы, так и не одержав победы в революционной войне, а Америка не получила бы независимости от ненавистной британской короны. Иными словами, будущее Соединенных Штатов было весьма неопределенным.

В этот-то трудный час Хаим Саломон и пожертвовал все свои капиталы на благородное дело спасения армии Вашингтона. Но даже этих денег было недостаточно, чтобы согреть и накормить всех солдат освободительной армии. Требовалось гораздо больше. Поэтому Саломон обратился к своим соплеменникам в Америке и Европе с призывом: «Помогите, братья евреи!» Затем он поехал во Францию, где встретился с крупными финансовыми тузами Сэссунотом и Ротшильдом, которые дали ему 3,5 миллиона фунтов стерлингов. То был весомый вклад в борьбу Америки за свое будущее.

Как известно, революционная армия, руководимая Джорджем Вашингтоном, в дальнейшем смогла одержать сокрушительную победу над английскими колонизаторами. В 1782 году в Париже начались переговоры, а в 1783 году был заключен Парижский мирный договор между Соединенными Штатами Америки и Великобританией. В статье первой этого договора признавалась независимость США в предложенных ими границах. В остальных статьях провозглашалось установление мира, прекращение военных действий, вывод Англией войск со всей территории Соединенных Штатов, а также их право на судоходство, торговлю и рыболовство. Одновременно в Версале были подписаны англо-французский и англо-испанский мирные договоры. А спустя шесть лет генерал Вашингтон был избран первым президентом отныне свободных Соединенных Штатов Америки.

Увы, Хаим не дожид до этого счастливого дня. Он умер в Филадельфии 6 января 1785 года, ровно за четыре года до избрания Вашингтона президентом новой страны. Хаиму Саломону было тогда всего лишь 45 лет. Он умер в полной нищете, оставив безутешную вдову с двумя маленькими детишками без всяких средств к существованию, так и не дождавшись возвращения своих денег. Не получили ни цента и его наследники.

Америка не смогла вернуть деньги своему кредитору. В то время она была еще очень бедной страной. Но президент Джордж Вашингтон хорошо знал и ценил Хаима Саломона. В письме в синагогу Торы он написал, что американцы никогда не забудут того, что сделали евреи в интересах Америки.

В честь Хаима Саломона в Филадельфии, неподалеку от Колокола Свободы, установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит, что Саломон принимал самое активное участие в жизни еврейской общины Филадельфии. Он был членом синагоги «Миква Исраэль конгрегейшен», вносил большие деньги в строительство

нового здания синагоги. А когда одна из филаделфийских газет высказалась отрицательно по поводу этой деятельности Саломона, он ответил твердо: *«Я еврей. Это моя национальность. И я надеюсь, что мы, евреи, получим все права и привилегии, которыми пользуются граждане этой страны».*

В Чикаго, на одной из центральных улиц, туристы могут любоваться монументом, на котором Джордж Вашингтон изображен рядом с Робертом Моррисом и Хаимом Саломоном. (Кстати, Моррис в чем-то повторил судьбу Хаима. «Финансист американской революции» настолько залез в долги, что попал на три года в долговую тюрьму. Он умер в бедности в Филадельфии через 13 лет после смерти Саломона.)

В 1975 году Министерство почт США выпустило совершенно уникальную марку, посвященную Хаиму Саломону. На лицевой стороне марки изображен портрет Саломона, а на обороте, на клейкой стороне, напечатано светло-зелеными буквами: *«Финансовый герой, бизнесмен-брокер, организовавший сбор крупных сумм денег, нужных для Американской революции и спасения нации от уничтожения».*

Теперь давайте возьмем в руки однодолларовую американскую купюру и перевернем ее. Чтобы лучше рассмотреть, можно взять лупу. В правом круге изображен орел, символ Соединенных Штатов Америки. Над орлом можно увидеть еще один стилизованный круг поменьше. Посреди этого круга изображена шестиконечная звезда, составленная из тринадцати крошечных звездочек. Эти звездочки символизируют те первые 13 штатов, представители которых подписали Декларацию Независимости. Неужели же эта шестиконечная звезда – та самая знаменитая Звезда Давида?

Однако пойдем дальше. Если повернуть купюру так, чтобы орел оказался вниз головой, то на той же стороне в том же круге можно увидеть семисвечник. Мне представляется, что это еврейская менора, хотя в Словаре американской истории, в главе «Деньги» об этом ничего не сказано. Дается лишь описание лицевой стороны однодолларовой купюры. И, тем не менее, и шестиконечная звезда, и менора абсолютно четко видны на однодолларовой купюре.

Как вы думаете, почему здесь изображена шестиконечная звезда? Как на долларе появился семисвечник? Одно можно сказать с уверенностью: такие символы не появляются просто так, по воле случая, тем более на деньгах, являющихся национальной валютой.

Я склонен верить, что люди, выпустившие первый бумажный доллар с портретом Джорджа Вашингтона, постарались выполнить обещание своего первого президента – увековечить вклад евреев в историю Америки. И вклад этот, как выясняется, был немалым!

Литература

Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. акад. *А. Фурсенко*. СПб, 1997.

The Jewish Encyclopedia. KTAV Publishing House Inc. NY, 1901. V.10. P.653–655.

Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1975, Т.8. Стлб. 320.

Encyclopaedia Judaica. Keter Publishing Ltd. Jerusalem, 1972, P.695.

Howard Fast. Haym Salomon, A Son of Liberty. J.Messner Inc. NY, 1941.

Madison C. Peters. Haym Salomon, The Financier of the Revolution. NY, 1930.

David Lewis. Israel and the USA. Jerusalem, 1993.

Robert Morris. Diary. Archival Manuscript Material, 1757–1800. Washington, The Library of Congress.

Владимир Войтинский: От большевика до советника президента США

Георгий Чернявский (Балтимор, США)

В.Войтинский-студент
Петербург, 1904

Пожилый, но хорошо сохранившийся американский ученый, экономист Владимир Войтинский, видимо, усмеялся, когда в его руки попадал изданный в Москве очередной юбилейный том воспоминаний о первом большевистском вожде. Он наверняка пытался представить себе реакцию сталинских приспешников и их преемников, предложи он им свои мемуары о человеке, с которым был хорошо знаком в достопамятные революционные дни 1905 года.

Не исключено, что Войтинский рассказывал о своих встречах с Лениным другому известному политику XX века, с которым свела его судьба почти через тридцать лет, – американскому президенту Франклину Рузвельту. Но об этом можно лишь догадываться. Наш же рассказ посвящен реалиям жизненного пути одного из тех российских общественных деятелей, который после сложных перипетий волею судеб оказался за океаном, получил широкую известность в среде гуманитарной интеллигенции и политиков и внес свой вклад в экономическую науку и социальное развитие Соединенных Штатов.

Владимир Савельевич Войтинский родился 12 ноября 1885 года в Петербурге в семье преподавателя математики реального училища (позже его отец стал профессором Лесного института). Домашняя атмосфера, разносторонние интересы родителей – евреев, принявших христианство, либерально мыслящих разночинных интеллигентов второй половины позапрошлого века – развили острое внимание юного Владимира, его братьев Иосифа и

Николая, сестры Надежды к русской и мировой литературе, истории и особенно к проблемам экономического и социально-политического развития общества. Родители привили детям и высокие нравственные требования и нормы.

Младший брат Владимира Николай скончался в детстве. Иосиф, родившийся в 1884 году, уже в молодом возрасте приобрел репутацию видного юриста. Первые книги «Стачка и рабочий договор по трудовому праву» и «Коллективные соглашения об условиях труда» он издал в 1911 году, когда ему было 27 лет. В советское время Иосиф выпустил первый краткий учебник «Основы советского права» (1927), многочисленные исследования по трудовому праву, был блестящим лектором Ленинградского университета. Но во время «большого террора» Иосифу Войтинскому припомнили и «юридический объективизм» (страшно подумать, в своих книгах он обсуждал возможность забастовки в советских условиях!), и политический путь младшего брата. В середине 30-х годов имя Иосифа Войтинского перестало появляться в печати, а вскоре после этого он был арестован и расстрелян по приговору «особого совещания».

Сестра Надежда, появившаяся на свет 1886 г., стала художником и искусствоведом, юношеским писателем и переводчиком. И она не избежала сталинской дубинки – в 1938 году была арестована за «антисоветскую агитацию», твердо держалась на допросах и через год, во время бериевской псевдооттепели, когда была освобождена незначительная часть политзаключенных, также вышла из тюрьмы, хотя реабилитировали ее только через 15 лет. Надежда скончалась в 1965 г. В наши дни выставки ее работ прошли в Русском музее и в других художественных галереях.

Девятнадцати лет Владимир Войтинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он добросовестно штудировал правовые и экономические курсы (экономика изучалась именно на этом факультете), но наибольший интерес вызывали у него проблемы теоретической экономии, к изучению которых юноша пытался применить математические методы – благо, способности к математике были им унаследованы от отца. Знакомство с историком и экономистом М.И.Туган-Барановским¹ – видным либералом и сторонником так называемого легального марксизма привлекло внимание Владимира к спорам в среде русских последователей Маркса и к взглядам других западных экономистов.

Поначалу теория стоимости Маркса воспринималась им сугубо критически, и за выступления на студенческих семинарах с ее нелицеприятным анализом Владимир даже получил прозвище «марксоеда». Более последовательной и логичной студент считал теорию предельной полезности австрийца Эйгена Бем-Баверка². Эта теория, протипоставляемая прибавочной стоимости, исходила из того, что ценность благ определяется соотношением оценок покупателя и продавца. Ей Войтинский посвятил свою первую книгу «Рынок и цены. Теория потребления и рыночных цен», написанную в основном еще тогда, когда автор оканчивал гимназию, и опубликованную в 1906 году с предисловием Туган-Барановского (почти через 60 лет эта работа была переиздана в США)³.

Бурные события 1905 года повернули жизнь Войтинского в совершенно ином направлении: 20-летнему студенту импонировала большевистская тактика революционного напора на царизм с перспективой «перерастания» революции в социалистическую (именно так формулировал существо своей тактики большевистский лидер Ленин), чем более осторожная линия меньшевиков и, тем более, мирно-конституционные планы либералов.

Вскоре Владимир Войтинский, вчерашний «марксоед», начал сотрудничать в большевистской печати под псевдонимом Сергей Петров. Этого юношу среднего роста с огненно-рыжими всклокоченными волосами охотно слушали на студенческих собраниях и рабочих митингах. У Войтинского была сильная близорукость, но, выступая, он не страдал от этого, так как очень быстро привык произносить свои речи не только без текста, но даже без конспектов или заметок. Владимир проявил инициативу в создании профсоюза приказчиков, а вслед за этим стал руководителем Совета безработных Петербурга (сам он безработным не был, но над этим никто тогда не задумывался). Он развернул кампанию, в результате которой столичная Городская дума выделила Совету безработных средства для организации общественных работ и раздачи бесплатных обедов.

В ноябре 1905 и в январе 1906 годов Войтинский подвергался арестам, но его вскоре освобождали.

Наш герой не раз встречался с Лениным. Постепенно авторитарные повадки «старшего товарища», непререкаемость его суждений, многократные повторения одних и тех же утверждений, которые Ильич как бы стремился вколотить в головы своих слушателей, начинали вызывать раздражение, а затем и неприязнь. Однако

Войтинский в то время относил это чувство только к личности человека, который волею истории возглавил революционное течение в социал-демократической партии, но не к большевистской программе и тактике по существу.

В начале 1907 года Войтинский отказался принять предложение Ленина бежать за границу, чтобы стать там руководителем большевистского журнала, и в третий раз он был арестован уже после государственного переворота, организованного главой правительства Столыпиным летом 1907-го. Жандармы взяли Владимира 15 октября того же года, но он смог бежать из арестного дома, перешел на нелегальное положение и по заданию большевистского центра уехал в Екатеринослав, где примерно месяц возглавлял партийную организацию большевиков.

Здесь в январе 1908-го его застал четвертый и последний арест. Два года – до суда, вынесшего приговор (четыре года и восемь месяцев каторжных работ) и непосредственно после него – Войтинский провел в Екатеринославской тюрьме.

По сравнению с другими тюрьмами тогдашней империи, Екатеринославский централ отличался особо тяжкими условиями. Переполненные камеры, грязь, эпидемии, избиения и даже убийства заключенных – таковы были ее реалии. Для Войтинского они стали источником нового опыта, который был положен в основу меморандума, зачитанного в III Государственной думе. Вскоре Войтинский написал серию ярких очерков о тюремных порядках, напечатанных в журнале «Русское богатство» и других первоэзрядных периодических изданиях.

Попытка бежать из тюрьмы, точнее из сыпно-тифозного барака, куда он был переведен, поскольку симулировал болезнь, оказалась неудачной. Из Екатеринославского централа в 1910 году Войтинского перевели по этапу в Александровскую каторжную тюрьму, находившуюся рядом с Иркутском, где он и провел оставшуюся часть заключения.

С конца 1912 года Войтинский находился в ссылке вначале в селе Илкино, а затем в Иркутске – в то время центре общественно-политической и культурной жизни Восточной Сибири. Здесь он участвовал в попытках создания социал-демократической печати. В 1914-15 гг. ему вместе с единомышленниками удалось выпустить два номера журнала, носившие разные названия: первый – «Сибирский журнал», второй – «Сибирское обозрение». В 1913-16 гг. одна за другой в местных издательствах вышли его книги: «Призраки» (о жизни заключенных), «Безработица и локауты»,

«Вне жизни: Очерки тюрьмы и каторги» (частично в этой книге были использованы материалы работы «Призраки»), «Евреи в Иркутске», «В тайге». Статьи Войтинского публиковались и в столичных журналах, и в западной социалистической печати.

Написанная в ссылке книга о рынке труда в Сибири во время мировой войны⁴ знаменовала собой подход к той исследовательской области – экономических и социальных проблем трудовых отношений, – которой Войтинскому суждено будет плодотворно заниматься в будущем в течение более чем трех десятилетий.

Именно в рамках социал-демократического кружка произошли постепенный отход Войтинского от большевизма и его столь же постепенное сближение с меньшевиками.

В письме Ленина от 20 декабря 1913 г. из Кракова, полученном Войтинским в Иркутске, большевистский лидер, например, крайне негативно и нервно оценил его статью, присланную для публикации, за то, что автор, мол, «стоит на сентиментально-исторической точке зрения»⁵.

Особенно повлиял на Войтинского в этот период один из лидеров меньшевиков Иракий Георгиевич Церетели⁶, находившийся в 1913 году в ссылке в селе Усолье, недалеко от Иркутска. Бывший депутат II Государственной думы, он после Февральской революции стал одним из руководителей Петроградского Совета и заместителем председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, а в 1918-21 гг., – членом правительства независимой Грузии. Встречи с этим обаятельным, красноречивым, гостепреимным и лишенным сектантской замкнутости грузином, знакомство с другими меньшевиками – С.Л.Вайнштейном (Звездиным)⁷, Ф.И.Даном⁸, а также с большевиком-историком Н.А.Рожковым⁹, который постепенно все более освобождался от «ленинских чар» (в 1917-22 гг. Рожков был активным меньшевиком), способствовали отходу Войтинского от большевизма, завершившийся в годы Первой мировой войны. Ленинский курс на «поражение своего правительства в империалистической войне» и развязывание войны гражданской был для него решительно неприемлем. Он начинает открыто критиковать ленинцев за «пораженчество» и политику раскола социал-демократического движения.

В Иркутске Войтинский встретился с Эммой Шахдан, юной учительницей, дочерью местного предпринимателя средней руки. Возникшая любовь во многом поддерживалась общими интересами

в области гуманитарных наук, журналистики, общественной деятельности. Брак Эммы и Владимира был официально зарегистрирован позже, в 1917 году, в Петрограде. Четыре с половиной десятилетия, до смерти В.С.Войтинского, они были неразлучны. Став экономистом-исследователем, Эмма была незаменимым помощником в подготовке книг и статей супруга, соавтором некоторых из них. Память Войтинского она отметила томом своих воспоминаний¹⁰ и сборником статей коллег и друзей¹¹.

Деятельность Войтинского в 1917 году была весьма бурной, и я отмечу только ее важнейшие вехи. Войтинский прибыл в столицу 20 марта (2 апреля) 1917 года и окончательно перешел на позиции той части меньшевиков, которая выступала за революционное оборончество.

Владимир был секретарем на том знаменитом совещании 5 апреля, на котором Ленин выступил со своим докладом «О задачах пролетариата в данной революции» (позже получившим известность как «Апрельские тезисы»). Владимир Савельевич твердо осудил ленинский доклад. «Ленин очень талантливо вбил в былой раскол осиновый клин. Мы все соединимся без него и против его программы, придуманной в вагоне»¹².

Новоявленный меньшевик стал членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, был делегатом Первого Всероссийского съезда Советов в июне 1917 года, активно участвовал в восстановлении порядка в Петрограде во время вооруженных бунтарских выступлений солдат и матросов, распропагандированных большевиками.

В следующие месяцы он был комиссаром Временного правительства на Северном фронте. Здесь он прилагал усилия по укреплению армии, изоляции большевиков, участвовал в действиях Временного правительства, направленных на ликвидацию последствий так называемого Корниловского мятежа.

На Всероссийском Демократическом совещании в сентябре

В.Войтинский (1957)

1917 года Войтинский предложил образовать Временный Совет Российской республики (Предпарламент), а затем вошел в его состав. Его бурная общественно-политическая деятельность сочеталась с публицистической и находила в ней отражение. Одна за другой вышли три брошюры, посвященные жгучим проблемам революции и сопоставлению исполнительной власти в царской России и после февраля 1917 года¹³. Кроме того, он выпустил небольшую книгу воспоминаний о революции 1905-07 гг., являющуюся его первым опытом в этом интереснейшем и весьма коварном жанре¹⁴.

Владимир активно включился в подготовку подразделений генерала П.Н.Краснова (при участии главы Временного правительства А.Ф.Керенского) к походу на Петроград с целью ликвидации большевистского переворота и восстановления свергнутой им власти. Имея в виду его работу на Северном фронте, Краснов позже напишет, что Войтинский – «идейный человек, ставший на защиту армии от разрушения»¹⁵.

Попытки Керенского, Краснова, Войтинского и других противников большевистской диктатуры восстановить Временное правительство оказались неудачными. 1 (14) ноября руководители антибольшевистского выступления, за исключением скрывшегося Керенского, были арестованы в Гатчинском дворце. Войтинский был привезен в Смольный, а затем препровожден в Петропавловскую крепость.

Условия заключения в знаменитой столичной тюрьме были ничем не лучше, чем в Екатеринославском центре десятью годами ранее. Жизнь товарища по партии, ставшего теперь «ренегатом» и непримиримым врагом, была сохранена. Правда, его арест оказался более долгим, чем даже заключение генерала Краснова, который был освобожден под честное слово, что не будет бороться против новой власти.

Войтинский был выпущен из-под ареста после того, как в ночь на 6 (19) января 1918 года было разогнано Учредительное собрание. Видимо, кто-то из партийных лидеров счел, что теперь «товарищ Петров» опасности более не представляет. Кроме того, за него заступился М.Горький, с мнением которого новые власти подчас считались.

Власть имущие почти тотчас же спохватились, и был издан приказ о новом аресте, однако в Петрограде Войтинского уже не оказалось. Вместе с И.Г.Церетели он выехал в Грузию и примерно через три недели невероятных мытарств оказался в Тифлисе.

Здесь В.С.Войтинский тотчас же включился в работу социал-демократической партии Грузии. Ему было доверено редактирование газеты «Борьба» – органа этой партии на русском языке. Он также приступил к работе в Министерстве иностранных дел Грузинской Демократической Республики. Ему была поручена подготовка к изданию с собственными комментариями объемистого сборника документов о международном положении и внешней политике независимой Грузии, предназначенного, в частности, для Парижской мирной конференции 1919-20 гг. Дело в том, что на этой конференции, помимо подписания договора с разгромленной Германией и ее союзниками, предполагалось рассмотреть и выдвинутые президентом США Вудро Вильсоном «четырнадцать пунктов» демократического переустройства мира после войны, включавшие право наций на самоопределение.

Вдобавок к этой весьма интенсивной деятельности Войтинский за неполных три года написал и издал две книги о Грузии тех лет.

В 1919 году наш герой выехал за рубеж в качестве советника политико-экономической миссии Грузинской Демократической Республики, которая вначале была аккредитована в Италии. Почти тотчас же в Париже с предисловием известного бельгийского социалиста и деятеля II Интернационала Эмиля Вандервельде на русском и французском языках вышла его работа, посвященная независимой Грузии¹⁶.

Однако через год с небольшим большевистское правительство России вероломно нарушило только что заключенный договор с Грузией; Красная армия вторглась на ее территорию, и была провозглашена Грузинская Советская Республика. Возвращение в Тифлис стало невозможным. С 1921 года пребывание Войтинского за границей превратилось в эмиграцию.

Вначале В.С.Войтинский выехал во Францию, но с лета 1922 года обосновался в Германии, посвятив себя исследованиям в области конкретной экономики. Он оставался весьма плодовитым автором и за десятилетие опубликовал ряд книг, получив международную известность.

Наиболее значительным из его изданий этих лет был семитомный справочник по проблемам мировой экономики, изданный на немецком языке с многочисленными картами, схемами, таблицами и диаграммами. Это была поистине титаническая работа, потребовавшая глубокого ознакомления со статистическими и

многими другими источниками десятков стран, тонкого самостоятельного анализа и вычислений. Первые два тома были опубликованы также на русском языке, но издание было прервано, так как попытки договориться с советскими книготорговыми организациями о допуске справочника в СССР, которые вначале казались многообещающими, вскоре провалились¹⁷.

Большевистская цензура все пристальнее следила за тем, чтобы работы «врагов Советской власти» в страну не проникали. Все же «Большая советская энциклопедия», опубликовавшая в первом издании весьма недружелюбную статью о Войтинском (из следующих изданий упоминания о нем были полностью исключены), признала ценность его справочного издания, содержавшего «основные данные по основным отраслям хозяйственной жизни»¹⁸. Войтинский пытался подвести главные итоги хозяйственного развития Германии за десять лет после Ноябрьской революции 1918 года в этой стране в томе, который он считал дополнительным к семитомнику.

От его внимания не ускользнула и широко дискутировавшаяся уже в те годы проблема европейской интеграции в форме «Соединенных Штатов Европы», которой он также посвятил специальную работу, опубликованную в 1926 году¹⁹. Перспективы социально-экономического объединения европейских стран он считал многообещающими, хотя и не в сравнительно близком времени.

Появление этих работ делало Владимира Войтинского все более заметной фигурой в области германской и европейской экономической мысли. Он был признан первоклассным специалистом в области статистики, и на его труды ссылались не только в специальных монографиях, но и в университетских учебниках. Ученый стал желанным автором для экономических и общественно-политических журналов, редакции которых обращались к нему с просьбами прокомментировать хозяйственные явления в статьях и интервью. Войтинский, как правило, охотно откликался на эти просьбы, он выступал по многим жгучим проблемам современности, в частности, разоблачая социально-экономическую демагогию нацистов, получивших значительную поддержку масс во время мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 году. Неоднократно статьи Войтинского публиковались в центральных германских социал-демократических журналах «Die Gesellschaft» («Общество») и «Der Kampf» («Борьба»).

Но проблемы германской и европейской экономики были отнюдь не единственным направлением его работы. Парадоксально, но именно в первые годы эмиграции он стал, правда, на весьма короткий срок, настоящим меньшевиком. Он установил связь с ветераном российского социал-демократического движения П.Б.Аксельродом²⁰, помогал ему представлять интересы РСДРП за границей и работать над воспоминаниями «Пережитое и продуманное». Совместно с другим русским социал-демократом-эмигрантом П.А.Берлиным и уже упоминавшимся историком Б.И.Николаевским была подготовлена к печати и издана в 1925 году переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода²¹.

Видимо, заинтересованное участие в аксельродовских воспоминаниях побудило Войтинского к созданию собственного мемуарного трехтомника. Первые два тома его воспоминаний вышли еще в 1923-24 годах в знаменитом русском издательстве З.И.Гржебина²² в Берлине под названием «Годы побед и поражений». Первый том имел подзаголовок «1905 год», второй – «На ущербе революции» (здесь подробно описывались события 1906-07 гг. и кратко – послереволюционные перипетии автора вплоть до 1916 года). Войтинский работал и над третьим томом своих записок, посвященным 1917 году, но, поглощенный другими делами, так и не завершил подготовку его к печати. Лишь отчасти прав Б.И.Николаевский, полагающий, что третий том не был издан в 20-е годы в связи с крахом издательства Гржебина, которое разорилось в результате целенаправленных подрывных действий советских властей. В конце 20-х годов, после многочисленных вставок, сокращений, переработок, автор навсегда отказался от издания этого тома, хотя рукопись была им почти полностью завершена.

Хранилась эта рукопись в плохих условиях, текст последней главы (о большевистском перевороте) и краткое заключение были частично утрачены. В таком виде работа была передана Б.И.Николаевскому, который ее бережно сохранил. Ныне она находится в коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира при Стенфордском университете (США). В 1999 г. в московском издательстве «Тerra» воспоминания В.С.Войтинского были изданы со вступительной статьей автора этого очерка и комментариями его и Ю.Г.Фельштинского²³.

Когда в Берлине в начале 20-х годов стал выходить меньшевистский журнал «Социалистический вестник», Войтинский

включился в его работу, хотя публиковал статьи по тематике, не имевшей отношения к России. Впрочем, еще в 1922 году он выпустил с предисловием Карла Каутского брошюру о «коммунистической кровавой юстиции», посвященную первому советскому судебному фарсу – процессу над руководителями партии эсеров, происходившему тогда в Москве. Эта работа была издана на пяти языках и получила значительный международный резонанс²⁴.

В 1929 году Войтинский принял предложение руководства Федерации профсоюзов Германии, работавшей в тесном контакте с социал-демократической партией, возглавить исследовательско-аналитическую службу этого, в то время мощного и влиятельного, объединения. Под его руководством была, в частности, реорганизована статистическая деятельность профсоюзов. Войтинский выступил с рядом статей, предостерегавших против дефляции (изъятия из обращения избыточной денежной массы путем сокращения бюджетных расходов, стимулирования сокращения кредитов, повышения налогов и т.д.). Он считал политику дефляции весьма опасной не только в чисто экономическом, но и в политическом смысле, ибо в условиях тяжелого хозяйственного кризиса она вела к дальнейшему ухудшению положения низших и средних слоев населения и объективно способствовала успеху нацистской демагогии.

Ученый полагал, что проблемы преодоления кризиса могут быть разрешены при сохранении и даже использовании инфляции. Его книга на эту тему «Международное повышение цен как разрешение кризиса», выпущенная в 1931 году²⁵, поначалу вызвала гневные отповеди ряда германских и зарубежных экономистов. Лишь через несколько лет, когда Войтинский уже находился в США, его точка зрения стала завоевывать все большее число приверженцев в академических и правительственных кругах. Позже она стала почти общепризнанной.

Пока же Войтинский совместно с руководителем германского профсоюза плотников Фрицем Тарновым и видным экономистом Фрицем Бааде выдвинул программу преодоления кризиса, в частности, путем широкого введения общественных работ за государственный счет для безработных и использования контролируемой инфляции. Этот «В-Т-Б план» (названный по инициалам его создателей) широко обсуждался общественностью. Однако маститые социал-демократические экономисты, например Рудольф Гильфердинг²⁶, предали выдвинутые предложения анафеме. В результате правительство и лидеры германских профсоюзов намеченную

программу отвергли. Углубление кризиса способствовало радикализации политических настроений. Складывалась все большая угроза прихода к власти экстремистских сил, и отказ от «В-Т-Б плана», несомненно, был в числе факторов, облегчивших государственный переворот, который осуществили нацисты в январе 1933 года.

После установления в Германии нацистской диктатуры Войтинский переехал в Швейцарию, затем во Францию. В октябре 1935 года он получил разрешение на эмиграцию в США и немедленно вместе с супругой отплыл в Новый Свет.

Б.И.Николаевский вспоминает: *«Он рассказывал, что четверть века тому назад (Николаевский писал это в 1960 году. – Г.Ч.), когда он перебрался на эту сторону океана, Америка его пугала как чужая и мало знакомая страна, с новыми, отличными от европейских, отношениями и укладом жизни... Но по-настоящему во весь свой рост он развернулся лишь в Америке – и как ученый, и как общественный деятель. Он действительно сроднился с этой страной – в лучшем значении этого слова нашел в ней свою вторую родину. Вспоминаются его слова о том, что в Америке его больше всего поражала огромная внутренняя свобода этой страны и то чувство широкой терпимости к чужому мнению, которое характерно для американской интеллигенции и которое ее роднит с лучшими традициями старой интеллигенции русской»*²⁷.

Владимиру Войтинскому довелось прожить в США четверть века. Полностью отказавшись от марксистских догматов, он стал видным американским экономистом, практиком и теоретиком. Тотчас же после прибытия в Америку ученый был приглашен на работу в Центральное статистическое бюро. С 1936 года он являлся одним из руководящих сотрудников Комитета социального обеспечения, созданного на основе предложенного Франклином Рузвельтом закона о социальном обеспечении. Он стал руководителем основанного при этом комитете Исследовательского совета социальных наук и нацелил Совет на изучение проблем социального обеспечения и трудоустройства.

С этого же времени Владимир Войтинский стал советником президента Рузвельта по вопросам трудовых отношений, что было вполне естественно, ибо значительную долю мероприятий правительственного «нового курса» составляли акты, связанные с сокращением безработицы, введением общественных работ, закладкой

основ государственного социального страхования путем установления ряда федеральных и штатных пособий и пенсий. С 1942 года Войтинский был членом Совета социального обеспечения при президенте Соединенных Штатов. Не раз Рузвельт принимал своего советника, отстаивавшего намеренные им подходы к социальному законодательству.

Труды В.С.Войтинского этого периода были посвящены проблемам общей экономической ситуации в стране, деловой активности, хозяйственным прогнозам, занятости и заработной плате, отношениям между трудом и капиталом. Одна за другой выходили его исследовательские монографии по этим актуальным теоретическим и жгучим практическим вопросам²⁸. Работы «Уроки спада» (об экономической стагнации во второй половине 50-х годов), «Занятость и заработная плата в Соединенных Штатах» и «Три аспекта трудовой политики» через много лет, в 70-х – начале 80-х годов, были переизданы, что свидетельствует о сохранявшейся их ценности, об интересе к ним научной общественности²⁹.

В 1947–1955 годах Войтинский являлся директором совместного исследовательского проекта Фонда Рокфеллера, Фонда XX века и Университета имени Джонса Гопкинса в Балтиморе, посвященного проблемам мировой экономики и демографии. К выполнению проекта он привлек ряд начинающих ученых и студентов, для которых деятельность под руководством Войтинского была первым опытом самостоятельного научного анализа. Автор этих строк, имеющий честь преподавать на историческом отделении Университета им. Джонса Гопкинса, является свидетелем памяти в университете об этом проекте и глубокого уважения ученых авторитетного научного центра к трудам и имени Владимира Войтинского.

Войтинский и в США сохранил интерес к своей родине, впрочем, пожалуй, больше к ее прошлому, чем к настоящему. Он написал отчасти мемуарную, отчасти исследовательскую работу о движении безработных в Петербурге в конце революции 1905–07 годов, а затем обширный мемуарный том «Путь сквозь бури: Личная история через две русские революции по пути к демократии и свободе»³⁰, вышедший уже после кончины автора в 1961 году под редакцией Эммы Войтинской.

В последние годы жизни ученый совершил несколько длительных поездок за рубеж – в Японию и другие страны Востока, в страны Латинской Америки. Во время этих поездок он выступал с

публичными лекциями, читал курсы в университетах, давал консультации, общался с коллегами. Поездки были организованы Государственным департаментом, по просьбе которого Войтинский затем делился своими впечатлениями.

Владимир Савельевич, как и Эмма, сохранял неплохое здоровье, физические силы, бодрость духа. Мало, вероятно, оставалось экзотических уголков Соединенных Штатов, которые не исходила бы пешком или, в крайнем случае, не посетила бы на автомобиле эта неразлучная пара во время не столь уж продолжительных отпусков.

Лишь к концу 50-х годов здоровье стало сдавать. Незадолго до смерти Владимира Войтинского появилась его последняя брошюра «Проблемы процветания на выборах 1960 года»³¹, в которой автор энергично поддерживал экономическую программу Джона Кеннеди, и цикл статей о современной экономике США в журнале «The New Leader» («Новый руководитель»). Они увенчали научно-публицистический капитал ученого и общественного деятеля, насчитывающий 425 трудов на 11 языках.

Скончался Владимир Савельевич на 75-м году жизни 11 июня 1960 года в Вашингтоне. Он оставил о себе добрую и светлую память не только в среде русских эмигрантов, но и западных ученых и политиков как общественный деятель, пытавшийся внести свой вклад в превращение России в демократическую страну, как тонкий аналитик, как человек огромного кругозора, трудолюбия и высокой морали.

Жизнь и деятельность Владимира Савельевича Войтинского заслуживают подробного освещения. Тысячи неизвестных архивных документов о нем можно, безусловно, обнаружить в хранилищах Петербурга и Москвы, Днепропетровска и Иркутска, Тбилиси, Берлина и Парижа и, разумеется, в Национальном архиве Соединенных Штатов, Библиотеке (Архиве) Франклина Делано Рузвельта в Гайд-парке и многих других хранилищах Соединенных Штатов Америки.

Автор прочитанной любезным читателем статьи очень хотел бы рассматривать ее как своего рода заявку на подготовку будущей книги о В.С.Войтинском. Позволят ли силы?

¹ Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – полит. деятель, экономист, историк. В конце 1890-х гг. – видный представитель либерального течения, известного под названием «легальный марксизм». С 1905 г. член партии кадетов. В 1917–18 гг. министр финансов Украинской Центральной Рады.

² Бем-Баверк Эйген (1851–1914) – австр. экономист. Выдвинул теорию предельной полезности, противопоставив ее теории стоимости Маркса. Согласно этой теории, ценность благ определяется соотношением оценок покупателя и продавца.

³ *Woytinsky W.* Market and Prices. N.Y., 1964.

⁴ *Войтинский В.* Рабочий рынок в Сибири во время войны. Иркутск, 1917.

⁵ *Ленин В.* Соч., 5-е изд. Т.48. С.238–241.

⁶ Иракий Георгиевич Церетели (1881–1959) – российский соц.-дем., один из лидеров меньшевиков. В 1918–21 гг. член правительства Грузинской Демократической Республики. С 1921 г. в эмиграции.

⁷ Семен Лазаревич Вайнштейн (псевд. Звездин, Звездич; 1876–1923) – член Бунда, меньшевик, в 1922 г. эмигрировал в Германию.

⁸ Федор Ильич Дан (Гурвич; 1871–1941) – один из лидеров меньшевиков. В 1922 г. выслан из России. Один из редакторов «Соц. вестника». Жил в Германии, Франции и США. См. о нем: *Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // *ЕВКРЗ*. Т.1. С.203–218.

⁹ Рожков Николай Александрович (1869–1927) – российский полит. деятель, историк.

¹⁰ *Woytinsky E.* Two Lives in One. N.Y., 1965.

¹¹ *The Live and Work of W.S.Woytinsky / Edited by Emma S. Woytinsky.* N.Y., 1962.

¹² *Меньшевики в 1917 г. М., 1994. Т.1. С.178.*

¹³ *В.Войтинский.* К чему стремится коалиция правительства. Петроград, 1917; *Он же.* Крестьянин, рабочий и солдат. Петроград, 1917; *Он же.* Ответственность министров при царизме и в революционной России. Петроград, 1917.

¹⁴ *Он же.* Луч света среди ночи: Из картин первой революции. Петроград, 1917.

¹⁵ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Л., 1925. С.48.

¹⁶ *Войтинский В.* Грузинская демократия. Париж, 1921.

¹⁷ *Wojtinsky V.* Die Welt in Zahlen. Berlin, 1925–1928. Bd.1–7; *Он же.* Мир в цифрах. Берлин, 1924–1925. Т.1–2.

¹⁸ *Большая советская энциклопедия. М., 1928. Т.12. С.657.*

¹⁹ *Wojtinsky V.* Zehn Jahre neues Deutschlands. Berlin, 1929; *Ibid.* Die Vereinigten Staaten von Europa. Berlin, 1926.

²⁰ Павел Борисович Аксельрод (1850–1928) – полит. деятель, публицист, один из лидеров меньшевизма, был в эмиграции.

²¹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925 (переиздана в 1967 г.).

---

²² Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929) – художник-карикатурист, коллекционер, издатель. О нем см.: *Юниверз Л.* З.Гржебин и М.Горький // ЕВКРЗ. Т.1. С.142–145; *Гржебина Е.* З.И.Гржебин – издатель // Там же. С.146–168.

²³ *Войтинский В.* 1917-й: Год побед и поражений. М., 1999.

²⁴ *Wojtinsky V.* Kommunistische Blutjustiz. Berlin, 1922.

²⁵ *Wojtinsky V.* Internationale Hebung der Preise als Ausweg aus dem Kreise. Leipzig, 1931.

²⁶ Рудольф Гильфердинг (1877–1941) – один из лидеров австрийской и германской соц.-демократии и II Интернационала.

²⁷ Борис Иванович Николаевский (1887–1966) – рос. полит. деятель и историк. См.: *Николаевский Б., Войтинский В.* Социалистический вестник. 1960. №8–9. С.169.

²⁸ *Wojtinsky V.* The Labor Supply in the United States. Washington. DC, 1942; *Ibid.* Three aspects of Labor Dynamics. Washington. DC, 1942; *Ibid.* Principles of Cost Estimates in Unemployment Insurance. Washington. DC, 1948; *Ibid.* Employment and Wages in the United States. N.Y., 1953; *Ibid.* Lessons of the Recessions. Washington. DC, 1959, etc.

²⁹ *Wojtinsky V.* Lessons of the Recessions. N.Y., 1980; *Ibid.* Employment and Wages in the United States. N.Y., 1980; *Ibid.* Three aspects of Labor Dynamics. Washington. DC, 1974.

³⁰ *Wojtinsky W.* Stormy Passage: A personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom. 1905–1960. N.Y., 1961.

³¹ *Wojtinsky W.* The Prosperity Issue in the 1960 Election. Washington. DC, 1960.

Голливудские миражи Александра Дранкова

Рашид Янгилов (Москва)

Александр Дранков

Колоритная фигура Александра (Абрама) Осиповича Дранкова (1880–1949) не раз привлекала внимание историков кино, но все попытки реконструкции его биографии ограничивались российскими годами, весьма скупо и недостоверно освещая судьбу “пионера русской кинематографии” в эмиграцииⁱ. Мои разыскания последних лет пролили новый свет на эту тему, хотя, разумеется, они не претендуют на раскрытие всех ее извилистых поворотов и “белых пятен”ⁱⁱ.

* * *

Обращаясь к истокам российской кинематографии, единственным, достойным уважения ее представителем обычно считают Александра Ханжонкова. Более осведомленные прибавят к этому имена Иосифа Ермольева и Михаила Трофимова (фирма “Русь”), чьи “труды и дни” будто бы выгодно отличались от деяний сонмалчных, беспринципных дельцов и “арапов”, паразитировавших на неискушенности юной “десятой” музыки.

Персонифицировал же эти пороки Дранков – самая одиозная фигура в истории российского кинематографа. Его репутация – наглядный пример того, как общие предубеждения преследуют человека много лет спустя после ухода с публичной сцены, не оставляя никаких шансов на посмертную реабилитацию. Небезосновательно претендуя на почетный титул родоначальника русского кино, Дранков вошел в него, прежде всего как инициатор так называемой “дранковщины”, воплощенной в профессиональной халтуре, убогом художественном уровне работы и крайней неразборчивости в достижении творческих целей.

В неравнодушной, а зачастую недоброжелательной памяти большинства современников запечатлелся карикатурный образ низкорослого и упитанного, но при этом необычайно развязного и подвижного субъекта, одетого с вызывающе претенциозным безвкусием, человека безмерно тщеславного и честолюбивого, постоянно озабоченного разнообразными, но, как правило, сомнительными комбинациями. Эти характеристики, между прочим, навели одного из советских киноисториков на малопочтенное сравнение Дранкова с гоголевским Ноздревым. Чего стоила, например, “дружба” Дранкова с Максом Линдером, приехавшим на гастроли в Россию в декабре 1913 года! С первого же дня пробившись в ближайшее окружение кинозвезды, Дранков оказывался повсеместно с веселым Максом: в автомобиле, на вокзале, в местах приема, на улице, в театре – и до того входил в роль, что на приветствия, предназначенные Максиму Линдеру, раскланивался и самⁱⁱⁱ.

Деловая репутация этого кинематографиста, окутанная шлейфом скандалов, в значительной мере сложилась из-за обоснованного недовольства коллег по цеху. Их раздражали моральная нечистоплотность Дранкова в деловых отношениях и пристрастие к “срывам”^{iv} постановок своих конкурентов, но за всем этим скрывалось еще одно, возможно, важнейшее обстоятельство: “инородческое” происхождение Дранкова. Из-за этого ему не прощалось ничего из того, на что кинематографисты-“аборигены” закрывали глаза в общении друг с другом.

Если же пренебречь общими предубеждениями, то в фигуре Дранкова можно разглядеть уникальный для его времени феномен сознательного репродуцирования “американских”, по тогдашним понятиям, поведенческих стереотипов, обусловленных точным психологическим расчетом. Даже фантазмагорический размах его деловых инициатив, раскручивавшихся с ярмарочной фееричностью, несомненно, определялся рекламными задачами. Об этом свидетельствуют, например, и пристрастие Дранкова к гигантским, причудливым по оформлению фирменным вывескам, украшавшим фасады контор его фирмы в Петербурге и Москве, и “великосветский” образ жизни, облегчавший поддержание влиятельных знакомств и связей. *“Он любил жить на широкую ногу, что называется, прожигать жизнь; его дом был открыт, его денежные компаньоны кутили в ресторанах, шантанах, они пили, гуляли, влюблялись, играли в карты, рулетку, выигрывали, проигрывали, купались в шампанском, а сам Дранков не проявлял никакого интереса к этим порокам, – вспоминал один из близко, по-родственному*

знавших его сотрудников, впоследствии – известный советский кинооператор Александр Лемберг. – *Он держал у себя дома двух горничных, повара, лакея, негритенка и корейца как рассыльных, а также англичанку, французженку, чтобы практиковаться и не забыть языки, ко всему этому экономку. Его гардероб состоял из не менее ста костюмов и не менее полусотни пар обуви; он любил домашних животных и увлекался птицами, разной породы собаки и певчие птицы были постоянными обитателями его дома; для ухода за ними он держал двух человек”^v.*

В памяти современников остался и другой, безусловно, голливудский, знак дранковского делового стиля: ему принадлежал самый приметный в Москве 1910-х годов лимузин канареечной расцветки, украшенный фирменным логотипом предприятия – крупными изображениями двух целующихся павлинов. Моторным экипажем управлял сам хозяин в кожаной кепке и огромных очках-“консервах”, но в особо торжественных случаях он менял “железную лошадку” на пышный конный выезд из собственной конюшни.

Нетрудно понять, что поддержание такого необычного имиджа стоило Дранкову немалых усилий и средств и, в сущности, заведомо лишало его каких-либо серьезных выгод от самых удачных результатов бурной предприимчивости. Не обладая подлинно творческой индивидуальностью и вкусом, он оставил неповторимый след в художественной практике русской кинематографии. С завидной последовательностью он открывал в ней новые жанры и темы, оставляя их углубленную проработку более основательным конкурентам, а сам же довольствовался недолговечными лаврами первооткрывателя. Неоднозначность фигуры Дранкова становится еще более очевидной, если учесть, что он был первым, кто привлек к работе в кино таких мастеров отечественного театра, как Василий Давыдов и Иван Певцов, Константин Марджанов и Федор Комиссаржевский, в его постановках дебютировали такие мастера режиссуры, как Василий Гончаров и Евгений Бауэр. Наконец, благодаря его репортерской настойчивости, нередко граничившей с нахальством уличного пристава, мы обогатились кадрами, запечатлевшими живого Льва Толстого, – фильм о нем был снят в Ясной Поляне в 1908 г. О ценности этого вклада в культурное наследие догадывались уже современники: *“И эта картина, когда вас будет судить суд киноистории, г. Дранков, положенная на одну чашу весов, перевесит всех “Сонек”, каких вы изготовили в прошлом, изготовите в настоящем и будущем”^{vi}.*

Звезда пионера русского кино взошла ярко и стремительно, но этому предшествовали долгие годы его личностного и профессионального самоутверждения. Абрам Дранков, родившийся 3 октября 1880 г., был одним из четырех отпрысков мещанской еврейской семьи: кроме брата Льва, у него были сестры Анна и Мария, и всем им предстояло сыграть свои роли в необычайной судьбе старшего брата. По рассказу того же Лемберга (пасынка сестры Анны, вышедшей замуж за фотографа Григория Лемберга), юношеские годы Дранкова прошли в Феодосии и Севастополе, и уже тогда в полной мере проявились важнейшие черты его натуры: предприимчивость, неумное честолюбие, тяга к знаниям и необычайная коммуникабельность. Если прибавить к этому неизбывную тягу к внешнему лоску и светскости, рассчитанных на благосклонность противоположного пола, то, очевидно, что этот букет внешних качеств должен был производить неизгладимое впечатление на окружающих. Не получив даже минимального общего образования, он самостоятельно изучил французский, английский и, кажется, немецкий языки, по слуху выучился игре на различных музыкальных инструментах и освоил бальные танцы, став своеобразной достопримечательностью местного общества. Тот же Александр Лемберг вспоминал: *“Если в доме, куда приходил Дранков, не было пианино или других музыкальных инструментов, то у него в кармане почти всегда были какие-то дудочки, свистульки, рожки, гребенки, которыми он прекрасно владел, и, на худой конец, когда при себе ничего не было, он тут же экспромтом брал стаканы, бутылки, графины, чашки – все, что попадалось под руки, доливал водой, и у него получался музыкальный ансамбль, который в его руках чудесно звучал. Среди молодежи и в обществе пожилых людей его очень любили. Не было в городе свадьбы, именин, дня рождения или же других торжественных вечеров, чтобы его не приглашали <...>; он умел веселить и занимать компанию, с ним было легко и просто, его музыкальные способности активизировали участников вечеров независимо от возраста. Несмотря на свой невысокий рост и несколько угловатую фигуру, он великолепно танцевал, что дало ему возможность открыть свой танцкласс и быть его руководителем. Эта профессия в то время была редкой и неплохо оплачивалась, в этой области он делал большие успехи, у него появилось много учеников и учениц... Он не пил, не курил, но общество девушек его вполне устраивало, их он очень любил, и они ему отвечали взаимностью. В городе все его знали, одевался он по последней моде, лучше всех, носил цилиндр, единственный в городе”*.

Прожив несколько лет в семье своего зятя, профессионального сева­сто­поль­ско­го фото­гра­фа Гри­го­рия Лем­бер­га, Дран­ков од­на­жды за­ин­те­ре­со­вал­ся его ре­мес­лом и, взяв вме­сте с млад­шим бра­том Ль­вом не­сколь­ко прак­ти­че­ских уро­ков, осво­ил эту про­фес­сию, что, как ока­залось, пре­оп­ре­де­ли­ло всю его даль­ней­шую судь­бу. По­уп­раж­няв­шись в пор­тре­ти­ро­ва­нии учени­ц сво­его танц­клас­са, в съем­ках пей­за­жей и жан­ро­вых сце­нок, три ме­ся­ца спу­стя он счел себя вполне под­го­тов­лен­ным к но­вой кар­ье­ре. *“Ты научил меня фото­гра­фии, через год по­смот­ришь, что я сде­лаю, и как твою спе­ци­аль­ность ис­поль­зую”*, – по­обещал он сво­ему учи­те­лю перед отъез­дом в Петер­бург. В сто­ли­цу его вел ин­стинкт Ра­сти­нья­ка, но в ва­ри­ан­те сева­сто­поль­ско­го обыва­те­ля, пре­жде чем за­во­е­вать мир, ему не­пре­менно сле­до­ва­ло пере­менить ве­ру пред­ков на пра­во­славие или хотя бы лю­те­ран­ство, ина­че жизнь в сто­ли­це Рос­сий­ской им­пе­рии бы­ла бы ему за­ка­за­на.

К на­ча­лу 1905 го­да Алек­сандр и Лев Дран­ковы – со­всем не­из­вест­ные в про­фес­си­о­наль­ной сре­де вла­дель­цы скром­но­го петер­бург­ско­го фото­ате­лье. Вско­ре Дран­ков-стар­ший, од­ним из пер­вых в Рос­сии, об­за­велся в Лон­доне элек­три­че­ской ос­вети­тель­ной ап­па­ра­ту­рой и зер­каль­ной фото­ка­ме­рой 9x12. С таким тех­ни­че­ским ос­на­ще­нием он бы­стро до­бил­ся вы­со­ких про­фес­си­о­наль­ных ре­зуль­та­тов и при­об­рел ав­то­ри­тет ма­сте­ра фо­то­ре­пор­та­жа. Его сним­ки с сю­же­та­ми офи­ци­аль­ной рос­сий­ской хро­ни­ки пе­ча­та­лись в лон­дон­ской “The Times” и в па­риж­ской “L’Illustration”, а са­мые удач­ные кад­ры, за­пе­чат­ле­вшие рос­сий­ско­го им­пе­ра­то­ра, при­не­сли ему пре­стиж­ное зва­ние “пос­тав­щи­ка Дво­ра Его Ве­ли­че­ства”.

На вол­не пер­вых успе­хов, ис­поль­зуя но­вые тех­но­ло­гии, Дран­ковы от­кры­ва­ют в сто­ли­це сеть де­ше­вых элек­тро­фото­гра­фий. По оцен­ке Лем­бер­га, их бы­ло не ме­нее пяти­де­ся­ти; но в ис­то­рии ос­тался а­дрес лишь глав­ной, рас­по­ла­га­вшей­ся в до­ме 82 на Нев­ском про­спек­те. Эти пред­при­я­тия со­ста­ви­ли серь­ез­ную кон­ку­рен­цию фото­гра­фам тра­ди­ци­он­ной шко­лы, по старин­ке поль­зо­вав­шим­ся ис­клю­чи­тель­но сол­неч­ным ос­ве­ще­нием. До­пол­ни­тель­ной при­ман­кой дра­н­ков­ских за­ве­де­ний стал взвод смаз­ли­вых кон­тор­щиц, спе­ци­аль­но нан­я­тых для за­вле­че­ния кли­ен­тов и с этой це­лью одетых хо­зяи­ном в сме­лые туа­леты. Как ни стран­но, но, по рас­ска­зу дру­го­го ос­ве­дом­лен­но­го ме­му­а­ри­ста, фото­гра­фия, не­смот­ря на все ухищ­ре­ния, не да­ва­ла им поч­ти ни­ка­ко­го до­хо­да, и они за­ни­ма­лись боль­ше ком­ис­си­о­нер­ством: все­гда что-то по­ку­па­ли и пе­ре­про­да­ва­ли.

К тому же, по натуре Дранков вообще не был склонен к основательности и кропотливому ведению дел и вскоре потерял всякий интерес к этой затее, завершившейся крахом и скандальным разрывом с иностранным компаньоном.

Обратив внимание на шумный публичный успех “движущейся фотографии”, в начале 1907 года он едет в Париж и какое-то время наблюдает методику и технологию производства на местных киностудиях, одновременно пытаясь заручиться деловыми связями и выгодными контрактами с французскими производителями. В Петербург Дранков возвращается со съемочной камерой и с новой энергией бросается в захватывающую стихию кинохроникерства. Один из первых летописцев киноистории запечатлел его в порыве подвижнических трудов и дал вполне исчерпывающее описание его профессионального стиля: *“Господа, расступитесь!.. Эй, картуз, куда прешь?...Мадам, у вас хорошая шляпа, но зачем же лезть в объектив? Мосье квартальный, ради Бога, мосье квартальный... Вот вам за труд... Ваше благородие, поощрите его зуботычиной... Осади, осади назад!..*

А в это время успевал двадцать раз взглянуть в фокус, усиленно вертел ручками для фильмы и платформы, отбивал ногой натиск толпы, отдавал приказанья чумазому (помощнику. – Р.Я.), заискивающе улыбался “их благородию” <...> Проявив и напечатав ленту, он носился с нею по петроградским театровладельцам, пристраивал, убеждал, угрожал. <...> Но когда давал рекламу, <...> любил прихвастнуть, прилгнуть на три четверти, упомянуть об операторах из Лондона, Парижа, Буэнос-Айреса и Вашингтона, о каких-нибудь несуществующих машинах для съемки лунных пейзажей или о новом грандиознейшем деле с основным капиталом в пять миллиардов. Любил пышность, помпу, бутафорщину”^{vii}.

На самом деле за маражами рекламных обещаний стояли весьма скромные материальные возможности. В своем фотоателье на Невском проспекте Дранков устроил крохотную кинолабораторию, изготавливая русские титры к зарубежным лентам по заказам владельцев

Логотип студии А.Дранкова

столичных синемаатографов. Именно в этих неказистых стенах зрели его наполеоновские планы.

Узнав о планах некоей зарубежной фирмы экранизировать пушкинского “Бориса Годунова” в постановке Московского Художественного театра, Дранков решил опередить всех и задумал перенести на пленку ту же пьесу, но в исполнении труппы петербургского театра “Эден”. В успех этого предприятия, кажется, никто не верил. Трудно было поверить в серьезность каких-либо намерений в области искусства, видя такую забавную фигуру, как Дранков. Маленький, толстый, толстогубый, с ярко-рыжими волосами, всегда потный, спешащий, жестикулирующий, он произвел неблагоприятное впечатление на артистов уже тем, что с каждым торговался, как на рынке. И действительно, техническое и художественное качество отснятого киноматериала было столь удручающим, что Дранков так и не решился выпустить свой опус на широкий экран, но, чтобы оправдать расходы, запродавал его в провинцию под названием “Дмитрий Самозванец”.

Первая неудача не только не охладила пыл “российского Сэмюэля Голдвина”, но, напротив, подтолкнула к новым инициативам. Объявив осенью того же года об открытии “первого в России синемаатографического ателье” по “выделке лент” (к тому времени еще мифического), Дранков, по сути, открыл историю отечественной коммерческой кинематографии. Ее первые страницы были написаны в условиях весьма экзотических – “Усовершенствованное синемаатографическое ателье” представляло собой довольно грязную каморку с двумя фиксажными ваннами и сушилками. Единственным усовершенствованием ателье являлось обилие крысоловок по углам, которые препятствовали неблагоприятным животным тонуть в ваннах, где фиксировалась “благородная лента”.

В феврале 1908 г. дранковская “кинофабрика” представила отечественному кинорынку серию документальных сюжетов из русской жизни, продемонстрировавших высокую репутацию мастера событийной хроники. Впрочем, без активного соучастия операторов Бернштейна, Ивана Фролова, младшего брата Льва, а позднее – Григория и Александра Лембергов, привлеченных к киносъемкам, масштабы деятельности дранковского предприятия были бы существенно скромнее. *“Человек этот был поистине вездесущ: на парадах, похоронах, дерби, пожарах, обвалах, наводнениях, встречах коронованных особ самым непостижимым образом он умудрялся поспевать вовремя. Без него не хоронили, не горели зда-*

ния, не бушевали стихии, не встречались монархи”, – писал один из журналистов^{viii}.

Спеша закрепить за собой лидерство в российском кинопроизводстве, Дранков демонстрировал свои фильмы премьер-министру Петру Столыпину и членам царствующего дома, а также самочинно делегировал себя от имени России на Первую международную синематографическую промышленную выставку в Гамбурге.

15 октября 1908 года в Петербурге состоялась премьера фильма “Стенька Разин (Понизовая вольница)”, снятого Дранковым и Николаем Козловским в постановке Владимира Ромашкова в дачных окрестностях северной столицы. В присутствии ему стиле пионер русского кино оповестил “почтенную публику” о своем новом достижении: *“Затратив громадные средства и массу труда и времени, я приложил все усилия к тому, чтобы картина, как в техническом выполнении, так в самой обстановке пьесы и ее исполнителей, стояла на том высоком уровне, какой подобает ленте, делающей зру в нашем кинематографическом репертуаре”*^{ix}.

Несоответствие рекламных обещаний реальному качеству инсценировки было разительным, но в главном ее инициатор не ошибся – успех первого отечественного игрового фильма, несмотря на кустарность изготовления, был невероятным и не только принес Дранкову солидную прибыль, но и уверенность в избранном деле.

В 1912 году Дранков перебирается в столицу русской кинопромышленности Москву и организует совместное дело с владельцем костюмерной мастерской Алексеем Галдыкиным. Он выпускает серию комедийных короткометражек с постоянной комической маской “дядей Пудом” в исполнении Виктора Авдеева – в подражание популярному американскому комику Джону Бюни, известному в России под именем Поксона. Но уже в марте 1914 года компаньоны рассорились, и Дранков продолжил дело самостоятельно, сумев сохранить, однако, его первоначальный размах. По данным справочника “Вся кинематография”, в тот год его фирмой было выпущено около 80 фильмов, общий метраж которых исчислялся 52 000 метрами негатива.

Вскоре Дранков сумел очаровать “русского Круппа” – промышленника Алексея Путилова и увлечь его своими планами, учредив с ним акционерное общество (в качестве промежуточного приза он получил при этом почетное звание купца первой гильдии).

Жанровый диапазон и художественный уровень дранковских постановок оставался неизменным: это были все те же сенсационно-

бульварные “боевики”, такие, например, как нашумевший сериал “Сонька – Золотая ручка”.

Между тем далеко не все современники были единодушны в отрицании дранковской музыки и его места в русской кинематографии. Анонимный рецензент “Кине-Журнала”, например, отмечал: *“Нет спора, что направление А.О.Дранкова ложно, но по-своему он хорош. Он поклоняется своему богу. В нем есть размах, который заставляет забыть “первородный грех” ложно выбранного направления. В своей сфере Дранков – это Лентовский русской кинематографии. Сенсация – это колыбель кинематографа, от которой он уже ушел. Следовало бы ее оставить и А.О.Дранкову. И, если бы он перевел свой размах и свою энергию для создания художественных картин, – они, быть может, стояли бы не ниже ханжонковских”*^х.

Рассматривая дореволюционный период кинематографической карьеры Дранкова, нельзя обойти вниманием и его постоянный интерес к еврейской теме, проявлявшийся в весьма рискованных с точки зрения цензуры сюжетах, тематика которых обгоняла свое время. Первые опыты этого рода относились к жанру документалистики: в 1909 г. Дранков запечатлел на пленке заметные события общественной жизни Петербурга – похороны барона Г.О.Гинзбурга (23 февраля) и депутата III Государственной думы О.Я.Пергамента (18 мая; участниками этого сюжета стали видные оппозиционеры, лидеры кадетской партии Павел Милуков, Федор Родичев и Генрих Слиозберг), однако показы этих хроникальных сюжетов, поначалу разрешенные на окраинах империи, вскоре были повсеместно запрещены.

Примечательным опытом провокации Дранковым общественной морали представляется игровая картина “Клара Штейнберг (Болезнь века / Убийство нерожденного)”, снятая в конце 1915 года на волне интереса к так называемому “половому вопросу” и производным от него темам, в частности, к запрету абортов, перешедшему из сугубо медицинской области в сферу публичного обсуждения.

Это творение Дранкова тоже постигла печальная участь: несмотря на первоначальное разрешение цензуры, показы картины, “оскорбляющей общественную нравственность”, также были запрещены. Стремясь возместить убытки, в январе 1916 года он отправился в Одессу для экранизации “Улицы” Семена Юшкевича, но какие-то причины помешали довести съемки до конца.

В марте 1917 г. на волне общего интереса к запретным темам уже отмененной царской цензуры Дранков анонсировал картину, посвященную убийству черносотенцами видного деятеля кадетской партии депутата III Государственной думы Осипа Герценштейна. Но и теперь довести работу до конца помешали трудности, сорвавшие производство и другого сюжета – “Лея Лифшиц (Светлый луч в жизни Николая Романова)”^{xi}.

В феврале 1917-го в России пало самодержавие. Исторические перемены пробудили инициативу кинопредпринимателей, наперебой бросившихся выпускать “разоблачительные” и “революционные” постановки. Одним из первых на новую конъюнктуру откликнулся, конечно же, Дранков (фильмы “Георгий Гапон”, “Бабушка русской революции” и др.), однако его кипучую энергию серьезно сдерживал “пленочный кризис”, поразивший русскую кинематографию после введения в конце 1915 года “военных” квот на экспорт сырой пленки из стран-производительниц (прежде всего из Англии) в Россию^{xii}.

В ожидании лучших времен Дранкову пришлось обратиться к иным занятиям, например, к устройству летних гастролей балерины бывшего Императорского Большого театра Екатерины Гельцер по курортным городам юга России.

К октябрю 1917 года он вернулся в Москву и вновь занялся поиском средств для возрождения своего предприятия, но его усилия были прерваны большевистским переворотом. Как и многие москвичи, Дранков стал очевидцем и невольным заложником кровопролитных городских боев “за власть Советов”, которые, по его рассказу американскому историографу российского и советского кино Джею Лейде, он, вместе с другими обывателями, пересидел в подвале своего московского дома^{xiii}. Летом следующего года Дранков в компании с немногочисленными сотрудниками и знаменитым “королем фельетона” Власом Дорошевичем выехал на юг, как было объявлено, для экранизации знаменитой книги последнего “Сахалин (Каторга)”. Киноэкспедиция была лишь легальным основанием для выезда из советской России – ни один метр заявленного фильма так и не был снят, а “съемочная” группа распалась сразу же по приезде в гетманский Киев.

К концу 1918 года следующей остановкой на этом пути стала Одесса, где Дранков попытался утвердить себя на привычном поприще. Там он объявил об открытии “Практической киностудии при первой в России кинематографической фабрике А.О.Дранкова”, но все дело свелось к открытию крохотного “Те-

атра интермедий”, об уровне которого можно судить по анонсу, сопровождавшему печатные программки: “посетители могут смотреть представления в верхней одежде”^{xiv}.

Бесперывная смена властей и режимов в городе, погромы, реквизиции, аресты и репрессии вновь заставили его двинуться в путь – на сей раз в Крым, где еще сохранялись остатки стабильности и порядка. Несмотря на то, что в Ялте прочно обосновались его давние конкуренты и недоброжелатели Александр Ханжонков и Иосиф Ермолев, Дранков сумел найти источники поставок дефицитнейшей киноплёнки, занялся досьеками ранее остановленных постановок и выпустил на крымские экраны несколько игровых лент – “Жизнь Гаррисона”, “Сын моря” и др.

Дранков был в числе тех, кто не стал дожидаться взятия Перекопа красными частями и заблаговременно покинул родину. Пути русских беженцев на чужбину были весьма причудливыми, но первый пункт остановки для многих был один – Константинополь.

С появлением российских беженцев колоритная физиономия восточного города, унаследовавшего черты многих культур и верований, приобрела новые черты. По впечатлению одного из них, *“Константинополь производит впечатление веземельного, вольного города, чего-то “ганзейского”. Стамбул-саркофаг, Галат-лайка, Пера-трактир, и всюду русские, русский язык, русские нравы”*^{xv}.

В русской колонии Константинополя, насчитывавшей в 1921 году не менее 150 тысяч человек, оказалась и немалая часть литературно-художественной богемы: группа актеров Художественного театра, несколько оперных и драматических антреприз, литераторы, художники, артисты кабаре и цирка и т.п. На фоне общего беженского хаоса и растерянности они показали завидную способность к самоорганизации и творческой активности, и эти качества сразу же были востребованы не только соотечественниками, но аборигенами и оккупационными властями.

Свое место в этом разношерстном сообществе занимали кинематографисты и те, кто примкнул к ним в изгнании (театральный режиссер Сергей Надеждин, живописец Борис Билинский, драматический актер Аршавир Шахатуни и др.). Возможно, этому способствовало и то, что Константинополь был кинофицированным городом, европейская часть которого насчитывала не менее десятка кинозалов. Судя по объявлениям русскоязычных изданий, анонсировавших в этих залах российские картины предыдущих лет, можно предположить, что, по меньшей мере, половина этих

предприятий в той или иной степени была связана с эмигрантской колонией^{xvi}.

По сравнению с другими, положение Дранкова в Константинополе было явно невыигрышным: для того чтобы возобновить собственное кинодело, он не располагал источниками финансирования и техническими возможностями. Он ограничился маленькой прокатной конторой, предлагая клиентам старые ленты своего производства, которые ему удалось вывезти при эвакуации, но вряд ли они пользовались большим спросом и могли обеспечить достаточный доход для расширения дела. Природная изобретательность навела его тогда на коммерческую идею совершенно оригинального рода, подобной которой, кажется, до того не знала история отечественной индустрии развлечений, – тараканьи бега, столь красочно описанные Аркадием Аверченко, Алексеем Толстым и Михаилом Булгаковым. Впоследствии это экзотическое развлечение было воспринято как яркая художественная выдумка, но исторические данные подтверждают реальность его существования и, что самое главное, – причастность к нему Дранкова. Рассказывая о необычайном размахе игорного бизнеса среди беженцев, драматург и беллетрист Илья Сургучев свидетельствовал: *“<...> мы развели такой игорный азарт, что <...> мимо рулеток страшно пройти. Одних лото мы пооткрывали в Константинополе более шестисот. <...> Мы сочинили петушиные бои, запрягали тараканов в тележки и устраивали скачки с ипподромом и тотализатором. Начальник английской полиции пришел запретить их и ушел, проигравши на этом деле триста лир”*^{xvii}.

По сообщению русского еженедельника, издававшегося в Константинополе, Дранков арендовал один из залов “Русского клуба”. Звездами дранковского заведения были “скакуны” под самыми невероятными кличками: “Мишель”, “Мечта”, “Прощай, Лулу” и общий фаворит – “Люби меня, Троицкий!”^{xviii}.

Командование оккупационных союзных войск, обеспокоенное непрерывными скандалами, сопровождавшими работу этого аттракциона, запретило его под страхом уголовного наказания. Но находчивый устроитель, не желавший терять успешное дело, моментально перестроился и трансформировал “тараканьи бега” в “автомобильные гонки”, но техническое несовершенство замены быстро разочаровало завсегдатаев, и Дранков свернул дело^{xix}.

Следующим дранковским предприятием стал крохотный кабаре-театр “Bal-Tabagін”, открывшийся в канун нового 1922 года в подвале концертного зала “Принтания”, но состав труппы и

качество репертуара не позволили ему конкурировать с более респектабельными заведениями – “Гнездом перелетных птиц” Аверченко, “Черной Розой” Вертинского, “Олимпией” или “Пель-Мель”. Жалкое существование этой антрепризы подтолкнуло Дранкова к новой инициативе: весной 1922 г. он затеял аттракцион под зазывным названием “Луна-парк”, на некоторое время привлекая к себе общее внимание. Но и здесь его подстерегла очередная неудача: по злорадному замечанию одного из русских константинопольцев, “гигантский “Луна-парк” А.О.Дранкова взорвался со страшным конфузом”. 15 сентября в нем случился большой пожар, а разбушевавшимся огнем “павильон и сцена уничтожены до основания”^{xx}. По-видимому, это несчастье, съевшее остатки дранковских капиталов, окончательно похоронило его надежды на обустройство в Турции и побудило к новому переезду. Осуществить же это было весьма непросто: как и многие российские беженцы, Дранков не имел необходимых документов и средств, а “неоднозначность” деловой и личной репутации автоматически закрывали перед ним многие двери. Но тут в судьбу Дранкова вновь вмешалась политика, на сей раз помогшая ему выпутаться из, казалось бы, безвыходного положения.

Летом 1923 г. жизнь русской колонии в Константинополе неожиданно осложнилась: лидер младотурецкой революции Мустафа Кемаль (Ататюрк), инспирированный большевистской Москвой, объявил о высылке российских беженцев из страны. Тысячам людей было предложено в срочном порядке покинуть страну под угрозой непредсказуемых последствий в случае невыполнения этого решения. Требование о депортации намеренно было выдвинуто в тот момент, когда по условиям мирного договора из Турции началась эвакуация союзных войск Антанты – единственной силы, гарантировавшей физическое выживание беженцев из России. В операцию по спешной эвакуации россиян из Константинополя включились американские благотворительные организации и Международный Красный Крест^{xxi}. Не менее двадцати транспортных пароходов переправили большую часть беженцев в Болгарию и Югославию, а часть из них (преимущественно евреи и те, кто имел родственников в США) получила разрешения на приезд в Нью-Йорк. Это “великое переселение народов”, развернувшееся в августе-октябре 1923 г., в числе прочих перенесло за океан и Дранкова, хотя точная дата его приезда в Соединенные Штаты пока не установлена^{xxii}.

О новой одиссее Дранкова, которого на родине уже считали покойником, стало известно коллегам, оставшимся на родине, и эта тема еще долго оставалась предметом их завистливых пересудов и домыслов. Не поддерживая никаких связей с “белоэмигрантом” (до конца 1920-х годов это позволялось лишь ближайшим родственникам), кинематографисты были уверены в том, что удачливость и неистощимая изобретательность не изменили Дранкову и в Америке, принеся долгожданное богатство и славу. Даже семь с лишним десятилетий спустя один из немногих его приятелей – Борис Вольф с восхищением рассказывал легенду, в которой факты дранковской биографии густо перемешались с его представлениями об американской мечте: *“Он <...> научился американскому способу мышления, способу действия, изобрел моментальную фотографию и всю Америку усеял этими фотографиями. Стал богачом. Это же исключение, это же не каждый человек мог. Я 70 с лишним лет в кино, знаете, что я получил?”*^{xxiii}

На самом деле новую американскую жизнь Дранков начал подобно всем неимущим иммигрантам: *“Он уже натренировал свои мускулы, работая грузчиком в одном из наших доков. Он получил очередной продвинутый урок из американского курса зависимости, натирая полы и подметая тротуары перед одним медицинским учреждением в этом городе (Нью-Йорке. – Р.Я.)”*^{xxiv}.

Едва лишь ощутив более или менее твердую почву под ногами, Дранков вернулся к идее завоевания местного кинорынка, пользуясь испытанными способами. Поначалу он решил посредничать в сделках между американскими киностудиями и советскими экспортными организациями^{xxv}, но быстро понял, что его деловая и политическая репутация не внушают доверия ни тем и ни другим. Тогда Дранков объявил об открытии передвижного кинематографа, рассчитанного на многочисленную русскоговорящую колонию Нью-Йорка^{xxvi}. Эта затея, по-видимому, оказалась более удачной и позволила ему какое-то время продержаться на плаву, хотя и не утолила привычных амбиций. Именно в это время во влиятельнейшем издании еврейской колонии Восточного побережья – еженедельнике “The Jewish Tribune” – появилась полурекламная статья, представившая Дранкова малосведущим читателям как виднейшего деятеля российской кинематографии и завидного партнера американских коллег. Им было невдомек, что эта публикация появилась на свет благодаря давнему знакомству героя статьи с главным редактором журнала, видным журналистом, публицистом и переводчиком Германом Бернштейном (1876–1935)^{xxvii}. Для американско-

го издателя дранковский сюжет был, скорее, жестом доброй воли по отношению к бывшему деловому партнеру, с которым он в свое время занимался прокатом “сенсационных” хроникальных лент о Толстом и Леониде Андрееве в Европе и Америке. Для Дранкова же, озабоченного своим паблисити в американской киноиндустрии, это было огромной удачей: он удостоился журнальной рубрики, героями которой обычно были всемирные знаменитости, посещавшие США (в те месяцы, например, ими были Макс Рейнгардт и Эрнст Любич). Вне зависимости от того, подарила ли статья пропуск Дранкову в Голливуд или нет, сама по себе, она является очень ценным биографическим источником, раскрывающим немало интереснейших деталей его биографии, несмотря на то, что многие из них были поданы читателю в преувеличенном или искаженном виде. Во всяком случае, столь добросовестный и осторожный исследователь, как Джей Лейда, воспользовался этим текстом при описании хроникальных съемок Льва Толстого^{xxviii}.

В январе 1927 г. Дранков объявил об открытии своего кинопредприятия в Голливуде и дебютном проекте – постановке “русского” фильма под названием “Августейший любовник”. В русской газете сообщалось о том, что сценарий фильма был написан самим Дранковым, решившим перенести на экран историю любовного романа молодого цесаревича Николая Александровича и солистки Императорского балета Матильды Кшесинской^{xxix}. Судя по интервью, данному одному из американских журналистов, прежде чем вернуться в поле общего внимания, Дранков тщательно изучил производственную кухню Голливуда, для чего прошел инкогнито “стажировку” на одной из киностудий под именем Джона До (John Doe). Похвалив непревзойденный технический и художественный уровень американской кинематографии, Дранков заявил: *“Я здесь не для того, чтобы революционизировать процесс кино съемок и поразить публику картинами бессмысленного или экстраординарного содержания. Моя задача – применить тщательно изученные мною современные методы производства в постановках, которые ждет публика”*^{xxx}.

Обуреваемый грандиозными планами, он решил еще раз заручиться поддержкой нью-йоркского покровителя:

“Дорогой господин Бернштейн!

Еще совсем недавно пишущий эти строки впервые увидел Америку, великую державу, к которой приковано всеобщее внимание, и особенно тех, кто честолюбив и стремится к успеху. <...> Благодаря Вашей чудесной газете и с легкой руки Луи Рича, кото-

рого я искренне почитаю, как одного из величайших американских писателей, я был удостоен большой чести. Меня даже назвали "Героем фильма, имя которой – Жизнь", подробно осветив мою биографию. Эта статья не раз помогала мне утвердиться в борьбе за место в здешнем киномире. Она послужила еще больше моему директору господину Билу Варту, который добился исключительного внимания к моему предприятию со стороны общественности всех Соединенных Штатов.

Я хочу поблагодарить Вас за оказанную поддержку, за Вашу доброту и безграничное великодушие, и, прежде всего за то, как любезно Вы встретили и приняли меня, как только я прибыл в Америку. Все это я очень ценю.

Скоро я начинаю производство. Первый полнометражный фильм по моему сюжету под названием "Царская любовь" изображает жизнь царя. После этого я рассчитываю сделать сериал, который я задумал еще пятнадцать лет назад в России, главным героем которого будет женщина – скрытная и неуловимая, всегда стремящаяся помочь беднякам, дарящая свою любовь и заставляющая любить себя, и даже когда за ней охотится полиция и сыщики, она никогда не попадает. На этот фильм будет затрачено не меньше, чем на хорошую мелодраму, и, кроме того, он будет полон острых, захватывающих моментов.

Вы, без сомнения, должны помнить давно покойного писателя Леонида Андреева. Не знаете ли Вы, где можно раздобыть какие-нибудь из его работ? Мне кажется, они могли бы послужить хорошим материалом для картин. Что Вы думаете об этом, господин Бернштейн?"^{xxxii}

Однако надежды Дранкова на то, что адресат примет финансовое или информационное участие в его предприятии, оказались несостоятельными. К тому времени Бернштейн, по-видимому, совершенно утративший интерес и к автору письма, и к его проектам, оставил письмо без ответа.

Как это бывало и раньше, дальше рекламных анонсов дело у Дранкова не пошло. Голливудская затея стала последним выплеском его деловых амбиций. Объяснение этой неудачи теперь вполне очевидно: помимо организационно-финансовых проблем, его постановка была заведомо блокирована новой технологической конъюнктурой, сложившейся после победы звукового кино, а существование полукустарных предприятий эры "немого" кинематографа, ориентированных на малобюджетные постановки, уже потеряло всякий смысл.

Очередная неудача не сломила Дранкова. На протяжении нескольких лет он перепробовал себя в разных качествах: летом 1930 года он открыл в Голливуде ресторан^{xxxii}, но быстро разорился и, в конце концов, дошел до малопочтенной роли киностатиста. Лишь исчерпав все мыслимые и, вероятно, немислимые возможности, Дранков навсегда покинул Голливуд и кинопроизводство. Раздобыв минимальный капитал, он на какое-то время стал хозяином уличного кафе в калифорнийском городке Венеция, но неумение систематически вести дела вновь привело его к разорению. К концу жизни он вернулся к тому, с чего когда-то начинал – к маленькой фотолаборатории в Сан-Франциско по проявке и печати любительских снимков^{xxxiii}.

Там-то и разыскал его ранней осенью 1945 года Джей Лейда, собиравший материалы и свидетельства современников для своей монументальной работы по истории российского кинематографа. В архиве американского киноисторика сохранился последний из известных теперь автографов Дранкова – его письмо Лейде от 25 сентября 1945 года, написанное на ломаном английском:

“Dear Mr. Leyda,

I received your letter today.

I feel very sorry. But it`s very hard for me to leave my business to come to Los Angeles.

I would be very glad if you could visit me in San Francisco. I have many newspaper clippings that could be of use to you in your Publishing.

It would be very hard for me to send all my Papers to you. I would much rather talk to you in Person, if it could be arranged.

Mr. Leyda, in some time I might be able to come to Los Angeles. But in, regarded to this letter I would like to know just when you need my information. Please let me know beforehand when you are coming to San Francisco.

Hoping to see you soon.

Sincerely

Alexander Drankoff^{xxxiv}.

При встрече гость записал со слов Дранкова некоторые из эпизодов его богатой жизненной одиссеи и познакомился с архивом хозяина, коротавшего дни в полном одиночестве. Посетовал ли тогда Дранков своему собеседнику на капризы судьбы и неблагодарную память современников, начисто позабывших о его бывших приоритетах? Этого мы уже никогда не узнаем. Архив пионера русской кинематографии унесло время, и даже дата его смерти долгое время

оставалась неизвестной. Лишь недавно петербургскому историку Александру Позднякову посчастливилось найти всеми забытое место упокоения Абрама Осиповича Дранкова, похороненного 9 января 1949 года на еврейском кладбище в калифорнийском городке Колма. Просмотрев записи в похоронной конторе, Поздняков убедился в том, что, вопреки легендам, денег на банковском счете покойного почти не было, и расходы по ритуальным услугам были оплачены местной общиной^{xxxv}.

ⁱ См.: *Соболев Р.* Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М., 1961; *Гинзбург С.* Кинематография дореволюционной России. М., 1963; *Рогова В.* Бег Александра Дранкова. Он соперничал с Ханжонковым и бесследно исчез в Сан-Франциско // *Независимая газета* (М.). 1997. 17 дек. С.8; *Михайлов В.* Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 1998. С.226–230.

ⁱⁱ *Rashit Yangirov.* Alexander Drankov // *Silent Witnesses. Russian Films 1908–1919 / Testimoni silenziosi. Film russi 1908–1919.* London-Pordenone, 1989. P.554–561; *Янгиров Р.:* Александр Осипович Дранков // *Великий кинемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919.* М., 2002. С.505–508; *Он же.* Приключения Рыжего “Арапа” // *Искусство кино.* М., 1995. №.1 (то же: Мигающий синема. Ранние годы русской кинематографии. М., 1995); *Rashit M. Yangirov.* Man of Fortune. A Sketch of Alexander Drankov’s Life After Russia // *Film History. An International Journal.* Teaneck, New Jersey – Sydney, 1999. №2; *Он же.* “Рыцарь удачи” на чужбине. Новые материалы к биографии Александра Дранкова // *Киноведческие записки.* М., 2001. №50.

ⁱⁱⁱ *Ватолин В.* Макс Линдер и некто... Дранков // *Театр в карикатурах.* М., 1913. №15. С.18.

^{iv} “Срыв” – ускоренная постановка фильма с сюжетом и названием, идентичными снимаемому конкурирующей фирмой. Выпуск скороспелого суррогата гарантировал коммерческий провал параллельной кинопостановки и невозможность ее последующей продажи прокатчикам.

^v Здесь и далее воспоминания Лемберга цитируются по: *Лемберг А.* Я был мальчиком при Дранкове // *История отечественного кино. Документы. Мемуары. Письма.* М., 1996.

^{vi} *Экран России.* Петроград. 1916. №2–3. С.10.

^{vii} *Экран России.* 1916. №2–3. С.9.

^{viii} Там же. С.10.

^{ix} Цит. по: *Лихачев Б.* Кино в России (1896–1926). Материалы к истории русского кино. Часть I. 1896–1913. Л. С.51.

^x *Кине-Журнал.* М., 1914. №20.

^{xi} *Кине-Журнал.* 1917. №5–6; Там же. 1917. №7–10.

^{xii} По мнению британских историков, этот закон, вынужденно принятый в условиях военного времени, резко ограничил развитие национ.

кинопромышленности и ее экспортные возможности, что в конечном счете подорвало ее позиции на мировом рынке. – *George Perry*. The Great British Picture Shaw. London, 1974. P.42. Об этом см. также: *Richard Law & Roger Maxwell*. The History of the British Cinema. Vol.III. 1914–1918. London, 1973.

^{xiii} *Jay Leyda*. Kino. A History of the Russian and Soviet Film. London, 1983. P.111. Есть основания думать, что одной из причин бегства Дранкова из советской Москвы были и его кинопостановки на “злобу дня”, в которых осуждалась прогерманская агитация ленинской партии. Например, фильм “Большевик” был выпущен на экраны города накануне установления в нем сов. власти // Проектор (М.). 1917. №17–18.

^{xiv} Театральный День (Одесса). 1918. 9 нояб. С.4.

^{xv} *Чебышев Н.* Из записной книжки. Отрывки. 1921 год // Возрождение (Париж). 1936. 28 марта. С.2.

^{xvi} Жизнь и Искусство (Константинополь). 1921. 6 февр. С.16.

^{xvii} Отклики (Варшава) 1921. 18 сент. С.2–3.

^{xviii} Зарницы (Константинополь). 1921. № 9. С.28–29.

^{xix} Вечерняя Почта (Константинополь). 1922. 13 янв. С.3.

^{xx} Вечерняя пресса / *Presse Soir* (Константинополь). 1922. 16 сент. С.3.

^{xxi} *Леа*. Эвакуация Константинополя // Новое Русское Слово. (Н.Й.) 1923. 13 сент. С.3.

^{xxii} Судя по газетным сообщениям, число российских беженцев, выехавших из Константинополя в США, определялось цифрой в 15 000 человек. // Новое русское слово (Н.-Й.). 1923. 20, 24 сентября, 4 октября. С.1. В этом издании на протяжении всей осени того года ежедневно публиковались списки новых иммигрантов, однако имя Дранкова мне обнаружить не удалось из-за некомплектности газетных подшивков в моск. библиотеках. Тем не менее достоверно известно, что в США Дранков приехал вместе с женой, бывшей жительницей Ялты Ниной Петровной Дранковой (российский загран. паспорт ей был выдан 20 янв. 1920 г.). В нояб. 1925 г. после развода с мужем она уехала в Европу // National Archives (Washington, D.C.). Russian Consulate Records. M 1486. Box 54.

^{xxiii} *Рогова В.* Киномогикианин. Последнее интервью Бориса Вольфа // Независимая газета (М.). 17 сент. 1999. С.7.

^{xxiv} *Lou Reech*. A Movie Hero of the Film Called Life // The Jewish Tribune (New York). 28 Oct. 1923. P.10.

^{xxv} Деловым партнером этого предприятия Дранкова указывалась компания “Акра” // Новое Русское Слово. 1923. 8 декабря. С.3.

^{xxvi} Там же. Позднее эта информация была воспроизведена и в советской печати. См.: *Анташева П.* Новые тараканы бега // Советский экран. (М.), 1928. № 14. С.4.

^{xxvii} История отечественного кино. С.22–26. Публикация о Дранкове, помещенная в этом сборнике, включает подборку его писем к Бернштейну за 1911–27 гг. из Архива Еврейских исследований (YIVO) в Нью-Йорке.

^{xxviii} См.: *Jay Leyda*. Op. cit. P.42–46. Конспект беседы Лейды с Дранковым о съемках в Ясной Поляне и жизни в Ялте в 1919–1920 гг. хранится

в: The New York University. Tamiment Library. Jay Leyda's Collection. Folder on Russian and Soviet cinema. Box 9.

^{xxx} Новое русское слово. 1927. 7 февраля. С.5. См. также: поздравит. телеграмму русских голливудцев по случаю юбилея указанной нью-йоркской газеты, подписанную Вячеславом Туржанским, Дмитрием Буховецким, Михаилом Вавичем, Михаилом Визаровым и Дранковым // Там же. 1927. 10 января. С.2. Фотография Дранкова в компании с Михаилом Вавичем и Натальей Кованько в Голливуде // Иллюстрированная Россия (Париж). 1927. №11. С.23.

^{xxx} Alexander Drankoff. High Lights on the Colorful Career of the Founder and Pioneer of Motion Pictures in Russia // Hollywood Topics. 22 Jan. 1927. №1. P.14.

^{xxxi} Цит. по: Письмо Дранкова Бернштейну от 11 февр. 1927 г. // История отечественного кино. С.25–26.

^{xxxii} Руль (Берлин). 1930. 12 июня. С.4.

^{xxxiii} *Jay Leyda*. Op. cit. P.119.

^{xxxiv} The New York University. Tamiment Library. Jay Leyda's Collection. Folder on Russian and Soviet cinema. Box 9.

^{xxxv} Подробнее об этом см.: *Поздняков А.* Вечное пристанище Александра Дранкова // Киноведческие записки. М., 2001. №50.

Искусство собирать искусство: Максим Каролик (1893–1963)¹

Иосиф Богуславский (Бостон, США)

Максим Каролик (1941 г.)

Город, в котором он родился, расположен на берегу Днестровского лимана, недалеко от Одессы, один из самых древних в Европе. Ровесник Рима и Афин, город видел многих завоевателей, от греков и гуннов до монголов и турок, которые и дали ему название Аккерман (Белый город). К концу XIX века он, как часть Бессарабии, уже почти сто лет принадлежал России, а немногочисленные евреи, появившиеся здесь еще в незапамятные времена, полной мерой вкушали все «прелести» черты оседлости. Пушкин, побывав в этих краях, чувствовал себя здесь превосходно, на него снизошло

вдохновение «с высоких башен Аккермана» (поэма «Цыгане»), чего нельзя сказать о евреях, на которых с этих же башен «спустились» в 1905 году погромщики. Жертвы были похоронены на местном кладбище, и здесь же погребен оскверненный свиток Торы.

Семья Кароликов принадлежала к ортодоксальному хасидскому еврейству, в рамках которого Максиму всегда было тесновато. Рано проявившаяся тяга к сцене привела его в школу драматического искусства в Одессе, которой руководил ученик Станиславского, пожилой актер, дворянин Савинов, впоследствии погибший в пореволюционной буре. На всю жизнь юноша запомнил его слова: «Есть люди, от которых исходит постоянное ощущение достоинства. Я имею в виду вовсе не внешнюю помпезность, высокую

---

¹ Второй очерк из цикла «Искусство собирать искусство». Первый, «Иосиф Хиршхорн», см.: Русское еврейство в зарубежье. Т.5(10), Иерусалим, 2003. С.239–256.

шляпу и прочее. Речь идет о достоинстве *внутреннем*, проявляющемся во взглядах и чувствах». Незаурядный природный тенор позволил Каролику стать студентом Петербургской консерватории, а затем и петь в Мариинском оперном театре (царские власти иногда делали для талантов милостивейшее исключение из обычаев ксенофобского синдрома).

Большевистский переворот заставил Каролика совершить решительный шаг. Если во времена бессарабских погромов он был еще мал для принятия кардинальных решений, то теперь ему понадобился всего один год, чтобы осознать: его путь – эмиграция. Через много лет, отвечая на вопрос своего интервьюера, он скажет: «Я не могу передать вам, что я перевидал за тот год. Это было невероятно. Революцию можно хладнокровно наблюдать только в кино, да еще, желательно, после хорошего ужина». Он начал с оперных сцен Англии и Италии, а в 1922 году тридцатилетний певец, биография которого была покрыта легким флером российского изгнанника, появляется в Чикаго, где выступает в хоре и дает успешные концерты.

Имя Каролика становится знакомым любителям музыки, о чем свидетельствует такой факт: в 1924 году ему была предоставлена для сольного вечера одна из самых престижных концертных площадок Нью-Йорка с романтическим названием Aeolian Hall (Эолов зал). Незадолго до Максима на этой же сцене выступал, например, Джордж Гершвин с премьерой своей знаменитой «Голубой рапсодии», а среди слушателей были Яша Хейфец, Рахманинов и Стравинский. В репертуар Каролика входили теноровые оперные партии крупнейших композиторов: Верди («Отелло», «Трубадур», «Сила судьбы»), Чайковского («Пиковая дама»), Мейербера («Африканка»). У американских собирателей редкостей чудом сохранилась до наших дней пластинка с записью его исполнения 20-х годов, на которой сквозь технические помехи различим необычный хрипловато-горловой голос. Увы, именно он-то и начал постепенно ему изменять, и вскоре Каролик вынужден был ограничиться домашними выступлениями.

Одно из них стало судьбоносным. 2 февраля 1927 года Каролик был приглашен украсить вечерний прием в богатом частном доме в Вашингтоне. Хозяйка Марта Кодман и гости были в восторге от его пения. В завершение вечера он получил приглашение посетить основную резиденцию мисс Кодман – ее усадьбу в Ньюпорте (штат Род-Айленд). Здесь наш герой и задержался на последующие три с половиной десятилетия. Спустя годы Каролик вспомнит

в одном из интервью: «В моем бессарабском детстве я слышал только о трех американских городах – совсем немного о Вашингтоне, о Нью-Йорке, якобы населенном индейцами, и о Ньюпорте, где в своих замках проводят лето миллионеры». Теперь, встретив в Вашингтоне свою судьбу, а в Нью-Йорке счастливо избежав встреч с индейцами, он воочию убедился, что именно в Ньюпорте он попал в сказку, декорацией которой служили приморские дворцы Вандербильдов, Асторов и прочих магнатов.

Марта, числившаяся тогда среди богатейших женщин страны, родилась в Бостоне и имела безукоризненных предков. Оба ее родителя восходили к стариннейшим родам первопоселенцев, получивших на манер индийской касты прозвище «бостонские брамины» – так называли нетитулованную аристократию, политическую и деловую элиту Северо-Востока США. В ее семье были высшие армейские офицеры периода Гражданской войны, законодатели и крупные бизнесмены. Особенно яркой фигурой был ее прапрапрадед – известный владелец парусной флотилии Элиас Дерби, чей каменный дом до сих пор стоит рядом с верфью в приморском городке Сейлем под Бостоном (кто не помнит печально знаменитый процесс над «сейлемскими колдуньями?»). Корабли Дерби, возможно, самого первого миллионера в Новом Свете, в конце XVIII века пересекали Атлантику и не раз приходили в Петербург с грузом вест-индских товаров. Вот в какие далекие времена в семейных анналах Марты уходит российский след!

Когда она была ребенком, родители вывозили ее на лето в соседний Ньюпорт и уже тогда приобрели участок земли, на котором позднее, по специальному заказу Марты и по проекту ее кузена, популярного архитектора и дизайнера Огдена Кодмана, была построена прелестная вилла в староанглийском стиле. Стены восемнадцати комнат украшали портреты предков, роскошная мебель предыдущих эпох напоминала о семейных традициях, и весь этот экзотический антураж оживляли двенадцать сиамских котов, любимцев хозяйки, никогда не бывшей замужем. После полугода пребывания здесь Максима (над этим периодом затянут плотный биографический занавес) стало известно о назревающей свадьбе. Родичи – «брамины» были в шоке.

Посудите сами. Она – наследница большого состояния, с «голубой» англосаксонской кровью в жилах; он – бедный иммигрант, да к тому же еврей. И еще одна немаловажная деталь: ей в ту пору было семьдесят, ему – тридцать пять. Жуткий мезальянс – определили родственники. За спиной Каролик различал ядовитое шипе-

ние: «музыкальный жених» или того хлеще – «гнусная проделка Купидона!» А что же невеста? В архивных фондах сохранилось ее письмо родной тетке Мэри, единственной из клана не отвернувшейся от отверженной. Вот фрагмент из него: *«За время, что мой жених прожил под крышей моего дома, я хорошо узнала его. Он настоящий джентльмен до кончиков пальцев, умен, у него прекрасный характер, да к тому же он первоклассный певец (последнее было в то время, увы, преувеличением. – И.Б.). Я хорошо понимаю, что люди могут сказать, и тем не менее решаюсь не обращать на это ни малейшего внимания, а получать оставшиеся мне в жизни счастье и удовольствия. Ты, дорогая тетя, одна женщина в мире, которая поймет меня».* Свадебный подарок от тети Мэри был единственным, полученным молодоженами.

На год они уехали в Европу, подальше от пересудов, и обвенчались во Франции. А по возвращении домой Каролики (они оба теперь носили эту фамилию) уже в качестве семейного тандема занялись тем, что и ввело их в ареопаг искусства – коллекционированием. Собственно, еще до встречи с Максимом Марта под влиянием отца, художника-любителя, увлеклась поиском наследственных реликвий XVIII века, переходивших от одного поколения ее предков к другому, зачастую без должного внимания к их сохранности. Тщательно перебирая листочки генеалогического дерева, она находила родственников и убеждала их расстаться с сокровищами, подлинная ценность которых не всеми осознавалась. То, что удавалось разместить в собственной вилле, становилось частью домашнего интерьера, а остальное щедро передавалось Бостонскому художественному музею, одному из самых старинных и известных в стране. С этим музеем будет связана и вся дальнейшая жизнь Каролика.

Он сразу и безоговорочно разделил страсть жены к «коллекционированию красоты». Мало того, с его появлением география поиска существенно расширилась, охватив не только фамильные драгоценности и не только Новую Англию, но и такие соседние штаты, как Пенсильвания и Нью-Йорк. Расширилась и тематика: к портретной живописи и мебели добавились полные изящества

Марта Кодман
Медальон на слоновой кости (1906 г.)

изделия из серебра и художественного стекла с печатями выдающихся мастеров. По понятным причинам доля участия стареющей Марты в собирательстве с каждым годом уменьшалась, но зато Максим был неутомим. Его высокая внушительная фигура, выразительное актерское лицо и экспрессивная речь с сильным русским акцентом были хорошо знакомы дилерам Массачусетса, торгующим стариной. С неистовством незабвенного Остапа Бендера он охотился за мебельными гарнитурами вовсе не с целью завладеть бриллиантами, спрятанными в сиденьях, а в погоне за самими стульями и шкафами как «бриллиантами».

Сохранились воспоминания современников о его покупательском стиле. Памятуя о семейном бюджете, он никогда не забывал сбивать цену. Его любимым шутливым девизом был: «Maximum Karolik of the Minimum Prices». К вожаденному предмету мебели он обращался в женском роде. Прежде чем углубиться в тщательное изучение состояния каждого ящичка или полочки, он обходил раритет со всех сторон, причмокивая и бормоча: «Ах, какая прелесть, какие формы! Взгляните на эти волшебные изгибы...». Окружающие ощущали в этом даже что-то сексуальное.

Однажды Каролик прослышал, что две сестры по фамилии Куртис, дальние родственники упомянутого Элиаса Дерби, владеют каким-то необыкновенным «двойным» комодом красного дерева из реликвий судовладельца. Без промедления прибыв на место, Максим убедился, что перед ним действительно восхитительное произведение знаменитого американского резчика Сэмюэля Мак-Интайра, чьи работы представлены не только в домах богачей, но даже на панелях Капитолия в Вашингтоне. Однако самым потрясающим оказалось назначение комода: в его ящиках ...дозревали груши из сада родственницы! Это был единственный случай, когда Каролик не торговался. Он тут же заплатил запрошенную цену – 17 тысяч долларов – и увез чудо-комод вместе с греческой богиней победы Никой на его верхушке.

В 1938 году коллекция американского искусства XVIII века, состоящая из 350 раритетов и оцениваемая по тому времени в полмиллиона долларов, была передана Кароликами Бостонскому музею, который специально для нее выделил четыре галерейных помещения. Торжественная церемония открытия была освещена не только местной, но и общенациональной прессой, причем всюду отмечалось отсутствие «виновников», объяснивших это тем, что внимание зрителей должно сосредоточиваться «на коллекции, а не на ее дарителях». Через два года музеем был выпущен полный ка-

талог экспонатов с фотографиями каждого из них и научными пояснениями, составленными Максимом. До сих пор этот труд является ценнейшим пособием по прикладному искусству Америки колониального периода. В каталоге опубликовано примечательное письмо Каролика директору музея (1938 г.), в котором, в частности, говорится:

Моя жена и я, без ложной скромности и напыщенности, понимаем важность нашего собрания, ценность которого лежит в социальной, эстетической, культурной и учебной сферах. Хотя чувство владения подобными сокровищами чрезвычайно сильно, мы отдаем их людям, которые, в большинстве своем, подсознательно тянутся к прекрасному. И еще одна причина того, что наша коллекция должна быть в Музее: в основе изящных искусств, как и музыки, лежат непреходящие человеческие ценности, которые не может изменить никакая внешняя атрибутика, коричневые, черные или красные одежды – фашизм, нацизм, коммунизм и любые «измы». Высокие гуманитарные ценности неизменны, ибо они всегда над заурядными земными символами.

Сделанное было лишь началом огромного собирательского замысла, который Каролик называл «трилогией». Если первая часть отражала вкус и традиции высших слоев американского общества предреволюционной поры, то следующая должна была стать принципиально иной, ибо посвящалась живописи XIX столетия, а точнее конкретному его периоду – 1815–1865 гг. Это пятидесятилетие было довольно своеобразным в истории искусства страны. Многими специалистами оно рассматривалось как «потерянное», «пустое». Создавалось впечатление, что после, скажем, выдающегося

«Двойной» комод семьи Дерби
(1796 г.)

художника Джилберта Стюарта (1755–1828), чей прижизненный портрет Вашингтона воспроизведен на стол долларовой банкноте, и до Уинслоу Хомера (1836–1910), гордости всех значительных музеев мира, – в истории живописи Америки зияет черный провал. Максим Каролик был с этим утверждением не согласен.

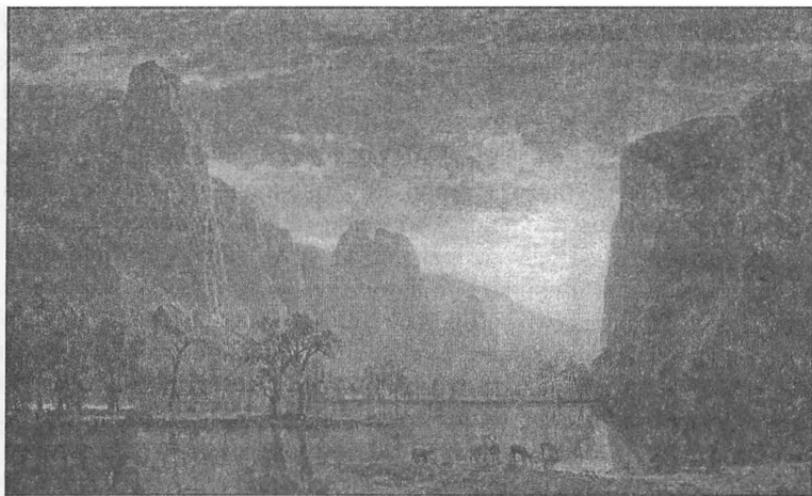
И у него были для этого веские основания. Прежде всего, некоторые имена, известные современникам, были с годами забыты. Например, группа художников-пейзажистов, принадлежавших к так называемой «школе реки Гудзон», на берегах которой и написано большинство их работ: Томас Коул, Эшер Дюран и Томас Дафти. Некоторые живописцы добились славы в иных областях деятельности, заслонившей их достижения в искусстве. Так случилось с талантливым художником Сэмюэлем Морзе, бывшим одно время даже президентом Национальной академии художеств. Он изобрел в 1838 году релейное устройство для телеграфа и кодовую азбуку, получившую его имя, и именно в этом качестве был избран в Галерею славы США. Большинство же талантливых мастеров-самоучек, не получивших классического образования (почитавшегося тогда исключительно европейским), зачастую анонимных, остались лишь авторами жанровых сцен, натюрмортов или пейзажей на стенах домов тех, для кого они и создавались – представителей нарождавшегося среднего класса. Властвовали над умами тогда Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг, а их современники-живописцы доносили до зрителей свое видение реалий, в которых жили литературные герои.

Поиском именно подобных работ и занялся в 40-е годы иммигрант Каролик. Что двигало им? Почему он решил вернуть своей новой родине утерянное ею? Можно предположить, что, как всякий прозелит, он становился в чем-то более «патриотичным» патриотом, чем окружающие. Кроме того, ему весьма импонировало, что картины из его новой коллекции создавались не элитарными художниками и не для элиты. Он предпочитал не многофигурные помпезные полотна, не библейские сюжеты с придуманным в угоду композиции фоном, а «малоформатные» работы, которые он называл «реализмом с романтическим оттенком»: нежные пейзажи Новой Англии, суровые и вдохновенные картины дикого Запада, очаровательные сценки провинциальной жизни. По его собственным словам, «прелесть коллекции проистекает из корней этой нации, называемой “американцы”».

Никакого идолопоклонства перед крупными именами в искусстве Каролик не испытывал никогда. Его излюбленным вырази-

ем, которое он часто повторял, было: *«Я отвергаю девиз знатных коллекционеров – “Назовите мне имя художника, и я скажу вам, хороша ли картина”. Мой девиз другой – “Скажите мне, хороша ли картина, а имя художника значения не имеет”»*. Вооруженный этим принципом, Максим за шесть лет (1942-48) собрал уникальную коллекцию, включавшую 230 полотен 84 живописцев. Нельзя не заметить, что этот период истории был достаточно противоречивым. С одной стороны – трудности военной поры (США вступили в мировую схватку с фашизмом), а с другой – взрыв патриотических настроений, ностальгический интерес к прошлому страны, в том числе к эпохе, предшествовавшей Гражданской войне и так интересовавшей Максима. Немаловажным обстоятельством для собирателя было и то, что цены на произведения искусства были в эти годы достаточно низкими. Известно, например, что только в одном 1943 году Каролик приобрел 68 картин на общую сумму 48 тысяч. Нетрудно посчитать, что на каждую «единицу» приходилось в среднем менее тысячи долларов.

Некоторых художников он попросту вернул из забвения. Сегодня за обладание их шедеврами сражаются престижные музеи. В первую очередь это относится к такому имени, как Фиц Лейн, искуснейшему маринисту, возглавлявшему целое течение в американской живописи – люминизм. Будучи инвалидом с детства, всю

А.Беритат. Йосемитская долина в Калифорнии (1864 г.)

жизнь вынужденный не расставаться с костылями, он, не получивший никакого образования, сумел воспринять светлые лики природы, волшебную игру красок небес и морских волн. Совершенно иная фигура – Альберт Берштат, родившийся в Германии и ребенком привезенный в Америку (родной брат-эмигрант!). Его впечатлили космические панорамы далеких западных территорий с их, непривычным для европейского ока, фантастическим нагромождением скал и уникальной фауной. Сегодня американские пейзажисты старых времен востребованы и за пределами отечества. Совсем недавно (2002 г.) их большая выставка прошла в чопорном Лондоне в знаменитой галерее Тейт, где обычно хранятся работы британских мастеров. На сей раз они «потеснились», дабы принять заокеанских «родственников», среди которых немало любимцев Каролика.

Случались и неожиданности, когда пронизательность коллекционера выступала на первый план. Однажды редактор журнала «Американское наследие», сам многолетний собиратель, привез прелестную гравюру Уильяма Беннетта с видом Бостона. Каролик, давно знакомый с этим художником, незамедлительно согласился на приобретение при условии, что гравюра будет самым тщательным образом отделена от массивной доски, на которой была закреплена. Когда это с превеликой осторожностью было сделано, под первым слоем обнаружилось еще четыре первоклассных пейзажа.

Одним разделом своей коллекции Максим гордился особо. Это были так называемые «примитивисты», наивный стиль которых близок к народному лубку. Оказалось, что за пятьдесят лет до того, как француз Анри Руссо (конец XIX века) основал это направление в живописи, в Новом Свете уже существовала большая неоформленная группа мастеров, трудившихся в этом на первый взгляд безыскусном жанре, и которых «открыл» именно Каролик.

В октябре 1951 года вторая часть «трилогии» – 232 картины – была открыта для публики все в том же Бостонском художественном музее. И снова этому предшествовал выпуск иллюстрированного двухтомного каталога с пояснительным текстом Каролика. Хотя Марта не дождалась этого события (она скончалась в 1948 году в возрасте 90 лет), во всех материалах фигурировали оба Каролика и использовалось только местоимение «мы». Заключительные строки введения звучали так: *«Передавая нашу коллекцию Музею, мы не совершаем величественный жест. Мы не являемся меценатами или общественными благодетелями. Мы категорически отказываемся от подобных банальных ярлыков и с благодарно-*

стью принимаем только одно звание – Полезные граждане». Один из видных искусствоведов Джеймс Собей писал: «С этих пор невозможно представить любое серьезное изучение живописи Америки XIX века без этого выдающегося собрания».

А Максим Каролик снова был в пути. Его ждала завершающая часть задуманной им миссии и называлась она «Рисунки американских художников, 1815–1875». На сей раз его дороги пролегли по всей стране, через городские и провинциальные галереи и выставки-продажи, через пыльные архивы, семейные стеллажи и чердаки. Его интересовали любые имена, лишь бы находку отличал талант. Это могли быть мастера, уже вошедшие в предыдущие собрания, но также и вовсе неизвестные и даже анонимные. Он прекрасно понимал разницу между полотнами, выполненными кистью и масляными красками в результате многодневного труда, и рисунками, когда инструментами у художника были лишь карандаш, белый лист бумаги да походный этюдник. Однако именно эта «сиюминутность» зарисовки при краткой остановке в пути, ночлеге или просто отдыхе создавала ту атмосферу непосредственности, которая и определяет ауру искусства. Глядя на рисунок, зритель как будто бы подсматривает из-за плеча автора за событием или сюжетом, увлекшим его.

За десятилетие коллекция составила три тысячи (!) «единиц хранения», и только один перечень ее разделов может впечатлить: портреты, пейзажи, жанровые сцены, Гражданская война, народное искусство... «Ожили» нарисованные с натуры метким карандашом такие славные лица, как писателей Хэрриет Бичер-Стоу и Натаниэля Готорна, юриста и политического деятеля Дэниэля Уэбстера, легендарной героини Войны за независимость Молли Питчер. В 1962 году грандиозная коллекция стала собственностью гостеприимного музея в Бостоне, где отныне нашла постоянное место жительства вся «трилогия».

Имя Каролика приобрело всеамериканскую известность. Его приглашали в популярные программы телевидения, и он своим актерским умением держаться и искрометным юмором превращал их в персональные шоу. Вот один из его монологов, представляющий собой оду Музею:

«Вы идете в музей не для того, чтобы почувствовать себя лучше, а для очищения. Для первого достаточно на обед хорошего куска бифштекса, для второго нужно нечто большее. Музей – прибежище идеалов, а не неких реальностей, он служит обществу не в качестве зрелищного представления. Нельзя подавать

искусство, как «кока-колу» или мыло. Я обижаясь, когда меня приглашают в его стены для того, чтобы «расслабиться» или «хорошо провести время». Нет, музей должен поднимать публику до своего уровня, а не опускаться до нее. Он – хранилище высоких стандартов, здесь царят почитание подлинного совершенства и творчества. Слово «музей» имеет возвышенное значение. Вы не можете сказать: «Пошли в музей, получим вместе удовольствие». Музей не должны украшать призывные обозначения, как отделы универмагов. Директора, которые предпочитают все время увеселять публику бесконечной сменой выставок, – вовсе не директора, а эксгибиционисты (здесь у Каролика дерзкая игра слов, так как по-английски выставка – “exhibition”). – И.Б.).

Многое занимало его: патронаж маленьких оперных трупп, записи русской народной музыки... На лекциях Каролика по искусству залы были всегда полны, и он очень дорожил этим живым общением. Аудиторию составляли, как правило, пожилые дамы, постоянные посетительницы «культурных мероприятий». Они забрасывали лектора вопросами, часто не имевшими прямого отношения к теме. Например, «Сколько у вас детей?». Ответ: «С помощью айста – никого, а в результате проказ – кто знает?». Или: «Было ли у вашей жены чувство юмора?». Каролик парировал: «Разумеется. Она ведь вышла за меня замуж».

Он скончался в 1963 году в Нью-Йорке, куда его позвали лекционные и коллекционные заботы. Свое миллионное состояние он завещал, разумеется, любимому музею. Но не забыл и близких людей – верных работников виллы в Ньюпорте. Газета «New York Times» откликнулась статьей, в которой содержался такой абзац: «Вне сомнения, он был одержимым коллекционером, выдающимся филантропом. Эта страна создала его, и он в ответ одарил ее многим. Разве может человек иметь лучшую эпитафию?». У главного входа в Бостонский художественный музей посетителей встречает бронзовая доска с именами самых видных жертвователей. Во главе списка – семейная пара «M. and M. Karolik».

Литература

1. *Amory, C.* The Last Resorts. New York, 1948.
  2. M. and M.Karolik Collection of Eighteenth-Century American Arts. Cambridge, 1941.
  3. M. and M.Karolik Collection of American Paintings 1815–1865. Cambridge, 1949.
  4. M. and M.Karolik Collection of American Watercolors & Drawings 1800–1875. In 2 vols. Boston: Museum of Fine Arts, 1962.
  5. *O'Doherty, B.* Maxim Karolik. Art in America. V.50. 1962. №4.
  6. *Sack, H.* American Treasure Hunt. Boston, 1986.
  7. *Troyen, C.* The Great Boston Collectors. Boston, 1984. P.33–40.
  8. *Troyen, C.* Maxim and Martha Karolik. Architectural Digest. December 1992. P.74–80.
  9. *Troyen, C.* The Incomparable Max. American Art. V.7. Summer, 1993.
-

Наброски к портрету отца

Линн Виссон (Нью-Йорк)

Портрет В.С.Виссона.
Художник И.Шенкер

У моего отца Владимира Самойловича Виссона была нелегкая, но очень интересная судьба, подарившая ему три культуры или, по его словам, три родины. Замечательный знаток живописи, получивший широкое признание в Америке, он родился и провел свое детство с тем поколением русских людей, которых история, по меньшей мере, дважды сделала эмигрантами поневоле. Первый раз это

произошло после революции 1917 года, свершившейся, когда ему было 13 лет. Весной девятнадцатого года мой дед, богатый киевский предприниматель, решил уехать вместе с женой и тремя сыновьями на Запад, предполагая вернуться при первой возможности. Около пяти лет они кочевали по нескольким европейским странам и, наконец, остановились во Франции, которая стала для отца второй родиной. Там он провел свою молодость и получил высшее образование, там начал самостоятельную жизнь и женился на моей матери Мирре Леоновне Левинсон-Левинной, которую семья увезла из Санкт-Петербурга в еще более раннем возрасте, чем ее будущего мужа. Как и большинство их бывших соотечественников, мои родители со временем потеряли надежду возвратиться на родину и обосновались в Париже, постепенно осваивая новую культуру и жизнь.

Не всем скитальцам из России, осевшим в Европе до Второй мировой войны, было суждено оставаться на едва обжитых местах. С середины 1930-х годов, когда немецкий фашизм набирал силу, те эмигранты, которые почувствовали смертельную опасность по-

пасть в руки немецких властей, стали постепенно перебираться в Америку. Для русских евреев переезд за океан означал еще одно хождение по мукам и одновременно расставание со страной, которая в течение многих лет служила им надежным убежищем от советского режима. Волей-неволей семья Виссонов тоже отправилась в дорогу. За своими родными и другими беженцами от Гитлера отец последовал с большим опозданием, так как почти два года служил во французской армии во время войны с Германией и даже после поражения своей второй родины не хотел расставаться с нею. Но при коллаборационистском правительстве Виши такие патриотические настроения были чреваты для солдата побежденной страны, да еще еврея, смертельной опасностью, и в июне 1941 года мои родители уехали в Соединенные Штаты, где уже обосновались их близкие и друзья.

Свою профессию молодой Владимир Виссон выбирал во Франции не под давлением нужды, а по душе, следуя только собственным интеллектуальным запросам. Для этого у него были все возможности. Уезжая из России, мой дед сумел сохранить за рубежом большую часть своего состояния, и во Франции 1920-х годов его дети могли делать то, что соответствовало их вкусам, ездить туда, куда их влекло, и учиться в тех университетах, которые им нравились. Правда, пути братьев постепенно разошлись. В отличие от старшего Андрея и младшего Анатолия¹, которые были склонны к журналистике, Владимир занимался политикой и экономикой – учился в Высшей школе политических наук (Ecole des Sciences Politiques) и вместе с тем всерьез увлекся искусством: ходил в театры, на концерты, смотрел фильмы и совершал экскурсии по крупным художественным музеям Европы.

В конечном счете, он остановился не на политике и экономике, а на искусстве и соответственно выбрал первое поле своей деятельности. Во время великой депрессии 1930-х годов, когда фирма моего деда сильно пострадала, и его дети, уже взрослые люди, должны были самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, отец получил должность кинопродюсера в компании «Ciné Alliance». Эта работа стала для него первым испытанием знаний и одновременно вторым образованием в области искусства. Почти десять лет он тесно сотрудничал с кинорежиссерами, сценаристами, художниками-декораторами и с множеством актеров, в числе которых были Жан Габен, Даниэль Дарьё и многие другие звезды экрана. Фильмы, созданные при участии Владимира Виссона, появлялись на

экранах намного позже 1940-х годов², когда он уже работал в США.

Парадоксально, но факт: Америка, крайне нуждаясь в специалистах с высокой квалификацией, часто заставляет высокообразованных эмигрантов радикально менять профессию. Так было сначала и с ним, кинопродюсером из Франции, который, оставшись впервые в жизни без средств к существованию, около полугода довольствовался незначительными заработками в нескольких нью-йоркских благотворительных организациях. Ситуация в Штатах в годы войны с Германией и Японией тоже не способствовала успеху в его поисках лучшей работы. В возрасте 38 лет ему пришлось обустроиться в стране, где люди и нравы существенно отличались от европейских, а возможности для приложения сил интеллигента-гуманитария были тогда ограничены. Впрочем, пятьдесят лет назад таких возможностей было все-таки больше, чем сейчас, и одна из них открылась перед отцом по воле благоприятных обстоятельств.

Благодаря своему художественному самообразованию, школе работы в кино и отличному знанию языка и жизни Франции он в 1942 году получил предложение стать директором выставок частного франко-американского заведения «Уилденштейн» («Wildenstein») – самой крупной галереи мира, которая в то время была своеобразным мостом между художественными культурами Европы и Соединенных Штатов. Основанная в 1874 году в Париже, она неуклонно росла и разветвлялась: в начале XX века ее вторая штаб-квартира была создана в Нью-Йорке, а впоследствии открыты филиалы в Лондоне, Буэнос-Айресе и Токио. Опираясь на свои огромные финансовые и информационные ресурсы, Уилденштейны стали осуществлять операции на международном арт-рынке с необыкновенным размахом и вовлекали в орбиту деятельности галереи именитых людей и влиятельные учреждения. Здесь приобретали картины президент США Джон Кеннеди и его жена Жаклин, богатые бизнесмены и финансисты. Французское правительство несколько раз обращалось к владельцам этого заведения с просьбой провести в Америке межнациональные празднества, для чего сюда из Франции привозились сокровища мирового искусства. В круг друзей и клиентов галереи входили писатели Сомерсет Моэм, Эрих Мария Ремарк, композитор Игорь Стравинский и множество других знаменитостей.

Полвека назад престиж Уилденштейнов был настолько высок, что заинтересованные в сотрудничестве с ними хранители музеев и

коллекционеры с готовностью предоставляли директору галереи свои картины для выставок. Пользуясь этим, отец за годы работы сумел подготовить и довести до конца ряд начинаний международного культурного значения. Во-первых, он создал десятки ярких экспозиций произведений старых и современных мастеров, в том числе Рубенса, Гойи, Сезанна, Ван Гога, Ренуара, Гогена и других. Во-вторых, организовал такие крупномасштабные выставки, как «Образ ребенка в искусстве четырех столетий», «Рождение импрессионизма», «Пейзаж» и «Портрет». В-третьих, в сотрудничестве с фирмой поздравительных открыток «Hallmark Cards» провел серию конкурсов на лучшие работы среди европейских и американских живописцев. Разъезжая с различными выставками по городам США, выступая с публичными лекциями и давая интервью, он сумел вызвать интерес к изобразительному искусству у множества людей по всей стране.

Хотя с первых шагов своей галерейной деятельности отец рекомендовал себя как отличный искусствовед и создатель экспозиций живописи, признание его заслуг в Америке происходило постепенно. С 1950-х годов имя мистера Виссона стало часто упоминаться в художественной среде и оттуда перешло в прессу, где за ним постепенно утвердилась репутация безупречно честного и «сердечно преданного искусству человека», одного из лучших специалистов в своей области³. Того же мнения придерживались и многие другие люди из мира искусства, но все они оценивали работу директора «Уилденштейна» с разных точек зрения. Художники и коллекционеры обычно подчеркивали его точные экспертные оценки их личных или приобретенных ими картин и благодарили за советы, где и когда выставлять и продавать эти полотна, а кураторы музеев говорили прежде всего о его выступлениях с лекциями и устройстве выставок для широкой публики, что увеличивало популярность учреждений, демонстрирующих живопись. Что же касается постоянных клиентов галереи и арт-дилеров, то они превыше всего ставили безупречную честность отца в деловых отношениях и его любезные приглашения на вернисажи, где бывало много богатых и влиятельных людей.

В послевоенные десятилетия галерея «Уилденштейн» служила одним из центров светской жизни в Нью-Йорке, а вернисажи, подготовленные отцом, куда он брал и меня с середины 1950-х годов, часто превращались из шикар но обставленных приемов в действительно значительные события в американской культурной жизни. Поводом для этих приемов была всякий раз та или иная акция по

сбору средств в пользу благотворительных учреждений, а картины оказывались всего лишь красивым фоном, служившим объектом показного внимания со стороны нуворишей и салонных завсегдатаев. Однако художественный фон, то есть выставки, создавались отцом с расчетом на постоянных посетителей галереи, настоящих ценителей живописи, – и неизменно пользовались у них большим успехом. В результате владельцы галереи были весьма довольны своим директором, несмотря на то, что для устройства выставок и различных приемов ему приходилось тратить массу времени на работу, имеющую с искусством очень мало общего.

* * *

Любовь отца к живописи зародилась в России, но расцвела в период эмиграции и во многом благодаря ей. Его увлечение искусством началось с детских лет, когда он в Киеве занимался музыкой, ходил в театры, засматривался на фрески Владимирского собора, потом росло в Дании, Германии и превратилось в страстное чувство в результате его художественного самообразования и работы во Франции и в Штатах. Но этот рост и превращение стали возможными именно потому, что Запад первоначально был для отца чужим и незнакомым миром. Свободно владея с ранних лет тремя иностранными языками – французским, английским и немецким, он мог и довольно рано стал понимать культуру тех стран, где бывал вместе с родителями. Разумеется, понимать культуру других стран не значит чувствовать себя там как дома, где все знакомо, понятно и где не нужно открывать заново тысячи мелочей. В этом смысле молодой Владимир Виссон вряд ли отличался от других русских эмигрантов, которые тогда и потом впервые попадали в Западную Европу и Америку. Их психологическое состояние всегда напоминало мне переживания Алисы в Стране чудес: поначалу все виденное кажется необычным, интригующим, загадочным, сияющим, как цветные картинки в калейдоскопе. И все-таки, постепенно накапливаясь, неизменно мерцая, эти картинки не уходят из сознания бесследно. Разные по форме, яркости и красоте, они порой вызывают самые неожиданные ассоциации и, будоража воображение, готовят благодатную почву как для понимания искусства, так и для любви к нему.

У моего отца была удивительная способность восхищаться и наслаждаться чудесным в калейдоскопе жизни, способность, которая проявлялась больше всего в отношении к живописи. В этой

области искусства, насколько мне помнится, он всегда был в Америке очарованной душой. Отправляясь вместе с ним в галереи и музеи и останавливаясь перед тем или иным шедевром изобразительного искусства, я часто слышала рядом его едва сдерживаемый возглас: «Какая красота!» Неожиданные и негромкие слова эти произносились всегда по-русски и немножко приглушенно, с загадочной интонацией, казавшейся мне в ранней молодости такой же странной и непонятной, как и тайны обаяния искусства великих мастеров, приковывавших его взгляд. Даже у многократно виденных полотен голландцев и импрессионистов отец время от времени застывал на месте как замороженный и настолько глубоко погружался в картину, что, казалось, переставал замечать окружающих. От волнения его темные карие глаза становились теплыми и туманными, словно у впервые влюбленного юноши, и пальцем правой руки он указывал на «говорившие» с ним линии и краски. После таких молчаливых пауз, прерывавшихся только небольшими комментариями для меня, его настроение было всегда приподнятым.

Близко к сердцу он принимал все прекрасное. Его радостное удивление и хорошее расположение духа вызывались в большей или меньшей степени любыми проявлениями красоты. Это могло быть и чистое «до», отлично взятое певицей и высоко парящее над концертным залом, и грациозно выполненный арабеск умирающего лебедя Анны Павловой, которую он видел на сцене, и пауза удивления, с великолепной точностью выдержанная актером, и блеск поэтической метафоры. И, конечно, сильнее всего отца тянули к себе живописные образы, которые он держал в фокусе внимания на всех этапах своей сложной и напряженной работы ради выставок в «Уилденстейне».

Порой эта работа буквально «разрывала» директора галереи на части. Чтобы определить тему выставки, он должен был проанализировать биографию художников, их стили, эстетическое кредо и источники влияния – иначе невозможно сгруппировать их произведения по сюжетным, жанровым, хронологическим или другим признакам. Из искусствоведческих решений вытекали другие проблемы – узнать, где находятся необходимые полотна, какие из них можно получить и какие недоступны, что взять из фондов «Уилденстейна» и что заимствовать на время в музеях и у частных коллекционеров. Наконец для организации выставки нужно было получить согласие владельцев картин, договориться о доставке картин и об их страховке, издать каталог и сделать многое другое, что заставляло отца быть одновременно экспертом по живописи,

дипломатом, специалистом по связям с общественностью, совмещающая таким образом самые разные обязанности.

Самым трудным и ответственным делом в галерее для отца была подготовка экспозиции. Это требовало детального знания, как расположить полотна, чтобы они в художественном плане не повторяли, а дополняли друг друга и в то же время контрастировали между собой. Однако возможности для выявления сходств и различия между ними временами уменьшились из-за частой нехватки нужных экспонатов, и в таких случаях работа директора галереи над экспозициями становилась похожей на постановку театральных спектаклей с ограниченным запасом декораций. Но к поиску картин он относился с такими же требовательностью и неутомимостью, с какими хороший режиссер отбирает актеров для постановки новой пьесы.

Художественные экспозиции в «Уилденштейне» создавались с изобретательным мастерством и изысканным вкусом. Какие бы полотна ни оказывались здесь рядом, будь то два варианта сюжета, написанного одним и тем же художником, но в разное время, или один и тот же сюжет двух представителей разных школ, отцу неизменно удавалось убедить зрителей в том, что перед ними не две картины А+Б, а нечто в принципе новое, ранее невиданное. На выставке 1963 года «Рождение импрессионизма» мне, как никогда прежде, хотелось удержать в себе то чувство, которое при взгляде на каждое из полотен по отдельности казалось легким, трудноуловимым, но превращалось в широкое и неодолимое душевное движение, когда работы тех же французских художников оказывались перед глазами вместе, в одном ансамбле. Это было чувство большой, но спокойной радости от всепроницающего радужно-солнечного света, переданного в красках благодаря новой технике живописи, открытой в конце XIX века.

Стремясь не заглушать уникальность художников, отец развешивал их картины так, чтобы в каждой работе наиболее ясно выступали излюбленные сюжеты автора, его краски и внутренние драмы. На знаменитой выставке Ван Гога в 1955 году, где одно из его предсмертных полотен – жизнерадостный натюрморт «Розы и ирисы» – соседствовало с темными и мрачными картинами природы, я, будучи в 10-летнем возрасте, не могла понять причины такого сильного расхождения в цветах у одного и того же мастера. Спустя много лет при разборе бумаг в нашем семейном архиве мне попала в руки папка с газетными и журнальными рецензиями арт-критиков, побывавших на той выставке и делившихся впечат-

лениями о картинах душевнобольного гения. Почти все они поразились, насколько удачно передала экспозиция острое ощущение проблеска надежды в безграничном мире отчаяния, ощущение, которое создавалось у зрителей пугающим контрастом: депрессивные разно-коричневые и темно-синие цвета мрачных пейзажей враждебно окружали со всех сторон вазу с веселыми розами и ирисами, нарисованными в ярко-розовых, зеленых, желтых и синих тонах.

Искусство создает любовь и одновременно нуждается в любви, – вот, коротко говоря, та главная мысль, которая была лейтмотивом всех решений директора «Уилденштейна», что из картин и как выставлять на обозрение публики. К этой мысли он неоднократно возвращался в последние годы жизни. Рассказывая мне о своих лучших работах в галерее, отец неизменно подчеркивал, что выставки были для него не винегретом из разных картин, а органическим единым целым, что на каждую из них он смотрел, как на литературное произведение, рассказ или стихотворение, где из песни слова не выкинешь, и что именно такие художественные собрания, проникавшие в душевный мир человека, нравились даже весьма рассудочным поклонникам искусства и самым придирчивым художественным критикам.

* * *

Наряду с устройством выставок, в обязанности директора «Уилденштейна» входил и целый ряд коммерческих операций. На художественном рынке успех галереи зависит прежде всего от ее престижа, а следовательно, от качества картин, которые хранятся в ее фондах. Годами приобретая картины открыто или негласно, Уилденштейны обычно хранили их за закрытыми дверями в течение многих лет до появления подходящего покупателя. Полотна из фондов рекламировались главным образом по неофициальным каналам; на выставках они демонстрировались изредка и в небольших количествах, но в основном предназначались для продажи. Поэтому директору галереи необходимо было знать все писанные и неписанные правила игры на художественном рынке со всеми его ухищрениями. Почему колеблются аукционные цены на того или другого живописца или его школу, когда и где арт-дилеры реализуют свой «товар» по заранее оговоренной цене, каково финансовое состояние клиентов и в чем заключаются их цели, – вот лишь несколько вопросов из необозримой области «искусства торговли искусством», которым неизменно занимался мой отец.

Покупка картин для фондов галереи была всегда прерогативой только самих Уилденстейнов. Но за оценкой ситуации на художественном рынке они часто обращались к своему директору, время от времени поручали ему продажу картин и хотели видеть в его лице искусствоведа, администратора и в то же время коммерсанта. Почему у них возникло это желание – догадаться нетрудно. В Америке сороковых–пятидесятых годов прошлого века было практически невозможно найти человека, который бы обладал такими же уникальными знаниями и огромными связями в художественном мире, как у отца, что необходимо для успеха в сложных торговых операциях с произведениями искусства. Да и кто, кроме него, новоприезжего интеллектуала из Европы, согласился бы нести на себе сразу три тяжелых груза? Поручая своему директору роль коммерсанта, владельцы галереи понимали, насколько она несовместима с его склонностями и взглядами, однако были уверены, что он от нее не откажется.

Получив во Франции политическое и экономическое образование, директор «Уилденстейна» был хорошо осведомлен о законах рыночной экономики, знал, что при капитализме произведения искусства не обмениваются бесплатно и что галерея – не музей, а коммерческое заведение. И все-таки, имея дело с тем или иным покупателем картин, он не переставал думать о будущем произведений хороших художников: заботился об их сохранности, о том, чтобы они попадали к тем, кто способен ценить искусство, и получал удовольствие, когда его заботы разделялись другими владельцами картин. Для него было радостью даже *post factum* узнать, что один из Уилденстейнов продал «Купальщицу» Матисса Филадельфийскому музею искусства, где на эту картину могли ежедневно смотреть тысячи людей, а не богатому американскому коллекционеру Альберту Барнсу, большому цинику и реакционеру по политическим убеждениям. Но ни удовлетворение от того, что картины попали в чистые руки, ни даже комиссионные от их продажи не могли заглушить в душе отца тех чувств, которые заставляли его чураться своей третьей роли. Во-первых, он не хотел отвлекаться от искусствоведения ради рыночной деятельности, во-вторых, не одобрял тех отступлений от коммерческой этики, которые порой позволяли себе Уилденстейны, и, наконец, глубоко сомневался в своих способностях торговать художественными произведениями, заключать сделки на тысячи и миллионы долларов.

В самом деле, как мог прекрасно воспитанный и образованный, тонкий и рефлексивно мыслящий человек заниматься тем, что

требует холодного расчета и вежливой, но жесткой хватки? Этот вопрос порой озадачивал и некоторых знакомых моего отца, среди которых был основатель теории public relations (связей с общественностью) Эдуард Бернейс. В своей книге «Биография идеи» он писал: *«Я не мог понять, как человек с его мягкостью, добротой и открытостью мог так тесно сотрудничать с Уилденстейнами, но я полагаю, он видел привлекательные черты в своих работодателях. Виссон был независимым и энергичным человеком, который мог наслаждаться признанием и высокой оценкой своей деятельности со стороны других организаций, имеющих дело с искусством. Уилденстейны несомненно осознавали незаменимость Виссона и не слишком вмешивались в его работу»*⁴.

Бернейс, с которым мне довелось познакомиться лично, презирал Уилденстейнов, называл их бездушными торговцами искусством и поэтому недоумевал, как мог ужиться с ними «мягкий, добрый и открытый» человек. Но это недоумение было следствием того, что он недостаточно знал обстановку в галерее и особенности характера ее директора, который не боялся честно относиться к делу даже с риском вызвать недовольство «начальства». Добросовестно и зачастую с успехом проводя коммерческие операции по поручению своих хозяев, он вместе с тем тактично, но настойчиво возражал, когда они пытались любой ценой давить на коллекционеров, не желавших что-либо продавать, устраивали по просьбе своих друзей или деловых партнеров выставки посредственных художников и грешили в других случаях. Помимо этого, никаких существенных проблем в отношениях между директором галереи и Уилденстейнами не возникало, хотя его шефом в течение двадцати лет был один из первых представителей династии мсье Джордж, довольно закомплексованный человек, напоминавший героя чеховского рассказа «Человек в футляре». Отличный знаток европейских художников XVIII–XIX веков и автор нескольких фундаментальных искусствоведческих работ, он с неколебимым педантизмом соблюдал режим дня, избегал светского общения с людьми и безумно боялся смерти. Но мой отец обладал уникальным умением ладить даже с очень трудными людьми. По природе гибкий и проницательный, он быстро угадывал намерения своих знакомых, коллег и клиентов, умел приноровиться к их темпераменту и обычно вызывал симпатии даже у многих черствых и невозмутимых дельцов из мира искусства.

Необходимость подчиняться прихотям клиентов и правилам коммерческой игры давалась отцу нелегко. О его эмоциональном

состоянии и переживаниях на работе я догадывалась по тому, о чем он рассказывал матери и какие темы он выбирал для разговоров со мной об искусстве. Чтобы дать дочери эстетическое образование, он объяснял мне, как по трудноуловимым чертам в манере того или иного художника распознать его неподписанное полотно, определить принадлежность неизвестного произведения к тому или иному стилю и школе живописи, как отличить подделку от подлинника и т.п. От отца я также узнала, что, когда хозяйка картины, милая или не очень милая леди, спрашивает, нравится ли мне ее маленький очень ранний Дега, нехорошо отвечать: «Это – детская мазня», нехорошо, даже если картина того заслуживает или является подделкой, выполненной искусным мошенником. Где проходит граница между вежливостью и неискренностью, я еще не знала, но уже догадывалась, сколько нервов стоит предельная деликатность тому, кто имеет дело с оценкой произведений искусства.

Помимо работы и семьи, очень много внимания директор «Уилденстейна» уделял отношениям с прессой. Журналисты, которым приходилось брать у него интервью, всегда поражались его профессиональной компетентности, называли его «авторитетом среди экспертов по искусству». Некоторые замечали в нем даже нечто большее, а именно: «рвение и верность крестноносца», с которыми он демонстрировал американской публике свои выставки. *«Больше, чем просто куратор выставок, – писал один корреспондент, – он кажется некой персонификацией гуманистических, эмоциональных и радостных стремлений в художественном мире»*. В прессе оценивали экспозиции, создаваемые директором галереи, как *«одни из самых запомнившихся художественных явлений в послевоенной Америке»*⁵.

Он ушел на пенсию в 1974 году. Хотя с тех пор в живописи появилось много новых течений, Уилденстейнам удалось сохранить свое дело до наших дней. Тихие выставочные залы галереи с их бархатными стенами и приглушенным освещением по-прежнему служат временным вместилищем бесценных полотен Фрагонара, Пюссена, Мане, Ренуара, Веласкеса и Констебля, а бизнесмены и политики, банкиры и арабские принцы приходят сюда покупать и продавать картины. Но сегодня это заведение утратило свою былую славу и значимость по целому ряду причин. Главной среди них является сужение тематики, масштабов и круга посетителей выставок, для которых владельцам галереи не удалось найти человека, способного заменить их прежнего директора. *«Выставки, которые он организовал в галерее Уилденстейнов, – писал в “Нью-Йорк*

таймс” авторитетный художественный критик газеты Хилтон Крамер, – особенно те, на которых демонстрировались импрессионисты и постимпрессионисты, были под стать экспозициям крупнейших музеев, и многие написанные к ним каталоги стали обязательной литературой для изучения искусства»⁶. Насколько я знаю, этой литературой пользовались музейные работники как в Америке, так и в Европе, включая Францию, где работа отца во франко-американской галерее была оценена по достоинству. В 1975 году за выдающийся вклад в художественную культуру и за заслуги перед страной французское правительство наградило его почетным званием «Кавалер ордена искусств и литературы» («Chevalier de l’ordre des Arts et Lettres»).

В последние годы жизни отец все чаще возвращался к русским темам, перечитывал Толстого, Чехова и других классиков. В то время наиболее радостными событиями для него были путешествия в 1967 и 1971 годах в Россию. Он заезжал в родной Киев, встречался и беседовал с сотрудниками музеев в Москве и в ленинградском Эрмитаже. Подобно своему земляку и другу импресарио Соломону Юроку, который организовывал первые концерты танцоров и музыкантов в СССР и США, отец вплоть до ухода на пенсию активно участвовал в разработке планов обмена художественными выставками между двумя странами.

Он умер в 1976 г. Хилтон Крамер в некрологе, написанном для «Нью-Йорк таймс», отмечал: *«Разговоры с мистером Виссоном во время выставок навсегда остались в памяти. Искусство находило в нем очень нежный и любовный отклик, и он умел передать людям эту любовь»* (подчеркнуто мной. – Л.В.) *В то же время он с иронией относился ко многим несерьезным, сомнительным коллекционерам, которые приобрели великие произведения искусства. Он обладал тонким пониманием красоты живописи и хорошо чувствовал весь комизм того мира, в котором эта живопись меняла владельцев»*⁷.

Те человеческие качества, о которых вспоминали в прессе после смерти Владимира Виссона, не раз отмечались и при жизни. Так, в середине 60-х годов Бернейс, который относился к директору «Уилденстейна» с глубоким уважением, дал общую оценку его личности и деятельности в сжатой форме: *«Виссон теплый, интеллигентный человек, который эмигрировал из большевистской России. Здесь (в Америке. – Л.В) за ним установилась хорошая репутация, он восприимчив и чувствителен, обладает безупречным вкусом, знает, когда и как выбирать работы и составлять»*

экспозиции. Владельцы произведений искусства счастливы доверить ему свои картины, потому что это повышает их цену»⁸.

Над своими воспоминаниями отец работал с тем же энтузиазмом и одержимостью, с какими относился к живописи и к своим выставкам. Закончив рукопись вчерне, он не успел литературно отредактировать английский текст, носивший отпечаток его родного русского и превосходного французского, и не перепроверил даты некоторых событий, имена их участников и другие фактические данные. Чтобы подготовить его рукопись к публикации, я затратила больше времени, чем изначально предполагала. Большую помощь в уточнении дат и имен оказала мне мать, которая прожила с мужем почти 50 лет и, несмотря на свой почтенный возраст, хорошо помнит все основные вехи его жизни. Кроме того, для русского издания потребовался целый ряд корректив по сравнению с американским вариантом, который вышел в свет в 1986 году в Нью-Йорке⁹.

---

¹ В Америке оба брата автора мемуаров работали журналистами: старший Андрей был редактором «Reader's Digest» и Анатолий, младший в семье, работал корреспондентом журнала «Time».

² После Второй мировой войны ряд этих фильмов вновь демонстрировался во Франции, а некоторые из них, включая «Sans Lendemain» («Без завтрашнего дня»), где главную роль играла прославленная тогда в Европе Эдвиж Фейер, получили мировую известность. Несколько моих друзей видели «Sans Lendemain» в начале 1960-х гг. в Нью-Йорке.

³ The Columbia Record. 5/2/57. P.8, и многие другие газеты Америки с 1940-х по 1970-е гг.

⁴ Edward L. Bernays. Biography of an Idea. New York, 1965. P.742.

⁵ The Columbia Record. 5/2/57. P.8, и многие другие газеты Америки с 1940-х по 1970-е гг.

⁶ Hilton Kramer. The New York Times. 10/15/76. P.A/29.

⁷ Там же.

⁸ Edward L. Bernays. Op. cit. P.742.

⁹ Воспоминания В.Виссона были изданы на английском и русском языках: Vladimir Visson. Fair Warning. Hermitage. New Jersey, 1986; В.Виссон. Судьба жить искусством / Пер. с англ. М.: Изд-во Р. Валент, 2002.

Полный текст «Набросков к портрету отца» помещен в предисловии к русскому изданию воспоминаний.

Мой друг Володя Гурвич

Марк Зальцберг (Хьюстон, США)

Передо мной лежит старая долгоиграющая пластинка. Ей очень много лет! Я купил ее в Ленинграде еще до отъезда в эмиграцию, а стало быть, приобретена была она более 25 лет назад. На конверте надпись – «Искусство Шаляпина». А на другой стороне написано – «Записи из коллекций В.Е.Гурвича и И.Ф.Боярского, реставрация 1973 г. Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия»». Как ясно из дальнейшего текста, это – электронные перезаписи с оригиналов-пластинок, записанных с голоса Федора Ивановича в 1907–1914 годах. Мало кто теперь знает, что в те годы записи делались механически, на восковых дисках, после чего с них электрогальваническим методом изготавливались металлические копии, а с них металлические же матрицы. При посредстве этих матриц и штамповались тысячи пластинок, шедших в продажу. Пластинки делались из смолистого природного вещества – шеллака. Были они непрочными, легко разбивались и быстро изнашивались, так как проигрывались при помощи острых стальных иглоков на механических устройствах – граммофонах. К тому времени, когда Володя начал собирать свою коллекцию, уже 10 лет, как умер Шаляпин, закончилась Вторая мировая война, пластинок в хорошем состоянии было уже немного, кое-какие пропали, и, как казалось, безвозвратно, а механические устройства для прослушивания сменились электронными. Володя взялся за трудную задачу!

Итак – записи из коллекции В.Е.Гурвича. Всю жизнь вложил Володя в эту коллекцию. Конечно же, он был не только коллекционером.

**Ф.Шаляпин в роли Мефистофеля
из оперы Ш.Гуно «Фауст»**
*Обложка буклета к компакт-
диску ранних записей Ф.Шаляпина,
выпущенному фирмой Arbiter,
из коллекции В.Гурвича*

Окончив Ленинградский педагогический институт им. Герцена по специальности математика, преподавал ее в школах, а потом и в Электротехническом институте в Ленинграде. Всю свою американскую жизнь работал программистом и весьма преуспевал в этом деле. Но это все для заработка. Его жизнь была посвящена опере, музыке и этой коллекции, где помимо 2000 шаляпинских пластинок-оригиналов, было и есть несколько тысяч пластинок с записью голосов всех выдающихся и мало кому известных оперных певцов всех стран и народов, имевших в своей культуре оперное искусство. И, конечно же, богатейшее собрание книг, афиш, фотографий и прочих документов, относящихся к его любимому жанру – опере. Он знал о ней все!

Я познакомился с Володей в доме нашего общего друга, известного искусствоведа Виктора Боровского. Это было в 1962 году. Боровский уже тогда, несмотря на то, что ему было всего 24 года, преподавал в Ленинградском театральном институте, читал лекции в Доме ученых и других уважаемых заведениях. Он был превосходным лектором, глубоко знал музыкальный театр и литературу. Я подружился с ним задолго до встречи с Володей, слушал его лекции и высоко ценил его. Теперь он – знаменитый ученый, автор четырех монографий о русском драматическом и музыкальном театре, в том числе и о Шаляпине, изданной в Лондоне и Нью-Йорке на английском языке. Эрудиции Боровского я не удивлялся. Он профессионал! А вот Володя поразил меня сразу. Он, преподаватель математики, не уступал Боровскому в осведомленности об опере, певцах и оперных композиторах. Особенно блистал Володя знаниями о Федоре Ивановиче Шаляпине. Мы быстро подружился с Володей, хотя бы потому, что музыка, опера и театр и меня интересовали с детства. Не как коллекционера и исследователя, а как внимательного слушателя и зрителя. Я тоже не профессионал в искусстве, я окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Вскоре я был приглашен к Володе домой, где снова подивился его эрудиции, воспитанности и гостеприимству. Но самое поразительное, что я увидел, – его коллекция пластинок. Володя жил с мамой в маленькой квартирке на Московском проспекте. Уму непостижимо, как там помещались сотни коробок с огромными, на 78 оборотов в минуту пластинками. Пластинок были тысячи, не говоря уже о книгах, каталогах, открытках и двух больших, стоящих на полу, как шкафы, граммофонах, которым было не менее 40 лет. Володя рассказал, что оперой и пластинками он увлекся лет с 14, особенно после того как увидел американский фильм

«Молодой Карузо» с Марио Дель Монако в главной роли. С тех пор, сказал он, его жизнь определилась навсегда. Известно, что мемуаристы все и всегда путают. Я не стану копаться в архивах и выяснять, в каком году попал в Россию упомянутый фильм. Не это нам важно. По-моему, в 1951. Важно же то, что в юноше проснулся талант, редко встречающийся в этом возрасте, – талант исследователя и коллекционера оперы. Володя почувствовал, что нет ничего прекраснее человеческого голоса, поющего не эстрадные шлягеры, а оперные арии. Он понял, что для этого нужен голос, тщательно обработанный, красивый и мощный. Нужен своеобразный, точно настроенный живой инструмент. Он также понял, что нет ничего интереснее на свете, чем опера.

Для заявления о таланте этого, конечно, маловато. Многие люди, и я в том числе, с детства и на всю жизнь увлеклись оперой и классической музыкой. Но, в отличие от нас, Володя занялся оперным театром как исследователь, коллекционер и пропагандист этого прекрасного искусства. Он навсегда отдал свою душу, время и заработки собиранию, изучению и систематизации всего, что относилось к опере. Природа наделила его хорошим музыкальным слухом и памятью. Он помнил мелодии сотен арий с текстом на русском и итальянском языках. Он узнавал на слух практически любое произведение по нескольким нотам. Он изучил итальянский язык настолько, что говорил на нем. Это помогло ему попасть статистом на сцену Большого театра во время гастролей Ла Скала в Москве и щеголять в костюме эфиопского пленника в «Аиде», к вящему мому с Боровским веселью в качестве зрителей.

Но особенно его интересовало все, связанное с именем и творчеством гениального Шалапина. Володя знал о каждом событии в жизни артиста, собрал все записанные им пластинки, сотни открыток и негативов, изображавших Федора Ивановича в различных ролях и в жизни. На полках Володиной библиотеки стояли все книги, посвященные Шалапину, в которых упоминалось о Шалапине и, конечно, книги, написанные самим артистом. В коллекции были представлены афиши с именем Шалапина, статуэтки, изображавшие его в различных ролях, почтовые марки с портретами артиста, коробки от папирос, любимых певцом, и, конечно же, шалапинские рисунки и автографы. Все это стоило немалых денег и времени. Володя работал годами не менее 12 часов в сутки. Преподавал, репетиторствовал, экономил на всем ради своего любимого дела. Казалось, для него в мире ничего не существовало, кроме оперы и Федора Ивановича. Но я не зря написал «казалось»! Володя был

великим знатоком кино, любил и знал живопись, блестяще играл в шахматы и занимал высокие места в нью-йоркских блиц-турнирах, куда и попасть-то может только очень сильный игрок, и на международных конкурсах по шахматной композиции, в которой он имел звание мастера. Кроме того, он был феноменально начитан.

Собирая свою коллекцию в СССР, он познакомился с такими же, как он, советскими и зарубежными фанатиками граммпластинок. Имена И.Боярского, Перепелкина, Гармаша в России и А.Келли в Англии известны всем любителям старинных граммофонных пластинок. Володя дружил с ними, обменивался дисками, документами, кое-что покупал или продавал. Это была насыщенная и очень специальная жизнь. Разыскивал он пластинки везде и всегда. На барахолке, в комиссионных магазинах, у знакомых и незнакомых людей. Он изучал каталоги русских и иностранных фирм, рылся в театральных запасниках. Выписывал специальные журналы на многих языках. Его глаз был настолько настроен на граммофонную тему, что как-то в Ленинграде, придя к знакомым и случайно оказавшись на коммунальной кухне, он узнал в кухонном столе, покрытом свисающей до пола клеенкой и заставленном посудой, старинный граммофон. Он тут же купил его у обрадованной хозяйки, не знавшей ему применения и жаловавшейся, что в качестве стола он и мал и высок. Теперь граммофон стоит в нью-йоркской квартире Володи Гурвича и исправно работает, несмотря на 80-летний возраст.

О своих пластинках Володя знал все, вплоть до регистрационного номера фирмы. Однажды, спросив номер телефона у человека, которому следовало позвонить, Володя не стал его записывать, а на вопрос, как же он запомнит номер, ответил загадочной фразой: «Да ведь это две “Дубинушки”!». На вопрос, что это значит, он пояснил, что номер телефона совпал с регистрационными номерами двух шалыпинских записей песни «Дубинушка», сделанных в разное время и теперь Володей разыскиваемых. А уж этих-то номеров он никогда не забудет. Надо сказать, что собрать все записи певца для коллекционера совсем не то, что для меня. Я удовлетворюсь тем, что соберу все, спетое певцом по названиям произведений. Коллекционер соберет все, что носит имя певца на этикетке пластинки. Вот этим-то и занимался Володя, разыскивая все, носящее имя Шалыпина. Десятки фирм от русских и до японских с начала 1900-х годов и до 1937 года записывали голос Шалыпина. У коллекционера должны быть все! Одна и та же ария, записанная в разных студиях, – это разные записи и разные арии, поскольку сдела-

ны в разное время, в разных условиях, с разными аккомпаниаторами, они и звучат по-разному. Да и певец не машина. Разные физические состояния, настроения, возраст, наконец! Все это меняет интонацию и окраску пения. А записи, которые забраковал сам певец? Их не продавали, но ведь пробные оттиски сохранились. А записи, сделанные ограниченным тиражом? Их тоже надо добывать. Вот вам и 2000 шаляпинских дисков в коллекции Володи, хотя по названиям произведений Федор Иванович записал их не более 200. Пусть коллекционеры меня поправят. И как же интересно слушать одно и то же произведение, записанное в разное время, на разных студиях и в разных странах! Видно, как рос талант певца, как менялось его понимание произведения, как совершенствовалась техника звукозаписи. Это ведь история искусства и технологии в звуке!

У Володи в коллекции были раритеты с голосами Баттистини, Руффо, Джеральдин Фаррар, Лаури-Вольпи и десятков иных, к тому времени уже закончивших свой земной путь певцов. Все, повторяю, оригиналы на 78 оборотов в минуту, записанные в начале XX века. Были записи и на восковых цилиндрах, сделанные в студии Эдисона еще в конце XIX века, и, конечно же, аппарат для их прослушивания. Страстью Володи была итальянская опера, причем тоже не вся. Он очень любил оперы дороссиниевского времени. Любил Доницетти, Беллини, Перголези и Монтеверди. Ценил и Моцарта. Обожал Россини и Верди. Любил Чайковского и Глинку. К Пуччини относился прохладно, но знал всего. О чем-нибудь вроде «Бориса Годунова», «Хованщины» или «Катерины Измайловой» и слышать не хотел, хотя записи Шаляпина во всем русском репертуаре у него были, включая и «Бориса», и их он любил слушать. Да ведь известно, говаривал Володя, что у Шаляпина и «Очи черные» звучат как шедевр вокала. Вагнер или Рихард Штраус для него вовсе не существовали, как оперные композиторы, не говоря уже об Альбане Берге. «Воццека», говорил он, нужно заставлять слушать уголовников в качестве замены смертной казни. В опере надо петь, а не орать! И я с ним согласен. Услыхав недавно в прекрасном исполнении на сцене Хьюстонской оперы «Орфея» Монтеверди, я понял, что имел в виду мой друг. Цель оперы, триумф оперы, задача оперы заключены в пении. Опера – не драма и не симфония. Это голос и мелодия. Пусть голос поет ни о чем, пусть по сцене расхаживают боги и волшебники. Это даже лучше. Ничто не должно мешать слушать голос. Драматические приемы отвлекают от голоса.

Да, Шаляпину удавалось и петь, и играть. Так на то он и гений, и единственный притом.

Эмиграция разделила жизни всех нас на две непохожие друг на друга части. Володя уехал в 1974 году. И, конечно, увез с собой свою коллекцию. Чего ему это стоило, на какие ухищрения, расходы и преступления (по советским законам, конечно) ему пришлось решаться, не здесь описывать. Его коллекция, его собственность, в которую вложены большие деньги, труды и лишения, по советским законам ему не принадлежала, и он был обязан безвозмездно оставить ее государству. Ну – это все старые времена, хотя в этом отношении немного в России переменялось.

А в Америке Володе повезло. Я уже не говорю о хорошей и высокооплачиваемой работе, которой он заслуживал как талантливый и трудолюбивый человек. Володя встретил здесь и свою будущую молодую жену, выпускницу театроведческого факультета Ленинградского театрального института Елену Берман, верную помощницу и друга. А кроме того, он мог теперь слушать свои любимые оперы в Милане, Париже, Риме, Лондоне и Нью-Йорке с первоклассными исполнителями на языке оригинала, что в те годы в СССР не практиковалось. Кто (включая профессионалов!), живя в СССР, мог мечтать об этом?! Он часто звонил и говорил мне: «Я в Милан лечу. Там завтра “Симона Бокканегру” (или еще что-нибудь) поют, а я ее в театре не слышал никогда». Продолжала пополняться и его коллекция. На Западе многое стало доступнее, включая контакты с членами семьи Шаляпина.

Приехав ко мне в гости в Хьюстон в 1992 году, он заболел. Мы пошли плавать в бассейн. Он прыгнул в воду здоровым, а через две минуты я вытащил его задыхающимся из воды и прямо в плавках, мокрого привез в клинику, поняв, что дело чрезвычайно опасное. Инфаркт, подтвердили врачи. Через месяц он вернулся домой в Нью-Йорк, но ездить на работу уже не мог.

Вот тут-то он и начал приводить в порядок свою коллекцию и дискографию шаляпинских записей. Первая публикация ее появилась в печати еще до его болезни в капитальной книге В.Боровского «Шаляпин. Критическая биография», вышедшей в Великобритании в 1988 году в издательстве Hamish Hamilton и в Нью-Йорке в 1988 году в издательстве Alfred A.Knopf на английском языке. Всеобъемлющий, прекрасно написанный, более чем 600-страничный труд содержал множество никому неизвестных фотографий великого артиста, взятых отчасти из коллекции В.Гурвича, а главное – перечень и описание всех записей Шаляпи-

на, т.е. дискографию, сделанную Володей совместно с уже упомянутым английским коллекционером А.Келли. Боровский не раз пользовался архивом и советами Володи при написании своей книги. Ничего подобного на английском, да и на любом другом языке, не появлялось. Что включала дискография? Название спетого произведения, имя композитора, фирменный номер, название фирмы, страну и дату записи и т.п. И так о многих сотнях записей! Дискография была подробной и казалась исчерпывающей, но Володя говорил, что он ею недоволен, что многое надо сделать к следующему изданию. Я не вникал в эту сугубо специальную область, но понимал, что предстоит моему другу большая и интересная работа. А тут время от времени стали появляться какие-то новые шаляпинские раритеты. То собственноручный рисунок, то письмо, а то и пластинка. И стал Володя ездить в уже доступную Россию, где возможностей приобрести что-то из «шаляпинианы» было еще немало.

Из последней поездки в мае 1999 года он не вернулся. Сердце остановилось! Он посетил частный Музей граммофонов на Пушкинской улице в Санкт-Петербурге. Спускаясь с пятого этажа, умер прямо на лестнице. Смерть праведника! Мгновенная смерть за любимым делом, которому он посвятил жизнь. Ему было 65 лет, и он и был праведником. Талантливый, исключительно честный, доброжелательный и воспитанный, он доставлял людям удовольствие в общении. Обладая энциклопедическими знаниями, он был скромнен, никогда не подчеркивал своей исключительности и щедро делился этими знаниями со всеми. Его коллекция будет служить людям, искусству и его истории. Так, Arbiter Recording Company в Нью-Йорке взялась за издание на компакт-дисках всех записей Шаляпина из коллекции В.Гурвича, да еще и с иллюстрациями с шаляпинских негативов из того же источника. Это будут 12 дисков, содержащих все, что когда-то записал Федор Иванович. Четыре из них уже стоят у меня на полке, напоминая мне о моем любимом друге.

И в заключение – несколько печальных размышлений. Недавно мне позвонила из Санкт-Петербурга руководящая сотрудница Театрального музея, того самого, где когда-то демонстрировал свои коллекции Володя, где читал лекции живущий с 1979 года в Лондоне и преподающий в тамошнем университете Виктор Боровский и «где некогда бывал и я» до своего отъезда в США в 1979 году. Эта сотрудница, зная, что я Володин друг и что Володи уже нет на свете, спросила, нельзя ли получить у вдовы Володи – Елены его знаменитую коллекцию. Я спросил: «Купить?» «Нет, – был ответ. –

У музея нет денег!» Каково? Бесплатно! Бесценную коллекцию! Я позвонил Елене и рассказал об этом разговоре. *«Дело не в деньгах, – сказала она, – Володя всегда говорил, чтобы я никогда не отправляла коллекцию в Россию. Ни за деньги, ни даром. Он, зная цену коллекции, предвидел, что ее захотят получить для какого-нибудь музея, в лучшем случае. Володя всегда с возмущением говорил о том, что останки Шаяпина вопреки его воле перевезли в Россию почти уголовным приемом. “К этой сволочи – ни живым, ни мертвым”, – говаривал великий артист».*

Что тут добавишь. И Шаяпина, и нас всех, более или менее талантливых и полезных стране людей, довели до того, что жить в ней стало невыносимо. Нас всех выжили, выгнали из СССР, хотя мы все любили и свою родину, и особенно ее искусство. Вот и Володя уехал и увез свою коллекцию, труд всей его жизни. А ведь и она могла бы стать национальной гордостью: И вот Arbiter Recording Company, а не фирма «Мелодия» издает коллекцию Володи. Что ему Гекуба? Что он Гекубе? «Человек еврейской национальности», как нас всех в СССР звали официальные лица, беспочвенно подозревая в русофобии и ненависти к своему отечеству и его культуре, сохранил для человечества голос, негативы фотографий, рисунки и автографы русского гения, потратив на это свое состояние и жизнь. А отечество хочет получить это все бесплатно, забыв,, как оно не раз тыкало Володе в нос его еврейство за все его труды для прославления отечественного искусства. Конечно, эти компакт-диски попадут и в Россию. А вот коллекция так и останется навсегда в США.

Еще одна деталь. Мой петербургский друг, живущий там и поныне, известный театральный деятель, узнав об этих переговорах и зная и Володю, и его коллекцию, возопил в телефон: «Не отдавайте коллекцию! Ведь ее разворуют и продадут по частям за огромные деньги».

Вот и все о моем друге Владимире Гурвиче и его коллекции.

Там, за океаном...

Людмила Корабельникова (Москва)

Эта статья – о наименее освещенном в литературе последнем, американском, периоде жизни Артура Лурье.

Литература о Лурье вообще невелика. Первая (и остающаяся единственной по сию пору) монография, охватывающая весь его творческий путь, принадлежит немецкому музыковеду Д.Гойови (Derlef Gojowy) и называется «Артур Лурье и русский футуризм» (Arthur Lourie und der russische Futurismus. Laaber, 1993). В последнем издании музыкального словаря Гроува (Grove's Dictionary of Music and Musicians. Macmillan Publishers Limited, 2001) после статьи о Лурье, написанной Д.Гойови совместно с Дж.Камайяни (Giovanni Camajani), приведено совсем немного ссылок на использованную литературу. Значительная их часть – работы, в которых Лурье фигурирует вместе с другими музыкантами, художниками и др. Написанное в России исчерпывается документальным романом М.Кралина «Артур и Анна» (Л., 1990) и статьей И.Нестьева «Из истории русского музыкального авангарда. Артур Сергеевич Лурье» в журнале «Советская музыка» (1991. №1. С.75–87).

Принято считать, что американский период – наименее плодотворный в творчестве композитора, что, очевидно, не вполне справедливо в силу недостаточной известности музыки, созданной им в последние четверть века жизни: многое осталось в рукописях, не было исполнено либо издано, большая (если не подавляющая) часть не записана на диски. И все же значительные сочинения вышли из-под пера мастера, а иные, относящиеся к предыдущим годам, были впервые исполнены или изданы именно здесь, в США, и до, и после того, как Лурье обосновался в Нью-Йорке. «Погребальный плач на смерть поэта» (1921) (памяти Александра Блока, на слова А.Ахматовой) для смешанного хора, сразу же прозвучавший в Петрограде, был представлен в конце 20-х годов в нью-йоркской Schola Cantorum в версии для хора и ансамбля деревянных духовых. Написанная тогда же, в 1921 году, Canzone de la vita nuova de Dante для женских голосов и струнного оркестра была издана и исполнена в конце 40-х годов (Филадельфия – Нью-Йорк; на автографе и издании посвящение второй жене – Тамаре [Персиц] датировано 1947 г.). И еще штрих: в вокальном цикле «Узкая лира:

Тетрадь воспоминаний о Петербурге», посвященном О.Глебовой-Судейкиной, после пяти пьес (все – на стихи русских поэтов от Пушкина до Ахматовой), написанных в период 1920–1932 годов, следует шестая – «Тоска воспоминаний» (на стихи М.Лермонтова), в конце которой указано: Нью-Йорк, 1941. Название почти символическое: тоской воспоминаний (и просто тоской) окрашена в значительной степени жизнь и музыка Лурье американского периода.

За океан переключались в форме исполнений и/или изданий и другие сочинения 20–30-х годов: *A Little Chamber Music* (1932), *Concerto spirituale* для хора, фортепиано и оркестра (Нью-Йорк, 1930; в Париже исполнен лишь в 1936 г. Ш.Мюншем) и др. Важная деталь: *Sinfonia dialectica* (№1) прозвучала в Филадельфии (1931 г., под управлением Л.Стоковского) и в Нью-Йорке (1933 г., дирижер С.Кусевицкий) раньше, чем, соответственно, в Берлине у В.Фуртвенглера (1932) и в Париже у Ш.Мюнша (1938). В 1942 г. в Нью-Йорке у Ширмера, вместе с другими фортепианными пьесами, был издан «*A Phoenix Park Nocturne*» («Ноктюрн Феникс парк»), посвященный памяти Джеймса Джойса. Тот же издатель выпустил «Кормчую» (Симфонию №2) в 1941 г., через два года после ее написания, и ее сразу же исполнил С.Кусевицкий с Бостонским оркестром. Таким образом, ко времени переезда из Франции в США в 1941 году (натурализовался в 1947-м) Артур Лурье отнюдь не был неизвестным в Америке автором¹.

В Соединенных Штатах супруги Лурье (третья жена каким-то троюродным родством была связана с императорским домом) жили в Нью-Йорке в непрезентабельной квартире, подолгу, месяцами гостили (часто – один Артур Сергеевич) в Сан-Франциско у Ирины Грэм (фамилия по мужу, к этому времени уже умершему), русской эмигрантки, литератора, ставшей либреттисткой центрального по масштабам и значению сочинения – трехактной оперы «Арап Петра Великого» (по Пушкину) и верным другом и возлюбленной композитора. Она посетила А.Лурье в Нью-Йорке летом 1948 года и описывала этот визит М.Кралину (с. 64 упоминавшегося романа): «*А.С. жил на той же Ист 54 улице... в грязном, бедном, зашарпанном доме... на пятом этаже... крошечная квартирка из трех комнатушек; одну треть студии А.С. занимал концертный рояль Стэнвея*». На просьбу послушать музыку он «*не ломаясь, сел за рояль и сыграл “Ноктюрн Феникс парк”, посвященный Джеймсу Джойсу и названный по имени парка в Дублине, о котором пишет Джэйс (один из любимых артистов А.С.). Игра А.С. была волшебной, не будучи виртуозной...*»

Из других сочинений американского периода должна быть названа кантата «La Naissance de la Beauté» (1937) для сопрано соло, шести женских высоких голосов, фортепиано и ансамбля духовых и ударных на стихи L.N.Finley «The Birth of Beauty» (перевод с английского на французский J.Supervielle).

Чаще других сочинений, созданных в Америке, звучит Concerto da camera (1947), сыгранный Г.Кремером в разных городах Западной Европы и в России. Д.Гойови и И.Нестьев анализируют это превосходное сочинение, находя в нем сочетание строгой структурированности и интонационной выразительности, даже простоты.

Достаточно полная характеристика созданной и изданной в США музыки Лурье остается задачей будущего. В то же время нам доступно почти все, опубликованное Лурье-литератором, а также, счастливым образом, его американские дневники, никогда еще не появлявшиеся в печати (за исключением кратких фрагментов, связанных с характеристикой музыки, у Д.Гойови).

Важная и сегодня более нам доступная сторона творческой жизни А.Лурье – литературная работа, не прекращавшаяся на протяжении почти полувека. Большая и содержательная часть текстов написана и опубликована в Штатах. Здесь позволим себе назвать одну статью, напечатанную задолго до приезда Лурье из Парижа в США: «NeoGothic and neoclassic», журнал «Modern Music», 1927-8, №3, New York (предоставлена коллегой В.Юзефовичем, США). Это период Лурье-неоклассика, но сфера музыки эпохи барокко привлекала его и в годы создания «Арапа...»; и «метафизический», философский характер текста останется характерным для него до конца. Забегая же вперед, отметим, что в 40-е, уже американские, годы Артур Сергеевич подумывал об издании сборника своих литературных работ. В дневниковой записи 25 апреля 1946 года читаем: «Если удастся, наконец, собрать книгу статей, хотелось бы ее назвать "Лук и лира" (с эпитафией из Гераклита)². Подзаголовки для отделов: "Мера пути" для теоретических статей – о мелодии, гармонии, форме и др., и отделить в самостоятельную часть статьи идеологические – "Мера времени", в заключение – статьи, написанные в Нью-Йорке за последние пять лет».

Прошло ровно двадцать лет. В 1966 году, году кончины автора, сборник его статей вышел в Париже на французском языке. Название было другое, но состав и структура в известной степени отвечали давнему замыслу автора.

Сборник называется «Profanation et sanctification du temps» («Осквернение и освящение времени»). В него вошли статьи 30-х годов «О мелодии», «О гармонии», «О музыкальной форме», «Уроки Баха»; 40-х – «Игорь Стравинский», «О народности в музыке» и статья (или, как озаглавлен этот первый раздел книги, эссе) «Номен и феномен в музыке», написанная в 1959-м. Второй раздел – фрагменты статей разных лет, третий – воспоминания: «Ферручио Бузони»; «Видение Скрябина»; «Смерть артиста: Бела Барток»; «Виртуоз»; «Прокофьев – Рихард Штраус» и «Детский рай». Завершает книгу текст, давший название всему сборнику.

В предисловии к сборнику о Лурье говорится как о живущем по сей день в Соединенных Штатах. Его представляют как «одного из крупных современных композиторов», как очень «значительного музыканта нашего времени», который «вдвойне интересен в качестве эссеиста, глубоко размышляющего о своем искусстве». Кратко очерчивая биографию, по поводу его парижского периода особо отмечают: «В это время узы дружбы связали его с Жаком Маритеном».

Значительная – даже большая часть материалов, увидевших свет в парижском сборнике (причем и написанных много позже 1946 года – года цитированной выше записи), была незадолго до того напечатана на русском языке. Но написано и опубликовано было гораздо больше, и для того, чтобы дать представление о других работах и тем самым очертить круг интересов и размышлений, назовем лишь некоторые и позволим себе привести фрагменты текстов, чтобы дать представление об их характере. Одна из «ранне-американских» статей названа: «Из дневника» («Новоселье». 1942. №8). Когда автор этого обзора еще не была знакома с дневниками Лурье – думала, что это метафора, – настолько законченными, даже отделанными и мини-сюжетными были фрагменты. Но нет, именно так он и писал, и нет сомнения, что перед нами – выдержки (ну, может быть, несколько отредактированные) из неизвестного пока дневника. Вот заголовки: «Карьера музыкантов», «Музыка хочет быть...», «Что значит быть причастным музыке и быть отлученным от нее в наши дни?», «Гоголь», «Симфонии Бетховена», «Мораль», «Виртуозы и публика», «Национализм», «Память», «Еще об эмоциях».

Прочитую из главки «Музыка хочет быть...»: *«В этом одно из главных ее назначений <...> Пафос музыки есть тем самым пафос самой жизни. – Не случайно сплошной мажор или же сплошной минор невозможны как звуковое выражение <...>. Веч-*

ная игра светотенью мажорного и минорного лада – основа музыкального языка. В прежнее время становился доминирующим тот или иной лад в сочинении, который его и определял. В современном ощущении иначе. Аккорд, который не есть трезвучие, лад, который не есть ни мажор, ни минор – вот смысл новой музыки. Так в области материально-звуковой. Но порок современной нам музыки был ведь именно в том, что она упорно и сознательно отказы-

Основная ошибка заключается в
возникании творческой навязки из про-
-лого, в то время, как она возникала
лишь из будущего. В этом тайна
творчества и полетная навязка. В этом
тайна свободы.
Творческий акт, создающий навязку,
концертаторки обливает в неведомости
прошлого. Но в нем есть верность
будущему.

Страница из американского дневника Артура Лурье

валась от самого бытия. Она была нигилистична по самому существу своего становления. Постулируя на “небытие” и заполняя музыкальное время и пространство исключительно продуктами механизированной профессии и ремесла, она утверждала их как самоцель, отрицая метафизическую сущность музыки. <...> Очень легко примирялись и с самоутверждением автора, с самой сложной и изощренной специфичностью его личной манеры и техники, лишь бы подменивать, подставляя манеру там, где мог бы возникнуть стиль. Последний, будучи высшей реальностью музыкального творчества, перерастая специфическую субъективность автора и его манеру, становится выражением музыкальной сущности эпохи и тем самым вырастает и в подлинную объективную реальность, которая кристаллизуется уже самим временем, а не фабрикуется теориями. Залогом возникновения большого стиля в музыке ведь всегда служит заложенный в нем духовный опыт, а не материальные достижения эпохи»...

Но любовь к эпохе своей юности, как уже говорилось, сохранялась до конца его дней. Музыкант не уставал вспоминать это предреволюционное десятилетие, восхищаться им и интерпретировать его как в музыке (Ахматова, Блок, Мандельштам), так и в литературных текстах. Один из самых пронзительных очерков – «Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина», написанный менее чем за год до смерти и опубликованный уже после кончины Лурье (Альманах «Воздушные пути». Том V. Нью-Йорк, 1967). Ольга была одной из Женщин Лурье и в Петербурге, и в эмиграции, в Париже. Там он оставил ее, уезжая за океан, чтобы никогда больше не увидеть (трагически одиноко умерла в 1945-м). Ольга, о которой в той же «Поэме без героя» Ахматова написала:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников.

Эпиграфом к литературному портрету, нарисованному Лурье, взято блоковское «Но за гранью прошлых лет / Все, как призрак, все, как бред...». Вот начало эссе Лурье: *«Дивные золотые косы, как у Мелсанды или как у La fille aux cheveux de laine Дебюсси, громадные серо-зеленые глаза, искрящиеся как опалы; фарфоровые плечи и “Дианы грудь”, почти не скрытая сильно декольтированным корсажем; чарующая улыбка, летучий, легкий смех, летучие, легкие движения, – кто она? Бабочка? Коломбина? Или фея кукол, фея кукольного царства, озаренного вспышками бенгальских огней, где все – и веселье и радость, где всегда праздник. К ней меня привел Николай Иванович Кульбин. Я принес с собой две тетради своих греческих песен на тексты Сафо в переводе Вяч.Иванова. О.А. сразу полюбила мои песни, и это осталось навсегда. В те времена она просила, чтобы я играл их и пел при каждой нашей встрече»*. И в другом месте: *«Ольга Афанасьевна выражала собой рафинированную эпоху Петербурга начала XX века так же, как мадам Рекамье – La divine Juliette – выражала эпоху раннего Ампира. Вкус Ольги Афанасьевны был вкусом эпохи; стиль ее был тоже стилем эпохи, утонченный и вычурный»*. «L'amour a trois» («любовный треугольник») – Анна–Артур–Ольга – к тем же годам относится. А еще в дневнике 1946, 1 февраля, вспоминает, что 18 января в полночь была годовщина смерти Ольги. *«Уже год как ее нет на свете! До сих пор не могу привыкнуть к этой мысли, что больше никогда*

ее уже не увижу. Все время жду ее, ищу знаков от нее. Мы столько говорили о будущей жизни, о смерти, и так много уже дорогих – там». Большой текст, представляющий собою как бы сюиту – а, может быть, жанровые вариации, где находится место и философским пассажам, и мемуарным зарисовкам, и многому другому, – озаглавлен «Чешуя в неводе (Памяти М.Кузмина)». Он весь исходит (о чем прямо говорит и посвящение) из Серебряного века. Некоторое представление об этой серии этюдов дают подзаголовки: «Музыка “ничего не выражает”...», «Возможно ли музыкальное сознание как сознание антихристианское?», «Поэзия и религия», «Техника», «Время», «Можно ли разрушить музыку?», «Музыка и философия», «Глазунов», «Полвека», «Бах и Моцарт», «Пушкинская традиция», «Риторика», «Электра», «Ферручио Бузони», «Осип Манделштам», «Слово и звук», «Мелос», «В рабстве у формы», «Традиция и рутина», «После чтения “Катилины” Блока», «Джаз», «Видение Скрябина», «Смерть артиста».

Одна из главок – «Демонизм» – позволяет перейти к еще одной важной теме. Этот полустраничный текст весь отталкивается от Кьеркегора (которого и здесь, и в дневниках Лурье всегда называет Киркегаардом). Тема эта вот какова. Ясно, что многие тексты Лурье, имеющие российское происхождение, никогда не могли быть опубликованы (и, скорее всего, не были бы написаны) в России – но только «там». И, в частности, это связано с включенностью Лурье в интеллектуальную жизнь Запада – как нам представляется, большую, чем других русских музыкантов. А связанность эта, в свою очередь, отсылает нас как бы обратно – или вновь – к Серебряному веку, наследнику Европы, ее современнику, в чем-то – ее будущему. Чрезвычайная актуальность Кьеркегора в XX веке общеизвестна. В 1894 году его книга «Наслаждение и долг» вышла в Петербурге. О Кьеркегоре вообще немало писали в российской столице. Один из лучших этюдов Кьеркегора посвящен «Дон-Жуану», и в статье Лурье «Вариации о Моцарте» эта опера – в центре. А статья «Ноумен и феномен в музыке» прямо оперирует понятийно-терминологическим аппаратом Кьеркегора. И, как продолжение темы, должно быть названо еще одно имя – Жак Маритен. Близкий друг Лурье в Париже, затем в Принстоне, где оба они жили в 60-е годы, религиозный философ, которого считают самым видным представителем неотолизма – философской доктрины римско-католической церкви (вспомним, Лурье в 1913 году принял католичество и оставался ревностным католиком). Концепции же Маритена сопоставимы с «всеединством» Вл. Соловьева и не-

которыми сторонами соприкасаются с работами Н.Бердяева, например, его «Смыслом творчества» (1916 года). Бердяев общался с Маритеном и лично, Маритен входил в бердяевский «Кружок интерконфессиональных собраний». Известен высокий отзыв французского мыслителя о труде Бердяева «Философия Достоевского». Жак Маритен – постоянный персонаж дневников Лурье. Они обсуждают религиозно-философско-эстетические проблемы, посещают лекции Сартра, причем неоднократно. Сохранилось около трехсот (!) писем Лурье к нему. В программе концерта в парижском «Petit Theatre Marigny» 11 апреля 1988 г., где исполнялись Concerto da camera, Syntheses, Cadence du Concerto spirituale, помещено, наряду с фотографией Лурье, также фото, запечатлевшее Louis Lalou (Луи Лалуа), Маритена и Лурье 1927 года. Жена Маритена Раиса (еврейка русского происхождения) завещала нашему герою дом в Принстоне и регулярную денежную поддержку, и таким образом самые последние годы жизни он мог не думать о куске хлеба. В 1962 году (дневник Лурье это фиксирует) Маритен присылает ему «Дневник» («Journal, 1928–1958», vol.1–7) французского писателя американского происхождения Жюльена Грина (Green), посвященный главным образом религиозным размышлениям. Более подробный анализ текстов Лурье способен убедить, что основы философии экзистенциализма, предшественником которой был Кьеркегор, ему были близки. Одна из лучших последних (скажем, поздних, 1963 года) статей – «Детский рай», начинается цитатой из Кьеркегора: «*“Все, даже жизнь я отдал бы за обретение той экспрессии и той выразительности, которую моя мысль ищет с большей страстью, чем влюбленный ищет свой кумир; я ищу эту экспрессию для того, чтобы выразить ее, когда я буду умирать”*». В этих словах Кьеркегаарда и заключается тайна искусства». Французский эпитаф к статье взят из Жерара де Нерваля³. Этот поэт, наряду с двумя другими петербургскими поэтами – Хлебниковым и Мандельштамом, – герой «Детского рая»; жанр текста, как всегда, трудно определим: философское рассуждение? мемуары? эпитафия?

Пока еще не выявлено все, что написано героем нашего очерка для журнала «Третий час», многократно упоминаемого в дневниках с 1946 года, когда журнал только начал выходить. «Третий час» – это было не только издание, но и кружок единомышленников (Е.Извольская и др.), и доклады или проблемы, которые обсуждались на собраниях и отмечены в дневниках.

Пожалуй, сюда же отнесем и запись в дневнике от 6 марта 1946 г.: «Приходил с визитом Веньямин Левин, под впечатлением

статьи моей в "Третьем часе". Живет 25 лет в Америке, эмигрировал после революции из Петербурга. Принял православие 15 лет тому назад. Пишет стихи, статьи, дает уроки. Говорили о возможности вызвать какое-либо движение в толще американского еврейства с целью духовного просветления. В этой среде ужасающая духовная опустошенность и безнравственность. Возможно ли создать литургию на древнееврейском языке в традиции примитивной церкви? Решили попробовать собрания в маленькой группе верующих: евреев и христиан для совместной молитвы, чтения псалмов, литаний для молений о еврейском народе, снискания благодати».

Итак, дневники. Нам известны тексты, относящиеся к годам 1946–1962, с некоторыми пробелами. Это собрание долгое время хранилось в дружественной Лурье семье Лалуа (Lalou) в Париже. В начале 1990-х автор этой статьи с разрешения г-на Венсана Лалуа (внука Луи и сына Жана Лалуа) ознакомилась с ними, сделала выписки. Это было бы невозможно без благородной помощи г-жи Элиан Мок-Бикер, филолога-русиста, автора книги об О.Глебовой-Судейкиной и других трудов, переводчицы на французский язык «Поэмы без героя» А.Ахматовой (Париж, 1977). В приложении к изданию опубликованы in facsimile ноты Прелюда для голоса и фортепиано композитора Анри Соре (Henri Sauguet)⁴ к «Поэме» Ахматовой и фрагменты «Заклинаний» – музыки Артура Лурье к той же «Поэме», впервые увидевшие свет в альманахе «Воздушные пути» (Т.П. Нью-Йорк, 1961). Теперь дневники и другие парижские материалы переданы в фонд Пауля Захера (Paul Sacher Stiftung), в Базеле, и могут быть цитированы и опубликованы.

Дневники композитора – это непременно и прежде всего летопись его творчества, факты и этапы создания сочинений. С дневниками Лурье знакомился Д.Гойони, но возможности их использования для создания полной творческой биографии, уже на русском языке, остаются огромными. На страницах известных нам дневников находим воспоминания о прежде созданных произведениях и их оценки, летопись создания новых, в том числе и оставшихся неосуществленными или неизданными и не исполненными.

Пример, который избран для характеристики этого пласта текстов, связан с созданием позднего крупного сочинения – трехактной оперы «Арап Петра Великого» на пушкинский сюжет (напомним, что в середине 30-х годов Лурье выступил автором двухактной оперы-балета «Пир во время чумы»). Первая запись, которую рискуем интерпретировать как имеющую отношение к «Арапу»,

располагается на свободных страницах дневниковой книжки за 1946 год. Это выписка из статьи Вл.Соловьева 1888 года «Несколько слов в защиту Петра Великого» и рассуждения на тему о Петре, его историко-культурной и духовной миссии: «Для всякого народа есть только два исторические пути: языческий путь самодовольства, коснения и смерти – и христианский путь самосознания, совершенствования в жизни».

«По мнению Вл.Соловьева, четыре факта в русской истории имеют доминирующее значение: 1) призвание варягов, 2) крещение Руси, 3) реформы Петра Великого и 4) особый характер русской поэзии, отзывчивый и всеобъемлющий. В этих четырех проявлениях, говорит он, “выразился истинный дух русской народности”. <...> По терминологии Вл.Соловьева, народность – положительное начало, национальность – отрицательное, как личность и эгоизм».

Следующая интересная запись – 14 января 1949 года: *«Вечером у Добужинского. Говорил с ним о проекте оперы “Арап Петра Великого”. Ему очень понравилась мысль, предлагает вместе попробовать сочинить либретто. В связи с сочиненной вчера песней появились в изобилии музыкальные мысли. Ария с аккомпанементом курантов и барабанов, комбинации разных инструментов (группы оркестриков) для ассамблеи. Добужинский говорит: “Карлы должны быть обязательно, и вылезать из пирогов”».* Через три дня С.Кусевицкий сообщает, что его Фонд решил заказать Лурье симфоническое произведение для Фестиваля Кусевицкого, но, записывает композитор, *«я попросил оперу и предложил “Арапа”. Он сейчас же согласился. Исполнение намечается в театре Тэнгльвудстока в сезоне 1950 года. Теперь нужно приниматься за работу, и главное затруднение с либретто»* (17 января). Сочинение оперы растянулось, однако, на много лет.

В процессе сочинения композитор испытывает разного рода трудности. Уже почти заканчивая инструментовку, 23 марта 1960 г.: *«Закончил утром 9-ую картину. Бог знает, что из всего этого получилось! Если бы можно было услышать хоть ч[то]-н[ибудь] из написанного, – было бы сразу чувство уверенности в сделанном. Работаешь, пробираясь как в глухую ночь, в полной темноте. Все в воображении, и ничего нельзя проверить».*

«Хроника» оперы очень пространна. Важные сведения рассыпаны в дневниках всего этого времени. Одна из промежуточных записей: *«Для эпилога “Арапа” чудесные стихи Мандельштама! Мысль об этом пришла вчера вечером как откровение, как будто*

бы он сам мне подсказал. В этих строках синтез всей оперы. Та же тема, что и мы прорабатывали во всем либретто. Его стихи звучат чуть ли не сильнее, чем все, что нами взято лучшего из русской лирики. Должно стать памятью нашей дружбы в юные годы, “в те баснословные года”» (18 марта 1952 года).

Из этих фрагментов понятно, сколь многое дают дневники для интерпретации сочинений. Из этих же фрагментов – через упоминания имен Вл. Соловьева, Добужинского, Мандельштама – выплывает сквозная для всех текстов тема, которую можно назвать: «Родом из Серебряного века». Эти корни, эта память – неотъемлемая черта, свойство психологии и творческого облика эмиграции «первой волны». Культура, в том числе музыкальная, «первой волны» хронологически не ограничена, как это принято делать, рамками 1918–1940 годов: она длилась, продолжалась столько, сколько длилась земная жизнь ее деятелей.

Когда (и если) мы, наконец, увидим издание партитуры оперы или увидим спектакль на сцене (пока в Кёльне в июне 1992 г. было только концертное исполнение, а Сюиту из оперы играли в США Л. Стоковский в 1961 г. и в России В. Гергиев в начале 1990-х годов), интересно будет сравнить его стилевые параметры и собственно музыкальный язык с вербальными (дневниковыми прежде всего) текстами.

Другие – немногие, нам известные сочинения свидетельствуют, что американский период не ознаменовался поисками принципиально новых поворотов. Безусловно, сохранилась интонационная острота; жанровый состав сочинений и состав инструментальный (большей частью с голосом или голосами – Слово всегда много для него значило)...

8 марта 1949 года: *«Ночью читал Хлебникова. Нахлынули на меня юношеские воспоминания, и повеяло опять ветром из Азии. Как я любил этот ветер в былые годы! Все европейское во мне – мертвое, упадническое, раздвоение, распад, сомнения, скептицизм и безволие, как у всех. Все азиатское – живое, подлинно жизненное, веселое и светлое. Какое странное видение: Христос в Азии!»* Неправда ли, эти переживания, вновь и вновь возвращающие к прошлому, помогают понять как естественное – евразийство Лурье! Ведь с Хлебниковым молодой Артур встречался много, и в 1917 году работал над музыкой к его пьесе «Ошибка смерти», ор. 40.

Вновь и вновь: выписки из Бердяева, стихотворные строки Ахматовой, тексты З. Гиппиус. Или: *«Читаю Блока: статьи и письма. <...> Статья Блока “Интеллигенция и революция” сыграла для*

меня фатальную роль. С этой минуты я стал вместе с Блоком “слушать музыку революции”... (29 октября 1956 года). А на страничке 20 июля 1962 года – тщательно написанный титульный лист никогда не сочиненного произведения: «Артур Лурье. ПЕ-ТЕРБУРГ. Опера-балет в 2-х действиях на стихи Александра Блока. I действие “Снежная маска”, II действие “Двенадцать”». И тут нужно вспомнить, что либретто к блоковской «Снежной маске» составляла для Артура Анна Ахматова, тогда, еще до его отъезда; в Ташкенте (эвакуации, спасении, но тоже чужбине) она писала:

А веселое слово – дома –
Никому теперь незнакомо.
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький –
Как отравленное вино.

И там создавалась первая редакция «Поэмы без героя»:

А во сне мне казалось, что это
Я пишу для Артура либретто
И отбоя от музыки нет...

И еще – о задуманном, но ненаписанном – а важно: «1946 г., 5 февраля. “Симфоническая проза” (третья симфония), для которой почти весь материал тематический был сочинен уже в 1936–37 году. Целые куски музыки–эпизоды сложились уже в то время, почти одновременно с сочинением “Кормчей”. Но почему-то сочинение в целом застоялось, и я все никак не мог за него приняться. В сравнении с предшествующими двумя, эта симфония принимала традиционную 4-х частную форму, в которую она естественно отливалась. Быть может, в силу этого, и еще ее лапидарно-народный характер все время останавливали меня и мешали “поверить” в нее и дать ей окончательную форму выражения». Но так – «Симфоническая проза» – назван раздел сюиты (фрагмент оперы «Арап Петра Великого») – не пошли ли туда материалы, упоминаемые в записи?

С середины 40-х годов на протяжении почти двадцати лет возвращается композитор к работе над грандиозным и очень «серебряновечным» по замыслу произведением «Апейрон» для хора и оркестра, иногда записывая название на языке подлинника, греческими буквами. Некоторые подробности тоже известны только из дневника. В целом античность занимает большое место и в круге

его чтения (Светоний, другие авторы), и в замыслах («Золотой осел» по Апулею).

Дневники Лурье – их полное издание в России имеет реальные перспективы – содержат огромное количество важных для истории культуры записей о творчестве других композиторов. Эти записи возникают в связи с постоянным прослушиванием радиоконcertов и посещениями концертов, при написании статей, в зафиксированных разговорах с другими лицами, при чтении газет и журналов... Нет возможности привести и прокомментировать хотя бы важнейшие.

Дневники интересны и в другом отношении. Если составить для них именную указатель, интересуясь, скажем, только русскими именами, то найдем в одном только нью-йоркском 1946 года дневнике имена композиторов А.Гречанинова, В.Дукельского, Н.Набокова, дирижера С.Кусевицкого и его семьи (опубликовав в Париже книгу о нем, в США Лурье писал для (за) него статьи и речи), музыкантов-исполнителей Г.Пятигорского, С.Душкина, В.Горовица и их семей, Шалапина и его близких, художника С.Сорина, также с семьей, Извольских, Трубецких, Прегелей, Оболенских, Бродских... (В отзывах на прочитанное или услышанное – еще многие и многие имена.)

В дневниках Лурье многое посвящено окружающей американской действительности и его восприятию этой действительности.

1946, 4 января. *«Страшное ощущение хаоса повсюду, на каждом шагу. Люди усыпляют сознание, находят какие-то пустые, ничего не значащие слова, убаюкивают совесть. Все продолжается по механической инерции когда-то заведенного порядка. А жизнь наряду с этим так же беспощадно-равнодушна и жестока. Какая должна получаться “музыка” из всего этого процесса? У каждого человека своя музыка, это главное в нем, то, чем живет душа, то, что она поет, и всякая другая музыка той, внутренней, своей только мешает и убивает ее...»*

1946, 17 января. *«Ночной Нью-Йорк – мрачный, но торжественный и насыщенный какой-то непонятной тревогой. Какая-то странная напряженность чувствуется в громадах этих застывших зданий, в редких тенях по пустынному 3-му авеню»...*

1946, 1 марта. *«Отвратительное впечатление от чтения газет. Какое бедствие эти газеты! <...> Обстановка все больше и больше усложняется и ухудшается. Ватикан наконец-то нарушил обет молчания и занимает авангардные позиции исступленной реакции политической и социальной. Объявляется Крестовый*

поход против России <...> А эти новоиспеченные кардиналы с физиономиями карнавальных масок: коз, свиней, шутов... разносящие по всему замученному, голодному и больному миру семена бешенства, злобы, ненависти и интриг. И все они вопят о “безбожном мире”, об “опасностях для христианства”. Но когда Гитлер уничтожал народ за народом, когда сжигали миллионы людей и в газовых камерах травили, и папа и кардиналы молчали».

1946, 27 марта. «Тоска и безнадежность безысходная. – Какая пустыня кругом, в этом гигантском городе! Мало кто отдает себе отчет в том, что мы переживаем сейчас в подлинном смысле Ад на Земле. – Ад! Ад!»

1946, 5 апреля. «Очень типичное и характерное для американского образа мысли отращивание от необходимости выбора. В Европе необходимость выбора обязательность безусловная: “одно или другое”, здесь “и то и другое”».

1949, 28 января. «Работал весь день не выходя из дому. Толку мало. Вялые мысли, скучно, никаких впечатлений. Самое страшное, что здесь нет никакого контроля: ни мысли, ни чувств, ни идей, ни ценностей. Если не контролировать себя самому – висишь над пропастью самодовольства и очерствения <...> Весь смысл “деятельности” только в благополучии, в накоплении материальных благ».

1946, 20 мая. «Он [С.Кусевицкий] встретился с Эренбургом, яростно критикующим Америку и все американское: “Америка – разбогатевшая Пенза”. В этом есть некоторая доля правды, но не вся правда... Здесь очень трудно всему, что выделяется над средним уровнем мышления, а главное – отсутствие культурной ответственности».

В размышлениях, доверенных дневнику, с темой Америки сплетена тема евреев и еврейства. Неизживаемый ужас Холокоста, еще недавнего, и, с его точки зрения, связанность понятий «современное американское еврейство» и «буржуазность» – вот две крайние точки этих размышлений. И неоднократно – о том, что евреи (американские?) недостойны своей трагической истории.

1946, 4 февраля. «Еврейство и современное христианство. Пробуждение нового, живого сознания, христианского, происходит на крови – на жертве, принесенной еврейством (всему миру). Это был грех церкви».

1946, 9 марта. «В русской газете статья о еврействе в Европе, – речь на обеде среди богатых евреев, с целью сбора пожертвований. Бездонная пошлость и невыносимое убожество мысли. Циф-

ры, статистика и деньги. Как будто деньгами может что-либо изменить в совершившемся. То, что случилось, для самих евреев уже “в прошлом”, оно уже как бы не существует... Это будет существовать вечно, и в вечности не исчезнет. От рук святой инквизиции погибло 10 тысяч человек, а от гитлеровского террора одних евреев 6 миллионов. Среди них 1 миллион детей. Вот они, плоды “христианской культуры” за 500-летний период между инквизицией и современностью. – И все продолжается, как будто бы ничего не случилось».

1946, 12 ноября. «“Можно доказать евреям, что они ошибаются только фактическим осуществлением христианской идеи. Поэтому еврейский вопрос и есть вопрос христианский” (Вл. Соловьев. “Еврейство и христианский вопрос”, 1884, том 4-й). В таком освещении отрицательное еврейство органически связано с отрицательным христианством. Антисемиты и буржуазное атеистическое еврейство – ростовщиков и дельцов – тесно связаны, они питают друг друга».

И важнейший исповедальный в отношении творческого процесса текст в конце концов оказывается связанным с экзистенциальным переживанием мотива катастрофы, Холокоста.

1946, 30 августа. «Обо мне нельзя говорить, что я сочиняю музыку. Я на ней сижу как курица на яйцах. Я ее высиживаю, и таким путем она оформляется внутренне сама собой, а потом уже почти невозможно объяснить, как это произошло. Я думаю, что в этой музыке живое и свободное (“ее биология”) – непохожее ни на что другое, объясняется этим процессом ее вынашивания. Вот уже для меня это действительно всегда было связано с жизнью, в каждой интонации, каждой частице материи. – Моя музыка была экзистенциальной задолго до того, как появился этот термин в обороте. Gabriel Marcel⁵ первый сказал об этом, назвав эту музыку онтологической. – Киркегаарда я тогда совсем не знал, и вообще в Европе я его совсем не чувствовал и не понимал, и контакт с ним был мне труден, когда под влиянием Шестова пробовал читать его. Я открыл его для себя лишь после Катастрофы, в Америке в 1943 году, и это было откровением, спасением от ужаса и пустоты».

Наконец, на листах 5–7, июль 1946, запись, скорее похожая на манифест, чем на заметку «для себя», и имеющая заголовок: «Мои современники».

«Кто были мои современники? В петербургский период: Скрябин, Дебюсси, Блок, Ахматова. Ольга. Сологуб. Вяч.Иванов. Андрей

Белый. Осип Мандельштам. Кузмин. Розанов. Чурлянис. Хлебников. Митурич. Бруни. Пунин. Татлин. Кто еще? Еще многие тогда. И Нева. Зимний Дворец. Летний сад. Академия Художеств. Царское Село.

В Берлине в 1922-23 году: только один лишь *Busoni*.

В Париже: *Стравинский*. Потом *Maritain*. Настоящая близость была только со *Стравинским*. Мучительная, на притяжениях и отталкиваниях... Кончилось разрывом – навсегда. Возврата друг к другу у нас уже нет и не будет никогда. – *Louis Lalou*. С ним было всегда легко... Наименее педантичный из всех музыкантов, которых встречал когда-либо. Я любил его злой и тонкий ум. – *Шестов*. Помог мне найти верную, свою линию в философическом лабиринте. Один из самых мужественных и дерзновенных. Чистый. Еще кто? Еще *Борис Шлецер*⁶ со всеми его слабостями и упрямством, тоже чистый и честный друг. *Vandella Joaze* – Он меня учил постижению современного образа мира в его вечных миражах... Подлинно честному искусству быть верным себе. 10 лет вчитывался в "*Ulysses*" [*Джойса*].

Теперь, здесь кто? *Елена Извольская*. *Етта Matina*. *Кутузов*⁷. – *А Кусевицкий*? Да, конечно, *Кусевицкий* тоже мой современник. Впрочем, *Кусевицкий* всем современник, быть может только лишь не самому себе.

А большевики? Ну вот, какие же они современники! Никогда не были... Даже в первые годы революции. Тогда современниками были: *Ленин*, *Луначарский* (отчасти). *Нам*. *Ив. Троцкая*. *Над*. *Конст. Крупская*. *Сестры Менжинские*. Но не большевики вообще, и никакая власть, никогда не была и не будет...»

И вскоре, вскоре... 1946, 23 августа:

«Сегодня в *New York Times* корреспонденция из России, сообщающая, что в Ленинграде на двух митингах была вынесена "единогласная резолюция" беспощадного искоренения влияния иностранной "декадентской" литературы в Советской России, и требующая подчинения всего русского искусства директивам Центрального партийного комитета. В "Правде" была статья, накануне митингов, разоблачающая *Ахматову* и *Зощенку*. – Резолюции приняты совместно, членами партии и писателями. Bravo! Это[го] давно нужно было ожидать! Таким образом отчетливо выясняется совершенно осатанелое состояние, создавшееся в России. Идиотская тупость коммунистов в соединении с демагогией бездарных карьеристов и выскочек взяла верх над всем остальным. На этом строится советская культура – так понимают "службе-

ние народу”, таковы плоды русской победы и надежды на преобразование мира в духе свободы и вселенства. Бедная Анна! После всего пережитого за 25 лет добрались и до нее. Ее чистый голос – последний хранящий заветы и память о прошлом. И никто, ни один голос не раздастся в ее защиту».

С горечью и болью следит Лурье за развитием этого сюжета.

1950, 18 ноября. «Бедная Анна! Ее все-таки доконали и добились своего... В журнале “Огонек” (№ 42, октябрь 1950) напечатаны несколько стихотворений Анны Ахматовой из нового антизападного и антиамериканского цикла <...> Если и она не выдержала, следовательно там никто не может выдержать. Теперь мне понятна и кантата Прокофьева против “западных поджигателей”... Вероятно, там действительно верят, что все это правда, что говорит советская пресса, настолько они отрезаны от всего мира. Но мерзость политиканов здесь, капиталистов и буржуазии всемирной, не имеет границ ни тупости, ни подлости, она главная причина всех зол современных».

Меньше чем за два года до этого было опубликовано печально известное постановление ЦК ВКП(б) о музыке. На него Лурье откликнулся статьей в нью-йоркском «Новом Русском Слове» – «Почему они это сделали?» (14 марта 1948; впоследствии перепечатана в «Советской музыке»). И это событие еще долго привлекает внимание автора дневников. 1949, 17 июня, после чтения очередного номера «Советской музыки»: «Вот к чему пришла советская музыка! Прокофьев под ударом в каждом упоминании о нем. Травят и Шостаковича, несмотря на всю его приспособленность и ухищрения. Кошмарный мир!»

И как продолжение – спустя год: 1950, 7 сентября. «За короткий, всего лишь 33-х летний период своего существования, советская власть со всей полнотой достигла лишь одного: она на развалинах “старого мира” и утонченнейшей русской культуры петербургского периода, той, о которой Бердяев говорил как о “русском ренессансе”, – она утвердила одну лишь торжествующую пошлость и мещанство».

Литературное наследие А.Лурье, включая его дневники, – выдающийся документ эпохи. Это один из «кирпичей» построения здания истории русского музыкального Зарубежья.

---

¹ Подробнее о парижском периоде жизни и творчества А.Лурье см: С.Савенко. «Жить становится все труднее...» Парижские годы Артура Лурье // Русские евреи во Франции, кн.2. Сост., ред. и изд. М.Пархомовский; науч. ред. и сост. Д.Гузевич. Иерусалим, 2002. С.378–389.

² Предполагаемый эпиграф: «Они не понимают, как то, что в борьбе с самим собою, может прийти к согласию: движение противоположностей как лук и лира».

³ Жерар де Нерваль (1808–1855) – французский поэт-романтик, драматург.

⁴ Анри Сого (Henri Sauguet) (1901–1989) – французский композитор, автор опер, балетов, симфонической и камерной музыки и музыки для детей.

⁵ Габриель Марсель (Gabriel Marcel) (1889–1973) – французский католический философ-экзистенциалист.

⁶ Борис Шлецер (1881–1969) – философ, музыкальный писатель, критик. Родился в России. Был дружен с А.Скрябиным (сестра Шлецера – Татьяна была его женой), оказал влияние на его мировоззрение. В 1920 (или 1921) г. уехал в Париж. Входил в организованную П.Булезом музыкальную группу «Domain musical». Много писал о Скрябине.

⁷ Сергей Голенищев-Кутузов – граф, бывший камергер Двора. После 1917 г. жил в Европе (Париж, Лондон), с 1940 г. – в США. Одно время был старостой Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке. В дневнике Лурье за 19 ноября 1950 г. вклеена газетная вырезка с некрологом Кутузову (умер 12 ноября 1950 г.)

Сергей Кусевицкий в Америке

Эрист Зальцберг (Торонто)

Среди музыкантов первой половины XX века, пожалуй, трудно найти кого-либо, кто бы сделал больше для развития американской симфонической музыки, чем Сергей Александрович Кусевицкий.

И в то же время трудно найти фигуру, вызывавшую более противоречивые оценки у американской критики. Справедливости ради надо отметить, что оценки слушателей были гораздо более единодушными и положительными, о чем на протяжении четверти века свидетельствовали всегда полные концертные залы в Бостоне и других американских городах, где выступал Кусевицкий.

При жизни дирижера о нем были написаны две монографии. Автор первой, композитор Артур Лурье¹, рисует в высшей степени идеализированный образ музыканта, лишенного каких-либо человеческих или профессиональных недостатков. Автор второй книги, бостонский музыкальный критик Мозес Смит², не отрицая дарования Кусевицкого, многократно подчеркивает, что у него не было солидной теоретической и дирижерской подготовки, в результате чего он был вынужден разучивать оркестровые партитуры под аккомпанемент фортепиано³. Критик также упрекает дирижера во многих других грехах: в стилевых погрешностях при исполнении классической симфонической музыки, в почти полном отсутствии в репертуаре произведений композиторов «новой венской школы» и даже в слишком позднем принятии американского гражданства. В свете этой критики остается неясным, каким образом Кусевицкий стал одним из выдающихся дирижеров своего времени и в течение многих лет возглавлял Бостонский симфонический оркестр, ставший при нем одним из лучших в мире.

Кем же в действительности был этот столь неординарный музыкант и человек?

Будущий дирижер родился в г. Вышний Волочок 26 июля 1874 г. в музыкальной семье. Его отец был учителем музыки и клезмером, мать – пианисткой; она умерла, когда Сергею было всего 3 года. От отца он научился играть на скрипке, а с помощью друзей отца – музыкантов рано познакомился с игрой на других музыкальных инструментах.

В 1891 г. Сергей уехал в Москву и был принят в Училище Филармонического общества, в класс контрабаса профессора Йозефа Рамбоузека. После окончания училища в 1895 г. он начал работать в оркестре Императорского Большого театра. В 1905 г. Кусевицкий женился на Наталии Константиновне Ушковой, дочери главы крупной чайной компании (это был его второй брак). Громадное приданое Наталии обеспечило Кусевицкому финансовую независимость как в России, так и впоследствии на Западе. Вскоре после женитьбы он оставил службу и вместе с женой уехал в Берлин. Главной целью этой поездки было приобретение необходимых знаний и навыков в области дирижирования, которое уже давно привлекало музыканта.

Будучи в Берлине, Кусевицкий не брал уроков дирижирования, а занимался скорее «самообразованием», посещая концерты выдающихся немецких дирижеров и изучая и усваивая их технику.

23 января 1908 г. состоялся успешный дирижерский дебют Кусевицкого с Берлинским симфоническим оркестром.

Вернувшись в 1909 г. в Россию, дирижер вскоре стал заметной и влиятельной фигурой в музыкальных кругах страны. Особенно существенной была его роль в пропаганде творчества современных русских композиторов. С этой целью Кусевицкий создал Российское музыкальное издательство, которое до 1917 г. публиковало сочинения А.Скрябина, И.Стравинского, С.Танеева, Г.Конюса, Н.Метнера, Г.Катуара и многих других отечественных композиторов.

В 1911 г. Кусевицкий основал собственный оркестр. Это был первый в России профессиональный коллектив, созданный исключительно для исполнения симфонической музыки. До национализации оркестра в 1917 г. Кусевицкий дал с ним десятки концертов, исполнив впервые в России многие произведения современных русских и западно-европейских композиторов.

В конце мая 1920 г. дирижер вместе с женой покинул Россию и, после короткой остановки в Германии, уехал во Францию.

Несмотря на то, что большая часть собственности Кусевицких в России была национализирована, у них сохранились значительные вклады за рубежом, которые позволили им обосноваться с комфортом в Париже. Здесь Кусевицкий создал симфонический оркестр и организовал «Концерты Кусевицкого», которые сыграли исключительную роль в музыкальной жизни Западной Европы и творческой судьбе многих композиторов. Так же как и в России, дирижер оставался убежденным пропагандистом современной му-

зыки и охотно включал в программы своих концертов новые произведения С.Прокофьева, И.Стравинского, А.Онеггера, Ф.Шмитта, Д.Мийо, А.Русселя, Э.Сати, Л.Буланже. Хотя в репертуаре Кусевицкого современная музыка занимала главное место, он исполнял и классический репертуар – сочинения Бетховена, Берлиоза, Брамса, Чайковского. В Париже Кусевицкий выступил и в качестве оперного дирижера. Под его управлением в Парижской опере были исполнены «Борис Годунов» и «Хованщина» М.Мусоргского⁴.

Летом 1923 г. Кусевицкий получил приглашение возглавить Бостонский симфонический оркестр и в начале сентября следующего года отплыл в Нью-Йорк. 10 октября этого же года состоялось первое выступление дирижера с Бостонским оркестром. Программа концерта давала ясное представление о том, в каком направлении будет развиваться исполнительская деятельность Кусевицкого в Новом Свете. В этот вечер были исполнены «Concerto grosso» ре минор А.Вивальди, вариации на тему Гайдна И.Брамса, увертюра «Римский карнавал» Г.Берлиоза, «Пасифик 231» А.Онеггера и «Поэма экстаза» А.Скрябина. Концерт ознаменовался большим успехом у слушателей и у критики. Так, критик ведущей бостонской газеты «Крисчен сайенс монитор» писал, что *«дебют дирижера не оставил никаких сомнений... относительно его мастерства, его понимания произведений, искренности и силы эмоционального воздействия»*. Критик газеты «Транскрипт» отмечал, что *«такое трудно поддающееся описанию качество, как магнетизм, распространило свои чары и на оркестр, и на аудиторию»*⁵.

Несмотря на блестящее начало, первые годы Кусевицкого в Бостоне были нелегкими. Музыкант приехал в Америку, не зная английского, и на репетициях пользовался русским, немецким или французским – в зависимости от национальности музыкантов, к которым он обращался. Если ему нужно было сказать что-то всему оркестру, дирижер прибегал к французскому в надежде на то, что знающие этот язык переведут его слова остальным музыкантам.

Помимо языковых, было много и других трудностей. Поначалу музыканты не всегда понимали технику дирижера и его замыслы. Стремление дирижера к совершенству в мельчайших деталях исполнения зачастую не вызывало должного отклика у оркестрантов. Вот описание «дотошных» репетиций Кусевицкого, оставленное американским композитором Ховардом Хэнсоном:

«Я слышал, как он репетировал десятки раз первые такты увертюры к “Летучему голландцу”, и делалось это не потому, что валторны играли неточно, а потому, что то, как они играли, не

выражало (эмоционально и драматически) зловещего предзнаменования»⁶.

Дирижер не был готов к физическим и эмоциональным нагрузкам, которые ожидали его в Бостоне. Привыкнув в России и Франции к тому, что он сам составлял расписание своих концертов, количество которых в сезоне обычно было невелико, Кусевицкий впервые столкнулся с ситуацией, когда ему нужно было давать до 100 концертов в течение 30 недель, при этом выступления не ограничивались Бостоном, а зачастую включали Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон и другие американские города.

Определенные трения возникали у Кусевицкого с Советом директоров оркестра, члены которого привыкли к тому, что оркестр исполнял по преимуществу немецкую симфоническую музыку XIX века, и не были готовы в новаторской программной политике дирижера.

Постепенно, к концу 20-х годов, благодаря неустанным усилиям и Кусевицкого, и музыкантов, эти трудности были преодолены. Дирижер и оркестр со временем «притерлись» друг к другу, и коллектив, руководимый Кусевицким, стал одним из лучших в мире.

К этому же времени начала приносить свои плоды настойчивая «просветительская» деятельность Кусевицкого, и местная аудитория стала гораздо более терпимой и восприимчивой к современной европейской и американской музыке.

В свой первый сезон в Бостоне дирижер, верный своему обещанию, данному еще в Париже молодому американскому композитору Аарону Копленду, исполнил его «Органную симфонию». Отныне произведения этого автора стали регулярно появляться в программах Бостонского оркестра. Неменьшую роль сыграл Кусевицкий в становлении и признании других американских композиторов – Роя Харриса, Волтера Пистона, Сэмюэла Барбера, Ховарда Хэнсона, Николая Березовского, Уильяма Шумена, Леонарда Бернстайна.

Начиная со своего второго сезона Кусевицкий охотно включает в свои программы вокально-симфонические произведения («Прометей» Скрябина, Немецкий реквием Брамса, 9-ю Симфонию Бетховена), что было внове для бостонской аудитории.

В ознаменование 100-летия со дня смерти Бетховена, в сезоне 1926/27 гг. был проведен специальный Бетховенский фестиваль, во время которого Кусевицкий исполнил все девять симфоний композитора, его увертюры и Мессу ре мажор. Лондонский музыкальный

критик Эрнест Ньюмен писал после фестиваля: «Я никогда не ожидал услышать такую изысканную игру оркестра, как ту, что я слышал в течение нескольких последних дней в Бостоне»⁷.

4 октября 1927 г. Кусевицкий впервые выступил с Бостонским оркестром не в качестве дирижера, а как солист – контрабасист (сбор от концерта пошел в помощь русским студентам за рубежом). Это выступление сыграло положительную роль в улучшении взаимопонимания между Кусевицким и оркестрантами. Самые ярые критики Кусевицкого убедились в том, что человек, столь виртуозно владеющий контрабасом, должен обладать выдающимся музыкальным дарованием и что ему простительны некоторые дирижерские промахи.

Элеонора Рузвельт и Сергей Кусевицкий (1950 г.)
Из архива Бостонского симфонического оркестра

В сезоне 1930-31 гг. отмечалось 50-летие Бостонского оркестра. В связи с этой датой Кусевицкий заказал 10 новых сочинений, в числе которых были 4-я Симфония С.Прокофьева, «Симфония псалмов» И.Стравинского, Концерт для фортепиано с оркестром соль мажор М.Равеля, «Konzertmusic» П.Хиндемита, «Симфоническая ода»

А.Копленда, а также произведения А.Онеггера, Ф.Шмитта, Х.Хэнсона, Э.Хилла и А.Русселя, и исполнил большинство из них в юбилейном сезоне.

В этом же сезоне состоялись американские и мировые премьеры произведений Николаса Набокова, Эрнста Кшенека, И.Стравинского, А.Лурье, Э.Хилла, Константа Ламберта и Александра Стейнерта, сочиненных вне связи с 50-летием оркестра.

В концерте 31 октября 1930 г. была исполнена Увертюра анонимного автора, сочиненная к юбилейной дате. Этим анонимом оказался на поверку сам С.Кусевицкий.

Начиная с середины 30-х годов Кусевицкий делит свое время между регулярными концертами в Бостоне, гастролями своего оркестра в других американских городах и летним музыкальным фестивалем в Беркшире (Массачусетс), который оставался любимым детищем до конца его жизни.

Фестиваль симфонической музыки в Беркшире был основан американским композитором и дирижером Генри Хэдли в 1934 г. Под его управлением Нью-йоркский филармонический оркестр дал здесь несколько концертов в 1934-35 гг. В 1936 г. устроители фестиваля пригласили участвовать в нем Бостонский оркестр во главе с Кусевицким. В 1937 г. оркестр получил в дар обширное имение Танглвуд, которое стало местом проведения фестиваля. Концерты проходили под тентом до тех пор, пока в 1938 г. по проекту финского архитектора Элиеля Сааринена не был построен летний музыкальный павильон на 6000 мест, с великолепным видом на озеро и прекрасной акустикой. На открытии павильона Кусевицкий исполнил 9-ю Симфонию Бетховена, предварив ее следующими словами: *«Я выбрал 9 Симфонию не только потому, что это величайшее произведение музыкальной литературы, но и потому, что я хочу, чтобы в Танглвуде прозвучали слова Шиллера, призывающие все народы к братству».*

Помимо классики, Кусевицкий продолжал настойчиво пропагандировать произведения современных композиторов. Так, в программах фестивальных концертов 1938 г. современная музыка была представлена сочинениями Дебюсси, Сибелиуса, Равеля, Респиги, Хэдли, Копленда («Музыка для театра») и Прокофьева (Сюита из «Поручика Киж»). Подлинным «хитом» фестиваля 1939 г. стал «Петя и волк» С.Прокофьева. В других концертах этого года были исполнены Сюита из балета И.Стравинского «Весна священная» и Концерт для оркестра В.Пистона.

Фестиваль стал центральным и наиболее массовым музыкальным событием в Северной Америке. Так, на летних концертах в 1938 г. побывало почти 40 000 слушателей, в августе 1940 г. число слушателей превысило 70 000, а на концертах 1941 г. составило 95 000.

В дополнение к музыкальному фестивалю усилиями Кусевицкого в 1940 г. был создан Беркширский музыкальный центр. Дирижер, мечтавший о создании такого центра еще в России, так говорил о его целях: *«Центр, где выдающиеся композиторы могли бы учить искусству композиции, выдающиеся виртуозы – исполнительскому искусству, выдающиеся дирижеры – тайнам дирижирования оркестром и хором... Такое созвездие создало бы новые и замечательные ценности... в образовании и подготовке нового поколения американских артистов»*⁸.

Центр работал в течение шести летних недель, одновременно с фестивалем. По замыслу Кусевицкого в нем было два отделения – для более подготовленных и менее подготовленных студентов. В первом отделении были классы композиции, оперного искусства, оркестрового исполнительства и дирижирования. Летом 1940 г. композицию преподавали А.Копленд и П.Хиндемит, оперное искусство – Герберт Граф и Борис Голдовский, дирижирование – Кусевицкий, студентами которого были Гейлорд Броун, Леонард Бернстайн, Лукас Фосс, Ричард Бэйлс и Тор Джонсон. Классы оркестрового исполнительства вели ведущие музыканты Бостонского оркестра.

Позднее Бернстайн вспоминал о лете 1940 г. в музыкальном Центре:

*«Я думаю, что мы даже не спали. Все было волнующим: мы все время занимались, или играли, потому что это было одно и то же... А над всем этим господствовал дух Кусевицкого, который собрал нас вместе и сделал все это таким важным. Все, что мы делали – каждая нота, каждая фраза, даже манера ходить, – было под влиянием Кусевицкого, его обаяния... которое было настолько сильным, что даже его присутствие на репетиции (когда я репетировал со студенческим оркестром, он мог сидеть в зале) становилось настолько важным, что я стремился делать все на пределе своих возможностей»*⁹.

Кусевицкий сразу оценил выдающееся дирижерское дарование Бернстайна и оказывал ему всяческую поддержку вплоть до последних дней своей жизни.

Кусевицкий учил своих студентов не только технике, но и психологии дирижирования. Так, по словам Бернштейна, он научил его ощущению значительности, торжественности каждого концерта:

«Когда Кусевицкий выходил на эстраду, бросал взгляд на подиум и шел к нему, как к месту священнодействия, затем поднимал дирижерскую палочку (очень медленно – это было важно), после всего этого, какая бы музыка ни исполнялась, было важно то, что исполнял ее именно он. Каждый слушатель чувствовал это, и вы начинали слушать по-особому... каждый изгиб... модуляцию и дыхание музыки»¹⁰.

Еще один совет Кусевицкого: прежде чем начать дирижировать, посмотреть в глаза одному за другим ведущим музыкантам. *«Не забудьте при этом тромбонистов, – добавлял он, – они – самые большие проказники в оркестре».*

Кусевицкий внушал молодым музыкантам мысль, что дирижирование – это особая миссия:

«Вы должны строить свою жизнь таким образом, чтобы, когда Вы появитесь на сцене... Вы смогли бы вполне искренне сказать себе: “Да, у меня есть право стоять перед этими любителями хорошей музыки. Они могут смотреть на меня без стыда. У меня есть такое право, так как моя жизнь и моя работа ничем не пятнаны”»¹¹.

Музыкальный центр был не только учебным заведением, но также и местом, где создавалась новая музыка. Сюда по инициативе Кусевицкого приглашались композиторы-стипендиаты, которые за время шестинедельного пребывания в Центре должны были работать над новыми произведениями. В разные годы ими были А.Копленд, П.Хиндемит, О.Мессиа́н, Д.Мийо, Ж.Ибер.

В 1941 г. для фестиваля и Музыкального центра были построены театрально-концертный зал на 1200 мест и зал камерной музыки на 500 мест. Трудно себе представить, каким образом Кусевицкий, помимо дирижирования и преподавания, находил время для решения самых разнообразных административных и финансовых проблем, связанных с деятельностью Музыкального центра и с проведением фестивалей. На вопрос корреспондента, как ему удастся совмещать несовместимое, дирижер ответил: *«Как я могу говорить о том, что является частью меня самого... моим лелеемым идеалом? Это – все равно что говорить о собственном ребенке»¹².*

Для того чтобы быть ближе к Музыкальному центру, Кусевицкий приобрел летний дом в Леноксе, недалеко от Танглвуда, на-

званный им «Серанак» (производные от Сергея и Наталии Кусевицких). Многие студенты, преподаватели и участники фестиваля были желанными гостями в этом доме.

В 1941 г. состоялось важное событие в жизни дирижера – 16 апреля этого года он стал гражданином США.

Программа очередного фестиваля в 1941 г. включала 5-ю Симфонию и Мессу ре мажор Бетховена, Симфонию соль минор и отрывки из Реквиема Моцарта, симфонии Брамса, Чайковского и Мендельсона. Включение в программу некоторых произведений носило явно выраженную политическую окраску. Так, в знак поддержки жителей Лондона, который подвергался систематическим налетам немецкой авиации, Кусевицкий исполнил «Лондонскую» симфонию Ральфа Воан Уильямса, а в знак солидарности с борьбой СССР против нацистской Германии – 5-ю Симфонию Д.Шостаковича и увертюру Чайковского «1812 год». На фестивале были также исполнены виолончельный Концерт П.Хиндемита и скрипичный Концерт С.Барбера.

В 1942 г. в связи с трудностями военного времени фестиваль прекратил свою деятельность, однако Кусевицкому удалось сохранить за свой счет некоторые классы Музыкального центра и его студенческий оркестр. На фестивальном концерте 14 августа 1942 г. студенческий оркестр под управлением Кусевицкого впервые в Северной Америке публично исполнил 7-ю («Ленинградскую») симфонию Д.Шостаковича¹³. Критик О.Даунс писал об этом исполнении в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Оставляя в стороне вопрос об истинной ценности партитуры... Кусевицкий и его американские мальчики и девочки заслуживают величайшей похвалы за все, что они сделали для того, чтобы донести послание Шостаковича. Ни одна нота партитуры не пропала... дирижер убедительно продемонстрировал свое ясное понимание симфонии, а также мужество юных исполнителей, с которыми он репетировал ее менее пяти недель»¹⁴.

Сам Кусевицкий необычайно высоко оценивал «Ленинградскую» симфонию, считая ее, наряду с 9-й симфонией Бетховена, величайшим достижением в жанре симфонической музыки.

В январе 1942 г. Кусевицкого постигла тяжелая личная утрата – умерла его жена Наталия. В память о ней дирижер основал музыкальный фонд, который субсидировал сочинения современных композиторов. Уже в 1942 г. заказы на создание симфоний получили Богуслав Мартину и Н.Березовский и на создание опер – Б.Бриттен и С.Барбер. В следующем году стипендиатами фонда стали

У.Шумен, Б.Барток, Уильям Бергсма, Роберт Палмер и И.Стравинский, и этот список продолжал расти из года в год. В 1949 г. фонд был преобразован в постоянно действующий Фонд Кусевицкого при библиотеке Конгресса США и в этом качестве продолжал играть видную роль в развитии современной и, в особенности, американской музыки.

В 1944 г. торжественно отмечалось 20-летие деятельности Кусевицкого во главе Бостонского оркестра. На концерте, посвященном этому событию, дирижер исполнил «Concerto grosso» А.Вивальди, с которым он начинал свою американскую карьеру, и «Оду» И.Стравинского, посвященную Наталии Кусевицкой и заказанную Фондом Кусевицкого.

Центральным событием юбилея стал обед в Нью-Йорке, на котором присутствовало несколько сотен гостей со всех концов США. Каждый участник обеда получил своеобразное «меню» – список произведений американских композиторов, исполненных Бостонским оркестром за последние 20 лет, когда им руководил Кусевицкий. В этом уникальном списке, который при проверке оказался неполным, было 50 имен и 143 сочинения, из которых 63 были впервые исполнены Бостонским оркестром под управлением либо Кусевицкого, либо авторов.

В 1946 г. возобновилась в полном объеме деятельность Музыкального центра и фестиваля. На одном из фестивальных концертов Кусевицкий впервые в Северной Америке исполнил 9-ю симфонию Д.Шостаковича. Несколько раньше, 9 ноября 1945 г., в Бостоне состоялась американская премьера 5-й симфонии С.Прокофьева, исполненной Бостонским оркестром под управлением Кусевицкого.

На фестивале в 1947 г. были исполнены 3-я симфония А.Копленда и все девять симфоний Бетховена, в следующем году – 3-я симфония В.Пистона, 6-я – Р.Воан Уильямса, «Царь Эдип» И.Стравинского и музыка из балета С.Прокофьева «Ромео и Джульетта», а также 5-я симфония Бетховена и 2-я – Сибелиуса.

После 25 лет работы с Бостонским оркестром в 1949 г. Кусевицкий ушел с поста дирижера. В 1950 г. музыкант совершил гастрольную поездку в Израиль, где выступал с местным Филармоническим оркестром. Следующей зимой этот оркестр приехал на гастроль в США, где им дирижировал Л.Бернстайн. Несмотря на слабое здоровье, Кусевицкий принял участие в этом турне и продирижировал оркестром в нескольких концертах.

По окончании гастролей у дирижера появился план проведения большого музыкального фестиваля в Иерусалиме. Для обсуждения его деталей он встретился с Бернштейном и выразил желание заказать ему новое произведение для исполнения на этом фестивале. Однако этим планам не суждено было осуществиться – Кусевицкий скончался в Бостоне 4 июня 1951 г. Урна с его прахом была захоронена на кладбище в Леноксе, неподалеку от столь любимого им Танглвуда.

Обширный архив Кусевицкого хранится в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Он содержит переписку самого дирижера, Наталии Кусевицкой и его третьей жены Ольги Наумовой-Кусевицкой, а также оригиналы около 150 произведений, заказанных Фондом Кусевицкого. На некоторых из них – посвящения авторов дирижеру и Наталии Константиновне. В архиве хранятся также сочинения самого Кусевицкого и сделанные им переложения¹⁵.

Свою обширную личную музыкальную библиотеку дирижер передал Еврейскому университету в Иерусалиме, где была создана и хранится Коллекция Кусевицкого.

В 20-е и 30-е годы фирмой «Виктор» были сделаны многочисленные записи Бостонского оркестра под управлением Кусевицкого, а также несколько записей исполнений Кусевицкого – контрабасиста. В последние годы часть из них была переписана на компакт-диски.

И личность, и достижения Кусевицкого были уникальными в истории музыки XX века. Он был, по существу, дирижером-самоучкой, и некоторые критики обвиняли его (совершенно необоснованно) даже в неумении читать сложные оркестровые партитуры. У Кусевицкого была, действительно, своя, отличная от общепринятой и, по-видимому, не самая эффективная манера разучивания оркестровых произведений под аккомпанемент фортепиано, в его дирижерской технике были определенные изъяны, но все это ни в коей мере не умаляет наличия у него громадного музыкального и дирижерского таланта.

Музыкант обладал яркой индивидуальностью и магнетизмом, неизменно покорявшими самые разные аудитории. Он принадлежал к практически исчезающему в наше время типу авторитарного дирижера. Несмотря на свой ломаный английский, бывший предмет постоянных шуток за его спиной, он добивался от музыкантов полного подчинения своей воле и творческим замыслам. Будучи в быту человеком в высшей степени воспитанным и сдержанным, он на

репетициях нередко взрывался и делал едкие замечания в адрес музыкантов. *«Убейте меня, – говорил он неточно игравшему кларнетисту Бостонского оркестра, – это доставит мне больше удовольствия, чем слушать Вас».*

Репертуар Кусевицкого был огромен, однако у него, как и у многих других музыкантов, были свои пристрастия и предпочтения. Его дарование наиболее ярко проявлялось при исполнении сочинений русских и французских композиторов XIX века и новейшей музыки. Немецкий репертуар XVIII и XIX веков (Моцарт, Гайдн, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман, Вагнер, Брамс, Брукнер), хотя и исполнялся дирижером достаточно часто, не всегда, однако, находил в нем совершенного интерпретатора. Нередко его трактовки этих композиторов вызвали критические нарекания в избыточной эмоциональности, вольном обращении с авторскими указаниями, недостаточной стиливой выдержанности. Характерен ответ Кусевицкого на обвинения критики в том, что он не следует традициям в исполнении классики: *«Кто устанавливает традицию? – Истинный артист. Кто ей следует? – Капельмейстер».*

Кусевицкий требовал от оркестрантов одинаково серьезного и ответственного отношения как к классическому репертуару, так и к новым, неизвестным произведениям. Работая над новыми сочинениями, дирижер чувствовал себя лично ответственным за то, чтобы убедить и исполнителей, и публику в их ценности и значимости.

На репетициях Кусевицкий без устали отработывал мельчайшие детали исполнения, однако эта кропотливая работа не иссушала ни дирижера, ни музыкантов. Его концертные исполнения всегда отличались свежестью, яркой эмоциональностью, красочной и выразительной фразировкой.

Кусевицкий был дирижер скорее эмоциональный, чем интеллектуальный. Его больше интересовало звучание оркестра, разнообразие и игра оркестровых красок, тончайшие звуковые нюансы, чем общая идея произведения. Он был мастером «совершенного звучания ради совершенного звучания», и этому в значительной мере были подчинены его техника и интерпретация произведений.

Кусевицкий руководил Бостонским оркестром четверть века, и за это время коллектив достиг поразительных успехов. Вот что писал об оркестре и дирижере в 1947 г. американский композитор Николас Набоков:

«Округлое, прочувствованное звучание струнных, сила и точность медных духовых, ясность и прозрачность деревянных духовых и баланс между различными группами инструментов сделали

оркестр одним из лучших в мире, способным достичь таких эффектов, которые такие композиторы, как Бетховен и Шуберт, могли представить лишь в своем воображении. Слушая оркестр и наблюдая дирижера, я думал о том, что вклад Кузевицкого в создание этого выдающегося ансамбля был огромен... Упорство, настойчивость, умение работать и заставлять работать других, энтузиазм, чувство молодого задора и оптимизма в преодолении всех трудностей и препятствий, постоянная безжалостная самодисциплина – все эти черты его характера создали Бостонский симфонический оркестр»¹⁶.

Заканчивая статью о Кузевицком, американский критик Гарольд Шенберг писал: «С 1924 по 1949 г. в Бостоне царил, по русской терминологии, культ личности... Но что это была за личность!»¹⁷

---

¹ *Lourie, Arthur.* Koussevitzky and His Epoch. Knopf, 1931. Reprint by Books for Libraries Press, 1969 and by AMS, 1978.

² *Smith, Moses.* Koussevitzky. Allen, Towne and Heath Inc., New York, 1947 (далее – Smith). Интересно, что Кузевицкий пытался добиться запрета на публикацию этой книги, но суд отклонил его иск.

³ Подробнее об этом см.: *Э.Зальцберг.* Кузевицкий в Париже. В кн.: Русские евреи во Франции. Кн.2. Ред.-сост. *М.Пархомовский, Д.Гузевиц.* Иерусалим, 2002. С.390–401.

⁴ Подробнее об этом см. там же.

⁵ Цит. по: *Smith.* P.160–161.

⁶ Цит. по: *Schonberg, Harold.* The Great Conductors. Simon and Shuster: New York, 1967. P.306–307 (далее – Schonberg).

⁷ Цит. по: *Smith.* P.191.

⁸ *Copland, Aaron and Perlis, Vivian.* Copland 1900 Through 1942. St. Martin's/Marek, 1984. P.305 (далее – Copland).

⁹ *Burton, Humphry.* Leonard Bernstein. Double Day: New York, London, Toronto, 1994. P.78.

¹⁰ *Ibid.* P.80.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Smith.* P.286.

¹³ *Copland.* P.365.

¹⁴ Несколько раньше, 19 июля 1942 г., эта Симфония была исполнена по радио оркестром NBC под управлением А.Тосканини.

¹⁵ В библиотеке Конгресса США хранятся следующие сочинения Кузевицкого:

Концерт для контрабаса с оркестром, Op. 3. М., 1902;

Переложение этого Концерта для контрабаса и ф-но. М.: Изд-во П.Юргенсона, 1907 и др. издания;

Грустная песня для контрабаса и ф-но. М.: Изд-во П.Юргенсона, 1907;

Пассакалья на русскую тему для симфонического оркестра (рукопись, 1929–1931);

Переложение Пассакальи для ф-но (рукопись, 1931(?));

Вальс-миниатюра для контрабаса и ф-но (International Music Co., New York, 1949(?));

Этюды для контрабаса (рукопись, 1940-е (?));

Пьесы для контрабаса. М.: Музгиз, 1963;

Andante для контрабаса и ф-но, Op. 1, №1 (Liben Music Publishers, Cincinnati, Ohio, 1989(?)).

¹⁶ *Nabokov, Nicolas*. Old Friends and New Music. Boston: Little, Brown and Company, 1951. P.252–253.

¹⁷ *Schonberg, Harold*. P.308.

Альберт Марков – виртуоз, композитор, педагог

Артур Штильман (Нью-Йорк)

Альберт Марков – один из самых ярких артистов нашей, третьей, волны эмиграции. Выдающийся скрипач-виртуоз, объездивший с концертами большинство стран мира, композитор, педагог, методист и... изобретатель. При таком многообразии своей одарённости Марков, тем не менее, остаётся личностью цельной, гармоничной, ощущающей свою миссию художника как носителя высших моральных ценностей искусства, столь необходимого людям всех рас, стран и континентов.

* * *

Его биография не совсем обычна для скрипача-виртуоза. Он родился в 1933 году в Харькове. Его мать Раиса Авербах (кстати, гроссмейстер Юрий Авербах – ее племянник) – певица и пианистка, работавшая дошкольным музыкальным воспитателем, а отец Александр (Шолом) Марков – инженер-химик.

Альберт начал свои занятия на фортепиано в возрасте шести лет в Харьковской музыкальной школе. Его учителями были Маргулис, а затем Хайновская. Война прервала его занятия музыкой и лишь в 1943 году в Свердловске (Екатеринбурге), где семья оказалась в эвакуации, Марков начал заниматься снова – на этот раз на скрипке, в классе легендарного одесского профессора Петра Соломоновича Столярского. К сожалению, весной 1944 года Столярский умер, но, вероятно, успел заложить в начинающего скрипача тот артистизм и безграничную любовь к музыке, которые попали на благоприятную почву. Следующим его учителем игре на скрипке стал Я.А.Мексин. Немалую роль, конечно, сыграло то, что в связи с эвакуацией в Свердловск профессоров Московской, Ленинградской и Киевской консерваторий город оказался временным музыкальным центром страны.

После трех лет учебы Марков продемонстрировал головокружительные успехи – он играл «Капризсы» Паганини, Концерт Мендельсона, Сонату «Дьявольские трели» Тартини и др.

Только в 1948 году семья Марковых возвратилась в Харьков, где Альберт сразу был принят в Музыкальную школу-десятилетку в класс Адольфа Лещинского. *«Лещинский (1915–1996) – блестящий*

скрипач-виртуоз, – рассказывает Марков, – был в юности направлен на обучение за границу. Он был студентом всемирно известного профессора Карла Флеша в Берлинской высшей музыкальной школе. С приходом к власти нацистов Лецинский вернулся в СССР. Успешно выступил на II Всесоюзном конкурсе скрипачей (1935), завоевав третью премию. Его концертная деятельность была непродолжительной из-за войны, а также из-за слабого здоровья.

В классе Лецинского Марков выдвинулся очень быстро в число лучших учеников, проявляя всё более и более свои изумительные способности скрипача-интерпретатора.

После успешного окончания школы Марков пошёл по необычному пути, решив поступить в Харьковскую консерваторию на... теоретико-композиторский факультет. Естественно, он не прерывал занятий на скрипке, но, как видно, сфера его интересов переместилась в углублённое изучение музыки и техники композиции. На 2-м курсе, уже в 20-летнем возрасте, Альберт Марков по настоянию друзей едет в Москву и поступает в Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных в класс профессора Ю.И.Янкелевича, развивавшего методы школы Л.Ауэра.

Уже через два года Альберт Марков начинает побеждать на всех конкурсах, в которых принимает участие. Выступление на Всесоюзном фестивале молодежи 1957 года принесло ему золотую медаль. В том же году он выступил и на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве и снова завоевал золотую медаль.

Как случилось, что именно Марков, вчерашний «провинциал», так ярко и безоговорочно опередил лучших в то время столичных скрипачей? Разумеется, прежде всего потому, что Альберт Марков уже был зрелым мастером, тонким интерпретатором и стилистом, что, естественно, сразу выделяло его среди других молодых скрипачей, ещё не сумевших найти свою индивидуальность и развивавшихся, в большинстве своем, в чисто виртуозном направлении.

Произошло это также и потому, что в его исполнительской манере слились две взаимно обогащавшие друг друга школы. Одна из них – Карла Флеша, привнесённая через Лецинского, с её классической ясностью, стилистической аутентичностью, балансом чистоты и наполненности тона, идеальной интонацией и благородной сдержанностью. Другая – русская школа скрипичной игры, основанная Л.Ауэром и продолженная А.И.Ямпольским и его учеником Ю.И.Янкелевичем.

Как рассказывает Марков, *«идеалом профессора Янкелевича было искусство одного из самых прославленных учеников Ауэра –*

несравненного Мирона Борисовича Полякина. Его неповторимый тон, жизненная сила, теплота, вкус, необычайное богатство натуры дали стимул работе мысли и творческим поискам моего профессора».

Так в конце 50-х годов на концертную эстраду пришёл совершенно оригинальный, самобытный артист, который в последующие годы стал одним из самых замечательных мастеров скрипичной игры.

Мне довелось впервые услышать игру Альберта Маркова осенью 1959 года в Малом зале Московской консерватории. Марков незадолго до этого стал одним из победителей самого престижного в те годы Конкурса королевы Елизаветы в Брюсселе. Тот концерт остался в памяти слушателей и до сего дня.

Каждая исполненная пьеса несла на себе печать исключительного дарования артиста, выдающейся музыкальной личности. Об инструментальном мастерстве можно было вообще не говорить – оно просто «растворялось» в музыке и было лишь средством её истолкования. Как прекрасен был мир, созданный Марковым, в те незабываемые два часа!

2-й «Романс» Бетховена, столь часто исполняемый в те годы, вдруг зазвучал совершенно иначе: сокровенную бетховенскую лирику, её глубину и значительность артист передавал замороженным слушателям чистейшим серебристым звуком... Стояла невероятная тишина, казалось, что слушатели забыли о времени, о самих себе, они перенеслись в мир высокой духовности, где присутствовал лишь гений Бетховена.

Так началась профессиональная карьера молодого артиста.

Выдающиеся успехи Маркова как концертанта-виртуоза были замечены такими музыкантами, как Арам Хачатурян и Мстислав Ростропович, приглашавшими его для совместных выступлений.

Марков рядом с королевой Елизаветой после победы на конкурсе. Брюссель, 1959 г.

Вскоре Альберт Марков стал включать в свои программы и собственные сочинения – Сонату для скрипки соло, Рапсодию «Спартак» на темы одноименного балета А.Хачатуряна, Рапсодию «Порги и Бесс» на темы оперы Д.Гершвина и другие произведения, изданные в СССР и завоевавшие популярность среди скрипачей.

Карьера Маркова в течение последующих 15 лет развивалась исключительно успешно. Как концертирующий скрипач-виртуоз он объездил с концертами большинство стран Европы, всюду получая восторженные рецензии и завоевывая успех и популярность у слушателей. В то же время он успевал заниматься композицией с Арамом Хачатуряном и полифонией с композитором Генрихом Литинским. Одновременно с концертной деятельностью Марков преподаёт в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. Среди его учеников в этот период были такие музыканты, как Генрих Фридгейм – концертмейстер и дирижёр Государственного симфонического оркестра, Валерия Вилькер – лауреат международного конкурса «Пражская весна» (1964; третья премия); будущие участники ведущих симфонических оркестров США – Леон Лазарев, Григорий Калиновский. Наверное, лучше всего подытожил советский период деятельности Маркова композитор Арам Хачатурян, написавший о нём следующие слова: *«Деятельность Альберта Маркова многолика. Он скрипач, педагог и композитор. Во всех этих сферах своей деятельности он демонстрирует свой замечательный талант. Как скрипач – он, несомненно, один из наших лучших. Как педагог он воспитал превосходных скрипачей. Как композитор – замечателен оригинальностью своих композиций. В целом Альберт Марков – выдающийся музыкант».*

А далее произошло невероятное. Доцент Института им. Гнесиных, концертирующий солист, композитор-исполнитель, столь успешно выступавший в Советском Союзе и за границей более 15 лет, решает эмигрировать!

«Эмиграция дала мне второе дыхание, – вспоминает Марков (он эмигрировал в 1975 г.). – Моя карьера концертирующего скрипача развивалась очень успешно, хотя скрипка, как и в юные годы, была лишь частью моих творческих интересов. В моей жизни в СССР, казалось, были типичные атрибуты успешной карьеры – квартира, дача, машина... Разумеется, причины эмиграции каждого человека различны. Но одна причина была очень важной и, наверное, объединяющей всю 3-ю эмиграцию. Это – антисемитизм. Не утихающий и всё время растущий. В этом смысле дальнейшее пребывание

в России было бесперспективным, особенно при наличии семьи и детей. Обрести также свободу – творческую и личную – можно было, лишь используя представившуюся нам, я бы сказал, уникальную историческую возможность – покинуть страну».

«Второе дыхание» для Маркова означало прежде всего свободу выбора собственных приоритетов. Подтвердив свою европейскую репутацию по прибытии в США, Марков выступил в своём первом «американском» сезоне (1976/77) в 40 концертах в главных городах США с ведущими симфоническими оркестрами и дирижёрами.

Его дебют с Хьюстонским симфоническим оркестром стал сенсацией, получившей немедленный отклик в газете «Нью-Йорк таймс» (26 мая 1976 г., Джейн Штерба), писавшей: *«Слушатели устроили шумную овацию, зал вставал три раза, приветствуя мистера Маркова, ошеломившего публику головокружительной техникой».* Критики сравнивали игру Маркова с искусством его великих предшественников – Хейфеца и Мильштейна. *«Подобно им, – писал критик, – его игра самоценна своей содержательностью. Подобно им, он держит свой инструмент в классической манере, а также, подобно им, его правая рука – образец экономности, чуждой всякой манерности и лишних движений».* И далее: *«Он был больше, чем просто великий виртуоз – у него природный дар замечательного интерпретатора. Мистер Марков прежде всего музыкант-интерпретатор – чувствительный и утончённый. Его выступление, полное жизненной силы, простоты и изящества, – это продукт сверхъестественных технических возможностей»* («Балтимор сан», 4 ноября 1976 г.).

Такое начало превосходило все самые оптимистические прогнозы, но как сказал сам Марков, – *«скрипка, как и в иные годы, была лишь частью моих творческих интересов».* Вскоре Альберт Марков начинает свою педагогическую деятельность в Манхэттенской школе музыки, давая также мастер-классы в Йельском и других ведущих американских университетах. В своём труде «Скрипичная техника», вышедшем в 1984 году, он изложил новые принципы в области обучения и овладения техникой игры на струнных инструментах. Этот методический труд помог даже многим уже сложившимся американским музыкантам улучшить свой технический арсенал и раздвинуть границы своих профессиональных возможностей.

За более чем четверть века плодотворной педагогической работы в США Альберт Марков воспитал ряд первоклассных скрипачей. Надо назвать имена снискавших известность: Скотт Иу, И Ман

Лиу, Григорий Калиновский, Антон Полежаев, Леон Лазарев. Они заняли престижные позиции в музыкальных колледжах, на концертной эстраде и в лучших симфонических оркестрах США. Но первым среди них следует считать сына Маркова – Александра. Великий музыкант XX века Иегуди Менухин, просмотрев видеofilm с записью исполнения Александром Марковым 24 Каприсов Паганини, сказал: *«Он, вне всяких сомнений, один из самых блестящих и музыкальных скрипачей. Александр Марков обязательно оставит свой след в анналах скрипичного искусства наших дней».*

Тут следует назвать и жену Маркова-старшего Марину Яблонскую, отличную скрипачку, в прошлом – Большого театра, а ныне – нью-йоркской Сити-опера. Она участвует во многих концертных выступлениях мужа и их сына Александра. А сестра Марины, Оксана Яблонская – известная концертирующая пианистка и профессор Джульярдской школы.

Едва приехав в США, Марков сразу вошёл в круг старой российской интеллигенции, познакомился с Андреем Седых – писателем, публицистом и издателем газеты «Новое русское слово» – и стал его близким другом. Скрипач и его семья постоянно выступали в благотворительных концертах, которые организовывал А.Седых. Марков начал принимать участие в деятельности многих филантропических организаций – Литературного фонда (помогавшего больным и престарелым российским писателям в зарубежье), Объединённого еврейского призыва и многих других. Семья Маркова помогла в обустройстве многим друзьям и знакомым – новым эмигрантам, часто предоставляя им место в собственной квартире.

Хотя это несколько выходит за рамки повествования об Альберте Маркове, но хотелось бы поделиться воспоминаниями 1942 года – отец Марины Яблонской-Марковой Михаил Павлович Яблонский, руководивший в то время одним из московских предприятий, помог необходимыми документами мне и моей матери для возвращения из эвакуации в Москву (до лета 1943 г. детей только эвакуировали, но не реэвакуировали). Так что славная традиция помощи людям восходит в семье Марковых к предшествующему поколению.

Интересно отметить, что в начале 1980 года Марков получает патент на изобретение универсального треугольного контейнера – футляра для скрипки, который может быть использован также для перевозки оптики, точных измерительных приборов и т.д. Поистине удивительна многогранность его творческой мысли!

Параллельно с концертной и педагогической деятельностью Марков занимался музыкально-общественной работой. В 1983 году он основал музыкально-просветительское общество «Рондо», со своим камерным оркестром, участники которого, помимо занятий по специальности, изучают сольную и камерно-ансамблевую литературу. Он принимает активное участие в ряде летних фестивалей в США и Канаде. *«Моя идея музыкального фестиваля, – говорит Марков, – это создание на время работы некоей “музыкальной семьи”, когда мы вместе проводим рабочее время, а также вместе занимаемся спортом, вместе едим, обсуждаем проделанную работу, посещаем музеи, празднуем дни рождения. Эта идея получила впоследствии широкое распространение и стала популярна теперь».*

Марковы – постоянные участники музыкально-общественной жизни в штате Коннектикут и городе их проживания Дэрризе. Альберт Марков отдает много сил и времени Молодежному симфоническому оркестру соседнего города Норвок, где часто выступает как солист, дирижер и организатор многих начинаний.

Ещё в студенческие годы, будучи учеником Лещинского в Харькове, Марков уже начинал свои композиторские опыты: писал каденции к скрипичным концертам, фантазии, вариации, аранжировки и переложения, но

не ставил на них опуса (не нумеровал их). Занимался композицией параллельно учебе на скрипке, и настолько целенаправленно, что, как говорилось выше, даже поступил на теоретико-композиторский факультет Харьковской консерватории.

Позднее, живя в Москве, несмотря на большую занятость концертной и педагогической работой, Марков постоянно ощущал внутреннюю потребность в занятиях композицией.

Результатом были многие сочинения, написанные Марковым ещё до отъезда в США. Список его сочинений занимает несколько

Альберт Марков с женой Мариной в гостях на даче у автора статьи в июле 1999 г.

страниц, мы же остановимся на некоторых основных, наиболее важных произведениях.

В конце 60 – начале 70-х годов Марков часто выступал как композитор-исполнитель. Так, он стал включать в свои программы Рапсодию «Спартак» на темы балета А.Хачатуряна, а также Рапсодию «Порги и Бесс» на темы оперы Гершвина (о последней, вскоре после приезда Маркова в США, в 1975 году известный критик Ричард Бурке писал: *«Тысячи фантазий созданы на темы опер и оперетт, лишь немногие из них достойны внимания. Фантазия “Порги и Бесс” открывает нам Маркова как композитора с громадным воображением и профессионализмом»*). Другой критик – Лейтон Кернер – отметил: *«Органичность развития тем Гершвина, присутствующая Маркову, делает музыку его восхитительной и даже более изобретательной, чем это делал сам Гершвин в собственной партитуре»* («Вилледж войс», 1 ноября 1976 г.)

Разносторонность композиторских интересов Маркова отражается в создании им вокальной музыки – песен на стихи Пушкина, а также раннего цикла – «Река Истра» на слова Б.Дубровина. В те же годы им были написаны пьесы для фортепьяно – Сонатина, Прелюд, «Русская мелодия», струнное Трио... всего не перечить! Но главными сочинениями Маркова стали его композиции американского периода – «Китайский концерт» для скрипки с оркестром (1988), Симфония «Кинор Давид» (1979), Концертная сюита «Формоза» для скрипки, струнного оркестра и ударных (1991). Отметим, что в XX веке ни один сколько-нибудь известный скрипач-концертант не написал своего, оригинального скрипичного концерта. Правда, Фриц Крейслер сочинил небольшой скрипичный концерт «В стиле Вивальди», который всё же является камерным сочинением и стилизацией музыки эпохи барокко.

После своих концертных поездок на Дальний Восток (Тайвань, Корея, Гонконг) Марков был настолько очарован миром, природой, традиционной культурой этих стран, что у него созрел план создания полного трёхчастного цикла – скрипичного концерта под названием «Китайский». Используя народные темы – простые и мелодичные, композитор создал свой, индивидуальный музыкальный мир, выражающий радостное эмоциональное состояние, передающееся слушателям. Мир красоты, гармонии и поэзии Дальнего Востока претворился в музыке Концерта настолько органично, что закономерным был триумфальный успех премьеры этого сочинения на Тайване. Первым его исполнителем стал тайваньский скрипач Мин Йен Чен. Интересно, что организаторы премьеры Концерта

как-то даже не поняли, что автор Концерта и многократно принимаемый ими гастрوليрующий исполнитель-виртуоз Альберт Марков – одно и то же лицо! Вот что писала ведущая газета «Чайна таймс оф Тайван» 13 окт. 1991 г.: *«Насколько помнится, ни одно новое сочинение не имело такого приёма и таких оваций, как всемирная премьера в Национальном Концертном зале Тайпея.*

Исполнителям пришлось по требованию публики исполнить 2-ю часть Концерта на “бис”. Чем объяснить такой приём публикой этого сочинения? Концерт этот – блестящее колористическое сочинение, написанное, однако, в традиционном стиле западного классического концерта. Через китайские народные напевы Марков передаёт хорошо ему знакомую ошеломляющую бравуру и мощь советской скрипичной школы. Следует отметить блестящую инструментовку сочинения. Используемые колористические эффекты оркестра, однако, не заглушают солиста, а дают ему возможность продемонстрировать все эффекты солирующей скрипки».

В использовании скрипки, её эффектов и природных свойств Марков, пожалуй, последователь величайшего скрипача-композитора XX века Фрица Крейслера. Позволю себе предположить, что, будь Крейслер жив сегодня, он бы с энтузиазмом встретил Концерт Маркова, и, наверное, стал бы его играть сам...

Другим крупным произведением, написанным Марковым в Америке, является его симфония «Кинор Давид», премьера которой состоялась в Москве под управлением автора. Это не совсем обычное произведение, скорее его можно причислить к программно-симфонической музыке сюитного жанра. Сочинение посвящено истории, взятой из Книги Царств, – становлению Давида и его царства. Оно блистательно инструментовано. Его образность настолько выпукла, что при прослушивании кажется, что «видишь» живые картины событий – от жизни при дворе царя Саула до встречи Давида в Иерусалиме. Это симфоническое произведение представляется также готовой музыкой для балетного спектакля.

Ещё одно крупное сочинение Маркова – Сюита «Формоза» (древнее название Тайваня), как и Концерт для скрипки, не является фольклористической работой, а передаёт восторженные впечатления европейца от экзотической культуры Востока.

Как мы видим, творческий потенциал Маркова проявился во всей своей полноте в годы его жизни на Западе. Именно свобода творчества дала ему выбор своих приоритетов – в каждый период

времени – свой собственный, наиболее увлекающий его вид творчества.

Одно, объединяющее жизнь Маркова на Западе, – это его постоянная связь с Израилем. Духовная, эмоциональная, а в практическом плане – концертная. За время, что Марков живет на Западе, он часто бывает в Израиле. Программы его выступлений, как и повсюду, имеют широкий диапазон – от классики до современных композиторов и собственных сочинений. Его последний визит в Израиль был в декабре 1999 года.

Газета «Вести», оповещая читателей о предстоящем концерте, писала: *«Марков сочетает в себе качества виртуоза и глубокого музыканта, подходящего по-авторски к интерпретации сочинений, что неудивительно: он не только скрипач, но и композитор».*

Концертные выступления Маркова в Израиле – дань его любви и уважения к еврейскому государству, его мужественному народу, с которым он чувствует неразрывную связь. Марков говорит: *«Симфония “Кинор Давид”, написанная на библейский сюжет, явилась музыкальным выражением моего еврейского самосознания и чувства принадлежности к еврейскому народу и его культуре».*

Обретя свободу почти тридцать лет назад, Марков стал выдающимся музыкальным деятелем, щедро дарящим свой талант артиста, педагога и композитора людям разных стран и континентов.

* * *

Искусство Альберта Маркова с начала 90-х годов снова оказалось в центре внимания музыкальной Москвы. В 1993 году Марков получил приглашение от японо-тайваньской звукозаписывающей фирмы «Санрайз» сделать запись своего «Китайского концерта» в авторском исполнении с Российским Национальным оркестром в Москве. Во время записи в студию неожиданно пришёл первый секретарь Союза композиторов Т.Н.Хренников, который выразил своё удовлетворение по поводу «музыкального возвращения» Маркова в Москву. Завязалась откровенная беседа, имевшая своё продолжение в большой телевизионной передаче, посвящённой широкому кругу вопросов композиции, исполнительскому искусству и жизни вообще. В тот приезд Марков получил приглашение быть членом жюри Конкурса им. Чайковского в 1994 году, а также для сольных выступлений на сцене Большого зала Московской консерватории. Критика и зрители приветствовали появление Альберта Маркова на этой главной сцене Москвы после почти 20-летнего

отсутствия. Стали популярны и методические работы Маркова, изданные ранее в Америке: «Скрипичная техника», «Маленький скрипач» и др.

В настоящее время артист работает над своей первой оперой на современный сюжет. Нет сомнения, что и эта работа Маркова принесет много нового и интересного как любителям музыки, так и профессионалам.

* * *

Приложения

Концертная деятельность Маркова (с 1959 г.) проходила более чем в 30 странах Европы, Азии (включая Дальний Восток), Северной и Южной Америки и Африки.

Марков выступал с А.Хачатуряном и М.Ростроповичем (1960-е годы), выступал и делал грамзаписи с дирижерами: Н.Рахлиным, К.Кондрашиным, К.Зандерлингом, Г.Рождественским, Н.Ярви, Р.Бенци, Е.Курцем, С.Комиссионе, Д.Зинманом, Ф.Андрэ, Э.Дэвисом, Э.Литгоном, сэром Чарлзом Гроувзом и др.

Записи производились фирмами «Мелодия» (Россия), «Musical Heritage Society» (США) и «Sunrise» (Тайвань).

Были сделаны аудио- или видеозаписи концертов Баха, Моцарта, Бетховена, Паганини, Брамса, Чайковского, Глазунова, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Шимановского, Эркина и др.; ансамблевых сочинений (все трио Дворжака), сольных программ, а также некоторых собственных сочинений (скрипичный Концерт, Сюита «Формоза», др.) с Российским Национальным оркестром.

Педагогическая и музыкально-общественная деятельность

В 1965-75 гг. – класс скрипки в Институте им. Гнесиных (Москва).

С 1981 г. – класс скрипки в Манхэттенской музыкальной школе (Нью-Йорк).

Мастер-классы в Йельском и других университетах США.

Участие в жюри скрипичных конкурсов:

Конкурс им. Чайковского в Москве (1994).

Конкурс «Premio Paganini» (Генуя, 1996).

Член жюри многих конкурсов молодых исполнителей в ряде штатов США.

Марков – основатель Музыкального общества «Рондо» (Канада); в 1995 г. оно перебазировалось в г. Беннингтон (штат Вермонт), руководитель и дирижер Камерного оркестра «Рондо» (с 1983 г.), а также художественный руководитель ежегодных летних музыкальных фестивалей (Вермонт, США).

Изданные сочинения

Каприсы для скрипки соло «Арпеджио». М.: Музыка, 1968.

«Венецианский карнавал»: Фантазия на темы Н.Паганини. М.: Советский композитор, 1971.

Импровизация, для скрипки и фортепиано. М.: Музыка, 1973.

«Спартак», Рапсодия для скрипки с оркестром (или фортепиано), на темы балета А.Хачатуряна. М.: Музыка, 1973.

«Порги и Бесс», Рапсодия для скрипки с оркестром (или фортепиано) на темы оперы Дж. Гершвина. М.: Музыка, 1973.

Сонаты для скрипки соло №1 и №2. М.: Музыка, 1965 и Shirmer (США), 1985.

Соната для двух скрипок (Дуо-Соната). Shirmer (США), 1986.

Готовятся к изданию на Тайване и в Москве: Концерт для скрипки с оркестром («Китайский») и Сюита для скрипки и симфонического (вариант – камерного) оркестра.

В этот список не вошли многочисленные аранжировки А.Марковым пьес для скрипки и фортепиано других авторов, инструментированных для оркестров разных составов. Следует упомянуть Каденции Маркова для самых известных Концертов для скрипки с оркестром – Моцарта, Виотти, Бетховена, Паганини (Концерт №2), Брамса, изданные «Музыкой» (М., 1973).

Отдельное место в творчестве Маркова занимают сочинения для голоса и фортепиано. Среди них три романса на стихи А.С.Пушкина (для баса и баритона), написанные к 200-летию со дня рождения поэта, а также цикл «Река Истра» на слова поэта Б.Дубровина. Он также автор Струнного трио и Сонатины и нескольких небольших пьес для фортепиано.

Методические работы

Скрипичная техника. Shirmer (США), 1984.

Маленький скрипач. Shirmer (США), 1984. Также: М.: Музыка, 1997.

Система скрипичной игры. М.: Музыка, 1997.

Кто ищет, тот всегда найдет

Юрий Борин (Балтимор, США)

10 сентября 1998 года два аспиранта Стэнфордского университета Сергей Брин и Ларри (Лоренс) Пейдж встретились с бизнесменом Энди Бехтольшаймом. После недолгой беседы бизнесмен вытащил из кармана чековую книжку.

– На чье имя выписывать чек? – спросил он.

– На имя компании Google, – не задумываясь, ответил Сергей.

И хотя компании с таким названием на свете не существовало, о чем Бехтольшайм прекрасно знал, он вручил аспирантам чек на сто тысяч долларов и пожелал успехов в их благородном деле.

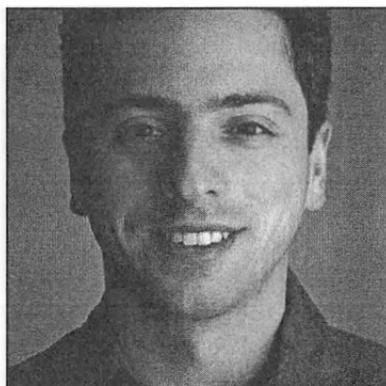
Нет, опытный бизнесмен Энди отнюдь не из тех, кто привык сорить деньгами, и если уж он выписал чек на весьма солидную сумму, вручив его, можно сказать, желторотым юнцам, то для этого имелись весьма серьезные причины. Бехтольшайм понимал, какие перспективы сулит эта новая система, которую предлагали «юнцы».

Кто же этот богач, который не пожалел такие деньги для какого-то никому еще не известного предприятия?

Этот богач – владелец и основатель Sun Microsystems, одной из крупнейших компаний в области компьютерной технологии.

Что же касается двух молодых аспирантов, то один из них был родом из Советского Союза...

Родился Сергей Брин в 1973 году в Москве в интеллигентной семье. Сейчас свой родной город он помнит довольно смутно, поскольку уже в 1979, т.е. в шестилетнем возрасте, родители увезли его в Соединенные Штаты, куда эмигрировали как беженцы.

Сергей Брин

Отец Сергея – Михаил Израилевич работал математиком в научно-исследовательском институте экономики Госплана. Математиком был и Израиль Брин, дед Сергея, который преподавал ее в одном из московских вузов. В семье Бринов математика была как бы семейной дисциплиной. Сергей, естественно, тоже унаследовал любовь к математике. Однако, кроме математики, внук, идя в ногу со временем, увлекся и компьютерной техникой, а именно – информатикой.

Через год после прибытия в Соединенные Штаты, когда Сереже было семь лет, родители купили сыну компьютер, и мальчик буквально дни и ночи просиживал перед монитором. А когда первоклассник Сергей Брин принес в школу распечатанное на принтере домашнее задание, учителя удивились – в то время (в начале восьмидесятых) компьютеры в Америке были далеко не в каждой семье.

Конечно, мальчишка посвящал своему любимому компьютеру не все 24 часа в сутки. Порой он отрывался от экрана и клавиатуры и бежал в гимнастический зал, чтобы заняться акробатикой и прыжками на батуте. Зимой же его пристрастием были горные лыжи.

По приезде в Соединенные Штаты Михаил Израилевич с первого же дня начал преподавать математику в Мэрилендском университете, а Евгения – Сережина мама сперва поступила аналитиком в частную компанию, а через некоторое время перешла на работу в НАСА.

Сергея определили в частную школу. Родители уже знали, что именно частные школы дают в Америке хорошее образование. Парень быстро овладел английским и показал нешуточные успехи в математике и других предметах. По окончании школы Сергей поступил в тот же Мэрилендский университет, в котором преподавал его отец. Способного студента заметили и отметили: ему назначили престижную стипендию, позволявшую не заботиться об оплате высшего образования.

Закончив с отличием Мэрилендский университет, Сергей получил диплом бакалавра по специальности «математика и компьютерные системы».

Но диплом бакалавра его уже не удовлетворял. Выпускник отправился на запад страны, в Калифорнию. Там, в знаменитой Силиконовой долине находится Стэнфордский университет, где Сергей намеревался специализироваться в компьютерном программировании и получить в этой области степень магистра, а затем доктора.

Америка открыла перед талантливым молодым человеком широкие горизонты. А сам он уже давно вынашивал одну очень интересную идею в области компьютерной информатики.

Здесь, в Силиконовой долине, Сергей Брин познакомился с таким же, как и он, аспирантом Ларри Пейджем. Они быстро нашли общий язык, поскольку думали об одном и том же, договорились работать вдвоем, решив создать новую поисковую систему, которую назвали Google. Ту самую, на которую Энди Бехтольшайм не пожалел выложить сто тысяч долларов.

Почему они назвали эту поисковую систему этим странным именем?

Есть в математике термин «гугол», который обозначает число, состоящее из единицы и 100 нулей. По мнению основателей компании, это отражает глубину поиска и широту охвата разработанной ими системы.

Так или иначе, имея сто тысяч долларов, новоиспеченная компания Google уже могла выйти на мировой рынок со своей собственной программой и своими новыми возможностями. А возможности у Google были большие.

Придуманная Брином и Пейджем поисковая компьютерная система – это своего рода энциклопедический справочник в интернете. С помощью Google практически можно найти любые сведения из любой области знаний. Стоит лишь ввести в компьютер ключевое слово – и через несколько секунд вы получаете десятки источников, откуда опять же в течение нескольких секунд можете получить исчерпывающие сведения по данному вопросу. При этом Google дает информацию на 15 языках, в том числе на русском, с которым Сергей не расстается. Отец дома с Сергеем говорит по-русски.

Двум соискателям докторской степени, помимо их работы над своим «Гуглом», дали возможность преподавать курс «Анализ данных, поиск и Всемирная паутина» (т.е. Интернет). У Сергея Брина появился преподавательский кабинет в здании имени Гейтса (знаменитый создатель Microsoft дал университету деньги для строительства и оснащения этого корпуса в городе Пало-Альто).

На первых порах Брин и Пейдж – еще до беседы с Энди Бехтольшаймом – собирались продать свою поисковую технологию какой-нибудь из существующих интернет-компаний. Но им вскоре пришлось столкнуться с жестокой реальностью: все эти компании не желали вкладывать деньги в новый поисковый сервис, их вполне устраивал статус-кво. Компании рассуждали так: уж если тратить

деньги, то прежде всего на пользующиеся популярностью компьютерные игры, а также платные объявления и прочие доходные вещи. На поисковых же системах, считали компании, много не заработаешь.

За первой осечкой последовала и вторая. Стэнфордский университет стал угрожать Брину и Пейджу выговором за... компьютерное хулиганство.

Оказывается, изобретенный ими Google широко использовал информацию со всех интернетных страниц, принадлежащих университету, не обращая внимания на кое-какие запретные зоны, которые университет хранил в тайне. Кроме того, Google стал пользоваться популярностью, и к концу 1998 года (года внедрения) новой поисковой системой пользовались уже около 10 тысяч человек в день. Это создавало серьезную нагрузку для университетской компьютерной сети.

Что в такой ситуации оставалось делать изобретателям? Интернет-компании принимать под свое крыло отказались, университет ими недоволен. Так что же – прекратить всю свою работу над родным «Гуглом» и сдаться? Но, может, есть смысл создать независимую частную компанию со своим собственным капиталом?

Аспиранты и решили, что помочь им может только богатый вкладчик. Вот тогда-то они и обратились к Энди Бехтольшайму.

И молодые люди не ошиблись. Энди стал первым «ангелом-инвестором» начинающей частной компании (таким термином в Силиконовой долине называют крупных предпринимателей, финансирующих молодые компании в самом начале их работы).

Ну, а дальше все произошло, как по волшебству. Через два года (в 2000 году) контракт на обслуживание поисковых запросов с Google подписала компания Yahoo!, которую считают одной из самых популярных интернет-компаний в мире. А уже в первом квартале следующего года инвесторы пошли чередой. Вскоре президенты новоиспеченной компании Google Сергей Брин и Ларри Пейдж получили уже 25 миллионов долларов от компаний-инвесторов.

За первые пять лет своего существования поисковая система Google стала крупнейшей и одной из самых популярных поисковых систем в мире. К ней ежемесячно подключаются 28 миллионов пользователей интернета. В 2003 году четыре из каждых пяти запросов приходилось на Google.

– Раньше, – с улыбкой вспоминает Ларри, – Сергей знакомился с девушками и говорил: «Привет, я – президент интернет-

компании, которая сегодня теряет деньги». Второго свидания девушки ему уже не назначали. И в какой-то момент Сергей понял, что президентов интернет-компаний, которые теряют деньги, в районе Маунтин-Вью не счесть...

А потом последовали новые события. За месяц до назначенной защиты докторских диссертаций Сергей и Ларри покинули Стэнфордский университет. Теперь им уже не нужна была докторская степень. Они и без нее разбогатели, став миллиардерами. Пакеты акций, принадлежащие Сергею и Ларри, уже сегодня оцениваются в миллиард долларов каждый. Впрочем, и докторскую степень аспиранты в конце концов получили. Но главное даже не в миллиардах и степенях...

Компания разрослась и приобрела славу. Сейчас в компании трудится большой коллектив. В штаб-квартире компании в Калифорнии установлено более пяти тысяч компьютеров, которые работают по системе поиска, разработанной Брином и Пейджем. Они обеспечивают пользователям интернета доступ к более чем четырём миллиардам интернет-страниц. Сергей занят по уши. Он ведёт всю организационную работу, принимает основные решения, касающиеся дальнейшей политики и тактики работы компании.

Руководители Google стараются обеспечить максимум удобства своим сотрудникам. Завтраки и обеды в корпоративном кафетерии готовятся одним из самых известных и высокооплачиваемых поваров Калифорнии. Но руководители компании понимают, что не хлебом единым жив человек. Поэтому они установили такой порядок: 20% своего рабочего времени сотрудники компании могут посвящать себе – созданию собственного сайта, разработке нового проекта, чтению книжек и написанию статей.

Интересно, что Сергей Брин, кроме всего прочего, лично контролирует поддержку русского языка в поисковой базе. Порой его можно увидеть в «Русской чайной комнате Кати» – популярном русском ресторане Сан-Франциско. Он частенько приглашает туда коллег и журналистов и рекомендует отведать блюда русской кухни – борщ, голубцы, пельмени и блины. (Все-таки сказывается российское происхождение!)

Так Сергей Брин, еврейский мальчик из России, к тридцати годам сделал в Америке более чем блестящую карьеру, создав новую поисковую систему во Всемирной паутине. Систему, которая на весь мир прославила его имя. Спрашивается, смог ли бы он сделать то же самое, если бы остался на родине?

* * *

Вместо библиографии. К статье полагается приложить список использованных книг и статей. Однако в данном случае в нем нет смысла. Потому что при написании этого очерка автор пользовался исключительно поисковой системой Google, которая всегда может предоставить требуемую информацию на любую тему в любом количестве. И это самая замечательная реклама новой поисковой системы: кто ищет в «Гугле», тот всегда найдет.

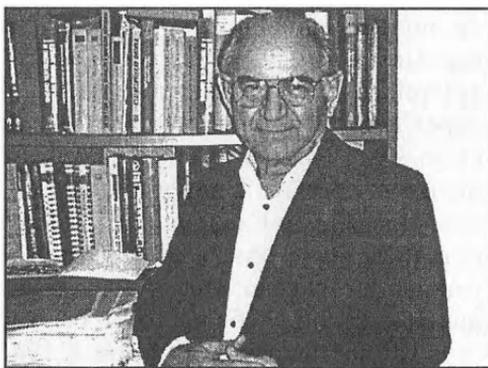
Академик Исаак Борисович Берсукер Заметки о жизни и творчестве

Борис Цукерблат (Безр-Шева, Израиль)
Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)
Клара Жигня (Безр-Шева)

Исаак Борисович Берсукер – крупный ученый, человек, с именем которого связано развитие новых направлений в физике и химии, создатель всемирно известной научной школы, один из организаторов науки в Молдове.

И.Б.Берсукер родился 12 февраля 1928 г. в Кишиневе – столице Бессарабии, в то время входившей в состав королевской Румынии. Румынские промышленники и финансисты отказывались вкладывать сюда капиталы, а румынское государство не строило школ и высших учебных заведений из опасения, что СССР рано или поздно заберет этот край, до 1918 г. принадлежавший Российской империи. Безработица в городах и местечках, голод на селе, самая большая в Европе детская смертность – такова нерадостная обстановка, в которой проходило детство Исаака Берсукера.

Бедность не обошла и семью Берсукеров, в которой было пятеро детей. Отец был столяром и едва сводил концы с концами. Учиться в гимназии не было никакой возможности, и в шесть лет Исаак пошел в бесплатную начальную еврейскую школу. Наряду с другими предметами, там изучали и иврит. После окончания школы Исаак поступил в училище ОРТ – особой системы учебных заведений, созданной для обучения еврейских детей ремесленным специальностям, которую финансировала американская организация ДЖОЙНТ.

И.Б.Берсукер

В июне 1940 г. Бессарабия была аннексирована Советским Союзом, а через год, 22 июня 1941 г., Кишинев уже бомбила немецкая авиация. Началась Вторая мировая война. К этому моменту Исаак успел окончить лишь 4-й класс средней школы, в которую его перевели из училища вместе с другими, не знавшими русского языка детьми.

Спасаясь от наступавших немецких и румынских войск, семья Берсукеров пыталась, как и тысячи других евреев, покинуть Кишинев. Дороги были забиты беженцами, не хватало транспорта, по железнодорожным путям медленно ползли на восток товарные вагоны. Берсукерам удалось выбраться из города на открытой грузовой платформе. Поезд шел чрезвычайно медленно и через несколько дней оказался в тылу у немецких войск. К счастью, отцу Исаака удалось вывести семью из окружения. Порой пешком, порой в теплушках, порой в телеге Берсукеры добрались вначале до Ставропольского края, затем до Азербайджана и остались там в одном из колхозов. В этой глуши, где никто не говорил по-русски, Исаак и его родственники проработали 3 года. Ни о какой учебе не могло быть и речи.

Но вот наступил победный 1945 год! Берсукеры вернулись домой. Надо было срочно завершать образование. Среди первых учебных заведений, открывшихся еще до окончания войны, был техникум советской торговли. Туда принимали учеников с семиклассным образованием и не требовали документов. Это был неплохой шанс для молодого энергичного человека.

Техникум торговли! Казалось бы, Исаака ждал обычный путь выходца из малоимущей еврейской семьи. Однако Исаак не был обычным подростком. Еще в детстве, до школы, у него обнаружили удивительные способности. Один из родственников любил играть с Исааком: он задавал ему каверзные вопросы, и малыш, уже зная кое-что из математики и физики, искал ответы на эти вопросы. Всего пара минут требовалась маленькому Исааку для того, чтобы перемножить в уме 257 на 328. Уже тогда обнаружилась у него склонность к точным наукам, мечта связать свою жизнь с математикой и физикой. Теперь техникум торговли должен был стать первой маленькой ступенькой к осуществлению этой мечты.

Самостоятельно пройдя физику и математику за 5–7-й классы и проучившись год в техникуме, Исаак переходит в 10-й класс вечерней школы и успешно заканчивает десятилетку. В

1947 г., за два года догнав своих сверстников, девятнадцатилетний Исаак Берсукер поступает в Кишиневский университет.

Через несколько лет после окончания войны в Молдавию стали приезжать ученые из крупных советских вузов. Студентам физико-математического факультета особенно повезло: из Киева приехал Ю.Е.Перлин, ученик прославленного академика С.И.Пекара, – человек высочайшей культуры, блестящий педагог. Юрий Евгеньевич Перлин стал основателем кафедры теоретической физики и школы физиков-теоретиков в Молдавии. И.Б.Берсукер говорил, что именно благодаря Перлину он стал физиком-теоретиком и занялся тем, что умеет делать лучше всего.

Когда Исаак закончил четвертый курс, Перлину удалось отправить его на студенческую практику в Институт физики Академии наук Украины к академику С.И.Пекару. Известный ученый, создатель многих важных направлений в теории твердого тела подсказал студенту идею, которая стала темой его дипломной работы. Речь шла о влиянии электромагнитного поля световой волны на так называемые «остовные» электроны и далее – на оптические электроны. Идея послужила импульсом к дальнейшим размышлениям о механизмах взаимодействия атомов и молекул с полем светового излучения и была развита И.Б.Берсукером в его дипломной работе, которой руководил Ю.Е.Перлин. Она была опубликована в Трудах Кишиневского университета в 1955 г. Уже в этой первой научной работе проявилось то качество исследователя, которое в дальнейшем принесло Исааку Борисовичу успех, – стремление глубоко проникать в суть явлений.

Однако первый успешный шаг в науку, сделанный в университете, мог стать и последним. Конец 40 – начало 50-х гг. были в СССР периодом разгула государственного антисемитизма: разгром Еврейского антифашистского комитета и кровавая расправа с его членами, кампания борьбы с космополитизмом, «дело врачей». Еще в годы учебы Берсукер чувствовал особое внимание к нему МГБ. Власти не желали пускать в науку способных, подающих надежды евреев – выпускников университетов. С Исааком поступили так же, как и со многими другими: ему, все годы проучившемуся на одни «пятерки», на выпускном экзамене по марксизму-ленинизму снизили оценку и тем лишили диплома с отличием. В аспирантуре остались слабые, но политически надежные, а Берсукер получил свободный диплом.

Шел 1952 год, еврею устроиться на работу было нелегко. Последующие семь лет, до 1959 г., Исаак Берсукер с женой Лилей занимаются преподаванием, переезжают из города в город: Воронеж, Сороки, Бельцы.

Другой, может быть, опустил бы руки, махнул бы рукой на свою мечту. Кто-нибудь другой, но не Берсукер. В 1956 г. он едет в Ленинград, обсуждает с профессором М.Г.Веселовым возможность совместной работы по теории атомов и молекул. В Ленинграде оценили знания и способности И.Б.Берсукера и обратились к молдавскому правительству с просьбой направить его в Ленинградский университет в группу академика В.А.Фока, одного из создателей квантово-механической теории атомов и молекул. В Ленинграде И.Б.Берсукер за один год делает то, на что у других уходят годы, – пишет и защищает диссертацию.

Кандидатская диссертация И.Б.Берсукера стала существенным вкладом в развитие теории атомов и молекул. Она содержала ряд глубоких идей, существенно развивающих физику взаимодействия атомов со световыми волнами¹. Идеи, касающиеся перехода оптических или валентных электронов, оказались вновь в фокусе внимания специалистов после появления лазеров, оказавших революционное влияние на многие области физики. Эффект, предсказанный Берсукером (в научной литературе он так и был назван – «эффект Берсукера»), был подтвержден. Первая работа И.Б.Берсукера на эту тему цитируется до сих пор как основополагающая. В современном динамичном мире науки это редкое явление, свидетельствующее о подлинной ценности работы.

Защитив диссертацию, И.Б.Берсукер оказался первым среди выходцев из Бессарабии кандидатом физико-математических наук. В это время в Молдавии была создана своя республиканская академия наук, нужны были квалифицированные научные кадры. И хотя с антисемитизмом покончено не было, тогда в АН пришло немало евреев, вошедших в первое поколение ученых – основателей современной молдавской науки в области физики, химии, математики. Берсукера в академию пригласил создатель Отдела неорганической химии Антон Васильевич Аблов. Академик А.В.Аблов, приехавший в Кишинев после войны, уже в те годы осознал роль и будущее квантовой химии. Он предложил молодому ученому заняться теоретическим объяснением спектроскопических и магнитных свойств координационных соеди-

нений на основе достаточно хорошо развитой к тому времени квантовой теории – теории поля лигандов.

Здесь снова в полной мере проявились творческие способности И.Б.Берсукера. С самого начала своей работы он стал развивать новое научное направление – проблему неустойчивости пространственных (геометрических) конфигураций молекулярных систем с высокой симметрией. Теоретическое объяснение эффекту было дано в 1937 г. Яном и Теллером, обсудившими эту проблему с Ландау. Результатом их работы было важное открытие, названное теоремой Яна–Теллера. В то время (начало 1958 г.) в мировой литературе этому вопросу были посвящены всего две работы, а в СССР вряд ли кто-нибудь был знаком с ним. И здесь уместно подчеркнуть еще одно уникальное качество Исаака Борисовича как ученого – способность предвидеть важность проблемы, начиная с ее истоков, в то время, когда вырисовываются только ее едва заметные контуры.

Первым серьезным вкладом И.Б.Берсукера в эту область стало предсказание туннельного расщепления уровней энергии в системах с эффектом Яна–Теллера². Выводы работы И.Б.Берсукера в области магнитного резонанса легли в основу метода исследования широкого класса молекулярных систем.

К работе над этой темой Исаак Борисович привлек своих сотрудников и аспирантов в возглавлявшейся им к тому времени Лаборатории квантовой химии Института химии АН МССР. Создававшийся им научный коллектив стал быстро увеличиваться и превратился в научную школу, из которой вышли ученые с мировым именем. Разработка проблемы неустойчивости симметричных конфигураций молекулярных систем привела Берсукера к фундаментальному результату в физике твердого тела – объяснению природы сегнетоэлектричества³. Сейчас, по прошествии сорока лет, становятся ясными основополагающий характер и фундаментальное значение этой работы как для самой физики, так и для широкого применения сегнетоэлектриков на практике. А в те далекие времена даже крупные ученые не смогли полностью осознать новые идеи И.Б.Берсукера. Понадобились еще почти три десятилетия упорной работы, появление экспериментальных данных, жестких дискуссий на конференциях, в которых Исаак Борисович отстаивал свои идеи, чтобы новая теория сегнетоэлектричества полностью восторжествовала. Отметим еще одно качество Исаака Борисовича как ученого: он не боится выйти за рамки сложившихся представлений, не боится,

что его идея может оказаться слишком смелой. Не боится и связанного с этим неизбежного риска ошибки и последующей жесткой и даже жестокой критики.

Выяснив общий характер ян-теллеровской неустойчивости, Исаак Борисович вместе с сотрудниками созданного им в Институте химии АН МССР Отдела квантовой химии (Б.Г.Вехтер, М.Д.Каплан, В.З.Полингер, И.Я.Огурцов, Л.Чиботару, Г.И.Берсукер, С.А.Борщ, Н.А.Горинчой, А.С.Димогло, В.П.Зенченко, А.О.Солоненко, С.С.Ставров, А.Музалевский, С.С.Будников, Ю.Г.Титова) начал разрабатывать многочисленные физические приложения этого эффекта.

Особое место в исследованиях Берсукера занимают проблемы строения и функционирования биологических систем. В этой связи можно упомянуть выявление триггерного механизма гемоглобина, то есть понимание того, что заставляет кислород присоединяться, а затем отщепляться от молекулы гемоглобина. Оказалось, что решающим в этом жизненно важном превращении является деформация молекулы гемоглобина вследствие эффекта Яна-Теллера, сопровождающая процесс ее взаимодействия с кислородом.

Как известно, 80–90-е годы прошлого века ознаменовались серьезными потрясениями в жизни советского общества. Развал СССР, экономический упадок новых независимых государств, практически полное прекращение финансирования фундаментальной науки привели к тому, что все больше ученых перебралось на Запад. Стали уезжать и многие сотрудники Лаборатории квантовой химии И.Б.Берсукера, коллеги из других научных учреждений. Заниматься наукой становилось все труднее. Уехал в США и сын Геннадий с семьей, а в начале 1993-го за ними последовали Исаак Борисович с женой.

Жена И.Б.Берсукера, Лиля Борисовна, была химиком по специальности. Она могла оценить новые смелые идеи мужа, была советником и другом. Отдавая себя работе, науке, они находили время послушать классическую музыку, прочитать интересную книгу, встретиться с друзьями. До самой смерти Лили Борисовны они никогда не расставались и всюду ездили вместе.

Сын Геннадий пошел по стопам отца и тоже стал физиком-теоретиком. До отъезда в Америку доктор физико-математических наук Г.И.Берсукер работал в Академии наук Молдовы. В США молодой ученый сумел быстро войти в новую среду и

сегодня успешно работает в научно-исследовательском отделе крупной фирмы, производящей полупроводники и электронику.

Исааку Борисовичу было гораздо труднее. В США Берсукер приехал будучи известным ученым, но уже не молодым человеком. Было вполне понятно, что он должен был начинать один, без своего научного коллектива. Тем не менее и тут, работая в Университете Техаса в Остине, Исаак Борисович продолжает вносить важный вклад в развитие квантовой химии, публиковать фундаментальные труды, делать открытия, находящие применение в практической сфере, расширять международные научные связи, содействовать становлению молодых талантливых ученых.

Новый, американский период деятельности Исаака Борисовича связан с развитием квантово-химических методов расчета больших молекулярных систем и применением квантовой химии для решения проблем молекулярной биологии. Возникающая при этом проблема состоит в том, что молекулы, участвующие в биологических процессах, настолько велики, что даже современные компьютеры с трудом справляются с их расчетом. И.Б.Берсукер разработал новый метод расчета, основанный на представлении молекулы в виде взаимодействующих фрагментов меньшего размера, для каждого из которых вычисления могут быть выполнены достаточно эффективно. Оригинальность методики состоит в том, что атом металла рассчитывается по правилам квантовой механики, а остальные фрагменты молекулы рассматриваются методами молекулярной механики. Новый подход оказался настолько эффективным, что позволил исследовать ряд биологически активных соединений, играющих ключевую роль в процессах жизнедеятельности: витамин В₁₂, миоглобин, металлопорфирины. Результаты этой работы подытожены в обширном обзоре, опубликованном в «Computation Chemistry Review» в 1999 г.

Особо следует отметить работы И.Б.Берсукера по компьютерному предсказанию биологической активности. Создание и испытания новых биоорганических соединений, в особенности лекарств, является делом трудным, длительным и весьма дорогостоящим. Поэтому ученые уже давно задумывались о возможности предсказания структур лекарственно активных веществ с помощью расчетов и последующего синтеза. Исааку Борисовичу удалось сделать существенный шаг в этом направлении. Он сумел разработать метод компьютерной идентификации фармакофора и

предсказания фармакологической (лекарственной) активности, который не имеет себе равных в мировой науке. Особенностью метода является то, что он выявляет фармакофор, то есть фрагмент, ответственный за активность, на основании квантово-химического анализа. Впечатляет эффективность нового метода – вероятность предсказания приближается к 100%. Предложенный подход позволяет значительно ускорить получение лекарственных веществ с заранее заданными свойствами. Работа неоднократно была представлена на годовых собраниях Американского химического общества, ее результаты подытожены в обширном обзоре в «Current Pharmaceutical Design» (2003. №9. P.1419-50). Одна из американских компаний решила внедрить этот метод в фармацевтической промышленности.

И.Б.Берсукер продолжает работать над теорией эффекта Яна–Теллера и его приложениями. Он обдумывает проблемы, связанные, с одной стороны, с общими выводами о природе нарушения симметрии в физике элементарных частиц, а с другой – с нарушениями молекулярной симметрии лежащими в самой природе эффекта. Эти аналогии способствуют прогрессу в понимании строения материи.

Важнейшие теоретические результаты, полученные Исааком Борисовичем на протяжении его жизни, были изложены в книгах, которые сыграли большую роль в квантовой химии и в развитии представлений о строении молекул. В 50–60-х годах теория строения и свойств координационных соединений переживала бурный рост, основанный на применении к ним теории кристаллического поля. Несмотря на существенные достижения теории и ее широкое использование, в то время не было книг по этому вопросу. Первой монографией на эту тему стала книга И.Б.Берсукера и А.В.Аблова «Химическая связь в комплексных соединениях» (Кишинев: Штиинца, 1962). Даже после более чем сорокалетнего развития этой области химии книга представляется очень ясным и глубоким изложением основ теории химической связи. В 1971-м вышла новая книга Берсукера «Строение и свойства координационных соединений. Введение в теорию» (Л.: Химия), которая дополнялась в соответствии с новыми достижениями науки и переиздавалась в 1976 и 1986 гг. В 1973 г. И.Б.Берсукер, совместно с В.З.Полингером, публикует монографию «Вибронные взаимодействия в молекулах и кристаллах» (М.: Наука, 1983), которая позднее была дополнена и издана в 1989 г. на английском языке издательством «Springer». Эта мо-

нография широко цитируется всеми работающими в области эффекта Яна–Теллера. Для более широкого круга химиков и физиков И.Б.Берсукер написал книгу с меньшим объемом математических выкладок, которая была опубликована на английском языке издательством «Plenum» (1984), затем дополнена и издана на русском языке «Наукой» (1987). В 1984 г. в Нью-Йорке был опубликован коллективный труд группы сотрудников Лаборатории квантовой химии под руководством Берсукера. Он называется «The Jahn–Teller Effect. A Bibliographic Review» («Plenum»).

Большой труд был вложен в написание крупной монографии по электронному строению и свойствам координационных соединений, которая вбирает в себя весь прежний опыт работы в этой области, в том числе с применением эффекта Яна–Теллера. Монография, насчитывающая около 700 страниц, была опубликована в Нью-Йорке в 1996 г. («Electronic Structure and Properties of Transition Metal Compounds. Introduction to Theory»). Теперь она имеется во многих университетских библиотеках, а знаменитый Принстонский университет рекомендовал ее в качестве учебника для студентов.

Последняя по времени работа – фундаментальная монография по эффекту Яна–Теллера «The Jahn–Teller Effect» (Cambridge University Press, 2004), – обобщает новейшие достижения в этой области.

Академик И.Б.Берсукер является и талантливым организатором науки. Мы уже отмечали, что И.Б.Берсукер создал Лабораторию квантовой химии в Институте химии АН Молдовы, которая превратилась во всемирно известную научную школу, а Кишинев стал важным центром на карте мировой науки. Такая школа могла сформироваться прежде всего благодаря тому, что новаторские научные идеи Исаака Борисовича привлекали молодых (и не только молодых) ученых, а Исаак Борисович умел угадывать талант и заражать людей своим энтузиазмом. Второй фактор – это созданная им в лаборатории обстановка, главной особенностью которой был демократизм в обсуждении научных идей и результатов. На научном семинаре, руководимом И.Б.Берсукером, критике – суровой, но доброжелательной – подвергались все, невзирая на титулы и прошлые заслуги. Сам Исаак Борисович не только не подавлял своим авторитетом, но всегда внимательно и серьезно выслушивал критику своих работ и страстно доказывал свою правоту. Семинар стал местом притяжения ученых, работавших в области квантовой химии и

эффекта Яна–Теллера. Ученые ведущих научных центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска приезжали в Кишинев, чтобы рассказать на семинаре о своей работе и обсудить свои идеи.

Берсукер организовал семинар и для всех сотрудников Института химии АН МССР. Исаак Борисович блестяще читает лекции, поэтому на этих семинарах всегда было много желающих понять основы квантовой химии как метода исследования электронного строения химических соединений.

Под руководством Исаака Борисовича защищены около 50 кандидатских и 10 докторских диссертаций. В последние десятилетия ученики Исаака Борисовича работают во многих странах мира – США, Израиле, России, Бельгии, Франции, Турции, Италии, Японии, Тайване. Заимствованные у него умение увидеть суть и глубинный смысл физических явлений, стремление решать новые, нерутинные задачи позволили его ученикам оказаться на переднем крае современной науки. Благодаря высокому авторитету Исаака Борисовича его рекомендательные письма (а письма такого рода являются одним из главных аргументов при оценке претендентов на научную должность) помогли многим его сотрудникам занять достойное место в мире западной науки.

Один из авторов этой статьи (Б.С.Цукерблат) с благодарностью отмечает огромное влияние, которое оказали на него идеи И.Б.Берсукера и постоянное обсуждение с ним научных проблем.

Эффект Яна–Теллера и его приложения в физике, химии и биологии стали темой представительных международных симпозиумов, проводимых с 1976 г. Исаак Борисович был организатором и участником всех этих симпозиумов. В 1989 г. Кишинев избрали местом проведения очередного симпозиума, что явилось признанием заслуг И.Б.Берсукера и созданного им научного коллектива в мировом масштабе. Последний, XVI симпозиум состоялся в Бельгии в 2002 г. в преддверии 75-летнего юбилея Исаака Борисовича. В вышедшем после симпозиума сборнике докладов был отмечен неопределимый вклад И.Б.Берсукера в эту важную междисциплинарную область науки. Многие выдающиеся ученые посвятили свои статьи юбилею Исаака Борисовича. Лауреат Нобелевской премии К.-А.Мюллер, удостоенный этой высшей научной награды в 1987 году за открытие высокотемпературной сверхпроводимости, написал специальную вводную статью, в которой отметил влияние идей И.Б.Берсукера на

формирование теории сегнетоэлектричества и высокотемпературной сверхпроводимости.

После переезда в США проявилась еще одна важная сфера деятельности И.Б.Берсукера. Следует особо отметить, что И.Б.Берсукеру глубоко безразлична судьба коллег, оставшихся в Молдове, и он чувствует моральную обязанность помочь им и Академии наук Молдовы – его *alma mater*. И тут Исаак Борисович добился впечатляющих успехов. Он способствовал получению грантов американских правительственных учреждений для совместной работы с бывшими сотрудниками в Молдове. Эти гранты позволили его бывшим коллегам ездить для работы в США, получать в течение некоторого времени достойную зарплату, закупать оборудование. Американский фонд *Civilian Research and Development Foundation* начал выделять специальные гранты для сотрудничества ученых США и Молдовы. В Кишиневе появилось представительство фонда *MRDA*, через которое в Молдову поступило уже 4 млн долларов.

В республике высоко оценили заслуги академика И.Б.Берсукера. Во время его приезда в Кишинев в 2004 г. президент Молдовы вручил ему *Ordinul de Onoare* – Орден Почета.

---

¹ В диссертации впервые было введено и разработано так называемое адиабатическое приближение в теории атомных электронных оболочек. Физическая идея наглядна: электроны внешних оболочек (которые фактически переходят с одной орбиты на другую под действием света) рассматриваются в качестве «медленной подсистемы», а внутренние электроны (замкнутые оболочки) – как быстрая подсистема. Оптические электроны «ощущают» только среднее (а не мгновенное) поле быстрых внутренних электронов. Такая сравнительно простая картина приводит к развитию эффективного математического подхода, позволяющего продвинуться далеко вперед в расчетах оптических процессов в атомных оболочках.

Вторая физическая идея была тесно связана с первой. Новая физическая картина, вытекающая из адиабатического приближения, показывает, что под влиянием электромагнитной волны внутренние электронные оболочки поляризуются, оказывая таким образом влияние на внешние электроны, непосредственно испытывающие резонансное воздействие света.

² Сама по себе теорема Яна–Геллера предсказывала неустойчивость симметричных конфигураций, что ассоциировалось со спонтанным

искажением молекулярных систем. Такое искажение, вообще говоря, невозможно было обнаружить экспериментально, пока в работах Берсукера не была объяснена динамическая природа молекулярных деформаций. Оказалось, что молекула совершает не только колебания, но также и более сложные пульсирующие движения, суть которых можно понять только на языке квантовой механики. Первое экспериментальное подтверждение новой теории было получено из спектров электронного парамагнитного резонанса – важнейшего метода, используемого в физике, химии и биологии для изучения электронного строения и трансформаций молекул.

³ В основе пионерской работы И.Б.Берсукера, опубликованной в 1964 г., лежит идея о конфигурационной нестабильности элементарной ячейки кристалла – по сути молекулы. Поскольку соседние ячейки искажаются одновременно, искажения «поддерживают» друг друга и таким образом стабилизируются, то есть превращаются в коллективные искажения кристаллической решетки. В отличие от ситуации в молекулах они носят не динамический, а статический характер. Важно, что в этом случае искажения кристалла приводят к самопроизвольной (спонтанной) поляризации кристалла, которая и является проявлением сегнетоэлектричества. Эти наглядные идеи (а ясная физическая картина присутствует во всех работах Берсукера) нашли строгое математическое обоснование на языке квантовой механики и теории так называемого псевдоэффекта Яна–Теллера – явления, близкого по сути к эффекту Яна–Теллера.

«Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!»¹
(О прекращении издания журнала.
По письмам² из архива М.С.Цетлиной³)

Публикация, вступительная заметка и комментарии
Михаила Пархомовского (Бейт-Шемеш, Израиль)

Как-то в книжном магазине Пинхаса Гиля (бывшего москвича, обосновавшегося в Иерусалиме, человека пишущего и, еще лучше, редактирующего), где в основном продается еврейская книга на русском языке, я по случаю купил третий номер нью-йоркских «Опытов» за 1954 г. Ничего тогда не зная об этом литературном журнале, издававшемся М.С.Цетлиной⁴, я заинтересовался им, и был вознагражден.

Прозу номера составили первые три главы «Воспоминаний» В.Набокова (его автобиография до эмиграции в США в 1940 г.); случайно сохранившийся в Париже миниатюрный рассказ И.Бабея «В шелочку»; с удовольствием и неоднократно потом перечитывавшийся «Отрывок» В.Варшавского⁵ (из эмигрантской жизни).

Об уровне раздела статей можно судить по их авторам: В.Вейдле⁶, Г.Адамович⁷, Л.Шестов⁸, Е.Извольская⁹, Ю.Анненков¹⁰, В.Франк¹¹.

Из иностранных писателей, приславших ответы на Анкету журнала (отдельный раздел), упомяну Германа Гессе¹². Отвечая на вопросы о влиянии русской классической литературы на Запад, Гессе называет русских классиков в такой последовательности: Тургенев, Гоголь, Толстой, Чехов, Достоевский, «к которому я отнесся сначала с большим восхищением, удержавшимся во мне

М.С.Цетлина с внуком

благодаря Карамазовым, чего я не могу сказать о большинстве его других произведений» (с.186).

Весомую (в буквальном и переносном смысле слова) часть журнала составляет Библиография, которую открывает шести-страничная критика Глебом Струве учебника по истории русской литературы Марка Слонима¹³, написанного последним для иностранных студентов. В разделе рецензируются также послевоенный поэтический сборник «Берега» Софии Прегель¹⁴ – поэта, как пишет автор рецензии Ю.Терапиано¹⁵, с большим творческим темпераментом и неистощимой энергией; воспоминания генерала А.И.Деникина – одного из главных вождей русского «Белого движения»; книга Михаила Цетлина¹⁶ «Декабристы», отличающаяся «совершенной объективностью». Последняя рецензия – на книгу о Ленине, в которой автор, Валентинов–Вольский¹⁷, «вкусив и ленинского ражу, и буйство цинизма, и узнав поразительное серое невежество большевистского лидера», описал его с натуры. Эта рецензия подписана Эрге – псевдонимом редактора «Опытов» Р.Н.Гринберга.

О Романа Николаевиче хорошо написала Людмила Дымерская-Цигельман в одной из наших книг¹⁸. В ее статье рассказывается о главном детище Гринберга – журнале «Воздушные пути»; он его редактировал и издавал позже – в 60-е годы. На страницах «Воздушных путей» впервые публиковались многие стихи Мандельштама, некоторые новеллы Бабеля, поэма Цветаевой «Перекоп», запись Фридой Вигдоровой судебных заседаний во время суда над И.Бродским, «Поэма без героя» Ахматовой... И в ответ на заметку К.Чуковского в лондонском «Таймсе» о том, что эта поэма никогда не была опубликована, Корней Иванович получил письмо о публикации двух вариантов «Поэмы без героя» в «Воздушных путях». Письмо было подписано «Соня Г.». Чуковский пришел в восторг от своей «корреспондентки» и переписывался с «ней» более трех лет¹⁹. Это был еще один псевдоним Романа Николаевича – Соня Г.

Менее известен второй редактор «Опытов» – Всеволод Леонидович Пастухов, который в 3-м издании основополагающего труда Глеба Струве «Русская литература в изгнании» характеризуется так: «пианист, поэт, прозаик, муз., лит. и худож. критик, муз. педагог, мемуарист». Это имя мне хорошо запомнилось с начала 1990-х гг., когда я впервые работал с архивом М.С.Цетлиной в рукописном отделе Национальной библиотеки Израиля. Увы, переписки с ним Марии Самойловны в 2003 году уже не было. И вряд ли она была

изъята по цензурным соображениям... Отсутствует в архиве и переписка Цетлиной с Гринбергом.

Как возникло издание «Опытов»? По чьей инициативе? Располагаю лишь косвенными данными. М.С.Цетлина, как известно, сыграла большую роль в возникновении и жизни «Нового журнала»²⁰. Но после того как последний стал материально поддерживаться Фордовским фондом²¹, она перестала вкладывать в издание свои средства. По-видимому, тогда же завершилась ее работа в «Новом журнале» в качестве администратора и секретаря, и ее энергичной натуре потребовалось свежее дело. Вторым «организатором» «Опытов» назову Романа Гринберга. Он указан первым из двух редакторов, и, по-видимому, не случайно обложка журнала выполнена его женой Софьей Михайловной Гринберг (урожд. Кадинской)²².

С четвертого по девятый номера «Опытов» редактировались поэтом, литературным критиком, литературоведом, переводчиком и мемуаристом Ю.П.Иваском (1907–1986). Юрий Павлович родился в Москве. Отец – немецко-эстонского происхождения, мать – русская. Окончил юридический факультет Гартуского университета. С 1954 г. – доктор филологии. Преподавал в американских вузах²³.

Журнал печатался в типографии братьев Раузен²⁴ – Лазаря и Израиля Григорьевичей, они же, о чем неоднократно упоминается в переписке Цетлиной с Иваском, делали корректуру и верстку журнала.

Последним номером «Опытов» стал 9-й, вышедший в 1958 г., хотя работа над следующим выпуском уже велась. К прекращению издания, по-видимому, привели несколько причин: Мария Самойловна устала от своей нелегкой работы; сказывался и возраст – ей шел 77-й год; на нее могли влиять голоса «доброжелателей»-завистников; читателей, недовольных новыми веяниями на страницах журнала; явные и тайные враги Ю.П.Иваска; оказываемое на нее давление «сверху» – из-за нехватки средств под угрозой находилось существование «Нового журнала» (см. письмо М.С.Цетлиной Юрию Павловичу от 16 апреля 1959 г.). Так что в какой-то степени «Опыты» разделили судьбу журнала «Окно», который М.О. и М.С.Цетлины издавали в Париже в 1923 г., а после выхода трех номеров вынуждены были закрыть, чтобы не составлять конкуренции «Современным запискам».

Но конкретных причин, по-видимому, было две. Первой послужил отказ Марии Самойловны опубликовать в «Опытах» работу Е.А.Извольской о Николае II с Александрой Федоровной и «их идиллическом отношении к людям» (см. письмо М.С.Цетлиной от

13 мая 1958 г.), отказ, который, судя по ее письму от 15 июля того же года, не был согласован с Ю.П.Иваском. Этот ее поступок не вызывал у Марии Самойловны никаких сомнений, что объясняется глубоким чувством ответственности за издаваемые ею «Опыты».

Второй причиной стал конфликт между М.С.Цетлиной и Ю.П.Иваском в связи со статьей В.Вейдле о книге А.А.Биска²⁵. Сущность конфликта ясна из публикуемых писем и может объясняться «непомерной страстностью» (по определению И.А.Булгина²⁶) Марии Самойловны в защите Биска – он был ее давним другом²⁷. Но, по-видимому, червь сомнения в своей правоте ее грыз – Мария Самойловна обратилась за советом к нескольким сотрудникам «Опытов», принадлежавшим к элите русской эмиграции середины XX века. Ответы, полученные ею от Г.Адамовича, В.Варшавского, В.Вейдле, Н.Ульянова²⁸, столь интересны, что отодвигают конфликт на второй план.

Для публикации отобраны 20 писем из архива М.С.Цетлиной (Агс ms vor 401) в рукописном отделе Национальной библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме: 5 писем, написанных самой Марией Самойловной, 6 писем Ю.П.Иваска, 2 – В.В.Вейдле, 2 – В.С.Варшавского, 1 – Г.В.Адамовича, 1 – Н.И.Ульянова, 1 – Б.К.Зайцева, 1 – Л.А.Коварской, 1 – Л.Калашникова. Часть публикуемых писем представлены в архиве копиями. Они обозначены звездочкой (*).

* * *

* М.С.Цетлина – Е.А.[Извольской]²⁹

5/13/58 Глубокоуважаемая и дорогая Елена Александровна,
Простите, что пишу Вам письмо, которое Вам будет тяжело читать.

Николай II и Александра Федоровна, независимо от их преданности русскому народу, сыграли огромную роль в судьбе этого народа. Кроме того Николай II был членом (и даже, говорили, председателем) «Союза русского народа», который организовывал еврейские погромы. Мне душевно и нравственно невозможно как издательнице «Опытов» помещению статьи об их идиллическом отношении к людям.

Примите мои сердечные приветы,

Ваша Мария Цетлина

* М.С.Цетлина – Ю.П.Иваску

Paris 12.VII.58

Дорогой Юрий Павлович,

Получила Ваше письмо о Вашем выходе из «Опытов» и благодарю за его дружеский характер.

Само собой разумеется, что Вы можете выпустить №9 за Вашей подписью. Не забудьте, что я Вам предложила снять Вашу подпись **только и исключительно**, если это **Вам** нужно для удовлетворения Е.А.Извольской и Вас самого.

От души желаю Вам приятно путешествовать и хорошо себя чувствовать. Пошлите мои сердечные приветы Тамаре Георгиевне,

Ваша Мария Цетлина

P.S. Это просто письмо, не документ.

М.С.Цетлина – В.В.Вейdle

Hotel de Passy
10 Rue de Passy
Paris 16-e

Г-ну Вейdle копия

26.VI. 58

Многоуважаемый Владимир Васильевич,

Очень надеюсь, что Вы приедете в Париж в ближайшее время и что мы в личном разговоре благополучно разрешим проблему для меня очень тяжелую. Сравнительно недавно Ник[олай] Ив[анович] Ульянов одолжил мне для чтения Вашу книгу о красоте, которая доставляет читателю истинное и редкое удовольствие как и все, что Вы пишете.

А теперь моя тяжкая проблема. А.А.Биск, приславши, по моей просьбе, свои (6 или 8 – не помню) стихов для №8-го «Опытов» Ю.П.Иваску, получил от него в ответ, что принимает только 3 и сопровождает это свое письмо критикой его переводов. А.А.Биск очень и очень обиделся, и я с трудом сохранила с ним дружбу, которой я очень дорожу.

Ваша блестящая и очень интересная статья о нем и его сыне (которые оба Вас очень почитают, это слова А.А.Биска), написанная для №9-го, меня очень взволновала, т[а]к к[а]к она несомненно, с моей точки зрения, его (несмотря на многие комплименты, которые Вы делаете и ему, и его сыну) очень обидит.

Не доверяя себе, я дала прочесть Вашу статью про Бисков моему другу скульптору В.А.Издебскому³⁰, Н.И.Ульянову и Софье Юльевне Прегель-Равницкой. Все трое, восхищаясь Вашей статьей, говорят, что она в то же время очень обидна для А.А.Биска, а г. Издебский сказал: А.А.Биску 70 лет, и это для него слишком сильный удар.

Можете ли Вы быть ангелом и дружески ее снять?

Простите и примите мои сердечные приветы Вашей жене и Вам. Очень была бы рада Вас обоих повидать.

Ваша Мария Цетлина

В.В.Вейдле – М.С.Цетлиной

Naaldenstraat 22 A

Брюгге

28 VI 58

Дорогая Мария Самойловна, меня очень удивило Ваше письмо. А.А.Биску хорошо известно, что я не высоко ценю его переводы из Рильке (я ему об этом писал); тем не менее он дважды в письменной форме выразил мне свое желание, чтобы я отозвался в печати о его книге «как бы неблагоприятно ни было» мое мнение (цитирую его письмо от 30 марта). Разве это не равняется заранее данному мне уверению, что он обижаться на меня не станет? На Вас же он обижаться и подавно не может, так как, по хорошо известному всем пишущим правилу, издатель не редактирует журнал, а только издает его. Я только что написал А.А.Биску, сообщив ему вкратце содержание моей статьи и прося его успокоить Вас насчет его предполагаемой обидчивости, поскольку он по-прежнему хочет, чтобы мой отзыв о его книге появился в печати. Если он Вам напишет, препятствие к печатанию моей статьи будет тем самым устранено; если же нет, или не в том духе, как я предполагаю, Вы можете мне вернуть статью. Печатать ее в урезанном виде (одну ее заключительную часть) я не согласен.

Итак, дорогая Мария Самойловна, я надеюсь, Вы снимете Ваше (совершенно незаконное, по правде сказать) veto, если сам Александр Акимович предложит Вам его снять. Этим и Ю.П.Иваск будет избавлен от неприятной альтернативы либо поступить не по совести, либо отказать от редакторства «Опытов». Я ему одновременно пишу, прося его от редакторства ни в коем случае не отказываться. Журнал должен выходить и далее именно под его редакцией, – должен с точки зрения интересов нашей эмигрантской

литературы. Вопрос же о моей статье оставим пока, если разрешите, открытым. Думаю, что А.А.Биск Вам напишет и что он так же ценит независимость литературного суждения как Ю.П.Иваск или как я сам.

Не знаю еще, удастся ли мне в скором времени быть в Париже. Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Вам преданный,

В.Вейдле

* Ю.П.Иваск – М.С.Цетлиной

Документ Париж
10-го июля 1958 г.

Дорогая Мария Самойловна, сообщаю, что я отказываюсь от дальнейшего редактирования журнала ОПЫТЫ, но, конечно, №9 ОПЫТОВ выпускаю, об этом мы договорились. Считайте это письмо документом. Но официальное сообщение я сделаю после выхода №9. Могу ли я его выпустить за моею подписью редактора, – еще не знаю, но это только деталь.

Корректуру Раузенам пошлю. Мой швейцарский адрес я уже сообщил.

С уважением и приветом, *Ю.Иваск*

Очень хотел бы, чтобы ОПЫТЫ продолжались.

Существенно: сообщите, отправлять ли статью Вейдле, – корректура у него. Или следует обождать до письма Биска? Напишите об этом в Базель.

Ю.П.Иваск

Н.И.Ульянов – М.С.Цетлиной

16 июля 1958

Дорогая Мария Самойловна,

Чрезвычайно рады были Вашему письму и очень благодарим за него. Получили также копию Вашей переписки с Юрием

Павловичем. По прочтении я ее немедленно отправил В.С.Варшавскому по указанному Вами адресу, а с ответом Вам немного задержался из-за гриппа, который меня вдруг изрядно хватил.

Вижу, что Ваша нынешняя поездка в Париж, действительно, не из приятных. Поведение Ю.П. в отношении Вас считаю недостойным и несправедливым. Я не знаю всех разногласий между Вами, но каковы бы они ни были, и сколь бы обиженным он ни считал себя, он не должен был забыть Ваших заслуг не только в издании «Опытов», но и перед всей русской культурой в эмиграции. Не говорю уже о простом личном уважении к Вам, которого мы вправе от него ждать и которое должно бы было продиктовать ему иной стиль и тон в обращении. Это тем более, что его-то собственные заслуги перед журналом, по всеобщему мнению, очень сомнительны. Думаю, что жалеть будут не о нем, а об «Опытах», если им суждено будет прекратиться с его уходом.

Надеюсь, однако, что в Европе Вам удастся найти солидного редактора типа Адамовича или Вейдле. Ведь при теперешней технике связи можно редактировать журнал, издающийся по ту сторону океана.

Больше всего, впрочем, желаю Вам поменьше волноваться этим событием и с большим удовольствием провести оставшееся время в Париже. Надеюсь осенью увидеть Вас снова у нас в Нью-Хэвене. На август хотим уехать и пожить где-нибудь в более сухом климате, но к началу сентября будем снова дома.

Прошу кланяться от нас Н.В. и И.В.Кодрянским³¹. С С.Ю.Прегель я хоть и не знаком, но она присылала мне однажды свои книги. Помнится, поблагодарил я ее тогда весьма неуклюже; хотел бы сделать это теперь, при Вашем посредстве, более цивилизованным образом и передать ей мой привет.

Надя Вас обнимает, а я целую ручку.

Ваш Н. Ульянов

В.С.Варшавский – М.С.Цетлиной

Дата не указана

Дорогая Мария Самойловна, сердечно благодарю за Ваше письмо и за обещанного Гоголя. У меня как раз совсем Гоголя нет.

Я буду очень рад, если Юрий Павлович согласится на Ваше предложение. Мне очень хотелось бы, чтобы «Опыты» продолжались. Хотя, к сожалению, из-за службы я сам ничего не пишу, я

всегда чувствовал, что вот «Опыты» это «мой» журнал, «наш» журнал. Надеюсь, что, может быть, Адамович на Юрия Павловича повлияет согласиться на Ваше условие. Было бы чудесно, а то так грустно, когда слышишь со всех сторон, что «Опыты» кончились.

Я ничего «de Grundwald'a» не читал, но слышал о нем. И еще один de Grundwald (может быть, это он же или его сын) работал в кинематографе, ставил фильмы. В Париже жил еще другой русский еврей, который называл себя князем Эристовым и прямым потомком Чингис-Хана. Даже снимался в черкеске.

Как Вы живете в Париже, с кем из писателей встречаетесь, какие там настроения? Я надеюсь, Вы стали теперь убежденной сторонницей де Голля. Когда собираетесь обратно в Нью-Йорк? Я так же как Адамович очень высоко ценю М.Л.Кантора³². Он человек огромной культуры, очень умный и настоящий джентльмен. Я его очень люблю.

Желаю Вам хорошо провести остаток лета и удачи во всех Ваших начинаниях, С нетерпением жду, что ответит на Ваше письмо Юрий Павлович.

Ваш душевно преданный,

В.Варшавский

Б.К.Зайцев³³ – М.С.Цетлиной

17 VII 58

Дорогая Мария Самойловна,

Звонил Вам сегодня утром дважды – все занято. Пишу.

Рады будем Вас видеть: завтра в пятницу, или в воскресенье, понед., и т.д., кроме четверга.

Письмо Иваска замечательно!

«Это документ...» – кажется, удостоверяющий, что он болван.

Дружеский привет от обоих.

Ваш Бор. Зайцев

Г.В.Адамович – М.С.Цетлиной

4, avenue Emilia

c/o Heiligers, Nice

19/VII – 1958

Дорогая Мария Самойловна,

Получил копии писем – Иваска к Вам, Вашего к нему.

Мне казалось, – когда я еще был в Париже, – что все недоразумения между Вами улажены. Очевидно, что-то произошло после этого.

Иваск прав в принципе, что издатель, – доверив ведение дела редактору, – должен предоставить ему свободу. Вы по-своему правы в том, что издавать журнал, Вам неприятный, у Вас нет ни причин, ни желания.

Мне кажется, что выход из положения найти можно и даже не трудно. Самое простое – просить Иваска присылать все рукописи Вам на просмотр, после того как он признает их годными. Я не думаю, чтобы он это счел неприемлемым, в особенности если будет указано, что в «Опытах» два редактора: Вы и он.

Если Вы на это не согласны, то можно бы в соредакторы (немножко в роли третейского судьи) пригласить другого, – например М.Л.Кантора. Я о нем говорил Иваску, и знаю, что Вы у него были. Кантор – человек редкостно благородный, умный, и я знаю, что он Ваши доводы и Ваше положение в издании «Опытов» отлично понимает. Лучшего «арбитра» не найти, – если только он на такую роль согласится.

Вместе с Иваском они составили бы почти идеальную *équipe*³⁴.

Было бы крайне жаль, если бы Иваск совсем из «Опытов» ушел, и я рад был почувствовать (по Вашему ответу на его письмо), что и Вам это было бы жаль. Он дал журналу физиономию, особый склад, и при нынешнем общем огрубении и опрошении (увы, не в толстовском смысле!), «Опыты» делают нужное дело. В сущности, это единственный орган печати, который это дело делает и уровень русской культуры соблюдает, – т. к. «Новый журнал» все-таки – скорее альманах, много менее требовательный. Но Иваск, – которого я только теперь, в Париже, впервые встретил, – человек нервный, слишком впечатлительный и порывистый, что видно и по его письму. Он чуть-чуть ребенок, вероятно, не без капризов и «заскоков», и я думаю, что соредактор, действующий на него как валериановые капли, был бы необходим. Или, повторяю, необходим Ваш предварительный, раз навсегда установленный контроль и просмотр. Но, Мария Самойловна, не оставляйте «Опытов»! Я боюсь, что из-за всех этих трений у Вас может пропасть охота их издавать. Если бы это случилось, наша эмигрантская пустыня стала бы еще безнадежнее. Я не хочу Вам льстить, но уверен, что «спасибо сердечное» когда-нибудь «русский народ» Вам – по Некрасову скажет, – и Вас мысленно поблагодарит.

Получил от Софии Юльевны³⁵ 5 п[акетов] для Георгия Иванова от Вашего имени. Сердечно Вас за него благодарю. Он очень болен,

судя по письмам жены, – едва ли поправится. Я сделал для него сбор, правду сказать, не столько для лечения, сколько с мыслью скрасить последние недели или месяцы жизни. Они живут «на всем готовом», но, понятно, без малейших излишеств.

Примите мой сердечный привет и поклон,
Преданный Вам,

Г.Адамович

В.В.Вейdle – М.С.Цетлиной

Naaldenstraat 22 A
Брюгге
23 VII 58

Дорогая Мария Самойловна, возвращаю Вам копии писем на случай, если они Вам могут пригодиться. Очень жалею, что Иваск решил-таки уйти. Я и письменно и устно всячески уговаривал его остаться. Хочу надеяться, что «Опыты» все-таки не кончатся, хотя другого редактора, да еще такого необходимого, как он, найти будет не легко.

От А.А.Биска я получил длинное письмо не особенно отчетливого характера. Влиять на Ваше решение письмом к Вам он, видимо, не хочет. Видно также, что ему и хочется, чтоб была моя статья о нем, и не хочется, чтоб я его бранил. Но я в корректуре (об этом я ему не писал), прежде чем вернуть ее Иваску, два неприятных для него (Биска) пассажа вычеркнул и одно резкое выражение смягчил, так что, я думаю, обижаться он не станет. В конце концов, он в этом письме еще раз заявил: «лучше пусть ругают, чем молчат». А я ведь если и «ругаю» его перевод, то очень бережно. Теперь еще более бережно, чем раньше, – да и в сущности перевод одного только стихотворения, указывая, что многие другие переведены лучше.

Так что – мне кажется – беспокоиться Вам по этому поводу не надо. Тем более, что ведь будет еще рецензия Маркова³⁶, более похвальная.

Жена и я шлем Вам сердечный привет. Может быть, увидимся в Нью-Йорке. Я буду там во второй половине сентября.

Искренно Вам преданный,

В.Вейdle

Л.Калашников³⁷ – М.С.Цетлиной

12 августа [1958 г.]

Дорогая Мария Самойловна,

Получил Вашу открытку не в городе, а на даче в Си-Гейте, предместье Нью-Йорка на берегу океана. Отдыхаем здесь, набираем силы для зимы, много гуляем, дышим свежим воздухом и, в общем, поправляемся. Лида тоже рада весточке от Вас и сердечно Вам кланяется.

На днях, в одном из отелей Си-Гейта, самом большом, состоялся концерт Сидора Беларского. Присутствовало около трехсот человек. Репертуар – исключительно еврейские песни. И вдруг, к нашему приятному изумлению, Беларский объявляет, что исполнит на русском языке романс «русско-американского композитора» ...Бориса Прегеля³⁸. И спел романс «Это было давно, я не помню, когда это было». И должен Вам сказать, пел Беларский превосходно и имел огромный успех. Я не ожидал, что эта мешанская публика так горячо примет русскую песню, и мне было приятно вообще и за Бореньку. Пробудем мы здесь до 10 сентября, а потом и домой. Более подробно о нашем здесь пребывании Вам расскажет Шурочка³⁹, которой я описал нашу здесь жизнь. За лето никого не видал, за исключением Володи Издебского, который раз навестил нас. Он продал свои книги, а сейчас ждет внука и (или) внучку, это решится в конце сентября.

Получил книжку стихов Софьи Прегель, которая мне очень понравилась. Соня как-то потеплела, и в ее поэзии зазвучали, хотя и грустные, но душевные ноты.

Дорогая Мария Самойловна. Вы спрашиваете меня, есть ли у меня другой редактор, т.к. Иваск ушел от Вас. Во-первых, я хочу Вас поздравить с уходом Иваска, который я горячо приветствую. Я не хочу касаться слухов вокруг имени этой особы, которые меня не касаются и которые я повторять не намерен. Я имею в виду исключительно литературную физиономию Ю.П. и должен сказать откровенно, она мне совсем не симпатична. Главный недостаток наших старых «классических» символистов был их литературный снобизм. Этим отличались и Блок, и Андрей Белый и, особенно, Брюсов. Но как ни относиться к этой черте нашей «символической эпохи», у этих людей были литературные заслуги, а главное, был литературный талант, за который им можно было простить многое. Наши нео-символисты нашли приют в Ваших «Опытах». Они имеют все недостатки их предков, кроме одного достоинства – таланта. Они бездарны, эти нео-снобисты, от них веет нафталином, а не свежим воздухом литературы. Простите мне, дорогая Мария Самойловна, мою резкость, но раз Вы мне сами разрешили высказать-

ся, то я ничего иного не могу сделать, как сказать правду. Из всей этой «плеяды» единственно талантливым мне кажется Ульянов, но о нем судить как о редакторе, я не берусь, так как с этой стороны я его не знаю.

От меня и Лиды желаем душевно всего доброго и ждем Вашего возвращения в Нью-Йорк.

Преданный Вам
Л.Калашников

Ю.П.Иваск – М.С.Цетлиной

The University of Kansas
Lawrence, Kansas
Germanic & Slavic Dept.
G.Ivask

16-го сент. 1958 г.

Дорогая Мария Самойловна, мне уже сюда переслали Ваше письмо от 7-го сент[ября].

Если Терапиано согласен, то лучше его статью не менять. К тому же – разница очень небольшая.

Хорошо, если Вы увидите Г.В.Адамовича. Вот кто был бы самым лучшим редактором «Опы-

тов»! Но его работа нуждается в некоторой компенсации. Мы все его так ценим.

Видели ли Варшавского?

Сюда я приехал 14-го сент[ября]. У нас теперь большая квартира со всеми удобствами. Все же Канзас мне не нравится. Мечтаю о переводе.

Шлем Вам сердечный привет!

Ваш Ю.Иваск

Я не тороплюсь с выходом Опытов 9-х. Все готово, но хотел бы добавить страничку – о кончине Георгия Иванова. Это нужно.

В.С.Варшавский – М.С.Цетлиной

Письмо без даты.

Дорогая Мария Самойловна,

В.С.Варшавский

Получил оба Ваши письма. Спасибо, что написали. Не могу передать Вам, как мне грустно, что «Опыты» кончились. «Опыты», хотя и редко выходили, но все-таки занимали определенное и важное место в нашей литературной жизни, а теперь на этом месте будет пустота, тем более печальная и страшная, что наша эмигрантская литература вообще еле жива, и «Опыты» были в ней одним из последних благородных очагов творческого начала. Грустно мне еще и потому, что все мои усилия предотвратить гибель «Опытов» привели только к тому, что Юрий Павлович, видимо, на меня обиделся. С тех пор как он уехал, он мне ни разу не написал. Хотя я все это предчувствовал, все это меня ужасно огорчило – я все-таки надеялся, что как-то все уладится.

Еще до Вашего второго письма получил письмо от Н.И. Ульянова. По Вашей просьбе, он прислал мне Вашу переписку с Ю.П. Рад за Вас, что Вы конец «Опытов» встретили скорее как облегчение. И правда, у Вас столько возни и хлопот было. Но для нашей литературы это, конечно, очень грустное событие.

Как Вы проводите лето? Довольны ли Вашей поездкой? Когда собираетесь обратно в Нью-Йорк? Шлю Вам пожелания всего самого хорошего. Привет всем, кто обо мне будет спрашивать доброжелательно.

Вам душевно преданный,
P.S. Мой новый адрес:
153 East 54 Str. Apt. 4R
New York 22, N.Y.

В.Варшавский

Ю.П.Иваск – М.С.Цетлиной

Department of Germanic and Slavic
Languages and Literatures
University of Kansas

25-го ноября 1958 г.

Дорогая Мария Самойловна, отправляю это письмо Special delivery⁴⁰!

1. Статья Маркова о А.А.Биске печатается, но в отделе библиографии, потому ее нет в нашем обращении к читателю. Мы не даем содержания библиогр[афического] отдела в обращениях (иначе вышло бы длинно!). Я думаю, что А.А.Биска успокоит, что есть о нем оч[ень] хвалебный отзыв Маркова.

2. Мне трудно реагировать на заявление, что Вейдле «врет». Вейдле очень смягчил свою статью, я это знаю; и Вейдле об этом писал Биску.

Очень огорчен, что А.А.Биск нас опять мучает! Но, думаю, что его успокоит наличие того хвалебного отзыва Маркова. Да и Вейдле его совсем «не ругает».

3. Пожалуйста, позвоните Раузенам:

а) Нужно ли добавлять тексты, ск[олько] вообще будет страниц?

б) если Раузен набрал стихи Георгия Иванова, пусть пришлет мне поскорее.

Шлю привет!

Жду письма.

Ваш Ю.Иваск

Мы собираемся на Рождество в Нью-Йорк!

М.С.Цетлина – И.Г.Раузену

11/26/58

Дорогой Израиль Григорьевич,

Пожалуйста, напишите мне, каков наш расчет по №9-му «Опытов». То, что я Вам должна уже уплатить – я Вам сейчас же пошлю.

Всего лучшего,

*Мария Цетлина*⁴¹

Ю.П.Иваск – М.С.Цетлиной

26.1.59

Дорогая Мария Самойловна, болел гриппом, поэтому неск[олько] задержал Опыты IX. Все в порядке, но Нат[алия] Влад[имировна] Кодрянская должна еще раз просмотреть текст, уведомляю ее об этом. И потом выпускаем. О случае со статьей Вейдле лучше больше не говорить. Меня обеспокоило, что об этом неправильно судят в Париже. Я лично считаю Вейдле во всем правым. Он сам никогда не настаивал, что его статью нужно печатать. Он – само благородство. В конце концов статья не прошла. Но Опыты остались. Я надеюсь на дальнейшее сотрудничество В.В.Вейдле. А Биск должен быть полностью удовлетворен. Ради

Вас, а не ради него, я ничего ему не писал, что обо всем этом думаю.

Опыты все-таки важное дело. Существенна поддержка незаменимого Адамовича.

Благодарю за внимание в Нью-Йорке. От души желаю всего лучшего!

Судьба Н[ового] Журн[ала], конечно, продолжает беспокоить всех нас! Что об этом слышно?

Прочел Д[окто]р[а] Живаго во время болезни. Книга потрясла. Есть еще что-то живое, светлое в России.

Ваш Ю.Иваск

Ю.П.Иваск – Л.Г. и И.Г. Раузенам

Rausen
142 E 32
NYC

26.1.59

Дорогие Лазарь и Израиль Григорьевичи,
Болел гриппом – поэтому неск[олько] задержал корректуру.
Кое-какие опечатки были, на стр. 3-ей перепутаны строки и на стр. 111-ой. Пожалуйста, просмотрите.

Не в порядке (в конце номера) письма Ремизова Кодрянской. Позвоните сразу Марии Сам[ойловне] и Кодрянской (SU7-2081). Нат[алия] Влад[имировна] должна просмотреть текст. Пишу ей. Но надо сделать быстро...

Этот № я готовил 15 месяцев!

Что поделаешь...

Шлю привет,

Ваш Ю.Иваск

Ю.П.Иваск – М.С.Цетлиной

21-го марта 1958⁴²

Дорогая Мария Самойловна, вот ОПЫТЫ X
Общий план

Адамович хочет писать о К.Леонтьеве

Жду материалов от прежних сотрудников: Варшавского, Степуна, Кантора, Вейдле, Маркова.

Одоевцева – воспом[инания] о Г.Иванове или Гумилеве.

Новое лицо, граф Зубов⁴³, пишет в Р[усской] Мысли – у него интер[есные] истор[ические] материалы.

О музыке хочу попросить Сабанеева⁴⁴.

В «Мостах» хорошо написал Арнольд⁴⁵ – его хочу просить.

Н.Р.Лосский⁴⁶ предлагает сотрудничество.

Прегель – о покойном Оцупе⁴⁷.

М[ожет] б[ыть] Кодрянская пожелала бы напечатать др[угие] письма Ремизова (очень интересный материал)⁴⁸.

Кого Вы предлагаете? Конечно, материал pošлю Вам.

Можно было бы на этот раз ограничиться 112 страницами.

И когда? Хорошо бы ранней осенью.

Летом буду преподавать в Индиане. Июнь, июль.

Получил еще четыре номера, спасибо.

Жду скорого ответа.

Шлем наши приветы,

Ваш Ю.Иваск

Рауэны много взяли. Но мы переделывали номер.

Л.А.Коварская⁴⁹ – М.С.Цетлиной

20/III 59

С грустью прочли мы конец статьи Адамовича в «Опытах» с возмутительным выпадом против Белинского⁵⁰. Как могли Вы допустить в своем журнале это возмутительное небрежное отношение к одному из лучших людей России, на статьях которого воспитывались поколения русской интеллигенции.

Ведь Вы же – москвичка, хотя Вы учились за границей, но Вы же жили среди русских. Ближайшие Вам люди – Николай Дмитриевич⁵¹ и Михаил Осипович⁵² – оба люди высокой русской культуры не допустили бы в своем журнале надругательства над великим русским критиком. <...> А Вы ходите об руку с «новыми» критиками. Пред ними никто смиренно не преклонит колени, а только брезгливо отбросит написанное <...>

Ваша Л.Коварская

* М.С.Цетлина – Ю.П.Иваску

4/16/59

Дорогой Юрий Павлович,

Пишу Вам это письмо с настоящей болью в душе, поверьте мне.

То, что написано в прилагаемой открытке⁵³, – соответствует действительности.

На меня очень напирают, чтобы я прекратила «Опыты» и спасла «Новый журнал».

У меня самой боль в душе, что «Опыты» не хвалят, не покупают и печатают безобразный отзыв г-на Аронсона. Когда я пожаловалась на злой тон г. Аронсона в единственной статье об «Опытах» г-ну Вейнбауму⁵⁴, он мне ответил, что лучше я бы деньги третила на «Новый Журнал».

У меня проблема с продолжением «Опытов». Я знаю, что Вы уже работаете для №10-го, и я бы очень хотела, чтобы Ваша работа не пропала даром и чтобы не были обижены авторы, которым Вы статьи заказали, и я согласна 10-й номер выпустить, если Вы мне напишете, что, не выпуская этого номера, Вы бы очутились в неловком положении и Вам было бы жаль потраченного на него времени. Хочу знать Ваше мнение по этому поводу и прошу Вас быть только искренним.

Сердечные приветы Т[амаре] Г[еоргиевне] и Вам,

Ваша Мария Цетлина

P.S. Ваш бескорыстный и жертвенный труд, потраченный на «Опыты», я ценю всем сердцем и очень высоко.

* * *

Post Scriptum

5 января 2004 г., завершив эту статью, я отправил ее Э.А.Зальцбергу – ведущему редактору подготавливаемой книги. А наутро следующего дня получил «Диаспору V», любезно присланную ее ответственным редактором О.А.Коростелевым, – альманах, ставший главным среди множества книг о Русском Зарубежье. Публикация в альманахе Н.А.Богомолова «Ста писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961)» (стр. 402–557) содержит обширную информацию об «Опытах» – «одном из наиболее изысканных журналов русской эмиграции» (слова публикатора, с.402). Н.А.Богомолов указывает, что судьба «Опытов» (наряду с книгой Адамовича «Одиночество и свобода») стала главной темой переписки на протяжении 1950-х годов. В эти годы Адамович считал журнал единственным изданием русской эмиграции, которое окзалось в состоянии поддержать самый высокий уровень интеллек-

туальной культуры. Здесь только процитирую письмо Георгия Викторовича от 7 мая 1959 г.: «...я как-нибудь напишу о Серебр[яном] Веке <...> и кончу тем, что Сер[ебряный] Век длится только в “Опытах”, больше нигде. М[ожет] б[ыть], это М[арш] С[амойлов]не покажется доводом: ей, ей Сер[ебряный] век обязан существованием!»⁵⁵

---

¹ Справочный материал о журнале см.: А.А.Ревякина. «Опыты» //Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: Периодика и литературные центры. М., 2000. С.553–558. Об «Опытах» см. также: О.Коростелев. Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах. Материалы к библиографии // Диаспора V: Новые материалы. Париж–Санкт-Петербург: Athaeneum–Феникс, 2003. С.702–703.

В название вынесена фраза Г.В.Адамовича из его письма М.С.Цетлиной от 19 июля 1958 г. // Архив М.С.Цетлиной (далее – АЦ), папка 18 (АЦ/18).

² Орфография и пунктуация писем сохранены.

³ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882–1976), общественный деятель, издатель. .

⁴ На титульном листе журнала значится: издатель М.-Э.Цетлина. Здесь инициалы не имени и отчества (как трактуется, например, в статье об «Опытах» Литературной энциклопедии Русского Зарубежья /РОССПЭН. М., 2000. С.553–558/ – там отсутствует дефис между инициалами), а двойного имени Марии Самойловны. Вот как мне это объяснила покойная А.М.Цетлин-Доминик в письме от 16.02.1995 г.: «Мая мать называлась Мария Эмилия. Оба имени были на ее паспорте и официальных документах в эмиграции и на моих личных тоже. Она подписывала[сь]: М.Е.Zetlin. На семейном гербе были переплетены две буквы: “E.Z”. Не знаю, были ли обе буквы в записи о рождении в России, такого документа уже в эмиграции не было».

⁵ Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978), прозаик, литературный критик, публицист, мемуарист. В.С.Варшавский был постоянным консультантом издательницы «Опытов». Переписку с ним М.С.Цетлиной см.: АЦ/40.

⁶ Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979), литературный и художественный критик, литературовед, искусствовед, поэт, публицист, мемуарист. Переписку с ним М.С.Цетлиной см.: АЦ/40.

⁷ Георгий Викторович Адамович (1894–1972), поэт, эссеист, литературный критик, переводчик, мемуарист. См. о нем в ст.: О.Коростелев. Парижское «Звено и его создатели» // РЕВЗ. Т.6. С.177–301.

⁸ Лев Шестов (наст. имя Лев /Иегуда Лейб/ Исаакович Шварцман; 1866–1938), философ, литературовед, литературный критик.

⁹ Извольская Е.А. (1896–1975), прозаик, переводчица, дочь последнего императорского посла во Франции А.П.Извольского. В архиве письмо к ней М.С.Цетлиной находится в папке не идентифицированных писем и фрагментов (АЦ/42).

¹⁰ Юрий Павлович Анненков (1889–1974), живописец, график, театральный художник, художник кино, художественный и театральный критик, прозаик, публицист, мемуарист.

¹¹ В.С.Франк, сын философа С.Л.Франка, заведующий отделом радиовещания на русском языке радиостанции Би-Би-Си (Лондон).

¹² Герман Гессе (1877–1962), немецкий писатель; русскоязычному читателю наиболее известны его романы «Степной волк» и «Игра в бисер».

¹³ Марк Львович Слоним (1894–1976), общественно-политический деятель, литературный критик, литературовед, публицист, переводчик, журналист, мемуарист. См. о нем ст.: *О.Малевич*. Три жизни и три любви Марка Слонима // *ЕВКРЗ*. Т.3. С.71–100.

¹⁴ Софья (София) Юльевна Прегель (1894–1972), поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, издатель, общественный деятель, мемуаристка. См. о ней ст.: *Р.Зернова*. Одесское детство (Софья Юльевна Прегель) // *РЕВЗ*. Т.3. С.54–63, и *Ю.Гаухман*. Из архива Софьи Юльевны Прегель // *ЕВКРЗ*. Т.4. С.278–291.

¹⁵ Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист.

¹⁶ Михаил Осипович Цетлин (1882–1945), поэт, литературный критик, прозаик, переводчик, журналист, издатель, мемуарист.

¹⁷ Валентинов Н. – псевдоним, наст. имя: Николай Владиславович Вольский (1879–1964), журналист, историк, экономист, социолог, публицист, мемуарист.

¹⁸ *Л.Дымерская-Цигельман*. Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // *ЕВКРЗ*. Т.5. С.135–152.

¹⁹ *Л.Ржевский*. Загадочная корреспондентка К.Чуковского // *Новый журнал*. 1976. №123. С.98–164.

²⁰ См.: *Р.Гуль*. Памяти ушедших: М.С.Цетлина // *Новый журнал*. 1976. №125. С.271–273; *М.Пархомовский*. К истории «Нового журнала»: По письмам М.А.Алданова к М.С. и М.О.Цетлиным (из архива С.Ю.Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США) // *ЕВКРЗ*. №4. С.292–309; *М.Пархомовский*. Конфликт М.С.Цетлиной с И.А.Бунинным и М.А.Алдановым: По материалам архива М.С.Цетлиной (Евр. ун-т в Иерусалиме) // Там же. С. 310–331.

²¹ Благодарю за эту информацию Вадима Прокопьевича Крейда.

²² С №4 «Опыты» выпускались в обложке работы Александры Прегель (старшей дочери М.С.Цетлиной).

²³ Наиболее подробная справка о Ю.П.Иваске и его творчестве содержится в «Лексиконе русской литературе XX века» Вольфганга Казака (М.: РИК «Культура», 1996). Переписку М.С.Цетлиной с Ю.П.Иваском см.: АЦ/30.

²⁴ В каждой книжке указано: «Printed by Rausen Bros.», после чего приводится адрес; в первых трех книгах он: 417, Lafayette St. New York 3, N.Y. в остальных шести номерах – 142 E. 32nd Sreet, New York 16, NY.

²⁵ Александр Акимович Биск (1883, Одесса – 1973, Нью-Йорк), поэт, переводчик, мемуарист. Подробнее о нем см.: *К.Азадовский*. Александр Биск и одесская «Литературка» // *Диаспора I: Новые материалы*. Париж–Санкт-Петербург, 2001. С.95–141.

²⁶ *И.А.Бунин*. Письмо М.С.Цетлиной от 1.01.48 // *М.Пархомовский*. Конфликт М.С.Цетлиной с И.А.Буниным и М.А.Алдановым // *ЕВКРЗ*. Т.4. С.312.

²⁷ Дружба М.С.Цетлиной с Бисками подтверждается наличием в архиве подробных писем к ней жены А.А.Биска Берты Александровны, урожд. Турянской (см. о ней: *К.Азадовский*. Александр Биск и одесская «Литературка» // *Диаспора I: Новые материалы*. Париж–С.-Петербург, 2001. С.106). Сын Бисков Анатолий под именем Ален Боске (A.Bosquet) стал известным французским писателем.

²⁸ Николай Иванович Ульянов (1904/5–1985), историк, литературовед, литературный критик, прозаик, публицист, мемуарист. Его письмо к М.С.Цетлиной см.: АЦ/28.

²⁹ Адресат идентифицирован публикатором.

³⁰ Владимир Алексеевич Издебский (1881, Одесса – 1965, Нью-Йорк), скульптор, политический и общественный деятель.

³¹ Наталья Владимировна Кодрянская (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983), детская писательница, литературовед, мемуаристка.

³² Михаил Львович Кантор (1884–1970), поэт, литературный критик, юрист. См. о нем в ст.: *О.Коростелев*. Парижское «Звено и его создатели» // *РЕВЗ*. Т.6. С.177–301.

³³ Борис Константинович Зайцев (1881–1972), прозаик, публицист, переводчик, литературовед, драматург, мемуарист, общественный деятель (с 1945 г. – председатель парижского Союза русских писателей и журналистов). Его письмо М.С.Цетлиной в АЦ/26.

³⁴ Здесь – в значении «пара» (*фр.*).

³⁵ С.Ю.Прегель. См. о ней примеч. 13.

³⁶ Владимир Федорович Марков (р. 1920), поэт литературовед, профессор Калифорнийского ун-та (ныне в отставке).

³⁷ Располагаем сведениями только о Николае Сергеевиче Калашникове (1889–1961), прозаике, журналисте и мемуаристе. Письмо, подписанное «Л.Калашников», см.: АЦ/22.

³⁸ Борис Юльевич Прегель (1893–1976), ученый-атомщик, бизнесмен, благотворитель, композитор, коллекционер, поэт, брат С.Ю.Прегель. См. о нем ст.: *Н.Винокур*. Фотографии из семейного альбома // *ЕВКРЗ*. Т.4. С.426–436.

³⁹ Александра Авксентьева (по мужу Прегель), дочь М.С.Цетлиной от первого брака.

---

⁴⁰ Срочная почта (англ.).

⁴¹ АЦ/42.

⁴² Вероятно, не 1958, а 1959 г.

⁴³ Валентин Платонович Зубов, граф (1884–1969), историк искусства, создатель и директор петербургского Ин-та истории искусств. В эмиграции с 1925. Член правления рус. акад. группы в США.

⁴⁴ Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968), музыковед, музыкальный критик, композитор.

⁴⁵ Арнольд Самсонович Блох; др. сведения о нем не найдены.

⁴⁶ Вероятно, речь идет о философе, публицисте и мемуаристе Николае Онуфриевиче Лосском (1870–1965).

⁴⁷ Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958), поэт, литературный критик, прозаик, драматург, литературовед, мемуарист. См. о нем: *В.Хазан*. Право на исповедь (Николай Оцуп) // *ЕВКРЗ*. Т.4. С.101–116.

⁴⁸ Речь идет о продолжении публикации писем А.Ремизова Н.Кодрянской, напечатанных в №9 «Опыты» (с.117–131).

⁴⁹ Лидия Антоновна, дочь священника, жена Ильи Николаевича Коварского (1880–1962) – врача, хозяина изд-ва «Родник» и книжного магазина в Париже (см. о нем: *РЕВЗ*. Т.5/10/. С.470–471); позже жил в Нью-Йорке; участник дискуссии о «Русском одиночестве» в «Рассвете» (см. *ЕВКРЗ*. Т.1. С.13–24). Ее письмо М.С.Цетлиной (АЦ/22) публикуется со значительными сокращениями.

⁵⁰ В конце статьи «Невозможность поэзии» («Опыты». №9. С.35–51) Г.Адамович говорит об Е.А.Баратынском как о «первом нашем учителе» в поэзии, а о Белинском – как о пустомеле в связи с его снисходительным, да и то с оговорками одобрением поэта, «давшего вам [т.е. Баратынскому. – *М.П.*] понять, что вы – человек отсталый, а он [Белинский. – *М.П.*] – человек передовой и поэтому вправе вас учить уму-разуму...»

⁵¹ Н.Д.Авксентьев, первый муж М.С.Цетлиной.

⁵² М.О.Цетлин, второй муж М.С.Цетлиной.

⁵³ Открытки этой найти не удалось.

⁵⁴ Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973), журналист, публицист, мемуарист; гл. ред. «Нового русского слова» в 1922–73 гг. Подробнее о нем см. в ст.: *О.Цыпкина*. «Новое русское слово» – феномен долголетия // *ЕВКРЗ*. Т.5. С.162–181.

⁵⁵ *Н.А.Богомолов*. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску // Диаспора V: Новые материалы. С.525–526.

Письма Л.Д.Троцкого Н.И.Седовой (Мексика, 1937, 1938 гг.)

*Публикация, вступление и комментарии
Юрия Фельштинского (Бостон, США) и
Георгия Чернявского (Балтимор, США)*

Со времени Второй мировой войны накопилась значительная мемуарная, публицистическая и, правда, в несравненно меньшей мере, исследовательская литература, посвященная жизни и перипетиям политической судьбы Л.Д.Троцкого, – одного из наиболее известных социал-демократических деятелей России, ставшего затем большевиком, фактическим организатором Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде, наркомом по иностранным, а позже по военным и морским делам в правительстве Ленина, лидером антисталинской оппозиции в РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б)). В 1927 г. Троцкий был изгнан из большевистской партии, в 1928–1929 гг. стал политическим ссыльным и в 1929 г. депортирован из СССР в Турцию.

Л.Д.Троцкий

После нескольких лет пребывания в Турции, а затем во Франции и Норвегии Троцкий последние годы своей жизни (1937–1940) провел в Мексике, куда его (с разрешения президента этой страны Ласаро Карденаса) пригласил выдающийся мексиканский художник-монументалист Диего Ривера (1886–1957), бывший член компартии, с которой он порвал в 1936 г., присоединившись к сторонникам Троцкого, в то время сочувствуя его идее «перманентной революции». Впрочем, дружба с Риверой прервалась в 1939 г., что было связано с претензиями художника, человека весьма бурного темперамента, на политическое лидерство, и в том же году Ривера возвратился в компартию.

В Новый Свет изгнанник прибыл с женой (с 1902 г.) Наталией Ивановной Седовой (1882–1962), матерью его сыновей Льва и Сергея. С 1917 г. она работала в Наркомате просвещения РСФСР, где заведовала отделом охраны памятников старины и искусства. В 1929 г. была депортирована вместе с Троцким. После гибели Троцкого тщательно собирала его архив, который передала в Гарвардский университет (США). Автор (вместе с Виктором Сержем) воспоминаний о Троцком.

Оказавшись в Западном полушарии, изгнанник вел себя политически крайне осторожно. Он многократно выражал благодарность Карденасу за прием, повторяя, что неуклонно придерживается своего обязательства о невмешательстве в дела Мексики. Троцкий в значительной мере отгородился от непосредственной политической деятельности – не участвовал в учредительной конференции созданного на базе его идеологии IV Интернационала (Париж, сентябрь 1938 г.) и почти не руководил ее подготовкой. В Мексике он в основном сосредоточился на разоблачении московских судебных фарсов 1936–1938 гг. и подготовке книги о Сталине. 10–17 апреля 1937 г. в доме, где жил Троцкий, состоялось заседание Международной комиссии по расследованию московских процессов под председательством видного американского ученого профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк), философа и педагога Джона Дьюи (1859–1952). Стенограмма заседания с разоблачением множества фальсификаций кремлевского хозяина, а также заключение комиссии, были вскоре опубликованы¹.

Однако Троцкий в основном следовал своему обязательству о невмешательстве в дела Мексики и целиком отдался литературной работе. Полемические материалы, связанные с деятельностью мексиканских политических сил, он, как правило, не подписывал или же подписывал псевдонимами. Иногда даже ставилась подпись Диего Риверы.

В ряде изданий, посвященных Троцкому², говорится о мексиканском периоде его жизни, но в них почти полностью игнорируется личная жизнь изгнанника. Троцкий был фанатично убежден, что именно он является подлинным и главным выразителем «коренных интересов» международного рабочего класса (Троцкий вполне серьезно воспринимал термин «троцкизм», считая его, впрочем, отнюдь не совершенно самостоятельным учением, а развитием идей Маркса и Ленина), и это определяло весь характер его деятельности, вытекавшей из этой установки. Лев Давидович не был

лишен человеческих слабостей, подчас сентиментальности и, уж во всяком случае, интереса к прекрасному полу. Эта сторона жизни Троцкого в Мексике, теснейшим образом связанная с его политической активностью, подчас серьезно ей мешавшая, в литературе находит лишь глухие и, мы бы сказали, робкие упоминания, основанные скорее на малодостоверных воспоминаниях, слухах, но не на документах.

В начале июля 1937 г. в условиях напряжения, возникшего во взаимоотношениях между Троцким и его супругой в связи с его кратким романом с мексиканской художницей, женой Д.Риверы Фридой Кало (1900–1953) (это, однако, не привело, по крайней мере внешне, к ухудшению отношений между Троцким и Риверой), супруги решили на время расстаться: 7 июля 1937 г. Троцкий выехал на гасиенду (имение, поместье), принадлежавшую знакомому Д.Ривера Ландеро вблизи Сан Мигель Регла, примерно в 150 км на северо-восток от Мехико. Н.И.Седова осталась в пригороде Мехико Койоакане, где до того Троцкий с женой проживал в доме Д.Риверы. 26 или 27 июля того же года Троцкий возвратился в Койоакан. Он попросил Ф.Кало вернуть ему его письма, адресованные ей, что и было сделано. Письма, видимо, были уничтожены.

Мы публикуем 15 писем Троцкого, адресованных его жене Наталии Ивановне Седовой, во время двух непродолжительных периодов (первый раз две недели, второй раз 3–4 дня), когда супруги пребывали в разных местах. Представляется, что эти письма существенны для характеристики Троцкого как личности, для воссоздания его культурно-психологического портрета, симпатий и антипатий и некоторых других моментов, немаловажных для всесторонней характеристики исторического деятеля крупного масштаба, независимо от того, вызывает ли он симпатию или же острую антипатию.

Трудно предсказать возможные аспекты использования публикуемых писем для анализа политической истории в минувшем веке, биографии их автора и, возможно, других вопросов. Советский историк Б.А.Романов (1889–1957) отметил: *«Бывает, что мимоходом брошенные в нашем источнике мысль, образ, аналогия скажут больше, чем объемистое повествование, и неожиданно для самого автора осветят то, что он вовсе не имел в виду»*³. Учитывая сказанное, мы воздержимся здесь от источниковедческого анализа писем Троцкого Н.И.Седовой.

Как и огромное количество других документов Л.Д. Троцкого, письма жене хранятся в его архивной коллекции в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США (Harvard University, Haughton Library). Мы приносим глубокую благодарность администрации Хогтонской библиотеки за любезное разрешение скопировать и опубликовать эти письма.

При подготовке писем к изданию мы руководствовались современными археографическими правилами. Письма публикуются в полном соответствии с оригиналами, без каких-либо изъятий (это важно подчеркнуть особенно в связи с весьма интимным текстом одного из писем). Все отточия принадлежат автору. Внесены лишь незначительные исправления, соответствующие современным орфографическим нормам. Исключены многочисленные тире, которыми Троцкий, вопреки грамматическим правилам, любил отделять одно предложение от другого. Сокращенные и отсутствующие слова по возможности восполнены, причем восполненные места заключены в квадратные скобки. Некоторые письма датированы по их содержанию. В этих случаях дата или ее часть также заключены в квадратные скобки. Подчеркивания в тексте оригиналов в публикации выделены курсивом. Если то или иное место подчеркнуто два раза, оно выделяется курсивом и подчеркиванием сплошной линией, если трижды – курсивом, подчеркиванием и жирным шрифтом.

В примечаниях мы попытались разъяснить малопонятные места, дать необходимые сведения об упомянутых лицах и событиях, внести необходимые общеисторические и биографические уточнения. Ввиду частного характера писем у их автора не было необходимости разъяснять супруге факты, которые ей были известны или понятны, поэтому объяснение некоторых мест представляло для публикаторов значительную сложность. В отдельных случаях пришлось ограничиться предположениями. Не удалось найти сведений и об отдельных упомянутых лицах, но это – люди случайные, не имеющие отношения к существу вопросов, освещение которых может углубить предлагаемые письма.

Публикуемые письма будут включены в тт. 4 и 5 третьей серии «Архива Л.Д.Троцкого», которую мы в настоящее время готовим к изданию.

1

[7 июля 1937 г.]⁴

Милая Наталочка, только что закончил свое «вооружение». *Никто ни о чем не был предупрежден.* Заехали в одно имение – по ошибке. По ошибке там... пообедали. Потом переехали в другое имение, где будто нас ждали. Никто не ждал. Но все-таки приняли дружественно и сделали... что можно. Не уверен, выйдет ли что-нибудь. Разве что хозяин приедет и наладит. Пока что на бивуаке, но духа не теряю. Будь здорова и спокойна, как я спокоен. Обнимаю крепко.

Твой [Л.Д.Троцкий]

Harvard University. Naughton Livrary (далее – НУ.НЛ), bMS Russ 13, T-10613.

2

8/VII [1937 г.]

Милая моя, пишу на другой день утром по приезде. Спал с перерывами, но не плохо, без всяких снотворных. Сейчас большая слабость, но *слабость отдыха*, ничего тревожного. Надеюсь, что все будет хорошо. Поправляйся, успокойся, спи хорошо, лечи глаза, думай обо мне без тревоги. Крепко обнимаю. Твой. Крепко твой.

Р.С. Фрида прислала через Сиксто⁵ целую аптечку. Поблагодари ее при случае.

[Л.Д.Троцкий]

НУ.НЛ, bMS Russ 13, T-10614.

3

[9 июля 1937 г.]⁶

Милая Наталочка, еще одну ночь проспал здесь. Посылаю открытку с оказией. Телеграммы посылают нелегко. Отдыхаю. Желудок сразу исправился. Одиночество полное. Сажу или лежу. Будь спокойна, лечись, не тревожься обо мне совершенно. Обнимаю крепко.

Твой Л. [Д.Троцкий]

НУ.НЛ, bMS Russ 13, T-10615.

4

10 июля [1937 г.]

Наталочка. Милая, где ты? Надеюсь, что у тебя все хорошо. Пишу тебе пятое или шестое письмецо, – пишу без всякого напряжения: гуляю очень мало (слабость и дождь); поэтому тянет немножко к перу. Надеюсь сегодня иметь от тебя весть. Хотел бы знать хоть немножко, как ты живешь, хорошо ли спишь, много ли выходишь. Некоторое *рассеяние* для тебя, мне кажется, сейчас необходимая форма отдыха. Вчера утро было без дождя, сегодня дождь с утра. Кожаная покрывка годится только на соломенную шляпу соответствующего размера. Но это сейчас не важно: о рыбной ловле нет и речи, как и об охоте (да и не тянет). Нервы все же отдыхают, а это главное. Долго ли выдержу здесь, видно будет.

И Сиксто, и Казас⁷ очень-очень стараются. Готовит (неплохо) та полная женщина, которую мы с тобой видели здесь. Обнимаю крепко. Твой Л.[Д.Троцкий]

HU.NL, bMS Russ 13, T-10616.

5

[10 июля 1937 г.]⁸

Милая моя, пишу чаще, чем думал. Тихо, дождь. Слабость такая, что ходить не хочется: слабость отдыхающего организма. Много сплю. Мысли и чувства приглушены и смутны. Так лучше. Надеюсь окрепнуть на этом пути. Беспокоит меня, как у тебя... Сегодня гулял впервые около часу. Сиксто старается изо всех сил.

Сейчас пятый час вёчера, после дождя, пойду посижу во дворе в обществе старого индюка и старого петуха (они меня навещают). Будь здорова, моя милая, будь спокойна, поправляйся, остальное приложится. Обнимаю. Твой [Л.Д.Троцкий]

HU.NL, bMS Russ 13, T-10617.

6

11.VII [1937 г.]

Наталочка, сегодня какой-то перелом произошел. Утром, вытираясь спиртом, я засмеялся – и удивился: чему? Предшествующие дни смеха не было совсем, только приглушенная грусть. На утренней прогулке ноги не подкашивались: значит, окреп. Погода с утра стояла прекрасная. На прогулке встретил меня Gomez, племянник Landero⁹, привез удочку. Я половил немножко (поймал 2

штуки). Вернулся домой около 12 (первый раз!) и сел писать тебе. Вдруг гости: Фрида в сопровождении Марина¹⁰ и того же Gomez[a]. Фрида сказала, что ты «не могла» приехать. В первую минуту мне очень жалко стало, а потом понял, что ты права. Восемь-девять часов езды (во время которой ты чувствовала бы, что *стесняешь спутников*), пять часов пребывания здесь, на людях, ничего не составили бы, кроме чувства усталости и неудовлетворенности...

Нет, мы увидимся иначе...

Гости (все три) обедали со мной, причем много пили и разговаривали по-испански (я участвовал, когда мог). После обеда Гомес повел нас всех показывать бывшие мины [шахты] и главную усадьбу (парадные покои, цветники – роскошь), по дороге смотрели базальтовое ущелье... Никаких достойных внимания разговоров не было, кроме сообщения о тебе. После наспех выпитого кофе Фрида с Мариным уехали, чтобы доехать засветло (дорога плоха). Сейчас, после их отъезда, я засел за это письмо при стеариновых свечах (в комнате темно, небо снова обложено). Визит (обед, поездка, осмотры, разговоры) утомил меня немножко, но, надеюсь, не нарушит начавшегося перелома к лучшему. Фрида мне «хорошо» говорила о тебе – о концерте, о синема¹¹ – может быть, слишком «оптимистически», чтобы успокоить меня, но все же мне показалось, что у тебя маленький поворот к лучшему. Или это неверно? От тебя пока не было ни одной весточки, но это меня не пугает, мы так условились (береги глаза!). Как твоё обоняние? Фрида сказала, что ты получила от меня 2 письма (из пяти) – хорошо и то. Надеюсь, и остальные дойдут. Дождь снова льет, как из ведра. Завтра утром отмечу, как спал, не выбил ли меня сегодняшний «необычный» день из колеи (надеюсь, что нет!). Письмо имеет, как видишь, чисто описательный характер. Но мне кажется, оно исчерпывает все, что тебя может интересовать. В общем, от посещения осталось такое впечатление: напрасно меня потревожили.

12-го, 7 ч[асов] утра (утро прекрасное), спал неплохо, не хуже, чем в предшествующую ночь. Прежней слабости и тяжести в теле не ощущаю. Очевидно, поворот (я все время опасался, что слабость сменится повышенной температурой). Ближайшие дни определяют положение окончательно. Обнимаю тебя крепко, милая моя.

Твой Л. [Д.Троцкий]

Жаль, что нет щеточки для ногтей (при рыбной ловле набивается грязь).

HU.HL, bMS Russ 13, T-10618.

[12 июля 1937 г.]

Отправляю письмо во вторник утром (13-го?). Прекрасный день. Я спокоен. Приеду на день в четверг или пятницу. Читай письмо спокойно, жизнь моя, как я сейчас спокоен¹².

Понедельник.

Наталочка, Ната, боюсь, ты спрашиваешь себя с тревогой: почему я тебя не вызываю сюда. Три причины, малая, средняя и большая. Здесь грязновато, постельное белье плохое, кровати узенькие, одному трудно повернуться, в дождливые и пасмурные дни трудно без электричества. Но это «малая» причина. Мне кажется, что тебе надо отдохнуть от меня, пожить «самостоятельно», заняться собою, глаза, обоняние, туалет – посвятить временно себя себе самой. Это средняя причина. А главная – та, что я не уверен в себе, т[о] е[сть] не уверен в том, что не помешаю твоему отдыху. Первые дни были днями протрации, но я все жил нашим вчерашним днем, т[о] е[сть] нашими муками воспоминаний и муками моего мучительства, только в очень ослабленном, заглушенном виде. И все же, милая моя, прости, что пишу тебе об этом, – у меня непрерывно вертелись в голове всякие «незаданные» или «неответченные» вопросы...

Только что получил твое первое письмо. Спасибо, родная моя, – но боюсь, что слишком много пишешь. Вижу, что «отчет» Фриды был тенденциозный (я так и подозревал это). Не вижу ясно из письма твоего, как сама ты смотришь на свою скорую поездку сюда. Умолчание твое объясняю тем, что ты представляешь инициативу мне, как и было оговорено при прощании. Из слов Ф[риды] выходило, что ты *не могла* с нею поехать. Из твоего письма вытекает скорее, что ты собиралась приехать. Возможно, что был какой-нибудь «маневр»... Ну, да дело не в этом.

Вопрос об обонянии страшно беспокоит меня. Не созвать ли консилиум? Мне кажется это необходимым. Думаешь ли ты, что могла бы поправиться здесь со мною? *Если думаешь, если надеешься, то приезжай.* Приезжай, Наталочка... Читая твое письмо, я заплакал. Милая, милая... Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, я и сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли *теперь* мучиться над тем, что и как было свыше 20 лет тому назад?¹³ Над деталями? И тем не менее какой-нибудь ничтожный вопрос встает передо мною с такой силой, как если бы от ответа на него зависела вся наша жизнь... И я бегу к бумаге – напи-

сать вопрос. Наталочка, я со стыдом, с ненавистью к себе пишу тебе об этом. Я несомненно окреп, но вместе с тем стал несколько хуже спать. Письмо твое принесло мне радость, нежность (как я люблю тебя, Ната, – моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь и моя жертва!..) – и вместе с тем и слезы, – слезы жалости, раскаяния и... мучительства. Я сожгу, Наталочка, свои глупые, жалкие, ростовщические «вопросы». Приезжай!..

Нет, я не пошлю тебе сейчас этого письма, я подожду второй вести от тебя. Я еще проверю себя... Сегодня с 9–11 ловил рыбу (поймал... одну штуку себе на обед). С 11 – до 1 ч[аса] сидел в chaise-longue¹⁴ во дворе, читал, отдыхал, ждал писем. В 1 ч[ас] обедал. Потом немножко читал. Пробовал заснуть (в первые дни я спал после обеда 1–2 часа). При помощи брома удалось задремать на несколько минут. Потом (около 3-х) сел писать это письмо... В 3 1/2 получилась почта: твое письмо и газета, сейчас около 4-х, скоро дадут чай. К вечеру как будто собирается дождь. Утро было прекрасное.

Я пользуюсь удочкой Ландеро (или его племянника Gomez[a]) и очень боюсь ее сломать. Удочка на форель стоит недешево (кажется, около 5 долларов)¹⁵, но придется, пожалуй, купить, если решишь мне оставаться здесь еще недели две. Что ты сейчас делаешь, Ната, – в понедельник, 4 часа пополудни? О, если бы я мог еще внести в твою жизнь хоть немного радости... Я встаю после каждых двух-трех строк, шагаю по своей комнате и плачу – слезами укора себе, благодарности тебе, а, главное, слезами застигнувшей нас врасплох старости.

Я спрашиваю себя: смею ли я посылать тебе это письмо и подвергать новым испытаниям твои глаза... о, твои глаза, Наташа, в которых отражалась вся моя молодость, вся моя жизнь!.. «Старость, – сказала ты раз в Домже...¹⁶, – это когда нет перспектив». А в то же время мы так свежи душами, мы оба, Ната, и особенно ты, нетленная моя...

Может быть, лучше было бы выдержать программу: телеграммы или коротенькие открытки вместо писем – ничего не воротить, дать залечиться ранам.

Визит Золингера¹⁷ меня совсем не радует. Что я с ним буду делать? Лучше пусть уж приезжает целая компания (Бахи¹⁸, Рюле¹⁹), это легче, чем один человек.

Вот я представил себе. Как ты приезжаешь ко мне, и как молодно прижимаются друг к другу наши губы, наши души, наши тела. Буквы кривы от слез, Наталочка, но разве есть что-нибудь выше

этих слез? И все же я возьму себя в руки. Перелом (к новому размягчению) принесло твое письмо. Завтра, кажется, поеду на прогулку верхом. Буду, во всяком случае, ловить рыбу. Ты приедешь ко мне. Мы еще поживем, Наталочка...

5 ч[асов] 40 мин[ут]. Только что совершил неожиданную прогулку в автомобиле – 3–4 километра – до соседней деревни, где есть, как оказывается, почтовое отделение, действующее 3 раза в неделю: это все же лучше, чем через посредников. Сообщу тебе немедленно адрес. В деревне меня узнали, один парень приветствовал поднятым вверх сжатым кулаком, девицы улыбались, старухи смотрели с тревогой.

У Казаса с девицами знакомство, так что приветливые улыбки, надо думать, относились больше к нему, чем ко мне.

Мы еще поживем, Наташа!..

7 ч[асов] 30 м[инут] вечера.

Только что ушел наш почтовый камион²⁰ в Пачуку. Я сильно колебался, отправлять или не отправлять это письмо. Камион тем временем ушел. Я поступлю так: завтра (вторник) отправлю это письмо, а сам *приеду на сутки в Койоакан в четверг или пятницу*, сейчас после получения тобою этого письма. Так письмо меньше расстроит тебя, и мы совместно решим, что нам дальше делать: ехать ли вдвоем и пр[очее]. Да и наиболее спешные бумаги я немножко посмотрю. Это хороший план. А главное, я тебя крепко-крепко обниму. Наталочка, родная, милая... Ах, твоя [нрзб] ужасно беспокоит меня. Хочу кончить на этом, чтобы завтра утром отправить письмо. Обнимаю тебя.

Твой Л.[Д.Троцкий]

Это письмо получилось после приезда Л.[Д.Троцкого]. Вместо 24 часов он остался здесь три дня и три ночи. Приехал в среду-четверг утром, уехал в воскресенье утром. «Нет, мы с тобой встретимся иначе»... Встреча оказалась не такой, какой мы ее ждали. Все было испорчено посторонним обстоятельством²¹.

HU.NL, bMS Russ 13, T-10619.

8

Воскресенье, 2.30 ч[аса] дня [18 июля 1937 г.]

Наталочка, только что приехали, еще не разложил вещей, но хочется немедленно написать тебе. Телефонировал тебе из дома Д[иего], боюсь, то, что сказал, не отвечало твоему настроению, но

мне хотелось выразить тебе, до какой степени я с тобой. Всю дорогу настроение было тихое, грустное, усталое, окрашенное нежностью по отношению к тебе. Только в один момент меня схватил за сердце вопрос... я решил *все* писать тебе... «а вдруг кто-нибудь постучится (постучался) в б-скую дверь, в сумерки?»²² Ведь там всегда можно было ждать посетителя». Меня охватил страх за ту, которая сидела там... В таком состоянии прошло минут 10, потом успокоился на том, что решил написать тебе об этой своей запоздалой тревоге...

Только что мне принесли твое письмо от 12 июля. Спасибо, Ната, но не пиши *пока* так много...

В Пачуке закупали провизию. Был праздник, процессии, музыка, жара, пыль. Я не выходил из авто. Чувствовал себя отдельно от всего окружающего – с тобою.

Теперь о визите. Встретила меня Ф[рида] – Д[иего] был в ателье, где фотограф производил снимки с его картин.

Я первым делом попросил позволения тебе протелефонировать. Ф[рида] тем временем послала за Д[иего].

Только я сел, раздался телеф[онный] звонок: это жена Марина справлялась у Ф[риды], когда тебя можно застать (хочет отнести цветы). Меня поразило, как недоброжелательно Ф[рида] с ней разговаривала.

Пока пришел Д[иего], Ф[рида] сказала мне, что собирается уезжать.

Не в Нью-Йорк ли?

Нет, для этого у меня нет денег. Куда-нибудь около Веракрус.

Пришел Д[иего] с попугаем на голове. Разговаривали стоя, так как Диего спешил к фотографу, да и я спешил. Ф[рида] что-то сказала Д[иего], который с улыбкой перевел мне: «Она говорит, что, если бы не было так поздно, она проводила бы Вас до Пачука, а вернулась бы на автобусе». Ни о чем подобном она не говорила, когда мы минуты 3 ждали Д[иего].

Почему она сказала это ему?

Он перевел мне ее слова очень дружелюбно, вообще был очень мил.

Я сказал: Что вы, что вы, возвращаться в автобусе!..

Ф[рида]: Все равно уж поздно (?)..

Проводили меня оба до авто и дружески простились.

Прости за подробности, но, может быть, они тебя заинтересуют хоть немножко...

В комнате у себя нашел выбитые стекла (окно откидное упало, очевидно). Что-нибудь предпримем для починки. Ел в пути вареную кукурузу (Пачука) и банан.

Сейчас, видимо, готовят не то обед, не то ужин. Только что пообедал. Перед обедом съел с благодарностью приготовленный тобою бутерброд (так я ел, бывало, в поезде, в пути на рефераты приготовленные тобою для меня продукты). Сейчас хочу попробовать отдохнуть.

Все будет хорошо. Ната, Ната, все будет хорошо, только ты поправляйся, окрепни: ты еще понесешь меня на своих плечах дальше, как несла всю жизнь.

6 ч[асов] вечера. Спал после обеда 1 1/2 часа. Сейчас все тело налито сном. Хочу сдать это письмецо. Крепко и нежно обнимаю тебя.

Твой [Л.Д.Троцкий]

Только что, когда я уже заделывал письмо, ко мне нагрянули визитеры: Ландеро и с ним человек 15, мужчины, дамы, одна девочка, все родственники, члены семьи Ландеро. Я их занимал в течение 10–15 минут и, ей-Богу, Наталочка, провалиться мне на этом месте – «очаровал» всех, особенно же дам. Надо прибавить, что, не зная о визите, я вышел в спущенных (не застегнутых на коленях) спортивных брюках, без галстука и в теплых туфлях (ни слова преувеличения!). И, несмотря на это, столь ослепительный успех!

Обнимаю крепко

Твой [Л.Д.Троцкий]

NU.HL, bMS Russ 13, T-10620.

9

19/VII 1937 [г.] (утро)]

Наталочка, много раз звал тебя вслух вечером и ночью. Принял два раза ериван – для верности, так как лег около 10, а встать должен был в 6, из-за рыбной ловли. Встал вовремя, ловля была очень удачная, поймал несколько средней величины и две огромных форели, причем одна великолепно защищалась, два раза прыгала чуть не на метр над водой. Во время ловли думал о тебе. Записал свои мысли в дневник²³ (писал уже два раза, вчера и сегодня).

Удочку исправили плохо, а для новой купили плохую нитку: пришлось из двух делать одну (попробуем поправить дело в Пачуке). Я вспомнил, что вчера даже не поблагодарил Ф[риду] за «намерение» проводить меня и вообще держал себя невнимательно.

Написал сегодня ей и Д[иего] несколько приветливых слов. На окнах моих надувается твой бывший сарафан, как твоё знамя на новой территории. Милая!..

Я с удовольствием думаю о том, как будем с тобой здесь гулять и ловить рыбу. Может быть, поедём верхом кататься. Но тебе нужно иметь для этого брюки? Или нет?

Хочу сегодня начать заниматься. Физически чувствую себя несравненно лучше, чем в первый приезд. Лампа хороша: вчера вечером я писал при её свете дневник. Сейчас мне надо ещё умыться и натереться. Наталочка, поправляйся и приезжай сюда. Но приезжай не раньше, как сделаешь все необходимое по линии медицины: зуб, очки, обоняние. Боюсь, что *здесьние холодные ночи и утра опасны для тебя*, пока не исчез окончательно грипп и не вернулось обоняние. Не делай ни одного опрометчивого шага! Лучше потерпеть, чем вызвать рецидив.

Носи очки непрерывно, думай, что это есть перстень, надетый мною на твой палец, не разлучайся с ними.

Надо умываться, но никак не могу оторваться от бумаги.

Будь здорова, моя милая, будь здорова.

Твой Лев [Троцкий]

HU.NL, bMS Russ 13, T-10621.

10

*Это письмо отправляю другим путем*²⁴.

19/VII 1937 [г.], 13 часов

Сейчас буду обедать. После того, как отправил тебе письмо, мылся. Около 10 1/2 приступил к чтению старых газет (для статьи), читал, сидя в chaise longue под деревьями, до настоящей минуты. Солнце я переношу хорошо, но для глаз утомительно. Нужны, очевидно, темные очки. Но как их купить без меня? Почти невысказано. В воскресенье Ландеро хотели пригласить меня на завтрак, но я спасся, приехав сюда поздно. Возможно, что такое приглашение последует в следующее воскресенье. Имей это в виду, если приедешь сюда до воскресенья: платье и пр[очее]. Мне придется, видимо, ехать, как есть: к столь знаменитому бандиту они отнесутся снисходительно, но жена бандита – как-никак дама, одним словом, леди, в задрипанном виде ей не полагается ездить к лордам. Прошу серьезно учесть! Сейчас буду есть собственноручно пойманную рыбу, потом лягу отдыхать часика на два, затем совершу прогулку.

Физическое самочувствие хорошее. Моральное – вполне удовлетворительное, как видите из юнкерского (58-летний юнкер!) тона этого письма.

Обедать не зовут. В среду поеду, вероятно, в Пачука – отправить письма, поговорить по телефону или послать, в случае надобности, телеграмму. Опасаюсь, что не застаю тебя дома. Но я смогу провести в Пачука часа 2–3 и дожждаться тебя. Могу приехать до 9 часов утра и, следовательно, застигнуть тебя наверняка, если ты не будешь уже в Коирнавана. Кстати, ты говорила, что поедешь дня на два. Этого абсолютно недостаточно. Надо оставаться до восстановления обоняния. Здесь на этот счет условия неблагоприятные.

Обедал. Лежа, читал Temps²⁵. Заснул (ненадолго). Сейчас 3 1/2. Через 1/2 часа чай. Отложить прогулку? А вдруг дождь. Пожалуй, пойду сейчас. Наталочка, что вы делаете теперь? Отдыхаете (от меня)? Или у тебя операция? Опять флюс? Как бы хотелось, чтобы ты оправилась полностью.

Как бы хотелось для тебя крепости, спокойствия, немножко радости.

Как только приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный хуй. Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я весь, – помимо него, – с нежностью думаю о старой, милой пизде. Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко ебать тебя и языком, и хуем. Простите, Наталочка, эти строчки, – кажется первый раз в жизни так пишу Вам.

Обнимаю крепко, прижимая все тело твое к себе.

Твой Л. [Троцкий]

HU.NL bMS Russ 13, T-10622.

11

19 июля 1937 [г.]

19/VII, 8 ч[асов] вечера. Ездил в Huesca (кажется, так), за три километра сдавать «юнкерское» письмо (получила ли?), вернулся, ходил по открытому коридору, думал о тебе, конечно, – легко поужинал и пишу при свете лампы. Тянет к письму и к дневнику, особенно вечером, а, с другой стороны, боюсь разогреть себя писанием: это не даст уснуть.

Я оборвал только что письмо, чтобы записать несколько строк в дневнике. Я пишу его только для тебя и для себя. Мы вместе сможем уничтожить его. Я вспомнил вот что. В Главконцеском²⁶

работала Вишняк, беспартийная. Муж ее был официальный большевик. Вишняк к нему относилась, видимо, критически, к официальному курсу – с ненавистью, ко мне лично – с симпатией. Раза два-три она сообщала мне секреты из официальной кухни, которые узнавала через мужа (секреты второстепенные, ибо и муж ее был на второстепенных ролях). Под влиянием того, что ты говорила, мне вспоминается, что после того, как я уже покинул [Глав]концеском – она меня письменно, на французском языке, без подписи предупредила о том, что ходят «слухи», будто меня собираются прикончить, или: «лучше всего было бы его нечаянно прикончить». Эти слухи связывались с выстрелом милиционера по моему автомобилю 7 ноября 1927 г.²⁷ (помнишь?). Я слышал об этом из других источников. Мне приходит в голову: не это ли письмо мне передал Сермукс?²⁸ Вишняк хорошо знала его по Главконцескому. Об условиях передачи письма и его уничтожении *ничего не помню*. Но весьма вероятно, что я немедленно уничтожил его, чтобы не подвести Вишняк и не испугать тебя... Весьма возможно, что письмо кончалось словами: «Прошу немедленно уничтожить», или что-нибудь в этом роде. История эта, как видишь, не дает мне покою...

Боюсь, слишком много пишу тебе – работа для твоих глаз. На этом остановлюсь, почитаю «Temps», хотя писать при этом свете легче, чем читать.

20 июля. Встал в 7 часов. Писал дневник (свыше 7 стр[аниц]) – *только для тебя*. После завтрака поеду верхом. Сейчас буду читать «Temps».

12. 30 минут. Испытание я выдержал выше всяких ожиданий: проехал десять километров верхом – рысью, галопом, карьером – наравне с тремя заправскими кавалеристами (Казас и Сиксто служили в кавалерии). Чувствовал себя очень уверенно. Какая прекрасная панорама! Пишу после отдыха в 10 минут. Встряска для организма первоклассная. Софья Андреевна²⁹ пишет о своем Льве-³⁰: ему 70 лет, проехал 40 верст верхом, а после того «отнесся ко мне страстно». Молодчина этот «старый хрен в толстовке»! Но, надо сказать, что, если вообще он способен был в 70 лет ездить верхом и любить, то именно прогулка должна была настроить его «страстно»: помимо общей встряски организма – специфическое трение... Женщина, которая сидит на лошади по-мужски, должна, по-моему, испытывать полное удовлетворение.

Однако после сегодняшнего опыта я совершенно отказываюсь от мысли увидеть тебя верхом: лошади горячие, слишком опасно...

Только что получил письмо и посылку. Очки для чтения у меня есть, это запасные. Письмо твое, вернее, два письма, от 13-го и 18-го и 19-го, только что прочитал с волнением и нежностью, с любовью, с тревогой, но и с надеждой. Наталочка. Сомнение с меня перешло на тебя. Нельзя сомневаться! Мы не смеем сомневаться. Ты поправишься. Ты помолодеешь. «Все люди ужасно одиноки по существу», – пишешь ты. Эта фраза резанула меня по сердцу. Она и есть источник мучительства. Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаенными твоими мыслями и чувствами. Это невозможно... я знаю, знаю, Наталочка, – но мы все же приближаемся к этим моментами через большие страдания.

Поблагодари за меня Рут³¹ и передай всем привет. Завтра (среда) утром еду в Пачука говорить с тобой по телефону. Там отправлю это письмо. Напишу, вероятно, еще в течение дня.

Самочувствие днем хорошее. Ночью менее удовлетворительное. Но все же я окреп. Сегодняшняя верховая езда показала это. Много читаю (газеты), готовлюсь к статье.

Пусть Берни³² напишет Уокеру³³, что я смогу ответить ему лишь 26 или 27-го.

Ты пишешь: в старости внешний вид зависит от настроения. У тебя это было и в молодости. На другой день после первой нашей ночи ты была очень печальна и выглядела старше себя на 10 лет. В счастливые часы ты походила на мальчика-фавна³⁴. Эту способность изменяться ты сохранила на всю жизнь. Ты поправишься, Наталочка, не теряй бодрости.

Сейчас около 4.

Я пообедал и отдохнул. Собирается дождь, и я пишу в крытой галерее. Верховая езда отразилась только в седалищных мышцах: чуть-чуть ноют. Но какой это здоровый спорт! Я опасался влияния на кишечник – ни малейшего!

Перечитал вторично твое письмо. «Все люди ужасно одиноки по существу», – пишешь ты, Наталочка. Бедная, моя старая подруга. Милая моя, возлюбленная. Но ведь не только одиночество у тебя было и есть, не только одиночество, ведь мы живем еще друг для друга. Поправляйся! Наталочка!

Не знаю, как быть при отъезде. Хозяйке надо бы какой-нибудь подарочек. Пожалуй, и управляющему другого имени (он лошадей посылает). Может быть, что придумаешь, а также привезешь или пришлешь 2–3 фотографии? Надо работать. Крепко обнимаю, целую глаза, целую руки, целую ноги.

Твой старый [Л.Д.Троцкий]

Все тревожные мысли и чувства записываю в дневник – для тебя. Так лучше, чем тревожить тебя в письмах. В дневнике я излагаю спокойнее, и ты можешь спокойнее прочесть. То, что записываю в дневнике, нимало не омрачает напряжения моей нежности к тебе. Еще хотел сказать (это не упрек, ничуть, ни капли), что мой «рецидив» (как ты пишешь) вызван до известной степени твоим рецидивом. Ты как бы продолжаешь (даже написать трудно!) соперничать, соревноваться... С кем? Она для меня – никто³⁵. Ты для меня – все. Не надо, Ната, не надо, умоляю тебя. Если у тебя что-либо неблагополучно, я из Пачуки выеду прямо в Койоакан. Но надеюсь, что у тебя все благополучно (относительно, конечно). Я сидел вчера на солнце, сегодня ехал верхом под солнцем – температура у меня вполне нормальная, скорее пониженная. Нет, физически я окреп и морально окрепну. Скажу, что в дневнике я отошел от того эпизода, который занимал нас все последнее время. Я и в этом уже вижу большой прогресс.

НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КАА!

Твой старый пес

21, среда, утро, 9 1/2 часов, на почте в Пачука. По дороге говорил с тобой по телефону. Прости и спасибо. Мне кажется, что я успокоился. Могу, во всяком случае, ждать свидания. Оставайся в Пачука не менее недели. Если я приеду 27 к вечеру, будет достаточно. Ты можешь приехать 28, 29 или 30.

Я могу навестить тебя в Коирнавана. Не спеши. Поправляйся. Это самое главное. *Я несомненно окреп*. Нужно, чтобы и ты поправилась. Тогда все изживем, переживем – Ната, Ната, поправляйся.

Привет и горячую благодарность Рите³⁶. Она милая. Хорошо, что она с тобой.

Твой [Л.Д.Троцкий]

HU.NL, bMS Russ 13, T-10623.

12

[Середина февраля 1938 г.]³⁷

Милая Ната, все благополучно, последнюю ночь (первую здесь) спал хорошо. Хозяева очень милы. Но задерживаться здесь очень все же не придется. Нужно думать «о будущем».

Хорошо бы мне сюда: 1) пальто (если привезли), 2) мое *sache-pez*³⁸, мой пояс (опять болит поясница).

13

[13 февраля 1938 г.]

Милая Ната, здесь все хорошо. И хозяин, и хозяйка очень милы и заботливы. С этой стороны живу я не хуже, чем дома. Работаю с увлечением и успешно: немного напоминает времена тюремной одиночки, где тоже временами хорошо работалось. То, что я с Рэй³⁹ закончил статью, вышло очень хорошо и кстати...

Передай Рэй мой нежный привет, также Вану⁴⁰ и Джо⁴¹ (без «нежности»).

Ты забыла уложить мою бритву, так что я не мог до сих пор побриться. Ну, да эти ничего, отдых для кожи. Хозяин обещал дать свой прибор (ножички я получил, как и все остальное). Не знаю, что означает баночка с каким-то косметиком?..

До сих пор ни разу не гулял: нужно пальто, так как довольно холодновато. Об этом я уж писал. Новоприехавшие⁴² производят неплохое впечатление, особенно он, хотя он и не член орг[анизации]. Он, видимо, приехал, чтобы «убедиться».

Надо, чтобы Джо немедленно дал ему мою статью о Кронштадте⁴³ и прислал мне его отзыв (если возможно, критику, вопросы и пр[очее]).

Самое лучшее, если бы они могли поселиться у нас. У них денег месяца на два, они хотели бы остаться месяца на три. Если бы они поселились у нас, у них хватило бы месяцев на 4–5. Вопрос об охране был бы разрешен, к тому же две машины – огромные преимущества, особенно в связи со вторым домом. Разумеется, надо проверить их (его) настроение, – он немножко похож на «аристократа». Если с этой стороны препятствий нет, то надо решать поскорее. Здесь, я думаю, я мог бы еще остаться дня два, maximum, три.

Все-таки хозяйке хлопот со мной много. Как-нибудь ты дай понять, насколько я доволен и благодарен.

А что предполагается дальше? По-моему, короткая поездка в Т.⁴⁴, дня на два-три, а там уже решать в зависимости от обстоятельств: возвращаться или ехать дальше. Письмо от Левы ты, конечно, читала: гораздо бодрее, чем прошлое. В[альте]ра⁴⁵, видимо, никак нельзя принимать. Как бы он не устроил какой-нибудь гадости Лева: напиши ему об этом немедленно.

Как с зубным врачом? Меня что-то ломит сегодня вечером. Надеюсь, пройдет. Будь здорова. Обнимаю крепко. Твой

[Л.Д.Троцкий]

HU.HL, bMS Russ 13, T-10631.

14

15/II 1938 [г.]

Милая Ната, сегодня мне доставили пальто, письмо и пр[очее]. У пальто рукава слегка коротковаты, но можно удлинить. Я принял бриллиантон за целебную мазь и намазал себе... нос. Как будто помогло, хотя щипало изрядно. До сих пор не выходил еще из комнаты, но ухитрился немножко простудиться (писал возле окна). Сплю хорошо (со снотворным), но просыпаюсь в 7 ч[асов], что в сущности нормально. Работаю хорошо, рукопись выросла втрое, выйдет настоящая брошюра⁴⁶. План поездки меня пугает: будет дорого стоить. Ам[ерикан]цы не знают ни стран, ни отелей. Значит, нужно еще кого-нибудь взять (Kas[as]?!). У ам[ериканцев] денег мало. Останавливаться в отелях с клопами... беда, хорошие отели стоят дорого. Г[идальго] предлагает еще такую комбинацию: съездить в Т. на несколько дней, потом опять вернуться к нему. Но я фактически совершенно привязываю его жену к дому: она не может выйти за ворота! Злоупотреблять этим невозможно.

Свободно ли Т.? Если да, следовало бы отправиться в пятницу, что ли. До того времени я надеюсь закончить статью. Из Т. можно совершить еще двухдневную поездку, так что вместе составит около 2 недель.

Надо отдавать письмо. Будь здорова. Обнимаю крепко.

Твой [Л.Д.Троцкий]

HU.HL, bMS Russ 13, T-10630.

15

[16 февраля 1938 г.]

Милая Ната, отвечаю тебе и Вану, чтобы не писать отдельно по-французски. Я представляю себе чрезвычайную трудность путешествия с двумя ам[ериканцами] и К[азасом]! – рестораны, отели, – никто ничего не знает, расходы огромные, во всем неопределенность; кроме того, изменение внешности, следовательно, последний ресурс становится известен К[азасу]. Вызывается ли все

это необходимостью? По-моему, *еще* нет. Можно поехать на 3–4 дня в Т. Если за это время не будет разрешена проблема с квартирантом, я смогу провести еще две-три ночи у Г[идальго] (или у Кр.⁴⁷ одну, одну-две у Г[идальго], чтобы не слишком отягощать их). Сегодня 16. Можно бы выехать в Т. 18-го, оставаться там до 21 или 22-го, затем вернуться либо прямо на Av. Londres⁴⁸, либо сюда, с тем чтобы домой поехать 24–25-го. Это выйдет гораздо дешевле и без ликвидации последнего ресурса (внешность). Больше всего меня пугают расходы, так как сведения из Н[ью]-Йорка неблагоприятные и будут *ухудшаться* (кризис!). Кроме того, не надо забывать подозрений против Каз[аса]. Многие полицейские могут по Каз[асу] узнать меня (да он и не будет скрывать от полицейских).

Если ехать, то только со *своими*. Но один мекс[иканец] необходим. А его нет (подходящего). Вот почему я *против* путешествия вообще, *особенно же с Каз[асом]*. Но я до сих пор не вижу, свободно ли Т. Туда можно было бы поехать с двумя амер[иканцами], Джо и Каз[асом], пустив слух, что мы поехали в Мичуакан⁴⁹.

Ехать ли тебе в Т.? Есть доводы за и против. Решай сама.

Покупать мне ничего не надо.

Спешу кончать, чтобы передать Г.

Будь здорова. Крепко обнимаю. Твой

[Л.Д.Троцкий]

HU.NL BMS Russ 13, T-10629.

---

¹ The Case of Leon Trotsky: Report of Hearings on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. New York, 1937; Not Guilty! New York, 1938.

² Наиболее ценной из этих работ мы считаем книгу: *Gall O. Trotsky en Mexico: Y la Politica en el Periodo de Cordenas 1937–1940*. Mexico, 1991.

³ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С.39.

⁴ Дата данного письма установлена по содержанию. Штамп почтового отделения отправителя оторван. Сохранился штамп почтового отделения в Койоакане, где письмо было получено 9 июля.

⁵ Сиксто – шофер Д.Риверы.

⁶ Дата письма установлена по содержанию и штампу на обороте конверта. Штамп отправления оторван. Штамп получения 10 июля 1937 г.

⁷ Казас Жезус – лейтенант мексиканской полиции. Руководил отрядом полицейских, охранявших дом на авенида Лондрес, где проживал Троцкий.

⁸ Дата письма установлена по штампу отправления на обороте конверта.

⁹ Ландеро – хозяин гасиенды, где в это время находился Троцкий.

---

¹⁰ Марин – американский сторонник Троцкого, сотрудник бюллетеня Социалистической рабочей партии США «The Socialist Appeal».

¹¹ *Cinema* (англ.) – кино.

¹² Приписано между верхними строками основного текста.

¹³ По всей видимости, Троцкий имеет в виду свою интимную связь во время Гражданской войны в России с Клер Шеридан – британским скульптором, племянницей У.Черчилля, приехавшей тогда в Россию для создания скульптурных портретов российских руководителей. Ею были созданы бюсты Ленина, Троцкого, Х.Г.Раковского и других лиц. Шеридан сопровождала Троцкого в его бронепоезде в поездках по фронтам Гражданской войны. См.: *Sheridan C. May fair in Moscow. New York, 1921; Ibid. Naked Truth. New York, 1928.*

¹⁴ *Chaise longue* (фр.) – кушетка, шезлонг.

¹⁵ Это место является одним из свидетельств, что Троцкий в эмиграции жил скромно, несмотря на значительные гонорары, которые он получал от западных издательств и редакций газет и журналов за свои книги и статьи. Почти все эти средства шли на содержание организаций и изданий, разделявших политические взгляды Троцкого. Не соответствуют истине утверждения некоторых современных российских авторов о баснословных его доходах за рубежом. Например, по существу дела, клеветнический характер носит заявление небезызвестного И.Бунича, утверждающего без каких-либо ссылок и доказательств, что еще в 1921 г. Троцкий перевел 11 млн долларов в один из банков США и 90 млн швейцарских франков в Швейцарский банк (*Бунич И. Пятисотлетняя война в России. Киев; Спб., 1997. С.185*). Попытка авторов данной публикации обратить внимание издательства на характер писаний Бунича осталась без ответа.

¹⁶ Домже – местечко под Парижем, куда выезжали Троцкий и Седова во время пребывания во Франции в начале XX в.

¹⁷ Золингер – германский адвокат. Защищал интересы Троцкого во время его судебного дела против германского издателя Шумана, издавшего книгу Троцкого без его разрешения. Иск Троцкого к Шуману был связан с характером литературы, которую тот выпускал. Троцкий выиграл дело. После прихода нацистов к власти Золингер эмигрировал в Мексику, где встречался с Троцким.

¹⁸ Речь идет о Фрице Бахе (1897– ?) и его супруге. Ф.Бах – германский экономист. После прихода нацистов к власти эмигрировал в Мексику. Был профессором университета в Мехико и директором Национального управления статистики. Встречался с Троцким.

¹⁹ Отто Рюле (1874–1943) – германский социал-демократ. Член рейхстага (парламента) во время Первой мировой войны. Голосовал против военных кредитов. Экономист, автор биографии К.Маркса. После установления нацистской диктатуры эмигрировал в США. Жил также в Мексике. Был членом Международной комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых на московских судебных процессах 1936–1937 гг.

---

²⁰ Камион – грузовик (от фр. *Camion*).

²¹ Этот абзац написан на обороте последнего листа письма карандашом рукой Н.И.Седовой. Слова по поводу «посторонних обстоятельств» свидетельствуют, что напряженность во взаимоотношениях супругов еще сохранилась.

²² Сокращение, как и намек в целом, не ясны.

²³ Из этих слов и ряда следующих мест вытекает, что в 1937 г. Троцкий вел дневник, который до настоящего времени не обнаружен. Возможно, после гибели Троцкого (а, может быть, и ранее) дневник был уничтожен Н.И.Седовой или по взаимному согласию супругов (на возможность такого исхода есть указания в письмах). Об этом же свидетельствуют упоминания Троцкого, что он ведет дневник только для Наталии.

²⁴ Приписка Л.Д.Троцкого.

²⁵ «Temps» («Времена») – ежедневная официальная французская газета.

²⁶ Главный концессионный комитет республики (Главконцеском) был образован после издания декрета Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. о разрешении заключать концессионные договоры с целью привлечения иностранного капитала для восстановления экономики России. Л.Д.Троцкий возглавлял Главконцеском после того, как был снят с поста наркома по военным и морским делам (снят в январе и назначен в мае 1925 г.). С поста председателя Главконцескома Троцкий был снят непосредственно после исключения из ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г.

²⁷ Имеется в виду параллельная демонстрация, организованная в Москве руководством объединенной оппозиции в ВКП(б), во время которой произошло несколько уличных столкновений.

²⁸ Сермукс Н.М. – комендант бронепоезда Троцкого и его секретарь во время Гражданской войны. После войны был помощником Троцкого. Арестован и расстрелян во время «большого террора» в СССР.

²⁹ Толстая Софья Андреевна (девичья фамилия Берг) (1844–1919) – жена Л.Н.Толстого; ее дневники были опубликованы посмертно: *Толстая С.А. Дневники. М., 1928–1936, тт.1–4.*

³⁰ Л.Н.Толстой.

³¹ Имеется в виду Рут Агелофф – американская сторонница Троцкого. Р.Агелофф принимала техническое участие в работе следственной комиссии под руководством Д.Дьюи. Благодаря ее косвенной непроизвольной помощи агент НКВД Рамон Меркадер, вступивший в интимную связь с ее сестрой Сильвией Агелофф, смог проникнуть в дом Троцкого и убить его.

³² Видимо, речь идет о Джеймсе Бернхаме (1905–1987) – профессоре философии и одном из руководителей Социалистической рабочей партии США, поддерживавшей Троцкого и разделявшей его взгляды. В 1940 г. Бернхам покинул эту партию, а затем перешел на консервативные позиции.

³³ Чарлз Уокер (1893–1974) – американский врач и писатель.

³⁴ Фавн – в древнеримской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов. Изображался в виде мальчика.

³⁵ В предыдущих письмах содержались намеки на интимные отношения Троцкого и Ф.Кало. Здесь о них, как и о том, что эти отношения превраны, сказано более открыто. Ж. ван Хейженоорт (о нем – в примеч. 40) полагает, что разрыв между любовниками произошел во время визита Ф.Кало на гасиенду (*Heijenoort J. van. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. Cambridge, Mass., 1978. P. 112*).

³⁶ Рита Яковлевна – машинистка Троцкого в Мексике в 1937–1938 гг.

³⁷ В связи с тем что в начале 1938 г. стали поступать сведения о подготовке покушения на жизнь Троцкого, он решил поселиться в своего рода «доме-крепости», надежно охраняемом как мексиканской полицией, так и его сторонниками. Пока шли поиски нового жилья, Троцкий переехал на несколько дней в дом видного правительственного чиновника, знакомого Д.Риверы Антонио Гидальго в фешенебельном районе Мехико Ломас де Чапультапеке, где находился конспиративно. Н.И.Седова осталась в Койоакане. Троцкий возвратился в Койоакан после поступления известия о смерти его сына Л.Л.Седова, скончавшегося после операции в Париже (предполагается, что он был убит агентами советских спецслужб).

³⁸ *Cache-nez* (фр.) – кашне.

³⁹ Речь идет о Рэй Спигел (Рае Дунаевской) – секретаре Троцкого в Мексике.

⁴⁰ Жан ван Хейженоорт (1912–1985) – ближайший сотрудник Троцкого в Турции и Мексике, его секретарь и помощник. После Второй мировой войны стал ученым-логиком, профессором ряда университетов США. Провел большую работу по приведению в порядок архива Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Автор воспоминаний о Троцком (см. примеч. 35).

⁴¹ Джозеф Хансен (1910–1979) – американский сторонник Троцкого, его секретарь и охранник в Мексике в 1937–1938 гг. В 1938 г. возвратился в США с задачей установления контактов с членами компартии и привлечения их на сторону Социалистической рабочей партии. Миссия оказалась безуспешной.

⁴² Имеются в виду Силвия Агелофф и ее любовник, фигурировавший под именем Жак Морнар. На самом деле это был Рамон Меркадер (1914–1978) – испанский коммунист, член террористической группы, организованной советскими спецслужбами для убийства Троцкого. Группой руководили мать Меркадера Кариада Меркадер и агент НКВД Л.Эйтингон. Будущему убийце удалось втереться в доверие к Троцкому и 19 августа 1940 г. нанести ему смертельный удар ледорубом (Троцкий умер 20 августа). Меркадер двадцать лет отсидел в мексиканской тюрьме, так и не выдав группу, которая организовала убийство. За свой «подвиг» он был удостоен звания Героя Советского Союза. После освобождения жил в Чехословакии, с 1964 г. – в СССР, работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под именем Р.И.Лопеса. В середине 70-х годов по приглашению Ф.Кастро уехал на Кубу. Похоронен в Москве.

---

⁴³ Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого «Шумиха вокруг Кронштадта» (Бюллетень оппозиции /большевиков-ленинцев/. 1938. № 66-67. С.22–26.) Статья была вызвана развернувшейся в западной печати кампанией против Троцкого, которого обвиняли в том, что он был главным и непосредственным организатором кровавого подавления направленного против большевистской власти восстания моряков и жителей Кронштадта в феврале–марте 1921 г.

⁴⁴ Видимо, имеется в виду дом Губерта Геринга в Такско (Мексика). Американский профессор, специалист по Латинской Америке, Геринг поддерживал с Троцким дружеские отношения, неоднократно посещал его и привозил на встречи с Троцким своих студентов.

⁴⁵ Речь идет о Кривицком Вальтере Германовиче (настоящие фамилия, имя и отчество Гинзберг Самуил Гершевич; 1899–1941) – советском разведчике, руководившем, по его словам, в середине 30-х годов нелегальной резидентурой НКВД (эта версия оспаривается другими мемуаристами). Осенью 1937 г. Кривицкий отказался возвратиться в СССР, попросил политическое убежище во Франции, а затем в США. Автор книги воспоминаний «На тайной службе Сталина», изданной в Нью-Йорке на английском языке в 1939 г. (на русском языке: *Кривицкий В. Я был агентом Сталина*. М., 1995). По официальной версии, Кривицкий покончил жизнь самоубийством в Вашингтоне. Возможно, был убит советскими тайными агентами.

⁴⁶ Видимо, речь идет о работе «Их мораль и наша» (Бюллетень оппозиции /большевиков-ленинцев/. 1938. № 68–69. С.6–19).

⁴⁷ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴⁸ Av. Londres (авенида Лондрес) – улица, на которой в 1937–1939 гг. жил Троцкий в доме Д.Риверы. В марте 1939 г. после разрыва с Риверой Троцкий переехал в дом на авенида Виена (в том же Койоакане).

⁴⁹ Мичуакан – штат на юго-западе Мексики. Центр г. Морелия.

ЖУРНАЛ В КНИГЕ

Всеизраильская конференция «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля», посвященная 55-летию Государства Израиль (Отчет о конференции). *Юлия Систер (Кирьят-Экрон, Израиль)* – (234)

Евгения Иосифовна Гитис. *Майя Басс (Балтимор, США)* – (242)

Музей русской поэзии в Вашингтоне. *Ирина Панченко (Филладельфия, США)* – (249)

Письмо из архива М.С.Цетлиной. *Публикация Михаила Пархомовского (Бейт-Шемеш, Израиль)* – (260)

Рецензия. *Эрнст Зальцберг (Торонто)* – (262)

Всеизраильская конференция «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование в Эрец-Исраэль/Израиле», посвященная 55-летию Государства Израиль (Отчет о конференции)

Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)

Ю.Систер зачитывает приветствия в адрес конференции

Названная однодневная конференция состоялась 17 сентября 2003 г. в Кирият-Экроне.

Ее организовали Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», местный совет Кирият-Экрона и Международная ассоциация деятелей еврейского образования и культуры. Прибыли ученые, деятели культуры и образования из Иерусалима, Тель-Авива, Хайфы, Ашдода, Кфар-Сабы, Реховота и других городов. Присутствовал Николай Лещенко, сотрудник посольства Украины, отвечающий за культурные и научные связи с нашей страной.

Участников конференции приветствовали мэр Кирият-Экрона Арик Хадад и его заместитель Ирина Ольбинская.

Председатель оргкомитета д-р Юлия Систер зачитала приветствия в адрес конференции (более 10): от Натана Щаранского, Авигдора Либермана, Марины Солодкиной, Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, Американской ассоциации евреев из бывшего СССР, Мэрилендской ассоциации евреев–выходцев из бывшего СССР, американских русскоязычных газет «Форвердс» и «Наш голос» (Балтимор), др. В приветствиях говорится, что трудно переоценить вклад евреев из России в создание Государства Израиль, в его науку, культуру, образование, обороноспособность и др. Конференция явилась заметным событием в культурной и научной жизни Израиля. В приветствиях из США говорится, что Израиль давно стал предметом гордости всех евреев мира. Русскоговорящие

евреи Америки ощущают свою кровную связь с израильтянами и готовы поддерживать их благородные начинания.

В своем вступительном докладе *Ю.Систер (Кирият-Экрон)* рассказала о Научно-исследовательском центре «Русское еврейство в зарубежье». После издания пятитомной серии книг «Евреи в культуре Русского Зарубежья», главным редактором, составителем и издателем которой является доктор Михаил Пархомовский, в 1997 г. по его же инициативе в Израиле был создан Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье». Центр занимается сбором и научной обработкой различных материалов, воспоминаний, архивных документов и т.п., связанных с жизнью и деятельностью евреев, покинувших Россию (СССР/СНГ) за последние 150 лет. Центр организует семинары, конференции, составляет просветительские программы для молодежи, выступает в СМИ, занимается издательской деятельностью. Центр выпустил четыре номера «Иерусалимского русско-еврейского вестника», в котором знакомил читателей с работой Центра, информацией о русском еврействе во многих странах мира, его разнообразной деятельностью, проводимых конференциях и т.д.

Первая международная конференция была посвящена организации Центра. Известный еврейский общественный деятель и видный ученый в области иудаизма д-р М.Членов, выступая на ней, отметил, что в результате выхода в свет серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» создано новое направление исследовательской деятельности, новая область знаний в иудаике. Американский проф. Л.Флейшман подчеркнул, что опубликованные книги представляют «удивительно богатую и сложную картину интеллектуальной жизни русского еврейства за рубежами России и доказывают его определяющую роль в культурной и общественной жизни разных стран Европы и Америки». Были проведены Всеизраильские конференции, посвященные 50-летию Государства Израиль (1998 г., Бейт-Шемеш), 50-летию НИИ им. Х.Вейцмана (1999 г., Реховот), на которых обсуждался вклад евреев – выходцев из России в Эрец-Исраэль/Израиль.

С 1998 г. серию «Евреи в культуре Русского Зарубежья» сменила новая – «Русское еврейство в зарубежье», также состоящая из пяти томов, три из которых – тематические (один посвящен русским евреям в Великобритании, два – во Франции). Границы исследований расширились, появились новые рубрики: «Наука», «Студенты из России в Европе»; «Журнал в книге», посвященный текущим событиям: конференциям, новым книгам, дискуссиям,

рецензиям и т.д. «Журнал в книге» заменил собой упомянутый «Вестник». В настоящее время издано десять книг общим объемом более пяти с половиной тысяч страниц, созданных огромным, почти в двести человек, авторским коллективом. Написано около четырехсот статей, эссе и очерков. В них рассказывается о роли русских евреев в литературе, живописи, музыке, издательской деятельности, радиовещании, философии, науке, благотворительности и т.д. Героями книг являются как известные деятели культуры, науки и т.д., так и незаслуженно забытые, открываются новые имена. Интересны материалы об организациях и учреждениях, которые создавались евреями или в которых они принимали активное участие. Широк круг авторов: из Израиля, России, США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Венгрии, Польши, Бельгии, Эстонии, Украины, Латвии, Голландии, Италии, Швейцарии, Новой Зеландии. В составе авторского коллектива – историки, литературоведы, книговеды, филологи, философы, политологи, деятели искусства, ученые и т.д. Коллективное международное издание подняло престиж Израиля как всемирного интеллектуального центра русского еврейства. Книги, называемые читателями «книгами Пархомовского», известны всюду, где читают по-русски: их приобретают университеты и библиотеки Америки, России, Западной Европы, Израиля, ученые и просто читающая публика; ими пользуются исследователи, на них ссылаются в научных изданиях...

Ю.Систер подчеркнула, что место проведения настоящей конференции исторически связано с евреями первых волн алии из Российской империи – билуйцами. В честь билуйцев названы деревня Билу и перекресток Билу на границе между Реховотом и Кирьят-Экраном.

* * *

Особое настроение создали выставки художников – выходцев из бывшего Советского Союза, развернутые в зале заседаний и соседних больших комнатах. Свои картины, написанные маслом, *Татьяна Барабанова* из Реховота назвала «Взгляд на страну»; в них много света, воздуха. Ей хочется сказать, что наша маленькая страна прекрасна, что нужно беречь то, что нас окружает. Художник *Борис Хенкин* и литератор *Марк Луцкий* из Хайфы представили «русских» израильтян в дружеских шаржах с комментариями (эпиграммы, пародии, посвящения) – на политиков (Н.Щаранский, А.Либерман и др.), писателей (А.Алексин, Е.Баух), композиторов (В.Шаинский), артистов, режиссеров, ученых, спортсменов.

Интерес присутствующих вызвали книжные киоски: свои издания привезли Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», Краткая еврейская энциклопедия и Иерусалимский клуб «Библиофил» (рук. д-р Л.Юниверг). Заинтересовала участников конференции книга «Мой Хеврон» покойного профессора Бен-Циона Тавгера. Автор, физик-теоретик с мировым именем, был принят на работу в Тель-Авивский университет, но оставил ее, чтобы жить в древнем Хевроне, где он реставрировал старинную синагогу Авраама Авину и восстановил оскверненное арабами древнее еврейское кладбище. Книга Бен-Циона Тавгера читается на одном дыхании.

* * *

Зав. редакцией Еврейской энциклопедии *Марина Гутгарц (Иерусалим)* посвятила свой доклад фундаментальному проекту «Краткая еврейская энциклопедия», который осуществился только благодаря коллективному труду ученых – выходцев из СССР/СНГ. У истоков энциклопедии стояли выдающиеся деятели Израиля Шмуэль Эттингер, Хаим Тадмор, Ицхак Орен (Надель) и др. Докладчица подчеркнула роль одного из инициаторов и руководителей этого издания Эллы Сливкиной. В КЕЭ сформировался коллектив редакторов, которые готовили статьи при участии приглашенных специалистов (некоторые из них присутствовали на конференции), а также научных консультантов – известных ученых и общественных деятелей.

Израильскому радиовещанию на русском языке посвятил свое сообщение известный радиожурналист *Йосеф Дан (Михаил Абир, Тель-Авив)*, приехавший в страну в 1971 г. Создание в Израиле радио на русском языке было необходимо для возобновления связи с «евреями молчания», оборванной после гонений на евреев в конце 40-х годов в СССР. Важно было не потерять евреев Советского Союза ни для еврейского народа, ни для еврейского государства.

Вначале вещание включало: информацию о происходящем в Израиле, историю создания государства; освещались еврейская культура и традиция, религия в жизни народа и государства, Израиль на Ближнем Востоке, политическое устройство страны, роль государственного и общественного секторов в ее экономике. Докладчик остановился на изменениях в характере вещания «Коль Исраэль» после Шестидневной войны, после начала глушения

радиопередач, после созданного в 1991 г. радио «РЭКА» (радио для новых репатриантов).

О российских раввинах в Эрец-Исраэль поведала слушателям сотрудница Бар-Иланского университета *Марина Туркинец (Иерусалим)*. Российские раввины совершили алию в разные годы и продолжили свою деятельность в Эрец-Исраэль. Докладчица остановилась на биографиях раввинов Кука, Маймона и др. Иегуда Маймон (Фишман) из Унген (Бессарабия) был делегатом 2-го Сионистского конгресса, принимал участие и в последующих конгрессах. Был одним из создателей движения «Мизрахи» (сионистское религиозное движение), позже стал одним из виднейших деятелей этого движения. Репатрировался в 1912 г.; в 20-х гг. вместе с раввином Куком создал в Эрец-Исраэль Верховный раввинат. Кодифицировал основной закон о Главных раввинах. В 1936 г. создал «Мосад ха-рав Кук», одно из крупнейших издательств в Израиле, и многие годы возглавлял его. Был первым министром по делам религии Государства Израиль.

Историку еврейского народа, крупному ученому и общественному деятелю проф. Шмуэлю Эттингеру был посвящен доклад его ученика историка *Дана Харува (Иерусалим)*. Родившийся в Киеве, Эттингер изучал философию, историю и экономику сельского хозяйства в Еврейском университете в Иерусалиме. Гражданская война в Испании оказала глубокое влияние на Эттингера и привела к сближению с коммунистами. В 1945 г. он создал еврейскую коммунистическую организацию. В 1949 г. Эттингер фактически отошел от коммунистической деятельности, но продолжал заниматься общественно-политической. Он боролся за создание и укрепление светского общества в Государстве Израиль, за осуществление либеральной демократии, отстаивающей права человека. Другой важной сферой его деятельности стала борьба за право евреев СССР и стран Восточной Европы на репатриацию. В 1965 г. стал профессором истории нового времени, до 1987 г. преподавал в Еврейском университете в Иерусалиме. В основном научная деятельность Эттингера посвящена еврейской истории. Докладчик остановился на основных работах ученого, в т.ч. на его известных книгах, связанных с историей еврейского народа. Более 30 лет он занимался исследованием антисемитизма, а также разными аспектами историографии. Его интересовало советское еврейство. В последние годы жизни он уделял значительное внимание истории евреев в странах ислама, в 1981-86 гг. вышли три тома его «Исто-

рии евреев в странах ислама». Эттингер был основоположником и активным членом многих научных учреждений: Израильского исторического общества, Центра по изучению еврейской истории им. З.Шазара, Центра по исследованию еврейской истории Б.Динура, Центрального архива еврейского народа, Международного центра по исследованию антисемитизма, «Краткой еврейской энциклопедии» и др. Был редактором многих изданий.

Проф. Арон Черняк (Хайфа) подготовил доклад об известном израильском ученом, историке российского еврейства докторе Савелии Дудакове. Автор использовал не только опубликованные научные труды ученого, но и неопубликованные рукописные материалы, что составило особенность выступления. В докладе цитируются слова С.Дудакова о себе самом.

Представлен портрет ученого, честного, принципиального и объективного. В докладе обсуждаются достоинства монографий С.Дудакова, имеющих международное признание. С.Дудаков – тоже ученик проф. Ш.Эттингера, в добрые руки которого он попал после изгнания из СССР в 1971 г.

Известный в Израиле научный семинар Ашдода был представлен двумя докладами. **Проф. Константин Бравый (Ашдод)** – руководитель семинара и директор Института интеллектуальных технологий – посвятил свое выступление вкладу Института в развитие науки о жизнеспособности и безопасности современного постиндустриального мира.

Русскоязычному международному семинару посвящен доклад ученого секретаря семинара «Интеллектуальные системы» в Ашдоде **д-ра Электрона Добрускина (Ашдод)**. Семинару уже 10 лет, в его работе принимают участие 75 высококвалифицированных специалистов, среди которых академик АН РФ, 5 лауреатов Государственных премий бывшего СССР, России и Украины.

В качестве докладчиков на семинаре в Ашдоде выступают ученые Израиля, а также России, США, Канады, Австралии, Великобритании. Растет самосознание русскоязычных репатриантов, потребность сохранить язык страны исхода и ее культуру, приобщить ее к традиционным еврейским культурным ценностям, от которых репатрианты были оторваны. Начата работа над электронным журналом – семинаром. Он позволил бы участвовать в нем всем желающим независимо от места и даже страны проживания. Налаживаются связи с русскоязычными учеными в США, России, Украине.

Интерес у слушателей вызвал доклад *проф. Карла Штивельмана и Петра Маца (Кфар-Саба)* «Научный семинар Кфар-Сабы и его вклад в израильскую систему образования». Семинар функционирует с 1995 г. в рамках научно-педагогических организаций «Механех» и «Итарон». Несколько десятков постоянных его участников вместе с гостями (многие из которых – иногородние) обсуждают широкий спектр научных проблем, явлений общественной жизни и культуры. Израильские и зарубежные докладчики отмечали высокий интеллектуальный уровень аудитории, ее заинтересованность и восприимчивость к новым идеям. Цикл лекций Реомара Ровинского о процессах развития во Вселенной был прочитан также и в Ашдоде; сотрудничество профессоров Р.Ровинского и И.Фейгенберга послужило основой для их совместных публикаций. Доклад Владимира Коэн-Цедека и Натана Приталя привел к участию слушателей семинара в разрабатываемом этими замечательными преподавателями проекте «Иврит через мозг» (курс логического изучения иврита). Особенно значительна роль семинара в разработке концепции мотивированных (стремящихся к знаниям) детей, развиваемой доктором Борисом Штивельманом. Некоторые участники семинара участвуют и в реализации этой концепции – создании Лицея им. А.Эйнштейна (Бен-Шемен, 2003 г.). Такие учебные заведения дадут заинтересованным детям возможность получить хорошее образование, а нашей стране – настоящую интеллектуальную элиту.

Междисциплинарный иерусалимский семинар, руководимый *проф. Иосифом Фейгенбергом (Иерусалим)*, собрал представителей разных профессий и возрастов – от студентов, ученых до просто увлеченных людей. Многие вопросы, рассматриваемые на семинаре, связаны с теорией вероятностного прогнозирования. Эта теория была развита И.Фейгенбергом как продолжение «модели потребного будущего» (информационная модель будущего), предложенного известным психофизиологом Николаем Бернштейном. На основе этой теории и учета ошибочных представлений учащихся удалось построить новую учебную стратегию, резко повышающую заинтересованность и активность учащихся на уроках. Вероятностное прогнозирование успешно применяет д-р Лея-Валентина Лаврик в Иерусалимском колледже и тихоне Лияда.

Д-р Ариель Борщевский (Реховот) доложил об опыте преподавания истории русского еврейства в Израиле в Педагогическом колледже Ораним. Задачей проекта было расширить представления

израильтян (работников системы образования, культурных центров и муниципальных советов) о диаспоре и укрепить их связь с репатриантами. Изучалась история русского еврейства на примере еврейской общины Одессы. Учебный план включал 15 семинаров по 4 часа и поездку в Одессу. Имена знаменитых одесситов – Жаботинского, Бялика, Дизенгофа – неотделимы от истории еврейского государства. С другой стороны, в Израиле проживают много бывших одесситов, пламенных патриотов своего города. Кроме слушания лекций, читали и обсуждали произведения одесских писателей, встречались с выходцами из этого города, смотрели фильмы и телепередачи об Одессе. Во время поездки встречались с представителями различных еврейских организаций, с одесситами. Участники проекта значительно расширили свои представления о русском еврействе и смогли преодолеть многие стереотипы и предрассудки, связанные с восприятием нашей общины.

С особым вниманием слушали рассказ искусствоведа *Алеси Войскун (Тель-Авив)* о сионистском деятеле, ученом-ассирологе, меценате и коллекционере Якове Перемене, которого называли «человек-феномен». В 1919 г. он привез в Эрец-Исраэль библиотеку и уникальную коллекцию из двухсот двадцати картин «независимых» одесских художников-евреев. На базе коллекции он открыл первую в Тель-Авиве галерею современного искусства (1921). Перемен спас от уничтожения нацистами библиотеку по ассирологии, которую он купил в Германии и вывез в Эрец-Исраэль. Он составил ассирийско-ивритский словарь, а в 1954 г. передал 20 000 томов своих книг библиотеке университета в Тель-Авиве.

Евгения Иосифовна Гитис

Майя Басс (Филадельфия, США)

Е.И.Гитис

Родилась 11 марта 1924 года в Киеве в семье юриста и врача. Окончила 1-й Московский медицинский институт. Работала в Киевском научно-исследовательском институте гематологии и переливания крови. Защитила кандидатскую диссертацию, затем докторскую. В 1991 году эмигрировала в Америку.

В Америке Гитис поступила в Еврейский университет, после окончания которого через 4 года получила звание бакалавра. Но одной учебы этому энергичному человеку мало. В 1995 году Евгения Гитис входит в состав правления вновь созданной Ассоциации евреев – выходцев из бывшего СССР. Мэрилендская Ассоциация была создана по инициативе центральной Нью-йоркской Ассоциации.

На первых порах работа Ассоциации заключалась в социальной и моральной помощи вновь прибывшим. Необходимо было помочь и молодым, и старым войти в новую жизнь. Работы было много: ездили вместе с ними на приемы к врачам, переводили документы, помогали с жильем и т.д.

Во время президентства Клинтона (1992–2000) Конгресс подготовил законопроект, по которому люди, не сдавшие экзамен на гражданство в течение 5 лет жизни в Америке, лишались социальной помощи. Президент дважды отказывался подписать законопроект, но под давлением Конгресса все же подписал его. Перспектива остаться без какой-либо материальной поддержки ужаснула пожилых людей, не знавших английского языка. Для них экзамен на гражданство становился почти непреодолимой преградой. Начались переживания в ожидании тяжелых дней впереди. Многие пожилые люди заработали себе пенсию в СССР, но, уезжая, лишались ее. Было известно, что в США людям со статусом

беженцев оказывают социальную помощь. Это было правилом Америки. Но вот новый законопроект перечеркивает их надежды на материальную поддержку в старости.

Необходимо было проведение срочных защитных акций в поддержку иммигрантов. И Нью-йоркское правление Ассоциации решило провести общеамериканский «Марш на Вашингтон». В Мэриленде, благодаря работе правления Ассоциации, люди поняли необходимость массовых политических действий. Желая участвовать в Марше заполнили шесть автобусов. На митинге у здания Капитолия, которым Марш закончился, кроме членов Ассоциации, выступили также сенаторы и конгрессмены, поддержавшие требования иммигрантов.

Но на Марш могли прийти далеко не все. Поэтому Ассоциация организовала сбор петиций. В каждом штате люди писали своим представителям в правительстве. Только в Балтиморе было собрано более полутора тысяч петиций.

Марш и петиции произвели огромное впечатление. Сообщения об этом были опубликованы во всех газетах. Законопроект был изменен. Это была победа. Изменение закона правительством еще раз продемонстрировало демократический характер Соединенных Штатов.

В 1997 году Евгения Гитис стала президентом Мэрилендской Ассоциации. Функции организации расширились. Жизнь ставила перед иммигрантами новые задачи. Одной из главных стала помощь жертвам террора в Израиле.

Палестинцы вели интифаду против Израиля. 11 октября 2000 года палестинцы растерзали двух солдат армии Израиля – Йосефа Аврахами и Вадима Нуржица. Последний был репатриантом из бывшего СССР. Один из палачей позвонил жене Аврахами и сообщил, что он только что убил ее мужа.

В этот день палестинские газеты вышли с фотографией, на которой палестинец-убийца демонстрирует ликующей толпе свои окровавленные руки.

Уже 20 октября Мэрилендская Ассоциация евреев из бывшего СССР совместно с Балтиморской Ассоциацией ветеранов войны, редакцией журнала «Спектр», радио «Звезда Давида» провела митинг против терроризма, в защиту Израиля. К этому дню была выпущена листовка, которую расклеили повсюду:

ИЗРАИЛЬ В ОПАСНОСТИ!

«Мирный процесс» пришел к своему логическому завершению – к р о в о п р о л и т и ю.

Антисемиты во всем мире подняли головы.

**Каждый, кто понимает, чем всё это грозит,
ПРИХОДИТЕ НА МИТИНГ!**

На митинг были приглашены представители американской и русскоязычной прессы.

Резолюция этого митинга была послана всем конгрессменам. Многие посчитали необходимым тут же, на митинге, пожертвовать деньги на помощь семьям погибших.

Связавшись с Нью-Йорком, президент Мэрилендской Ассоциации евреев–выходцев из СССР Евгения Иосифовна Гитис выяснила адреса семей погибших. Семья Аврахами отказалась от материальной помощи, а беременная жена Вадима Нуржица в ней очень нуждалась. Ей и были посланы деньги.

– С тех пор, – рассказывает Евгения Гитис, – основным направлением деятельности нашей Ассоциации стала помощь израильтянам, пострадавшим в терактах. Кроме того, члены Ассоциации направляли пострадавшим письма. Письма тоже были лекарством для этих несчастных людей.

В этой статье я процитирую лишь отрывки из нескольких писем, пришедших из Израиля. «Здравствуйте, дорогие друзья! От Вашего внимания ко мне и моей семье на душе становится теплее, появляется желание жить, потому что есть на свете люди, готовые протянуть руку помощи таким, как мы. Огромное спасибо! Как Вы уже знаете, в апреле 2002 года в наш дом ворвались террористы. Моя жена была убита, младший сын Натан был ранен, а я чудом остался жив, став инвалидом в 50 лет пожизненно...» И заканчивается это письмо так: «Еще раз благодарю Вас за перевод, за теплые слова, за внимание, да хранит Вас Бог. Владимир Гринберг».

Когда у Ирины Нуржиц родился сын Давид-Вадим, он стал как бы «сыном полка», то есть сыном нашей Мэрилендской общины. Ирина присылала фотографии мальчика. Вот ему 4 месяца, вот ему год, вот уже два. Скоро Давиду-Вадиму исполнится три года.

«Здравствуйте, Евгения Иосифовна, – пишет Ирина Нуржиц в Америку, – Ваше письмо и чек я получила, большое спасибо. Еще огромная благодарность за поздравление и теплые слова»...

Ассоциация получает данные из Израиля и из Нью-Йорка о тех, кому нужна помощь в первую очередь, собирает для этих семей деньги и тут же вступает с ними в переписку, чтобы знать, что деньги пошли именно на помощь и лечение.

Гитис говорит: *«С октября 2000 года у нас установилась систематическая связь с Израилем – митинги, сбор денег, контакты с пострадавшими, письма к ним, письма от них. К сожалеению, необходимость в помощи идет по нарастающей, количество пострадавших растет. Мы стараемся тем, кому мы особенно нужны, помочь не один раз».*

Всем памятен взрыв в дискотеке города Хайфы, куда девочки и мальчики ходили танцевать. При взрыве погибло много еврейских детей. Мэрилендская Ассоциация помогала одной из пострадавших – Алене Шапортовой, которая пришла на дискотеку вместе с подружкой. Подружка погибла, а Алена осталась жива, но ее голова и шея были нашипованы осколками. Она перенесла несколько операций. Сейчас Алена передвигается в инвалидном кресле. Красивая девочка, но ни учиться, ни работать не может.

Сереза Звездин был единственным, кто смог выскочить из рейсового автобуса во время взрыва, но получил ранения осколками, металлическими гайками и шариками, начинявшими взрывное устройство. Он перенес несколько операций. Израильские хирурги – безусловно, кудесники, они поднимают даже безнадежных больных. Но тут они не решились трогать металлическую гайку, застрявшую возле самого зрительного нерва: одно неверное движение – и мальчик останется слепым или парализованным. Сделать эту операцию взялся американский профессор-отоларинголог доктор Бранован. И успешно ее провел. Наша община собрала деньги на пребывание Серезы и его матери в Нью-Йорке.

Саша Цвитман прошел армию, потом начал работать. Кроме того, он входил в организацию типа батальона «Алия», то есть был дружинником. Ему было разрешено иметь оружие. Однажды он вернулся с работы, сел ужинать, но вдруг услышал выстрелы, схватил оружие и выскочил из дома. Больше его живым не видели. У него остались родители и сестра. Евгении Гитис удалось найти телефон этой семьи, и она долго-долго разговаривала с Сашиней матерью. Мать говорила, что не хочет больше жить, а Женя убеждала ее, что надо жить в память о своем сыне-герое, писать о нем, рассказывать о нем людям. В нашем журнале «Спектр» была помещена большая статья о Саше Цвитмане. Этой семье тоже были посланы деньги.

«Третий год подряд, – рассказывает в журнале «Спектр» Жена Гитис, – в Балтиморе по инициативе Baltimore Zionist District отмечается Неделя памяти жертв терроризма в Израиле. Как и в предыдущие годы, Мэрилендская Ассоциация евреев из бывшего СССР активно участвует в проведении этой акции... Портреты погибших, флаги Израиля выставлены вдоль улиц города. Каждый год проводятся митинги. Один за другим к трибуне подходят люди и читают краткие биографии и обстоятельства гибели жертв терроризма, раввины читают поминальные молитвы...

Вот на трибуне молодой человек – Марк Зусман. Он специально приехал в Балтимор, чтобы рассказать нам о судьбе своей сестры Инны.

Ей нужно было сдать последнюю работу за семестр, и она хотела показать маме, где она учится. Они вместе зашли в университетский кафетерий. Взрыв раздался неожиданно. Взрывная волна подняла Инну вверх и бросила на пол. Семьдесят металлических осколков, смазанных крысиным ядом, что препятствует свертыванию крови, впились в ее тело. Перелом позвоночника, разрыв левого легкого, ранение в полости рта и живота, ожоги третьей степени всего тела – это не весь перечень травм, полученных ею. Ее сочли мертвой. Сосед по столику настоял, чтобы девушку без признаков жизни отвезли в больницу. Три бригады хирургов, сменяя друг друга, в течение шести часов оперировали ее, беспрерывно переливали кровь. Она выжила вопреки всем прогнозам. Парализованная ниже плечевого пояса, прикованная к инвалидному креслу, Инна все же будет продолжать учебу в том же университете, по той же выбранной ею специальности.

«Евгения Иосифовна, – пишет Жене Инна Зусман, – я очень тронута Вашим вниманием и заботой обо мне и моей семье. Это прекрасно знать, что у нас есть друзья и в Америке и что события, происходящие в Израиле, волнуют и затрагивают не только нас, но еще многих наших друзей за океаном... Большое спасибо за Ваше внимание и помощь, удачи Вашим внукам в израильской армии. С Новым еврейским годом! Инна Зусман».

Духовный контакт с Израилем поддерживается также приезжающими из Израиля. Балтимор посетили Михаил Нудельман, член кнессета Юрий Штерн, писательница Лея Алон, замкомандира батальона «Алия» Йорам Лихтиншайн.

С приезда Йорама Ассоциация поддерживает тесную связь с батальоном «Алия». Батальон состоит в основном из бывших граждан Советского Союза, и, так как это добровольцы, они нахо-

дятся на самообеспечении. Почему они не служат в израильской армии? Потому что они уже «старые», в израильскую армию призывают людей до 28 лет. Бойцы же батальона «Алия» – люди, прошедшие Афганистан, Чечню или отслужившие в российской армии. Они опытные бойцы и пришли в батальон по зову сердца. Сражаются бойцы так, что палестинцы опасаются нападать на те населенные пункты, которые охраняет батальон.

Йорам Лихтиншайн произвел на всех нас впечатление человека высокообразованного, редкой порядочности и мужества. Мы, пришедшие на встречу с ним, собрали для этого батальона за один вечер около тысячи долларов. И продолжаем посылать им деньги, правда, не такие большие.

Наш президент получила от командира батальона «Алия» Романа Ратнера благодарственное письмо: «Госпоже Жене Гитис! Командование батальона «Алия» выражает Вам лично благодарность за большой вклад в дело оказания помощи и моральную поддержку добровольческой деятельности батальона в Израиле. Ваша бескорыстная деятельность является частью борьбы нашего народа за святой Иерусалим и землю Израиля в войне против террора».

Как собираются деньги? Желающие помочь сами приносят или присылают чеки – добровольно, что самое ценное. Всё немедленно записывается и учитывается. Деньги направляются непосредственно пострадавшим, минуя все бюрократические кордоны. Кроме того, в День независимости Израиля члены общины также собирают деньги.

Материальная помощь – это та самая кровь, которая переливается от нас к Израилю.

Ассоциация собирает деньги, а кто дает их? Вы. Вы, люди, Вы, евреи, Вы, община. Действенная помощь Израилю, которую осуществляет Ассоциация под руководством Евгении Гитис, – это наш общий ответ палестинским террористам.

Мир всегда уважает силу. Это истина. Слабый Израиль даже евреев Америки может сделать людьми неуважаемыми, и даже презираемыми. Израиль должен быть сильным.

А теперь о нашей Ассоциации. Это общественная организация. Ни президент Женя Гитис, ни ее бескорыстные помощники Яков Гендин, Мина Борухова, Лена Мирская, Рита Ривина никаких денег не получают. Они – волонтеры. Единственное признание их работы – это благодарные письма из Израиля за помощь и сопереживание. У Жени таких писем очень много.

Мы с Женей и Петей единомышленники, поэтому мне приятно заходить в эту гостеприимную квартиру. Петя Гохват – это муж Жени, ее опора, друг, всегда помощник, с которым легко пойти и на край света.

Пока я у них, Жене кто-то звонит и она кому-то звонит несколько раз. И еще надо договориться о чем-то с пришедшим по делу. Наконец Женя после еще одного звонка присоединяется к нам, рассказывая что-то забавное, и мы все вместе улетаем чудесные олады.

Мне надо бежать. Я отдаю очередные деньги для Израиля и интересуюсь, что она успела сделать за это время. Оказывается, между шутками и улыбками она «провернула» массу дел – договорилась с Американско-еврейской ассоциацией о проведении совместной акции, выяснила в Нью-Йорке адреса других пострадавших, договорилась с рестораном о проведении очередного мероприятия нашей общины.

В день своего восьмидесятилетнего юбилея Евгения Гитис получила поздравления от мэра города Балтимора Мартина О'Мэлли, президента городского Совета Шейлы Диксон, от Американской Ассоциации евреев из бывшего СССР, от директората своей Ассоциации и от многих друзей, родных, знакомых.

Но особым событием в этот торжественный день было поздравление Евгении Гитис от Президента Соединенных Штатов и его супруги:

«Наши поздравления и наилучшие пожелания по случаю празднования дня рождения. Пусть этот Ваш день будет наполнен счастливыми воспоминаниями, яркими надеждами и любовью семьи и друзей. Искренне – Джордж Буш, Лора Буш».

Все эти поздравления выражают как уважение и любовь людей к Евгении Иосифовне Гитис, так и оценку работы руководимой ею Ассоциации.

Вашингтонский музей русской поэзии и его хранитель

Ирина Панченко (Филадельфия, США)

Композитор и исполнитель – Юлий Зыслин – нашёл свой путь укрепления союза музыки со словом. Много лет выполняя благородную миссию просветителя (которому внимает огромная аудитория), он приближает к сердцу каждого великую русскую поэзию.

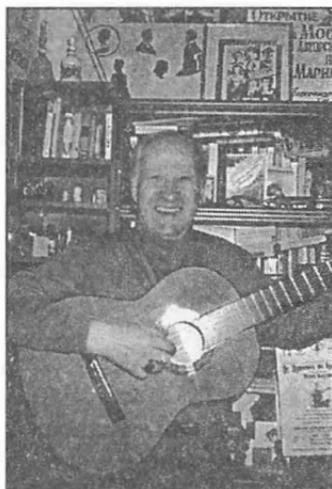
Владимир Зак, доктор искусствоведения, Нью-Йорк

В США много больших, как дворцы, музеев. С анфиладами залов, уходящими вдаль. С бесчисленными экспонатами и табличками в стеклянных витринах. С пожилыми зрителями, следящими за посетителями внимательным взглядом. В таких музеях преисполняешься чувством почтения, но душевные струны часто остаются не затронутыми.

Домашние музеи обладают рядом несомненных преимуществ. Они невелики, уютно обжиты, на их многолетних собраниях лежит печать оригинальной личности коллекционера, им присуща своя собственная, неповторимая аура.

Именно такой необычный частный музей есть в северном пригороде Вашингтона.

Он посвящён русской поэзии, и прежде всего пяти корифеям Серебряного века: Марине Цветаевой, Анне Ахматовой, Николаю Гумилёву, Осипу Мандельштаму и Борису Пастернаку. В этом небольшом по площади музее в открытых стеллажах тщательно и с любовью собрано и систематизировано всё, что может расширить границы знаний о великих поэтах: рукописи, статьи, книги, мемуары, картины, рисунки, ноты, материалы научных конференций,

Юлий Зыслин

альбомы, плакаты, фотографии, аудио- и видеокассеты, юбилейные буклеты и конверты, медали, значки...

Здесь спрессованы время, память, благоговение.

Этот музей создан по замыслу и по инициативе Юлия Михайловича Зыслина, эмигрировавшего в 1996 г. – вслед за детьми и внуками – из России в США вместе с женой и престарелой матерью. На родине его, кандидата технических наук, изобретателя (18 изобретений), ведущего инженера Московского электролампового завода знали как человека широких гуманитарных интересов: поэта, композитора, барда, исполнителя авторских песен, спортсмена, туриста и путешественника, не расстававшегося с гитарой. Прекрасный организатор, легко сходящийся с людьми, Юлий был основателем и руководителем заводского музыкально-поэтического клуба «Свеча».

В конце 70-х годов прошлого века коллекционирование книг превратилось у Юлия в страстное увлечение. Открыв для себя ещё в эпоху «оттепели» изысканную, элитарную и трагическую культуру Серебряного века, Юлий навсегда стал её ревностным поклонником. Он хотел знать малейшие подробности горьких судеб поэтов той поры – их родословные, окружение, литературный быт, среду, семейные отношения... Желание Юлия разделить мироощущение своих кумиров, их духовные взлёты, их прозрения и заблуждения было сродни актёрскому проникновению в образ. Наделённый от природы художественной натурой, Юлий ощущал поэтов как людей очень близких, перед которыми испытывал вину. Поэтому-то первый из трёх своих поэтических сборников он назвал «Долги» (М.: Мир, 1992), как бы подчёркивая моральную ответственность соотечественников за изломанные и погубленные жизни художников и призыв к покаянию: *«Не худо бы покаяться // распластанной стране. // Довольно дурью маяться // в привычном полусне...»* Гражданская тема не покинула автора и в Америке, хотя он прежде всего лирик. В третьем сборнике стихов «Блики» (Вашингтон, 2000) обращает на себя внимание строка: *«...Стучатся робко в душу к нам погибших стоны»*. Отсюда и наличие в его музее раздела: «Художник и власть» (или «Интеллигенция и КГБ»).

Преклоняясь перед корифеями Серебряного века, Юлий Зыслин посвящал им стихи, сочинял музыку на свои стихотворные строки, принимал участие в юбилейных конференциях, организовал в 1994 г. в Москве Первый фестиваль авторской песни на стихи Марины Цветаевой, к участию в котором привлёк 35 авторов-исполнителей, в числе которых был и сам (подобный фестиваль он

провёл в 2003 году и в Америке). Он стал первым в Советском Союзе (и, похоже, пока единственным) автором и исполнителем гитарных песен на стихи Анастасии Цветаевой.

Юлий всегда стремился увидеть памятные места, связанные с жизнью любимых поэтов. В 1991 г. он побывал на Международных Волошинских чтениях в Коктебеле и на Цветаевских чтениях в Александрове. В дни памяти Марины Цветаевой (в тот год 31 августа исполнилось 50 лет со дня её гибели) Юлий отправился в Прикамье и добрался до «печальной Елабуги» (так называется одно из его стихотворений). А в октябре того же года – он уже в Тарусе, где вместе с поклонниками творчества Цветаевой отмечал очередной день рождения поэтессы на «Маринином лугу» и пел песни на её стихи около осеннего костра... Юлий привёз в Вашингтон три угля с того первого костра. В том же, насыщенном впечатлениями 1991 г. Юлий дважды побывал в С.-Петербурге. Там он посетил вечер памяти Марины Цветаевой в Доме искусств, познакомился с Анной Каминской, внучкой известного искусствоведа и знатока истории культуры Николая Пунина, одного из мужей Анны Ахматовой. Аня Каминская сопровождала Ахматову в её знаменитых триумфальных поездках в 1964 и 1965 гг. в Италию и Англию для получения престижных званий и знаков отличия. В комнате Ахматовой в «Фонтанном доме» Юлий пел стихи Ахматовой под гитару для русских французов из Парижа, которых тогда сопровождала Каминская. Во время второго приезда Юлия в Петербург она представила его известному царскосельскому ахматоведу Сергею Умникову, хранившему свою коллекцию в однокомнатной квартире. Умников завещал эту коллекцию бывшей гимназии, в которой, живя в Царском Селе, училась Ахматова. В гимназии теперь школа искусств и музей Анны Ахматовой.

Тогда же Юлий Зыслин побывал в Комарово на могиле Ахматовой, на Чёрной речке, на месте дуэли Пушкина, и в Петербургском муниципальном музее «Анна Ахматова. Серебряный век». Здесь он познакомился с создательницей и директором этого музея Валентиной Биличенко, ныне Заслуженным работником культуры России. В Вашингтонском музее хранится видеофильм, в котором подробно заснят зал за залом, интерьер этого великолепного музея. Биличенко же прислала в дар Зыслину уникальный альбом *«Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко. Воспоминания. Письма. Стихи»*, составленный и оформленный с её участием и изданный по её инициативе в 2001 г. Материалы альбома дают возможность представить, что притягивало Ахматову в своё время

к оригинальной личности учёного и поэта, знатока многих древних языков, расшифровщика клинописных текстов, переводчика и составителя тома «Ассирио-вавилонский эпос» (Всемирная литература, 1920).

Всюду, где бывал Юлий, он не только выступал с концертами и заводил новых друзей, но и приобретал книги. В Тарусе он купил «Лебединый стан» Цветаевой, изготовленный Самиздатом. В «Фонтанном доме» – репринтное воспроизведение сборника О.Мандельштама «Шум времени» (Л.: Время, 1925), а также репринт ежемесячного журнала акмеистов «Гиперборей» (№1, октябрь 1912), оригинал которого – всего их вышло десять номеров – находится в собрании этого Музея. На книжном развале в Петербурге он купил книгу «Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой», которая была издана под редакцией известного литературоведа Ирмы Кудровой. Привезенное им собрание из четырёхсот книг стало основой фонда Вашингтонского музея поэзии. С самой же Ирмой Викторовной Кудровой Юлий познакомился в Москве на очередных ежегодных Цветаевских чтениях в Доме-музее Марины Цветаевой. С тех пор они состоят в переписке. Шесть книг Кудровой, посвящённые исследованию жизни и творчества Цветаевой, включая последние труды «Путь комет» и «Просторы Марины Цветаевой», представлены в Вашингтонском музее поэзии. И.В.Кудрова прислала в подарок музею оригиналы двух открыток – от Ариадны Эфрон, дочери Марины Цветаевой, и от Анастасии Ивановны Цветаевой, сестры Марины.

Идея организации в США частного литературного музея возникла у Юлия Зыслина под влиянием знакомства с домашними музеями и собраниями в России. Самым ярким примером (наряду с собранием С.Умникова) был единственный в своём роде домашний музей «Всё об Анне Ахматовой» Марка и Ирины Баженовых. Их собрание, расположенное в московской малогабаритной двухкомнатной квартире, содержит более 13 тысяч «единиц хранения». Баженовы достигли таких вершин в ахматоведении, что в 80–90-е гг. прошлого века почти ни одно серьёзное издание, посвящённое Ахматовой, не обходилось без их участия.

Перед отъездом в США Юлий побывал в музее Баженовых, которые щедро его одарили: он унёс с собой 12 книг и журналов по ахматовской тематике, да ещё с дарственными надписями.

В Вашингтоне осуществить окончательно созревший замысел Юлию Зыслину активно помогла вся его большая семья, особенно

жена Светлана, сын Михаил и старший внук Илья. Очень помогли друзья и знакомые из России, Германии, США, Израиля и Канады. Юлий помнит всех и благодарен каждому.

В 1997 г. музей русской поэзии в Америке стал реальностью. Поначалу он назывался музеем пяти поэтов Серебряного века – Цветаевой, Ахматовой, Гумилёва, Мандельштама, Пастернака.

Чтобы сделать музей более интересным, Юлий не жалеет ни сил, ни денег. На более чем скромные средства пенсионера он совершает просветительские и рекламные поездки с лекциями-концертами, не скупится на покупки всё новых книг, на местные и международные телефонные звонки, ведёт обширную переписку, особенно по интернету (кстати, веб-сайт музея www.museum.zislin.com читают во многих странах мира).

Солидарность и взаимопомощь среди коллекционеров, исследователей, почитателей культуры Серебряного века просто удивительны.

Внучка Анастасии Цветаевой, Ольга Трухачёва, которая ещё в Москве одобрила идею создания музея, подарила Юлию 10 реликвий, 10 личных вещей своей бабушки: очки в стареньком деревянном футляре, маленькую дорожную полиграфическую иконку для поездок, термометр, а также страничку рукописи романа «Атог», густо и мелко исписанную рукой Анастасии Ивановны чернильным карандашом в ту пору, когда в сталинское время она была в дальневосточном лагере и спасала душу тайным сочинительством. Эта и другие странички рукописи по одной передавались на волю. Роман «Атог» вчерне был, наверное, завершён в первые дни войны в 1941 г., а изданная на основе той рукописи в московском издательстве «Современник» книга увидела свет лишь полвека спустя, в 1991 г. Эта книга также есть в Музее. Повесть Анастасии Цветаевой «Моя Сибирь» прислала Юлию с дарственной надписью старшая внучка автора Маргарита Мещерская-Трухачёва. Рядом с материалами о сёстрах Цветаевых Юлий хранит и свою переписку с Ольгой Трухачёвой.

Литературный секретарь Анастасии Цветаевой, поэт и философ Станислав Айдинян (с ним Юлий познакомился на Цветаевских чтениях в одной из московских библиотек) подарил Юлию ручку, которой Цветаева ставила автографы на книгах и фотографиях, а также страничку рецензии на книгу стихов Рюрика Ивнева. Москвичи Глеб Казимирович Васильев и его жена Галина Яковлевна Никитина (Анастасия Цветаева ласково звала их «Глебы»), которые не один год дружили с писательницей, подарили Юлию семь

больших, собственноручно изготовленных, снабжённых своими комментариями томов копий автографов А.Цветаевой на книгах и фотографиях. Общий тираж каждого тома – пять экземпляров. Каждый такой сборник – библиографическая редкость. Профессор Ирина Гинзбург, живущая в Германии, прислала фотографии цветаевских мест в Париже и его пригородах. Москвичка Галина Трифонова по просьбе Юлия сделала и прислала в Вашингтон фотографию памятника Ахматовой в Москве на ул. Большая Ордынка, 17, во дворе дома супругов В.Е.Ардова и подруги Ахматовой Н.А.Ольшевской, в квартире которых неоднократно останавливалась Анна Андреевна. В памятнике воплощён один из известных рисунков Модильяни, обессмертивший молодую Ахматову. Трифонова подарила музею и пушкинскую медаль 1899 г.

Среди раритетов музея нельзя не обратить внимание на небольшую книжечку: *Анна Ахматова. Избранное. Стихи* (М.: Советский писатель, 1943). Отпечатана книга в период эвакуации Ахматовой в Ташкенте в типографии №2. Этот дар музею был сделан литературным критиком Элеонорой Красковской.

Художница и музыкант Эмма Сальникова узнала о Вашингтонском музее поэзии из интернета еще в Москве, и, когда эмигрировала в США, принесла для Музея книги, альбомы, рисунки.

Уже упомянутые «Глебы» прислали в Вашингтонский музей еще и ксерокопию рукописного альбома стихотворений Коли Гумилёва, подаренного юным поэтом в 1901 году Маше Маркс, «предмету» безответной любви 17-летнего гимназиста. Этот альбом Мария Михайловна Маркс сохранила – и теперь можно судить, с чего начиналось творчество будущего вождя акмеизма:

Я в лес бежал из городов
В пустыню от людей бежал
Теперь молиться я готов
Рыдать, как прежде не рыдал.

Почти детективная история поиска этого тифлисского альбома и передачи его оригинала в архив Пушкинского дома описана «Глебами» в №184 журнала «Грани». Журнал, конечно, также представлен в собрании Зыслина.

В музее Юлия хранятся тоненькие пожелтевшие книжечки величиной с ладонь в мягких переплётках. Эти уникальные томики из собрания сочинений Гумилёва изданы в лагере для перемещённых лиц в Регенсбурге в 1947 г. Лагерь находился в американской зоне оккупации Германии. Издаваемая там русская литература не учтена ни в одной из опубликованных в России библиографий послевоен-

ных периодов¹. Эти книги (вместе с рядом других) – дар Вашингтонскому музею поэзии от филладельфийского поэта и коллекционера Михаила Юппа.

Первоначальное собрание музея стараниями Юлия Михайловича Зыслина продолжает расти год от года и увеличилось в несколько раз. Понадобилось бы множество страниц, чтобы описать все его музейные материалы. Мы остановились лишь на некоторых из них.

В 1998 г. цветаевед В.Босенко на фестивале в Болонье во время просмотра забытого немого французского фильма 1927 г. «Мадонна спальных вагонов» увидел эпизод, в котором снялся муж Марины Цветаевой, молодой Сергей Эфрон. Всего 12 секунд экранной жизни в роли смертника, когда Сергей, не ведая того, по существу, сыграл свою будущую судьбу. Узнав о существовании фрагмента, Юлий Зыслин загорелся желанием иметь его в своей видеотеке и, конечно, добился этого.

Во время эмиграции Марина Цветаева дружила в Чехии с семьёй известного до революции 1917 г. в России писателя Евгения Чирикова, особенно с его дочерьми. Одна из них – художница Людмила Чирикова-Шнитникова – оформила берлинское издание поэмы Цветаевой «Царь-Девница». На литературных вечерах, проходивших в доме Чирикова, Марина читала свои стихи. Юлий Зыслин собрал новые материалы об этой малоизвестной странице биографии Цветаевой, разыскав в России и США внуков Чирикова. Внучка Чирикова Наталья Георгиевна Фёдорова приезжала в музей Зыслина из штата Нью-Йорк, дала Юлию интервью, прислала неизвестные семейные фотографии, на одной из которых в группе детей русских эмигрантов в Чехии заснята подросток Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой.

Всего в США Юлий нашел более 20 человек, так или иначе связанных с эпохой русского Серебряного века. Обо всём новом, интересном, что удаётся узнать, что можно спасти от забвения, Юлий делает телепередачи, пишет статьи. За годы жизни в Штатах у Зыслина появилось более 90 публикаций в печати в рубрике «Из архива Вашингтонского музея поэзии» и 10 программ на русском телевидении Америки.

Юлий лёгок на подъём. Подобно тому как, живя в России, он в 1994 г. возил свои песни на стихи поэтов Серебряного века в Израиль,

---

¹ Библиографию этой литературы см.: *Эммануил Штейн. Русская печать лагерей «ДИ-ПИ»*. Antiquary, 1993 (*Примеч. ред.*).

а в 1996 г. – в Париж, так и в США он, конечно, с гитарой, летал в далёкий штат Айова по приглашению профессора Университета этого штата Веры Агинской. Вообще он выступил в Америке более 300 раз в нескольких больших и малых городах, включая Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, Питтсбург, Балтимор, Сан-Франциско.

Создатель музея давно уже не ограничивается материалами о пяти поэтах. Он старается как можно шире представить культуру Серебряного века. В его собрании есть сборники стихов и прозы Анненского, Бальмонта, Блока, Брюсова, Кузмина, Волошина, Хлебникова, Зенкевича, Гиппиус, Г.Иванова, Одоевцевой, Ходасевича, Парнок, Ф.Сологуба, Черубины де Габриак, Гуро, Крандиевской-Толстой, Пяста, Эллиса; философские труды Вл.Соловьёва, Розанова, Бердяева, Франка, Лосского, Шестова, Шпета; художественные альбомы Врубеля, Борисова-Мусатова, Кончаловского, Кандинского, Билибина, Лентулова, Д.Бурлюка.

Кроме поэтов-новаторов Серебряного века, Юлий Зыслин собрал для музея книги и другие материалы их предтеч: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Баратынского, Вяземского, Батюшкова... Есть у него и полка наследников Серебряного века, где стоят книги Заболоцкого, Тарковского, Левитанского, Самойлова, Бродского...

Почётное место занимают монументальные антологии, библиографии, справочники, энциклопедии, книги по литературоведению, мемуары, которые содержат сведения о представителях литературы разных поколений.

Поистине, Юлий создал в Америке домашний музей уже не пяти поэтов, а русской поэзии двух веков! (Сюда входят и русские поэты Америки.)

И всё это можно взять в руки, полистать, посмотреть. Послушать в записи голоса поэтов, в том числе Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, Гумилёва. Можно увидеть видеофильмы о российских домашних музеях, документальные ленты о корифеях русской поэзии; интервью с людьми, которые встречались с ними. Со всеми материалами – по предварительной договорённости – в музее есть возможность поработать, что я и сделала.

Особое внимание уделено работам западных учёных о русской поэзии на английском и французском языках. Кроме сборников материалов научных славистских конференций, отдельных статей, здесь стоят книги-исследования: англичанки *Аманды Хейт*. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма (издана в Оксфорде в 1976, напечатана в Москве на русском

в 1991); профессора Стенфордского университета *Лазаря Флейшмана*. Борис Пастернак в двадцатые годы (издана в Мюнхене, год издания не указан, дата под предисловием – декабрь 1979. Книга с автографом автора, подарившего этот экземпляр Вашингтонскому музею); американки *Джейн Таубман*. Живя стихами... Лирический дневник Марины Цветаевой (вышла на английском в 1989, на русском – в 2000); *А.Ханзен-Лёве*. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм (перев. с нем. С.-Петербург, 1989); *Дианы Левис Бургин*. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо (в переводе с английского на русский вышла в С.-Петербурге в 1999), а также подаренные музею работы профессоров Сорбонны В.Лосской и Н.Струве.

Позаботился Юлий Зыслин и о том, чтобы в его музее были переводы стихов Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Есенина, главным образом, на европейские языки, но не только. Недавно появилась папка «Русская поэзия в переводе на идиш и иврит». (Кстати, одна из программ Зыслина называется «Евреи – русские поэты».) К переводам Юлий привлек эмигрантов третьей волны: Веру Агинскую, Бориса Веккера, Ирину Смоляр, Илью Шамбата, Константина Яковлева. В России музею помогают осуществлять переводы его давний друг Владимир Кабаков.

Ещё одна особенность Вашингтонского музея русской поэзии отличает его от многих других: он обладает не только литературными, но и музыкальными экспонатами. В нем хранятся ноты и записи вокальных сочинений на стихи поэтов Золотого XIX и Серебряного (конца XIX – начала XX) веков русской поэзии, музыковедческая литература о русских композиторах этих времен. Исследователь истории семьи Б.Пастернака Эрнст Зальцберг из Торонто (Канада) подарил музею, в числе многих других, свою статью «Борис Пастернак – композитор и поэт», которая была опубликована на русском и английском языках. Эта статья – превосходный комментарий к нотам сонаты и двух прелюдий, сочинённых Пастернаком, которые есть в музее Зыслина в видео- и аудиозаписях.

В музыкальном разделе можно найти также романсы и баллады хранителя музея на стихи поэтов, представленных в экспозиции. Юлий проникновенно поёт, например, «Сиреневую ветвь», «Мело, мело по всей земле...» *Пастернака*; «Волшебную скрипку» и «Жирафа» *Гумилёва*, «Скудный луч холодной мерою...» *Мандельштама*, «Бывает ли любовь на земле?» *Ахматовой*, «Волк» *Цветаевой* и многое-многое другое. Всего Юлий подготовил двадцать пять

поэтических программ под общим названием «Я пою стихи пятидесяти русских поэтов» (или «Русская поэзия в песнях и романсах»). Некоторые из произведений своего репертуара – в зависимости от темы встречи – Юлий исполняет в начале и в конце экскурсии по музею. «Я – поющий экскурсовод», – шутит хранитель музея. Так что не зря, наверное, свой музей Юлий стал называть литературно-музыкальным. Некоторые слушатели Юлия находят, что его исполнительская манера близка манере Булата Окуджавы и в то же время сохраняет свое своеобразие.

С большим вкусом выполнено оформление экспозиций музея. Одно из центральных мест занимает большой графический портрет Цветаевой, выполненный другом Юлия, художником Павлом Юдиным. Портрет очень выразителен. Его устанавливали на московских сценах во время концертов на Первом Цветаевском фестивале в Москве. Афиши того фестиваля также хранятся в музее. Выставлен в музее и тщательно сделанный макет последнего земного пристанища Марины Цветаевой – избы, в которой она недолго снимала комнату в Елабуге, изготовленный американским школьником Сергеем Соколовым.

Интересна история портрета Бориса Пастернака работы художника Руслана Крупышева. Зная, что издатель Борис Мансуров страстно увлечён Борисом Пастернаком и его окружением, Крупышев подарил свое произведение супругам Мансуровым в день их серебряной свадьбы. Уважение к Вашингтонскому музею и его хранителю подвигло москвича Мансурова передать портрет в музей.

Особой гордостью Зыслина является оригинальный портрет Ахматовой, который подарил музею художник Моисей Лянглебен (Чикаго), встречавшийся с Анной Андреевной и рисовавший её с натуры в последние годы её жизни. Недавно в музее появился очень выразительный портрет Марины Цветаевой работы Рената Фридмана (Петербург).

В музее можно увидеть большую фотографию, на которой запечатлен первый в России памятник Осипу Мандельштаму работы талантливого скульптора Валерия Ненаживина, установленный во Владивостоке.

Ещё одна черта восхищает в Юлии Зыслине. Он не только талантливый популяризатор гуманитарных знаний (в его музее побывали гости из 17 штатов США и 12 зарубежных стран, включая Россию, Израиль, Англию, Индию и Китай), но и отличный организатор. Юлий привёз из Тарусы традицию проведения осенних кост-

ров в честь дня рождения Марины Цветаевой. В первое воскресенье октября «силами музея» (т.е. в первую очередь Юлия Зыслина) в Роквилльском парке на поляне около Meadows Lane Nature Center проходит встреча любителей русской поэзии, русской культуры. Этот ритуал – перекличка с тарусскими единомышленниками, которые в тот же день собираются около своего Цветаевского костра, когда-то впервые предложенного инженером, фотомастером и цветаеведом Александром Ханаковым. Вашингтонский традиционный Цветаевский костёр состоялся уже девять раз, и неизменным его ведущим был Юлий Зыслин, который предоставляет возможность каждому участнику выступить с чтением любимых стихотворений Серебряного века, с дорогими ему воспоминаниями о «вхождении» в эту поэзию, со своими исследовательскими наблюдениями над поэтикой произведений корифеев. Такого рода небольшие сообщения готовятся специально по заранее объявленной теме, но импровизации также приветствуются. Поэты читают и собственные стихи.

Узнав о деятельности Юлия Михайловича Зыслина, многие подумают, что столько успевать, так напряжённо жить, столько читать, выступать, петь, писать, со столькими людьми быть связанным (а ведь Юлий ещё и прекрасный семьянин), просто невозможно, немисливо, невероятно. А вот поверьте, самому неугомонному Юлию (о нём говорят: «Горит!») всё еще мало достигнутого. В 2002 г. по его предложению прошёл Всемирный Цветаевский костёр (в 35 городах 14 стран одновременно).

Совсем недавно при поддержке русской и американской общественности Юлий сумел организовать в Вашингтоне закладку Аллеи русских поэтов, по двум сторонам которой теперь зеленеют и тянутся к солнцу деревья в память десяти русских поэтов – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Блока, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва. Это живые символы добра, красоты, братства, это символы привитых благородных черенков русской культуры к древу культуры американской.

Письмо из архива М.С.Цетлиной

Публикация М.Пархомовского (Бейт-Шемеш, Израиль)

Несколько раз мне приходилось работать с архивом М.С.Цетлиной, и каждый раз я поражался ее бурной энергии и самоотверженной деятельности для блага русской эмиграции. Мария Самойловна помогала многим писателям. Но особое внимание она уделяла И.А.Бунину. Когда Бунин в 1920 г. эмигрировал из Одессы и оказался в Константинополе в отчаянном положении, он неожиданно получил от Цетлиных телеграфом въездную визу во Францию и денежную помощь. Неоценимой стала помощь, которую организовывала Мария Самойловна Бунину с его домочадцами в первые годы после Второй мировой войны.

В числе ее благородных дел была подписка на рассказ И.А.Бунина «Речной трактир», который издавался отдельной книжкой к 75-летию Ивана Алексеевича. Так почитатели писателя хотели отметить его юбилей. Со всех концов света на имя М.С.Цетлиной приходили чеки с сопроводительными письмами. Десятки этих писем хранятся в 54-й папке архива Цетлиных в Национальной библиотеке Иерусалима (arc ms vor 401/54). Назову авторов нескольких писем: издатели и редакторы «Нового русского слова» Виктор Исаакович Шимкин и Марк Ефимович Вейнбаум; Исаак Раев – отец выдающегося историка русского зарубежья Марка Раева, автора фундаментальной монографии «Россия за рубежом»; доктор С.Чернов, Максим Каролик.

Ниже публикуется письмо последнего. Максим Каролик – один из героев настоящей книги (см. о нем статью И.Богуславского). Письмо без даты, но восстановить год, когда оно было написано, не составляет труда: подписка на рассказ Бунина проходила в конце 1945 г. Письмо, написанное по старому стилю, публикуется в соответствии с новой орфографией с минимальными правками.

Из письма видно, что его автор был хорошо знаком с семьей Цетлиных и близко к сердцу принимал жизнь соотечественников-иммигрантов.

ARC 085 Dec 4 1954

NEWPORT
RHODE ISLAND

Многоуважаемая
Госпожа Цетлиной!

~ С удовольствием посылаю Вам свой чек на \$15.00
— как подписчик на новый
рассказ И. А. Бунина — «Речной
Трактор»! — Желаю Вам пол-
ного успеха.

~ Как ~~сейчас~~ сейчас здоровье Г-на
Цетлина? ~ Был в Нью-Йорке,
всего несколько дней. Звонил
Вам несколько раз, но не
мог застать Вас дома.

~ В Январе надеюсь Вас
видеть. Как всегда, с
Уважением, М. Г. Каролик.

Письмо М. Г. Каролика М. С. Цетлиной

Многоуважаемая Госпожа Цетлин!

С удовольствием посылаю Вам свой чек на \$15.00 — как подписчик на новый рассказ И. А. Бунина — «Речной Трактор». Желаю Вам полного успеха.

Как сейчас здоровье Г-на Цетлина?

Был в New York'е всего несколько дней. Звонил Вам несколько раз, но не мог застать Вас дома.

В Январе надеюсь Вас видеть.

Как всегда, с уважением, М. Г. Каролик.

Рецензия. *Иосиф Богуславский. Американский успех. Люди и символы. М.: Альтина Бизнес Букс, 2004. 251 с.*

В этом году отмечается сто лет со дня рождения американско-русской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум, 1905–1982), ярой защитницы капитализма, свободного рынка, частной инициативы. Ее наиболее известный роман «Атлас расправляет плечи» (1957) стал самой популярной (после Библии) книгой в Америке, а писательница еще при жизни – культовой фигурой. Мы намерены опубликовать статью о ней в одном из будущих «американских» томов.

Хотя рецензируемая книга не претендует на шумный успех и популярность произведений А.Рэнд, И.Богуславский пишет, по существу, о том же – о созидательной силе свободного предпринимательства, о людях, которые не только сделали громадные состояния, но чья деятельность в значительной мере повлияла на экономическое развитие США и превращение страны в мировую державу.

Книга состоит из двух частей: I. Знаменитые бизнесмены; II. Символы Америки. Среди героев первой части – представители нескольких поколений семейства Астор, Генриетта Грин, Джеймс Фиск, Фрэнк Вулворт, братья Ринглинг, Уильям Херст, братья Келлог, Елена Рубинштейн, Дэвид Сарнов, Уильям Левитт, семейство Хелмсли, Иосиф Хиршхорн. Очерк о каждом из них – увлекательная история о том, чего можно достичь в свободной стране с помощью энергии, веры в собственные силы и частной инициативы. В каждой истории немало приключений, неожиданностей, случайностей (которые в сумме выстраиваются в определенную закономерность), взлетов и падений. При всех различиях описываемых судеб, героев книги роднит всепобеждающий американский оптимизм и вера в возможность достижения мечты. Конечно, действительная картина западного капиталистического общества гораздо сложнее той, которая нарисована в книге, но автор и не ставил задачей создание углубленных социально-политических портретов своих героев. Его цель – показать в увлекательной форме пути воплощения главной американской мечты: достижения и приумножения богатства. Писатель ненавязчиво утверждает мысль, что и сама эта мечта, и ее реальное воплощение являются морально оправданными и идут на благо не только отдельным индивидуумам, но и обществу в целом.

Одна из наиболее увлекательных новелл – «Урановый король Иосиф Хиршхорн, или Искусство собирать искусство». Герой –

выходец из бедной многодетной еврейской семьи, эмигрировавшей из России в США, не получил почти никакого образования, перепробовал в юности множество «непрестижных» профессий и в конце концов стал успешным биржевым брокером и финансистом. Он был тем смельчаком, который вложил изрядные средства в считавшиеся бесперспективными урановые разработки в Канаде и вывел эту отрасль канадской и американской экономики на одно из первых мест в мире. Помимо финансов, его страстью было коллекционирование произведений искусства. Главным достижением Хиршхорна в этой области была коллекция скульптур XIX и XX веков (Домье, Дега, Ренуар, Роден, Генри Мур) стоимостью свыше 50 млн долларов. В 1966 г. финансист подарил ее государству, поставив одним из условий передачи свободный вход посетителей. Это уникальное собрание скульптур размещено в специально построенном в Вашингтоне музее имени Хиршхорна, расположенном напротив здания Капитолия (подробную статью И.Богуславского об И.Хиршхорне см. в кн.: ЕКРЗ. Т.5/10/. Иерусалим, 2003. С.239–256).

Вторая часть книги посвящена американским торговым символам (trade-marks) – своеобразным «визитным карточкам» многих товаров и услуг. Это – краткий путеводитель по миру торговых знаков, зарегистрированное число которых уже давно перевалило за миллион.

Сам автор пишет об этом так: *«Если вы человек любознательный, вам будет, наверное, интересно получить ответы на такие “почему”:* Почему автомобиль “Кадиллак” имеет столь “неамериканское” название? Почему всемирно известные сигареты “Camel” – “Верблюды” названы именно так и почему на коробке с ними изображено это экзотическое для Америки животное? Почему с пачки чая “Lipton” нам улыбается усатый джентльмен в фуражке старинного образца, являющийся баронетом Англии? Почему бритвенные лезвия называются “Gillette”?» По прочтении книги читатель получает ответы не только на эти, но и на многие другие, порой самые неожиданные вопросы, связанные с американскими торговыми марками, которые давно уже стали составной частью американской массовой культуры.

Книга, не претендуя на полноту изложения материала, содержит много новой или малоизвестной русскоязычному читателю информации. Написанная живо и увлекательно, она вызовет несомненный интерес у широкой читательской аудитории.

Э.Зальцберг (Торонто)

Об авторах и редакторах книги

Валерий Базаров родился в Одессе в 1942 г. Эмигрировал в США в 1988. Закончил Одесский ун-т (1969) и Городской ун-т Нью-Йорка (1994).

С 1988 г. работает в ХИАСе (Еврейское общ-во помощи иммигрантам), где до 2000 г. был зам. начальника отдела встреч. За это время в США прибыло более четверти миллиона еврейских беженцев. В настоящее время руководит Отделом поиска и истории семей в ХИАСе. Задача отдела – помочь иммигрантам разных поколений найти родственников и друзей – часто в разных странах, – с которыми они потеряли контакт годы, а иногда и десятилетия назад. Базаров работает также вместе с израильским Яд ва-Шемом, помогая найти и признать заслуги тех, кто спасал евреев в годы Холокоста. Исследует историю ХИАСа, более 120 лет стоявшего в центре еврейской иммиграции и накопившего за этот период бесценные архивные материалы. Его труды публикуются в специальных и популярных англо- и русскоязычных изданиях. Регулярно выступает на международных конференциях по еврейской генеалогии. Разыскивая в архивах документы, относящиеся к деятельности ХИАСа за последние сто лет, выезжает в страны Восточной Европы (Польша, Украина). В 2002 г. был избран членом Совета директоров Еврейского генеалогического общества Нью-Йорка.

Майя Басс. Родилась в Киеве; когда ей было три года, родители переехали в Москву. После школы поступила в Московский полиграфический ин-т, который окончила по специальности художественно-технического редактора. Работала в издательствах Музгиз и Детгиз, впоследствии перешла в Научно-исследовательский ин-т комплексных проблем полиграфии, где работала в лаборатории оформления книг, газет и журналов. По заданию общества «Знание» объехала с лекциями почти весь Советский Союз. Автор статей по оформлению газет и журналов. В 1993 г. эмигрировала в США. В Америке заинтересовалась творчеством художников-евреев, о которых в Союзе не было известно. Печата-

ется в газетах «Новое русское слово», «Форвертс», «Наш голос», «Каскад», в журналах «Спектр» и «Бюллетене игуд иоцей Син», который издается в Израиле. Много раз выступала по радио.

Иосиф Наумович Богуславский родился в 1930 г. в Ленинграде. Образование гуманитарное (ун-т) и техническое (полиграфический ин-т). Соавтор книги «В.Высоцкий. Человек. Поэт. Актер», переведенной на английский, французский и шведский языки. Эмигрировал в США в 1990. Автор ряда статей об американских деятелях культуры, политики и экономики и о выдающихся еврей-иммигрантах, а также книги «Американский успех. Люди и символы». Альпина бизнес букс, М.: 2004. Директор Культурного центра новых американцев в Массачусетсе. Живет в г. Бостоне.

Юрий Борин. В США с 1993 г. До эмиграции жил в Москве, работал в журнале «Крокодил». Печатался во многих центральных и местных газетах и журналах. Автор семи книг, лауреат премии Союза журналистов и нескольких премий «Крокодила». После эмиграции продолжает журналистскую деятельность, печатается в различных русскоязычных газетах и журналах США. Живет в г. Балтиморе.

Линн Виссон (Елена Владимировна Виссон) – дочь В.С.Виссона, родилась и живет в Нью-Йорке. Получила докторскую степень в Гарвардском ун-те, была профессором Колумбийского и других американских ун-тов, где преподавала русский язык и литературу. В настоящее время – синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Автор учебников по синхронному переводу. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и США, автор ряда книг о разных аспектах русской культуры и жизни. Ее работы изданы в США и в России («Чужие и близкие в русско-американских браках». М.: «Р.Валент», 1999; «200 блюд Русского Зарубежья». М.: «Р.Валент», 2001; «Русские

проблемы в английской речи: слова и фразы в контексте двух культур». М.: «Р.Валент», 2003; и др.).

Клара Жигня родилась в г. Бельцы, Молдова, в 1967 г. закончила Кишиневский гос. ун-т, историк, переводчик, канд. наук, автор двух монографий по истории международных отношений. С 1992 г. специализируется в области истории российского еврейства, автор 15 статей по этой теме, составитель и один из редакторов фундаментального сб-ка документов о Кишиневском погроме 1903 г. Работала ведущим научным сотрудником Отдела истории культуры евреев АН Молдовы. С 2002 г. живет в Израиле.

Марк Зальцберг. Родился в Ленинграде в 1933 г. Выпускник Ленинградского технологического ин-та. До эмиграции в 1979 г. работал в различных научно-исследовательских ин-х. После приезда в США – в лаборатории проектирования сверхпроводникового суперускорителя протонов и в Космическом центре Хьюстонского гос. ун-та. Теперь – пенсионер. Имеет 20 науч. публикаций, 3 патента США, а также несколько литературных публикаций в различных западных журналах и в некоторых российских изданиях. В трех номерах советского журнала «Химия и жизнь» опубликовал биографию акад. В.Н.Ипатьева.

Эрнст Абрамович Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кандидат геолого-минералогических наук (1971). Эмигрировал в Канаду в 1980 г. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей и рецензий о выдающихся исполнителях в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Эксодус» (Торонто), «Новом журнале» (Нью-Йорк) и журналах «Clavier», «Journal of the Conductors Guild», «East European Jewish Affairs», «Strad». Десять статей Эрнста Абрамовича были напечатаны в сериях ЕВКРЗ и РЕВЗ. Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002). Участник Международной конференции (де-

кабрь 1997 г.), посвященной открытию НИ центра «Русское еврейство в зарубежье». Живет в Торонто.

Людмила Зиновьевна Корабельникова доктор искусствоведения, профессор, ведущий науч. сотрудник Гос. ин-та искусствознания в Москве, исследователь истории русской музыки XIX – начала XX столетий. В сферу ее интересов входят также музыкальные источниковедение и текстология. Автор книг «С.И.Танеев в Московской консерватории: из истории русского музыкального образования» (М., 1974), «Творчество Танеева: Историко-стилистическое исследование» (М., 1986) и др. Впервые опубликовала многочисл. тексты (литературные и нотные) П.И.Чайковского, С.И.Танеева, С.В.Смоленского, Н.Г.Рубинштейна, А.С.Аренского и др. Один из инициаторов подготовки и член ред. комитетов нового полного собр. соч. П.И.Чайковского и академического полного собр. соч. М.П.Мусоргского. Автор глав в изданиях «История русской музыки» в 10 томах, серии «Русская художественная культура второй половины XIX века», многочисленных статей в науч. сб-ках, журналах, энциклопедиях и т.п. Одна из первых обратилась к изучению муз. культуры русского Зарубежья как целостного феномена русской музыки, насильственно разъединенной на рубеже 2 и 3 десятилетий XX в. (книга «Александр Черепнин: долгое странствие». М., 1999).

Ирина Владимировна Обухова-Зелинская родилась в Москве. Основные специальности: переводчик (польский, румынский, английский, французский) и искусствовед. Член Международной ассоциации искусствоведов (AIS); участница междунар. конф. и семинаров. Выйдя замуж за польского журналиста, стала гражданкой Польши и переехала в Варшаву. С 1992 г. в связи с работой мужа в качестве консула Польской республики жила в Бонне (Германия), с 1994 – в Берне (Швейцария). В последние годы основным кругом интересов стала история русского зарубежья. С 1999 г., в связи с назначением мужа на пост директора Польского культурного центра в России, живет в Москве. Автор статей по искусству и культурологии конца XIX – первой половины XX вв. Председатель Общества друзей Ю.Анненкова (www.annenkoff.narod.ru) и организатор связанных с этим

мероприятий, публикатор и переводчик книг Анненкова, автор статей о нем, издатель бюллетеня «Вопросы анненковедения». В ЕВКРЗ и РЕВЗ: автор 9 статей и двух писем, член редколлегии X, XI и настоящего томов.

Ирина Панченко. Литературовед, критик, педагог, журналист. Родилась в Ярославле в 1939 г. Жила в Киеве. Окончила Киевский ун-т им. Т.Г.Шевченко. Канд. филологических наук, доцент. Член Союза журналистов Украины. Преподавала в Киевском пединституте, Киевском ун-те им. Т.Г.Шевченко, Киевском ин-те усовершенствования учителей. Более ста пятидесяти работ в области литературоведения и критики. С 1997 г. живёт в Филадельфии, США. Печаталась в журн. «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Collegium», «Литературознавство», «Сучасність», «Всесвітня література», «Ренессанс», «Побережье», «Новый журнал», «Слово/Word» и др.; в газетах «Новое русское слово», «Панорама», «Филадельфия» и др.

Михаил (Аронович) Пархомовский. Родился в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратовский мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. – в Москве. Заведовал ЛОР-отделением больницы. После защиты канд. дисс. был старшим науч. сотрудником в Ин-те железнодорожной гигиены. Последние годы жизни в Москве работал в консультативных поликлиниках. Автор 50 науч. работ. 35 лет реферировал науч. литературу на европейских языках для биологического и медицинских журналов. В 1989 г. опубликовал книгу о З.Пешкове «Сын России, генерал Франции» (в 1999 г. вышло ее 2-е издание). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992-96 гг. – сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 томов). На базе этого издания организовал Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье». В 1997-98 гг. – гл. ред. и издатель ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник». В 1998–2003 гг. сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в зарубежье», тома 1(6)–5(10). Получил звание *Человек года – 1998* в США и *Международное звание Человек года 1997/98* в Англии, лауреат премий Анны Хавинсон (США) и Розы Эттингер (Израиль).

Юлия Давидовна Систер (1936, Кишинев), доктор химических наук. 25 лет работала в Ин-те химии АН МССР, затем заведовала лабораторией в отраслевом ин-те. Член группы экспертов по апробации новых методик. Автор более 130 науч. статей, 2 монографий и др. Науч. ред. тематич. сборников, справочников и др. Имеет внедренные работы и изобретения. Награждена медалью ВДНХ, премиями ВХО им. Менделеева, знаком «Отличник народного образования МССР» и др. В Израиле с 1990 г. Научн. сотр. Еврейского ун-та в Иерусалиме, затем Тель-Авивского ун-та. Научн. сотр. КЕЭ. С 1998 г. активно участвует в работе НИ центра «Русское еврейство в зарубежье»; в наст. время его генеральный директор. Организатор 2-х конференций (1999 и 2003 гг.). Автор статей в 8–10 тт. издания «Русское еврейство в зарубежье», член редколлегии 10 тома, соредактор и сосоставитель 11-го. Выступает в СМИ, читает лекции.

Юрий Георгиевич Фельштинский родился в 1956 г. в Москве. В 1974 поступил на историч. факультет Московского пед. ин-та им. Ленина. В 1978 г. эмигрировал в США, где продолжал изучение истории сначала в Брандайском ун-те, затем в Ратгерском. В последнем получил степень доктора философии по истории. В 1995 г. защитил докт. диссертацию в Ин-те истории Российской академии наук. Редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов, автор книг «Большевики и левые эсеры» (Париж, 1985); «К истории нашей закрытости» (Лондон, 1988; М., 1991); «Крушение мировой революции» (Лондон, 1991; М., 1992); «Вожди в законе» (М., 1999).

Борис Цукерблат родился в 1939 г. в Хмельницке (Проскуров). С 1946 г. жил в Кишиневе. В 1961 г. окончил Кишиневский ун-т. Физик. С 1965 г. работал в Академии наук Молдовы, в 1967 г. защитил канд. диссертацию, в 1975 г. – докторскую. Профессор, член-корреспондент Академии наук Молдовы. Работал в Италии, Испании, Франции, США. Опубликовал три монографии, более 350 работ в международных журналах. С 2002 г.

живет в Израиле, в Беэр-Шеве, работает в Ун-те Бен-Гуриона. Был приглашен на должность профессора по специальной программе VАTAT для выдающихся ученых-репатриантов.

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 окончил исторический факультет Московского педагогического ин-та. Преподавал историю в школах Бобруйска. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории еврейского народа Иерусалимского ун-та. В 1979–1990 гг. работал в Ин-те современного еврейства, Яд ва-Шем и Краткой еврейской энциклопедии науч. сотрудником и редактором.

Преподавал новую историю еврейского народа на отделении иностранных студентов Иерусалимского ун-та. С 1997 г. – зам. редактора ежегодника Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре. Специализируется по еврейской историографии, а также демографии, библиографии, истории восточных и локальных общин евреев Советского Союза и истории науки об еврействе (иудаистики). Опубликовал более 70 статей. С 1998 г. постоянный автор, редактор и консультант по истории еврейского народа НИ центра «Русское еврейство в зарубежье».

Георгий Иосифович Чернявский. Родился в 1931 г. В 1954 окончил исторический факультет Харьковского ун-та. Несколько лет преподавал историю в средних специальных учебных заведениях Харькова. С 1960 г. преподаватель, затем старший преподаватель, доцент, профессор Харьковского ин-та культуры и Харьковского ун-та. С 1970 г. зав. кафедрой всеобщей истории (с 1989 г. кафедрой всеобщей истории и музеологии) Ин-та культуры. В 1959 г. защитил канд., а в 1969 докт. дисс. Много лет исследовал историю Болгарии XIX–XX вв. Опубликовал ряд монографий, учебных пособий и сб. документов. Лауреат Ломоносовской премии и болгарского ордена «Кирилл и Мефодий» 1-й степени. В 1990–96 гг. председатель Межреспубликанской (СНГ) науч. ассоциации болгаристов. С 1996 г. живет в г. Балтимор (США). Является профессором исторического факультета ун-та им. Джонса Гопкинса, где преподает специальные сравнительно-исторические курсы. Исследует проблемы функционирова-

ния и разложения тоталитарной системы в СССР и Германии. Участвует в программе публикации документов по истории России, хранящихся в архивах США.

Артур Штильман родился в Москве в 1935 г. Отец – скрипач и дирижер, один из пионеров звукового кинематографа в Советском Союзе – дирижировал Оркестром кинематографии с 1932 по 1982 г. Артур Штильман учился игре на скрипке у Израиля Ямпольского, Анны Зильберштейн и проф. Дмитрия Цыганова. Окончил Центральную муз. школу, Московскую консерваторию и аспирантуру. Первый исполнитель (1960) в Советском Союзе Концерта для скрипки №2 Белы Бартока. В 1963 г. стал одним из победителей Международного конкурса памяти Лео Вайнера и Белы Бартока в Будапеште. Много гастролировал по Советскому Союзу – выступал почти в 100 городах, а также в Венгрии, Чехословакии, Австрии, Германии, Японии. С 1963 по 1966 г. преподавал на дирижерском факультете Московской консерватории технику игры на струнных инструментах. С 1966 по 1979 г. был скрипачом Большого театра. В эти же годы продолжал выступления как солист Концертного бюро Московской филармонии. В 1979 г. эмигрировал в США. С 1980 по 2003 г. – скрипач Метрополитэн оперы (Линкольн центр, Нью-Йорк). Автор статей о Р.Вагнере, Р.Штраусе, выдающихся скрипачах XX в. – Стерне, Ойстрахе, Гольдштейне, Менухине, Маркове, а также книги «Певец Миша Райцин» (Изд-во «Эрмитаж», 1992). Печатался в газетах и журналах «Новое русское слово», «Панорама», «Еврейская газета», в книгах «Евреи в культуре Русского Зарубежья» и «Русское еврейство в зарубежье».

Рашид Марванович Янгиров родился в 1954 г. в Уфе. Учился на историческом факультете Московского гос. ун-та; канд. филол. наук (2000). Основная область исследовательских интересов – русская художественная культура XX в. Автор более 200 науч. публикаций и статей по вопросам истории литературы, кино и театра, напечатанных в России, Италии, Франции, Израиле, Великобритании, США, Германии и др. странах. Живет в Москве.

Указатель имен

Аблов А.В. 178, 182
Авдеев Виктор 79
Авербах Раиса 157
Авербах Юрий 157
Аверченко Аркадий 83, 84
Авксентьев Н.Д. 203, 208
Аврахами Йосеф 243
Аврахами, семья 244
Агелофф Рут 224, 230
Агелофф Силвия 230, 231
Агинская Вера 256, 257
Адамович Г.В. 187, 190, 194,
195, 197, 199, 202, 203, 204, 205,
208
Адамс Джон 49
Адамс Сэмюэль 49
Азадовский К. 207
Айдинян Станислав 253
Аксельрод П.Б. 65, 70
Алданов (наст. фам. Ландау)
М.А. 206, 207
Александр II 10, 13
Александра Федоровна, им-
ператрица 189, 190
Алексин А. 236
Алон Лея 246
Андреев Леонид 86, 87
Андрэ Ф. 167
Анненков Ю. 187, 206, 267,
268
Анненский И.Ф. 256
Апулей 137
Ардов В.Е. 254
Аренский А.С. 267
Арнольд – см. *Блох А.С.*
Аронсон 204
Аронсон Наум 28
Асторы 94, 262
Атгашева П. 90
Ауэр Л. 8, 158

Ахмагова Анна 125, 126, 130,
133, 135, 136, 139, 140, 141, 249,
252, 253, 254, 256, 257, 258, 259

Бааде Фриц 66

Бабель Исаак 187, 188
Баженов Марк 252
Баженова Ирина 252
Баженовы 252
Базаров Валерий 4, 7, 9, 264
Бальмонт К.Д. 256
Барabanова Т. 236
Баратынский Е.А. 208, 256
Барбер Сэмюэл 146, 151
Барнс Альберт 112
Барток Бела 128, 151, 271
Басс Майя 233, 242, 264
Баттистини 121
Батюшков К.Н. 256
Баух Е. 236
Бауэр Евгений 74
Бах И.-С. 128, 131, 167
Бах Фриц 217, 229
Бахи 217, 229
Беларский Сидор 198
Беллини Винченцо 121
Белинский В.Г. 203, 208
Белый Андрей 140, 198
Бем-Баверк Эйген 58, 70
Беннетт Уильям 100
Бенци Р. 167
Берг Альбан 121
Бергсма Уильям 152
Бердяев Н. 132, 135, 141, 256
Березовский Николай 146,
151
Берлин П.А. 65
Берлиоз Гектор 145
Берман Елена 122, 123, 124
Бернейс Эдуард 113, 115
Бернштейн Леонард 146, 149,
150, 152, 153
Бернхам Джеймс 224, 230

- Бернштейн Герман 85, 86, 87, 90, 91
 Бернштейн Джеймс 24, 26, 29
 Бернштейн Николай 240
 Бернштейн, оператор 78
 Берсукер Г.И. 180
 Берсукер И.Б. 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186
 Берсукер Лиля 178, 180
 Берсукуеры 175, 176
 Берштат Альберт 99, 100
 Бетховен Людвиг ван 128, 145, 146, 148, 151, 152, 154, 155, 159, 167, 168
 Бехтольштайм Энди 169, 171, 172
 Билибин И.Я. 256
 Билинский Борис 82
 Биличенко Валентина 251
 Биск А.А. 190, 191, 192, 193, 197, 200, 201, 207
 Бичер-Стоу Хэрриет 101
 Блок Александр 125, 130, 131, 135, 136, 198, 256, 259
 Блох А.С. 203, 208
 Богомолов Н.А. 204, 208
 Богуславский И.Н. 92, 260, 262, 263, 265
 Борин Юрий 47, 169, 265
 Борисов-Мусатов Виктор 256
 Боровский Виктор 118, 122, 123
 Борухова Мина 247
 Борщ С.А. 180
 Борщевский Ариель 240
 Босенко В. 255
 Боске Ален (наст. имя Анатолий Биск) 207
 Боярский И.Ф. 117, 120
 Бравый Константин 239
 Брамс Иоганнес 145, 146, 151, 154, 167, 168
 Бранован, доктор 245
 Брин Евгения 170, 171
 Брин Израиль 170
 Брин Михаил 169, 170
 Брин Сергей 169, 170, 171, 172, 173
 Брины 170
 Бриттен Б. 151
 Бродские 137
 Бродский Иосиф 8, 188, 256
 Броун Гейлорд 149
 Брукнер 154
 Бруни Ф. 140
 Брюсов В. 198, 256
 Брудников С.С. 180
 Бузони Ферручио 128, 131
 Буланже Л. 145
 Булгаков Михаил 83
 Булез П. 142
 Бунин И.А. 190, 206, 207, 260, 261
 Бунич И. 229
 Бургин Диана Левис 257
 Бурке Ричард 164
 Бурлюк Д. 256
 Буховецкий Дмитрий 91
 Буш Джордж 248
 Буш Лора 248
 Бэйлс Ричард 149
 Бюнни Джон (Поксон) 79
 Бялик Х.-Н. 241
- Вавич Михаил** 91
 Вагнер Р. 121, 154, 271
 Вайман Давид 28
 Вайнер Лео 271
 Вайнштейн С.Л. (псевд. Звездин, Звездич) 60, 70
 Валент Р. 116, 263
 Валентинов-Вольский Н. 188, 206
 Валленберг Рауль 23
 Ван Гог Винсент 107, 110
 Вандербильды 94
 Вандервельде Эмиль 63
 Варшавский В.С. 187, 190, 194, 195, 199, 200, 202, 205
 Васильев Г.К. 253, 254

Ватолин В. 89
Вашингтон Джордж 48, 50,
51, 52, 53, 54, 55
Вашингтон Ирвинг 52, 98
Вейдле В.В. 187, 190, 191,
192, 193, 194, 197, 201, 202, 205
Вейнбаум М.Е. 204, 208, 260
Вейцман Х. 235
Веккер Борис 257
Веласкес Диего 114
Верди Джузеппе 93, 121
Вергинский Александр 84
Веселов М.Г. 178
Веспасиан, император 40
Вехтер Б.Г. 180
Вивальди А. 145, 152
Вигдорова Фрида 188
Визаров Михаил 91
Вилькер Валерия 160
Вильсон Вильям 18
Вильсон Вудро, президент
17, 63
Винокур Н. 207
Виотти Джованни 168
Виссон Анатолий 105, 116
Виссон Андрей 105, 116
Виссон В.С. 104, 105, 107,
108, 113, 115, 116, 265
Виссон Линн 104, 265
Виссон М.Л. (в дев. Левин-
сон-Левина) 104
Виссоны 105
Вишницер Марк 9, 14
Вишняк 223
Войскун Алеся 241
Войгинская Н.С. 57
Войгинская Эмма (в дев.
Шахдан) 60, 61, 68, 69
Войгинский В.С. (псевд.
Сергей Петров) 56, 57, 58, 59, 60,
61, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 70,
71
Войгинский И.С. 57
Войгинский Н.С. 57
Волошин Максимилиан 256
Вольф Борис 85, 90

Ворт Бил 87
Врубель М.А. 256
Вулворт Фрэнк 262
Высоцкий В. 265
Вяземский П.А. 256

Габен Жан 105
Габриак Черубина де 256
Габсбурги 28
Гайдн Франц 154
Гапон Георгий 81
Гаркави Александр 33, 34,
38, 39, 40
Гармаш 120
Гаррисон 82
Гаухман Юлия 206
Гельцер Екатерина 81
Гендин Яков 247
Гераклит 127
Гергиев В. 135
Геринг Губерт 232
Герцен А.И. 118
Герценштейн Осип 81
Гершвин Джордж 93, 160,
164, 168
Гессе Герман 187, 206
Гидальго Антонио 227, 228,
231
Гиль Пинхас 187
Гильфердинг Рудольф 67, 71
Гинзбург Г.О. 80
Гинзбург С. 89
Гиппиус Зинаида 135, 256
Гитис Евгения 233, 242, 244,
245, 246, 247, 248
Гитлер 22, 25, 46, 105
Глазунов А.К. 131, 167
Глебова-Судейкина Ольга
126, 130, 133, 139
Гликман Леонард 5
Глинка М.И. 121
Гнесины 158, 160, 167
Гоген Поль 107
Гоголь Н.В. 128, 187
Гойови Д. 125, 127, 133
Гойя Франсиско 107

- Голдвин Сэмюэль 78
 Голдовский Борис 149
 Голенищев-Кутузов Сергей
 140, 142
 Голль де 195
 Гольдштейн Б. 271
 Гомес 215
 Гончаров Василий 74
 Гопкинс Джонс 68
 Горинчой Н.А. 180
 Горовиц В. 137
 Горький Максим 62
 Готорн Натаниэль 101
 Гохват Петя 248
 Граф Герберт 149
 Гречанинов А. 137
 Гржебин З.И. 65, 70
 Гржебина Елена 70
 Грин Генриетта 262
 Грин Жюльен 132
 Гринберг Владимир 244
 Гринберг Натан 244
 Гринберг Р.Н. 188, 189
 Гринберг С.М. (в дев. Ка-
 динская) 189
 Гринфельд Ханна 44
 Гров Джордж 125
 Гроувз Чарлз 167
 Грэм Ирина 126
 Гузевич Д.Ю. 7, 142, 155
 Гуль Роман 206
 Гумилев Н. 202, 249, 253,
 254, 256, 257, 259
 Гуно Ш. 117
 Гурвич Владимир 117, 118,
 119, 120, 121, 122, 123, 124
 Гуро 256
 Гутгарц Марина 237

Давыдов Василий 74
 Дан Йосеф (Абир Михаил)
 237
 Дан (Гурвич) Ф.И. 60, 70
 Дарьё Даниэль 105
 Даунс О. 151
 Дафти Томас 98

 Дебюсси Клод 130, 139, 148
 Дега Эдгар 114, 263
 Дель Монако Марио 119
 Демезес Самуил 50
 Деникин А.И. 188
 Дерби Элиас 94, 96
 Джефферсон Томас 51
 Джойс Джеймс 126, 140
 Джон До – см. Дранков А.
 Дижур Илья 45
 Дизенгоф Меир 241
 Диксон Шейла 248
 Димогло А.С. 180
 Динур Б. 239
 Добрускин Электрон 239
 Добужинский 134, 135
 Довлатов Сергей 8
 Домье Оноре 263
 Доницетти Газтано 121
 Дорошевич Влас 81
 Достоевский Ф.И. 187
 Драгицкая Ленина 4
 Дранков Александр (Абрам;
 псевд. До Джон) 72, 73, 74, 75,
 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84,
 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91
 Дранков Лев 75, 76, 78
 Дранкова Анна 75
 Дранкова Мария 75
 Дранкова Н.П. 90
 Дранковы, братья 76
 Дубровин Б. 164, 168
 Дудаков Савва 239
 Дукельский В. 137
 Душкин С. 137
 Дымерская-Цигельман Л.
 188, 206
 Дьюи Джон 210, 230
 Дэвис Э. 167
 Дюран Эшер 98

Елизавета, королева 159
 Ермольев Иосиф 72, 82
 Есенин Сергей 257

- Жаботинский В.Е.** 241
Жигня Клара 4, 175, 266
- Заболоцкий Н.А.** 256
Зайцев Б.К. 190, 195, 207
Зак Владимир 249
Зальцберг Марк 117, 263, 266
Зальцберг Э.А. 3, 4, 8, 143, 155, 204, 257, 266
Зандерлинг К. 167
Захер Пауль 133
Звездин Сережа 245
Зенченко В.П. 180
Зернова Р.А. 206
Зилон Рэйчел 32
Зильберштейн Анна 271
Зимовол Лейб – см. *Котин*
- Зяма*
Зинман Д. 167
Золингер, адвокат 217, 229
Зошенко М.М. 140
Зубов В.П. 203, 208
Зусман Инна 246
Зусман Марк 246
Зыслин Илья 253
Зыслин Михаил 253
Зыслин Юлий 249, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 259
Зыслина Светлана 253
Зюссер Анна 42, 43
Зюссер Мендель 42
Зюссеры 42, 43
- И Ман Лиу** 161
Ибер Ж. 150
Иванов Вяч. 130, 139
Иванов Георгий 196, 199, 201, 202, 256
Иваск Т.Г. 191, 203, 204, 206, 208
Иваск Ю.П. 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 202
Ивнев Рюрик 253
Извольская Е.А. 132, 140, 187, 189, 190, 191, 203, 206
- Извольские 137
Извольский А.П. 206
Издебский В.А. 192, 198, 207
Ипатьев В.Н. 266
- Кабакоев Владимир** 257
Казак Вольфганг 206
Казас Жезус 214, 218, 223, 227, 228,
Калашников Л.(Н.С.?) 190, 197, 199, 207
Калиновский Григорий 160, 162
Кало Фрида 211, 213, 215, 216, 219, 220, 231
Каминская Анна 251
Кандинский В.В. 256
Кантор М.Л. 195, 196, 202, 207
Каплан М.Д. 180
Карденас Ласаро 209, 210
Каролик Максим 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 260, 261
Каролики 92, 95, 96, 100
Карузо Энрико 119
Кастро Ф. 231
Катуар Г. 144
Каутский Карл 66
Келли А. 120, 123
Келлог, братья 262
Кемаль Мустафа (Ататюрк) 84
Кеннан Джордж 17, 18
Кеннеди Джон 69, 106
Кеннеди Жаклин 106
Керенский А.Ф. 28, 62
Кернер Лейтон 164
Клинтон Билл 242
Кованько Наталья 91
Коварская Л.А. 190, 203, 208
Коварский И.Н. 208
Кодман Марта 93, 94, 95, 96, 100
Кодман Огден 94

Кодрянская Н.В. (в дев. фон Гернгросс) 194, 201, 202, 203, 207, 208

Кодрянский И.В. 194

Козловский Николай 79

Комиссаржевский Федор 74

Комиссионе С. 167

Кондрашин К. 167

Констебль Джон 114

Кончаловский П.П. 256

Конюс Г. 144

Копленд Аарон 146, 148, 149, 150, 152

Корабельникова Людмила 125, 267

Коростелев О.А. 204, 205, 207

Котин Зяма 40, 41, 42

Коул Томас 98

Козн-Цедек В. 240

Кралин М. 125, 126

Крамер Хилтон 115

Крандиевская-Толстая 256

Краснов П.Н. 62, 70

Красковская Элеонора 254

Крейд В.П. 206

Крейслер Фриц 164, 165

Крейцер Менахем 45, 46

Кремер Г. 127

Кривицкий В.Г. (наст. имя Гинзберг С.Г.) 226, 232

Крупн 79

Крупская Н.К. 140

Крупышев Руслан 258

Кудрова Ирма 252

Кузмин М. 131, 140, 256

Кук, рав (раввин) 238

Кульбин Н.И. 130

Купер Фенимор 98

Куповецкий М. 7

Куртис, сестры 96

Кури Е. 167

Кусевицкая Н.К. (в дев. Ушкова) 144, 151, 152, 153

Кусевицкий Сергей 126, 134, 137, 138, 140, 143, 144, 146, 147,

148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155

Кшенек Эрнст 148

Кшесинская Матильда 86

Кьеркегор (Жиркегаард) 131, 132, 139

Лаваль Пьер 26

Лаврик Лея-Валентина 240

Лазарев Леон 160, 162

Лазарус Эмма 14

Лалуа Венсан 133

Лалуа Жан 133

Лалуа Луи 132, 133

Лалуа, семья 133

Ламберт К. 148

Ландау Л.Д. 179

Ландеро, хозяин гасенды 217, 220, 221, 228

Лаури-Вольпи 121

Леа 90

Левин Веньямин 132

Левитанский Юрий 256

Левитт Уильям 262

Лейда Джей 81, 86, 87, 90

Лейн Фиц 99

Лемберг Александр 74, 75, 76, 89

Лемберг Григорий 75

Лемберги, братья 78

Ленин В.И. 56, 58, 59, 60, 61, 70, 140, 188, 209, 210, 229

Лентовский 80

Лентулов А.В. 256

Леонтьев К. 202

Лермонтов М.Ю. 126, 256, 259

Лещенко Николай 234

Лещинский Адольф 157, 158,

163

Либерман Авигдор 234, 236

Линдер Макс 73, 89

Липсич Ирвинг 40, 41

Литинский Генрих 160

Литман Сэмюэль 42, 43

Литтон Э. 167

Лифшиц Лея 81
Лихачев Б. 89
Лихтиншайн Йорам 246, 247
Лонг Брекенридж 27
Лопес Р.И. – см. *Морнар Жак*
Лосская В. 257
Лосский Н.Р.(Н.О.?) 203,
208, 256
Луначарский Анатолий 140
Лурье Артур 125, 126, 127,
128, 129, 130, 131, 132, 133, 134,
135, 136, 137, 138, 139, 140, 141,
142, 143, 148, 215, 219, 228
Лурье, супруги 126
Луцкий Марк 236
Любич Эрнст 86
Лянглебен Моисей 258

Маймон (Фишман) Иегуда

238
Мак-Интайр Сэмюэль 96
Малевич О. 206
Мандельштам Осип 130, 131,
132, 134, 135, 140, 188, 249, 252,
253, 256, 257, 258, 259
Мане Эдуар 114
Манн Генрих 28
Манн Томас 28
Мансуров Борис 258
Маргулис, учитель музыки
157
Марджанов Константин 74
Марин, американский сто-
ронник Троцкого 148, 215, 219,
228
Маритен Жан 128, 131, 132
Маритен Раиса 132
Марков Александр 162
Марков Александр (Шалом)
157
Марков Альберт 157, 158,
159, 160, 161, 162, 163, 164, 165,
166, 167, 168, 200, 201, 202, 271
Марков В.Ф. 197, 207
Марковы 157, 162, 163
Маркс Карл 57, 58, 210, 229

Маркс М.М. 254
Марсель Габриель 142
Мартину Богуслав 151
Матисс Анри 112
Мац Петр 240
Мейербер Джакомо 93
Мейсон Сэмюэл 19
Мексин Я.А. 157
Мендес Аристид 23
Мендельсон Феликс 151,
154, 157
Менжинские, сестры 140
Менухин Иегуди 162, 271
Меркадер Каридад 231
Мессиян О. 150
Метнер Н. 144
Мещерская-Трухачева Мар-
гарита 253
Мийо Д. 145, 150
Милграм Аврахам 25
Мильштейн 161
Милюков П.Н. 80
Мин Йен Чен 164
Мирская Лена 247
Митурич П.В. 140
Михайлов В. 89
Модильяни Амедео 254
Мозес Франкс 47
Мок-Бикер Элиан 133
Монро Джеймс 51
Монтеверди Клаудио 121
Мордехай М. Мордехай 12
Морзе Сэмюэл 98
Морнар Жак (наст. имя Ра-
мон Меркадер) 230, 231
Моррис Роберт 48, 50, 51, 54
Моцарт Вольфганг 121, 131,
151, 154, 167, 168
Мозм Сомерсет 106
Музалевский А. 180
Мур Генри 263
Мусоргский М. 145, 267
Мэдисон Джеймс 51
Мюллер К.-А. 184
Мюнш Ш. 126

Набоков В.В. 187

Набоков Николас 137, 148,
154

Надеждин Сергей 82
Некрасов Н.А. 196
Нерваль Жерар де 132, 142
Нестьев И. 127
Нибау Вильям 43, 44, 45
Никитина Г.Я. 253, 254
Николаевский Б.И. 65, 67, 71
Николай II 189, 190
Николай Александрович 86
Нудельман Михаил 246
Нуржиц Вадим 243, 244
Нуржиц Давид-Вадим 244
Нуржиц Ирина 244
Ньюмен Эрнест 147

Оболенские 137

Обухова-Зелиньска 4, 267
Огурцов И.Я. 180
Одоевцева И. 256
Ойстрах Давид 271
Окуджава Булат 258
Ольбинская Ирина 234
Ольшевская Н.А. 254
О'Мэлли Мартин 248
Онеггер А. 145, 148
Орен (Надель) Ицхак 237
Орчо Лейзер 34, 35, 36
Оцуп Н.А. 203, 208
Ошерович М. 6

Павлова Анна 109

Паганини Никколо 157, 167,
168
Палмер Роберт 152
Панченко Ирина 233, 249,
268
Парнок София 256, 257
Пархомовский М.А. 3, 4, 7, 8,
142, 155, 187, 206, 208, 233, 235,
260, 268
Пастернак Борис 249, 253,
256, 257, 258, 259
Пастухов В.Л. 188

Певцов Иван 74
Пейдж Ларри (Лоренс) 169,
171, 172, 173

Пекар С.И. 177
Пергамент О.Я. 80
Перголези Джованни 121
Перемен Яков 241
Перлин Ю.Е. 177
Персиц Тамара 125
Петр Великий 134, 136
Петров Сергей – см. *Вой-
тинский В.*

Пешков З. 268
Питчер Молли 101
Пистон Волтер 146, 148, 152
Плеханов Г.В. 65, 70
Поздняков Александр 89, 91
Полежаев Антон 162
Полингер В.З. 180, 182
Полякин М.Б. 159
Прегели 137
Прегель Александра (в дев.
Авксентьева) 198, 206, 207
Прегель Б.Ю. 207
Прегель Борис 198
Прегель С.Ю. (Прегель-
Равницкая) 188, 192, 194, 196,
198, 203, 206, 207

Приталь Натан 240
Прокофьев Сергей 128, 141,
145, 147, 148, 152, 167
Пунин Н.Н. 140, 251
Пуссен Никола 114
Путилов Алексей 79
Пуччини Джакомо 121
Пушкин А.С. 92, 126, 164,
168, 256, 259
Пяст 256
Пятигорский Г. 137

Равель М. 147, 148

Раев Исаак 260
Раев Марк 260
Райцин Миша 271
Разин Стенька 79
Раковский Х.Г. 229

- Рамбоузек Йозеф 144
 Ратнер Роман 247
 Раузен И.Г. 189, 201, 202
 Раузен Л.Г. 189, 202
 Раузены, братья 189, 201,
 202, 203
 Рахлин Н. 167
 Рахманинов С.В. 93
 Ревякина А.А. 205
 Рейнгардт Макс 86
 Ремарк Э.-М. 25, 106
 Ремизов А. 202, 203, 208
 Ренуар Жан 114, 263
 Респиги Отторино 148
 Ржевский Л. 206
 Ривера Диего 209, 210, 211,
 218, 219, 221, 228, 231, 232
 Ривина Рита 247
 Рильке Р.-М. 192
 Ринглинг, братья 262
 Рита Яковлевна, машинистка
 Троцкого 225, 231
 Рич Луи 86
 Ровинский Реомар 240
 Рогачевский А. 7
 Рогова В. 89, 90
 Роден Огюст 263
 Родичев Федор 80
 Рождественский Г. 167
 Рожков Н.А. 60, 70
 Розанов В.В. 140, 256
 Рокфеллер 68
 Романов Б.А. 211, 228
 Ромашков Владимир 79
 Россини Джоаккино 121
 Ростропович Мстислав 159,
 167
 Ротшильд 53
 Рубенс Питер 107
 Рубинштейн Елена 262
 Рубинштейн Н.Г. 267
 Рузвельт Франклин 56, 67,
 68, 69
 Рузвельт Элеонора 147
 Руссель А. 145, 148
 Руссо Анри 100
 Руффо 121
 Рэнд Айн (Алиса Розенбаум)
 262
 Рюле Отто 217, 229

Сааринен Элиэль 148
 Сабанеев Л.Л. 203, 208
 Савенко Светлана 142
 Савинов, актер 92
 Салазар А. 25
 Саломон Хаим 12, 47, 48, 50,
 51, 52, 53, 54
 Сальникова Эмма 254
 Самойлов Давид 256
 Сандерс Роналд 9, 10
 Сарнов Дэвид 262
 Сартр Ж.-П. 132
 Сати Э. 145
 Саул, царь 165
 Сафо 130
 Светоний Гай 137
 Седов Л.Л. 210, 226, 231
 Седов Сергей 210
 Седова (по мужу Трошкая) Н.И.
 140, 209, 210, 211, 213, 214, 216,
 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223,
 224, 225, 226, 227, 229, 230, 231
 Седых Андрей (Цвибак) 162
 Сезанн Поль 107
 Серж Виктор 210
 Сермукс Н.М. 223, 230
 Сибелиус Ян 148, 152
 Сиксто, водитель 213, 214,
 223, 228
 Систер Ю.Д. 7, 175, 233, 234,
 235, 236, 269
 Скотт Иу 161
 Скрыбин А.Н. 128, 139, 142,
 144, 145, 146
 Сливкина Э.И. 237
 Слюзберг Генрих 80
 Слоним Марк 188, 206
 Смит Мозес 143
 Смолка Мария 24
 Смоленский С.В. 267
 Смоляр Ирина 257

- Собей Джеймс 101
 Соболев Р. 89
 Соге Анри 133, 142
 Соколов Сергей 258
 Соловьев Вл. 131, 134, 135, 139, 256
 Сологуб Ф. 139, 256
 Солоненко А.О. 180
 Солодкина Марина 234
 Сорин С. 137
 Спигел Рэй (Дунаевская Рая) 226, 231
 Ставров С.С. 180
 Сталин И.В. 32, 210, 232
 Станиславский А.К. 92
 Стейнерт Александр 148
 Степун Федор 202
 Стерн Исаак 271
 Стоковский Л. 126, 135
 Столыпин Петр 59, 79
 Столярский П.С. 157
 Стравинский Игорь 93, 106, 128, 140, 144, 145, 147, 148, 152
 Струве Глеб 188
 Струве Н. 257
 Стюарт Джилберт 98
 Сургучев Илья 83
 Сэссун, финансист 53
- Тавгер Бен-Цион** 237
 Тадмор Хаим 237
 Танеев С. 144, 267
 Талдыкин Алексей 79
 Тарковский Арсений 256
 Гарнов Фриц 66
 Тартини Джузеппе 157
 Татлин В.Е. 140
 Таубман Джейн 257
 Твен Марк 35
 Теллер Эдвард 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186
 Тескова Анна 252
 Терапиано Юрий 188, 199, 206
 Титова Ю.Г. 180
 Толстая С.А. 223, 230
- Толстой Алексей 83
 Толстой Л.Н. 74, 86, 115, 187, 223, 230
 Тосканини А. 155
 Трифонова Галина 254
 Трофимов Михаил 72
 Троцкая Нат. Ив. 140
 Троцкий Л.Д. 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232
 Трубецкие 137
 Трумэн, президент 30
 Трухачева Ольга 253
 Туган-Барановский М.И. 57, 58, 70
 Тургенев И.С. 187
 Туржанский Вячеслав 91
 Туркинец Марина 238
 Турянская Б.А. 207
 Тютчев 256, 259
- Уайт Абрам** 38
 Уилденштейн Джордж 113
 Уилденштейны 106, 112, 113, 114
 Уильямс Р. Воан 151, 152
 Ульянов Н.И. 190, 191, 192, 193, 200, 207
 Умников Сергей 251, 252
 Уокер Чарлз 224, 230
 Ушкова Н.К. – см. *Кусевицкая Н.*
 Уэбстер Дэниэль 101
- Федорова Н.Г.** 255
 Фейгенберг Иосиф 240
 Фейер Эдвиж 116
 Фельштинский Ю.Г. 65, 209, 269
 Феррар Джеральдин 121
 Фет А.А. 256, 259
 Фиск Джеймс 262
 Флейшман Лазарь 235, 257
 Флеш Карл 158
 Фрагонар Оноре 114

- Фрай Вэриан 28
 Франк В.С. 187, 206, 256
 Франк Л.С. 206
 Франко Б. 25
 Франкс Мозес 47
 Фридрих Генрих 160
 Фридман Рената 258
 Фок В.А. 178
 Фосс Лукас 149
 Фролов Иван 78
 Фурсенко А. 55
 Фуртвенглер В. 126
- Хавинсон Анна** 268
 Хадад Арик 234
 Хазан В.И. 208
 Хайновская 157
 Хайстер, генерал 50
 Ханаков Александр 259
 Ханзен-Леве А. 257
 Ханжонков Александр 72, 82, 89
 Хансен Джозеф 226, 228, 231
 Харрис Рой 146
 Харув Дан 4, 6, 46, 238, 270
 Хачатурян Арам 159, 160, 164, 167, 168
 Хей Аманда 256
 Хейженоорт Жан ван 226, 231
 Хейфец Михаил 70
 Хейфец Яша 93, 161
 Хелмсли семья 262
 Хенкин Борис 236
 Херст Уильям 262
 Хиндемит П. 147, 149, 150, 151
 Хиршфельд Исидор 18
 Хиршхорн Иосиф 262, 263
 Хлебников Велимир 132, 135, 140, 256
 Хиршхорн Иосиф 92
 Ходасевич В.Ф. 256
 Хомер Уинслоу 98
 Хренников Т.Н. 166
 Хэдли Генри 148
- Хэнсон Х. 145, 146, 148
- Цветаева А.И.** 251, 252, 253, 254
 Цветаева М.И. 188, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 259
 Цветаевы, сестры 253
 Цвитман Саша 245
 Церетели И.Г. 60, 62, 70
 Цетлин М.О. 180, 189, 203, 206, 208
 Цетлина М.С. (в дев. Тумаркина, в первом браке Авксентьева) 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 233, 260, 261
 Цетлин-Доминик А.М. 205
 Цетлины 189, 206, 260
 Цукерблат Борис 175, 184, 269
 Цыганов Дмитрий 271
 Цыпкина Ольга 208
- Чайковский П.И.** 93, 145, 151, 166, 167, 267
 Чебышев Н. 90
 Черепнин Александр 267
 Чернов С. 260
 Чернявский В. 270
 Чернявский Георгий 56, 209
 Черняк А.Я. 239
 Чехов А.П. 115, 187
 Черчилль Уинстон 229
 Чиботару Л. 180
 Чингис-Хан (Чингисхан) 195
 Членов Михаил 235
 Чириков Евгений 255
 Чирикова-Шнитникова Людмила 255
 Чуковский К.И. 188
 Чюрленис Микалоюс 140
- Шагал Бэлла** 17, 28
 Шагал Марк 17, 28

Шагалы 17, 28
Шазар З. 239
Шаинский В. 236
Шаляпин Ф.И. 117, 118, 119,
120, 121, 122, 123, 124, 137
Шамбат Илья 257
Шапортова Алена 245
Шахатуни Аршавир 82
Шахдан Эмма – см. *Войтин-
ская Э.* 60
Шевченко Т.Г. 268
Шенберг Гарольд 155
Шенкер И. 104
Шеридан Клер 229
Шестов Лев (наст. имя
Шварцман Л.И.) 139, 140, 187,
205, 256
Шилейко В.К. 251
Шиллер Фридрих 148
Шимановский 167
Шимкин В.И. 260
Шиндлер Оскар 23
Ширлер 126
Шиф Якоб 14
Шлецер Борис 140, 142
Шлецер-Скрябина Татьяна
142
Шмитт Ф. 145, 148
Шолом-Алейхем 36, 38
Шостакович Д.Д. 141, 151,
152, 167
Шпет 256
Штайнер Ханна 24
Штейн Эммануил 255
Штерба Джейн 161
Штерн Юрий 246
Штивельман Борис 240
Штивельман Карл 240
Штильман Артур 157, 271
Штраус Рихард 121, 128, 271
Шуберт Франц 154, 155
Шуман, издатель 229
Шумен Уильям 146, 151, 154

Щаранский Натан 234, 236

Эйштейн Альберт 28, 240
Эйтингон Л. 231
Экзюпери Антуан де Сент 28
Эллис 256
Эренбург И.Г. 138
Эристов, кн. 195
Эркин 167
Эттингер Роза 268
Эттингер Шмуэль 237, 238,
239
Эфрон Ариадна 252, 255 198
Эфрон Сергей 255

Юдин Павел 258

Юзефович В. 127
Юниверг Л.И. 70, 237
Юргенсон П. 156
Юрок Соломон 115
Юпп Михаил 255
Юшкевич С.С. 80

Яблонская Марина 162, 163

Яблонская Оксана 162
Яблонский М.П. 162
Якобсон Р. 8
Яковлев Константин 257
Ямпольский А.И. 158
Ямпольский Израиль 271
Ян 179, 180, 182, 183, 184,
185, 186
Янгиров Рашит 72, 89, 271
Янкилевич Ю.И. 158
Ярви Н. 167

Amory C. 103

Bazarov Valery 4
Bernays Edward 116
Bosquet 207
Busoni 140
Burton Humphry 155
Camajani Giovanni 125
Copland A. 155
Dragitskaya Lenina 4
Drankoff Alexander 88, 91
Fast Howard 55
Finlay L.N. 127

Gall O. 228
 Glickman Leonard 4
 Gojowy Derlef 125
 Gomez, племянник Landero
 214, 215, 217
 Green J. 132
 Grove 125
 Grundwald de 195
 Heijenoort J. van 231
 Jignea Klara 4
 Joyce 140
 Karolik Marta 103
 Karolik Maxim 96
 Karolik M. and M. 102, 103
 Kazas 227
 Kharuv Dan 4
 Knopf Alfred A. 122
 Kramer Hilton 116
 Lalou, family 133
 Laloy Louis 132, 140
 Landero 214
 Law Richard 90
 Lourie Arthur 125, 155
 Levinger Lee, rabbi 11, 12, 13
 Lewis David 55
 Leyda Jay 88, 90, 91
 Madison C. 55
 Maritain 140
 Marsel Gabriel 139, 142
 Matina Emma 140
 Maxwell Roger 90
 Milgram Avraham 25
 Morris Robert 55
 Nabokov Nikolas 156
 Obukova-Zelinska Irina 4
 O'Doherty B. 103
 Paganini 167
 Parkhomovsky Mikhail 4
 Perlis Vivian 155
 Perry George 90
 Reech Lou 90
 Sacher Paul 133
 Sack H. 103
 Sanders Ronald 9, 14
 Sauguet Henri 133, 142
 Schonberg Harold 155, 156
 Sheridan C. 229
 Smith Moses 155
 Supervielle J. 127
 Trotsky Leon 228
 Troyen C. 103
 Visson Vladimir 116
 Wandella 140
 Wischnitzer Mark 9, 12, 14,
 15, 18, 22, 29
 Woytinsky E. 70
 Woytinsky W.(V.) 70, 71
 Wyman David S. 23
 Yangirov Rashit 89
 Zaltsberg Ernst 4
 Zetlin M.E. 205

Аннотации статей и других материалов, опубликованных в сериях книг ЕВКРЗ и РЕВЗ и содержащих сведения о русских евреях в Америке¹

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 1

1. * «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна. *М.Хейфец*. «СВ» (Берлин–Париж–Нью-Йорк) был гл. полит. печатным органом социалистов-эмигрантов, комментировал жизнь в СССР, публиковал письма из России и стал предтечей советологии. Об основателях, редакторах и ведущих авторах журнала – Ю.Мартове, Р.Абрамовиче, Ф.Дане, В.Александровой, др. – *И.2 – 203-218*².

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 2

2. * Из писем Зиновия Пешкова. *Публ., вступ. заметка и примеч. М.Пархомовского*. Пешков оставил большое эпистолярное наследие, дополняющее сведения о зарубеж. очагах рус. культуры. Публикуются его письма Горькому 1906-34 гг. из Италии, Франции, Марокко, Ливана и США. – *И.5. П.43 – 311-338*.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 3

3. * Одесское детство (Софья Юльевна Прегель). *Р.Зернова*. Прегель – одаренная поэтесса, прозаик, переводчик, обществ. и культур. деятель. Попав во время II мир. войны в Нью-Йорк, издавала ж-л «Новоселье». Вышедшие посмертно 3 тома «Одесского детства» поражают талантливостью и точностью воспроизведения рус.-евр. атмосферы Одессы начала века и ее бессмертного языка. – *И.5 – 54-63*.

4. «Темперамент и грусть»: Скрипач Наум Блиндер (1889–1965). *Я.Сорокер*. Учился в Манчестере у А.Бродского, был проф.

---

¹ Аннотации статей, посвященных другим странам, но содержащие информацию и о США, отмечены звездочкой.

² *И.* – кол-во иллюстраций, *П.* – кол-во примечаний; последние цифры – номера страниц.

Моск. консерватории. После эмиграции 25 лет проработал в Сан-Франциско концертмейстером симф. оркестра и возглавлял кафедру в консерватории. – *И.4. П.16* – 429-438.

5. **Идеальный скрипач: Яша Хейфец. Б.Бергинер-Тавгер.** Ученик Ауэра (Петербургская консерватория), переехал в США в 16 лет. Стал одним из величайших скрипачей 20 века. В пед. работе следовал принципам школы Ауэра. Об особенностях игры, образе жизни, друзьях, семье Хейфеца. – *И.5. П.18* – 439-451.

6. **Натан Мильштейн. Э.Зальцберг.** Родился в Одессе. Ученик Столярского и Ауэра. В 1926 г. началась его концертная деят. в зарубежье. Стал гражданином США. Считается одним из лучших интерпретаторов Баха и Бетховена. – *И.3. П.18* – 452-467.

7. **«Брамин со скрипкой»** [В дополнение к статье: Э.Зальцберг. Натан Мильштейн] **Я.Сорокер.** О некот. особенностях личности музыканта. – *П.11* – 463-467.

8. **Плодотворный опыт Модеста Альтшулера. В.Юзефович.** Альтшулер – соученик Скрябина, Рахманинова, Гедике, участник Моск. трио (с Д.Крейном и Д.Шором). Стал одним из крупнейших дирижеров Америки, где создал Русские симф. об-во и симф. оркестр. – *И.2. П.15* – 468-479.

9. * **Вера Евсеевна Слоним, или Служение русской словесности. Б.Носик.** Сближению Веры с В.Набоковым способствовал ряд романт. обстоятельств. Высокообразованная, знавшая языки и обладавшая тонким вкусом, она стала гл. помощником писателя. Вера ограждала Набокова от неприятностей в Германии, во Франции, а затем в США. – *И.2. Б.11* – 483-494.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 4

10. **Мои воспоминания о работе А.Я.Френкли на радиостанции «Голос Америки». Н.Френкли.** Биогр. А.Френкли, его работа (1947-72) на радиостанции диктором, составителем программ, руководителем рус. отдела. После выхода на пенсию писал статьи для «Голоса Америки» по лит-ре, муз., искусству. – *И.2* – 46-62.

11. * **Ажар-Кацев-Гари. Б.Носик.** Род. в Москве. Жил в Ницце. Был воен. летчиком, дипломатом. По его романам снимали фильмы. Единств. писатель, получивший дважды Гонкур. премию: 2-й раз – за книгу, вышедшую под псевд. Ажар (рассказ о бывшей проститутке и «воспитываемом» ею мальчике-арабе). Самоубийство Гари сопровождала романт. история. – *И.3* – 117-124.

12. **Из Гарварда в Ленинград (письма Р.О.Якобсона к В.М.Жирмунскому).** *М.Файнштейн.* Публикуются 7 писем 1957-69 гг., позволяющих расширить представление о Якобсоне-ученом. Сведения о его корреспонденте. – *И.2. П.26* – 125-132.

13. **«Скромное, но полезное русское дело» (Из истории журнала «Новоселье»).** *Л.Юниверг.* Об инициаторе и редакторе-издателе ж-ла (1942-50) С.Прегель, круге авторов-литераторов, включавших И.Бунина и М.Алданова, публицистов (В.Александрова), критиков (Ю.Терапиано); в ж-ле публиковались около 30 молодых писателей и поэтов. – *И.2. П.43* – 229-244.

14. **Из архива Софьи Юльевны Прегель.** *Публ. и вступ. заметка Ю.Гаухман.* Судьба архива Прегель – «директрисы литературы эмигрантской». Публикуются стих. послания к ней Н.Гончаровой и В.Набокова, письма А.Ремизова и А.Гингера, ее дневник. записи, письмо Н.Берберовой, в к-ром последняя защищается от обвинений в коллаборационизме во время II мир. войны. – *И.3.* – 278-291.

15. **К истории «Нового журнала»: По письмам М.А.Алданова к М.С. и М.О.Цетлиным (из архива С.Ю.Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США).** *Публ., вступ. заметка и коммент. М.Пархомовского.* К числу основателей «НЖ» должна быть отнесена и М.Цетлина – администратор и секретарь ж-ла. Названы спонсоры «НЖ». Публ. письма Алданова Цетлиным. – *И.4. П.8* – 292-309.

16. **Конфликт М.С.Цетлиной с И.А.Буниным и М.А.Алдановым: По материалам архива М.С.Цетлиной (Евр. ун-т в Иерусалиме).** *Публ., вступ. заметка и коммент. М.Пархомовского.* Конфликт из-за выхода Бунина из Союза писателей и журналистов Парижа после исключения из него лиц, получивших сов. паспорта. Публ. общего письма Цетлиной, Алданова, Зайцевых, В.Зеелера, Н.Френкли, В.Зензинова. – *И.4. П.11. Ук. им.* – 310-331.

17. * **Фотографии из семейного альбома.** *Н.Винокур.* Художница А.Авксентьева, дочь М.Цетлиной, росла в доме, ставшем одним из центров культ. жизни рус. Парижа. Большую роль в ее судьбе сыграл брак с физиком, композитором, общ. деятелем и меценатом Б.Прегелем. Супруги, тесно связанные с Израилем, завещали Тель-Авивскому музею коллекцию картин. – *И.4* – 426-436.

18. **Ванда Ландовска – открыватель забытого и виртуоз.** *Э.Зальцберг.* Была пианисткой, начавшей концертную деят. в Париже, затем увлеклась клавесином и стала знакомить публику с музыкой барокко. Соавтор (с мужем Генри Лью) кн. «Старинная

музыка» (1909). С 1941 жила в США, где много концертировала и преподавала. – *И.3. П.11* – 453-468.

19. **Вечно юный Николас (Николай) Слонимский. Б.Бергинер-Тавгер.** Пианист, дирижер, композитор, писатель-энциклопедист, редактор, полиглот, математик. Прожил более 100 лет. О его предках и родственниках, включая Венгеровых и Н.Минского. В Париже сотрудничал с С.Кусевицким. Организатор и дирижер Бостон. камерн. оркестра. Пропагандировал совр. амер. музыку. – *И.4. П.38* – 469-487.

20. **К истории русской иммиграции в США в первой половине XX века. М.Раев.** «Россия в Америке» возникала неск. раз, но ее обитатели неизбежно превращались в рус. американцев. Они сыграли немалую роль в общественной и духовной жизни Америки. Их труды будут способствовать обновлению культурных ценностей дореволюционной России. – *И.2. П.5. Б.4* – 491-503.

21. * **Самуил Маркович Певзнер: По материалам семейного архива. С.Резник.** Студентом Петербург. консерватории увлекся революц. идеями и после 1905 г. вынужден был бежать. В США и Италии занялся журналистикой, был близко знаком с Муссолини. После Февр. рев. вернулся в Россию. В 1925 стал пресс-атташе сов. полпредства в Риме. Невозвращенец. Издал книгу о красном терроре. Боролся с фашизмом. После II мир. войны в осн. жил в США. – *И.3* – 513-527.

22. * **Григорий Яковлевич Аронсон. И.Серман.** Автор – племянник Аронсона. Деятельного соц.-демократа и меньшевика, Аронсона выслали из России в 1922 г. Сотрудничал в «Соц. вестнике» в Берлине, Париже и Нью-Йорке. К евр. самосознанию пришел через опыт космополитический. Разоблачал гитлеровский и сталинский антисемитизм. – *И.1. П.20* – 528-537.

23. * **Каждый месяц в Café de la Paix: Объединение русско-еврейской интеллигенции в Париже и его американский эпилог. В.Кельнер.** Инициаторами объединения были: А.Альперин, Р.Бланк, С.Гинзбург, М.Кроль, С.Познер. К ним примкнули еще неск. евр. обществ. и культ. деятелей; в работе участвовали и рус. интеллигенты: П.Милюков, Н.Бердяев. – *И.2. П.6* – 538-547.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 5

24. * **Горожане за границей (С.Довлатов, И.Ефимов, В.Марамзин). М.Амусин.** Творческие портреты членов ленингр. группы «Горожане». Марамзин издавал в Париже журнал нетрадиц.

прозы «Эхо». Ефимов писал острые романы в США. Довлатов на Западе был приобщен к классикам. – *И.3. П.14* – 106-121.

25. **Мария Шнеерсон. А.Мирич.** Литературовед и автор многочисленных учебников и учеб. пособий, М.Ш. эмигрировала в 1978 г. в США, где сотрудничала в еженед. «Новый американец». Публиковала литературоведч. статьи уже не о классиках, а о Солженицыне (издала и книгу о нем), Гроссмане, Галиче, Астафьеве, Быкове, Булгакове. – *И.1. П.39* – 122-131.

26. **Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг. Л.Дымерская-Цигельман.** В 5 томах альманаха печатались не публиковавшиеся произведения Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, др. Ранее Гринберг вместе с М.Цетлин выпускал ж-л «Опыты». Обладал широким кругом интереснейших друзей, оставил богатый архив. – *И.1. П.54* – 135-152.

27. **Создатели «Нового журнала». М.Бирман.** Инициаторами создания «НЖ» были И.Бунин, М.С. и М.О. Цетлины и М.Алданов. Кроме них, к непосредственным его создателям автор статьи относит также М.Карповича, бывшего редактором «НЖ» (вначале с М.Цетлиным – 5-11 тома) в течение 15 лет. – *И.3. П.41* – 153-161.

28. **«Новое русское слово» – феномен долголетия. О.Цыпкина.** Все «праотцы» этой нью-йоркской газеты были евреями: В.Шимкин (издавал «НРС» 57 лет), М.Вейнбаум (редактировал 50 лет), А.Седых (Я.Цвибак), к-рый возглавлял «НРС» последние 20 лет жизни, а писал для нее 70 лет. Разнообразие тематики газеты и ее популярность. – *И.3. Б.16* – 162-181.

29. **Илья Юльевич Болотовский (1907–1981). С.Голлербах.** Прибыл в США в возрасте 16 лет и стал худ.-абстракционистом. Помимо живописи и скульптуры, занимался кино и писал пьесы. Одно время был президентом Союза амер. худ.-абстракционистов. Оставил большое худ. наследие. – *И.2. Б.4* – 336-344.

30. **Пианист на все времена. Э.Зальцберг.** В.Горовиц получил муз. образ. в Киеве и приобрел славу в самом начале концертной деят-сти. После эмиграции покорил аудитории Европы и США. Концертировал с большими перерывами, сохранял творч. активность до глубокой старости. Особенностью игры пианиста-романтика были раскованность, импровизационность и оригинальная интерпретация мн. произведений. – *И.3. П.4.* – 363-375.

31. **Александра Анатольевна Орлова о себе: Публикация письма Александры Орловой к Доре Штурман. А.Орлова.** Музыковед-историк-документалист рассказывает о своей семье и

предках – Шнеерсонах, приводит автобиографию, список своих работ в СССР и после эмиграции в США. – *И.1. П.5* – 376-382.

32. **Певец Миша Райцин (1930–1990).** *А.Штильман.* Райцин – выдающийся исполнитель еще в СССР, потом – в Израиле. Успех сопутствовал его концертной деятельности в Европе, ЮАР, Америке. В 1975 г. дебютировал в «Метрополитен-опера». Преуспел в концертном, оперном и канторском пении. – *И.2* – 383-395.

33. **Еврей-иммигранты – музыковеды США.** *В.Зак.* Книги С.Волкова – о Шостаковиче («Testimony») и др. стали откровением для американцев. Рассказано о М.Кацевой (открывшей Музей Цветаевой в Бостоне), В.Фрумкине («Голос Америки»), М.Мазо (музыкальный фольклор), И.Земцове (еврейские мелодии), М.Прицкер («Новое рус. слово»). – *И.3. П.7* – 396-405.

34. * **Альтшуллер И.Н. (некролог).** *С.Панина.* Публ. и послесл. *М.Пархомовского.* Альтшуллер – один из типичных представителей земской медицины, которая отражает и историю рус. культуры. Много сил отдавал общ. работе. В эмиграции продолжил врач. практику. Оставил воспоминания о Л.Толстом и А.Чехове – был их лечащим врачом в Крыму. – *И.1. П.6* – 506-514.

Русское еврейство в зарубежье. Том 1(6)

35. **Роалд Хофман – спасенный узник нацизма.** *А.Черняк.* Жизнь и деятельность лауреата Нобел. премии (рассказано о ее вручении), философа, поэта, знатока и пропагандиста иудаизма. Его девиз: «Сделай то, что еще не было сделано до тебя». – *И.2. П.12* – 87-100.

35. * **«Пусть видят меня в настоящем свете...» (Воспоминания Абрама Сауловича Кагана).** Публ. *О.Демидовой.* Эпизод *М.Раева.* Публикуемый дневник Кагана начинается с его работы в Берлине в «Петрополисе». Его же изд-во «Обелиск» выпускало философ. лит. (Франка, Шестова, Лосского, Степуна, др.). Рынками сбыта книг были Франция, Вост. Европа и Дальний Восток. Деят. Кагана в США после 1940 г. – *И.1. П.56* – 214-236.

36. **Леонид Израилевич Ламм.** *С.Голлербах.* Эмигрировал в США в 1982, отсидев 3 года. Его авангардизм философичен, а инсталляции говорят о пагубности лозунга о свободе, равенстве и братстве. Не считает эмиграцию фактором гибельным, наоборот – способствующим творчеству. – *И.5* – 308-316.

37. * **Еврейская эмиграция из Российской империи и Советского Союза: статистический аспект.** *Д.Харув.* Евр. эмиграция из

России началась в первой половине XIX в. и резко усилилась в 1881 г. Большая часть евреев уезжала в США. Выехавшие в первые годы после рев-ции в основном селились в Зап. Европе. Всего из России выехало около 4 млн евреев. – *И.2. П.18* – 350-355.

Русское еврейство в зарубежье **Том 2(7): Русские евреи в Великобритании**

38. * **Иосиф Бродский в Англии.** *В.Полухина.* Рассмотрены темы: Бродский и англ. поэт. традиция, Бродский в Англии и Бродский на английском. О любви поэта к англ. яз. Сопоставление «английского» Бродского с рус. лит-рой. – *И.2. П.57* – 241-258.

Русское еврейство в зарубежье **Том 3(8): Русские евреи во Франции. Кн.1**

39. * «Смеюсь я мало...»: **Последнее десятилетие в литературной карьере С.Юшкевича: 1917–1927.** *Б.Черный.* Послерев. рассказы писателя носят мистико-символ. характер и навеяны хаосом периода Гражд. войны. Его творчество в эмигр., особенно роман «Эпизоды», достигает высокой худ. силы и, к сожалению, недостаточно изучено. – *И.3. П.72* – 102-120.

40. * **Савелий Сорин – портретист.** *И.Обухова-Зелиньска.* Сорин, по мнению автора ст., один из самых выдающихся портретистов 20 в. Неоакадемист, недооценен специалистами и поэтому малоизвестен. Об эмигрантском периоде жизни Сорина. Публикация трех его писем Судейкину. – *И.5. П.27* – 341-353.

Русское еврейство в зарубежье **Том 4(9): Русские евреи во Франции. Кн.2**

41. * **Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы.** *К.Кикоин.* Биогеография Рапкина: местечко под Минском – Париж – Монреаль – Лондон – США – Париж; его деятельность в обл. биохимии и биофизики, мировоззрение ученого и успешное осуществление им проекта спасения ученых в годы II мир. войны. – *И.2. П.8* – 212-224.

42. * **Звездный час «отца современного еврейского театра на идиш» Аврахама Гольдфадена: Париж, 1889–1903.** *М.-И.Нюк.* Биогр. Гольдфадена, его деятельность в Румынии, США, Англии и 15 «звездных» лет в Париже. Последователи Гольдфадена. – *И.2 П.15* – 349-356.

43. * **Эмиль Альбертович Купер** – «дирижер-Наполеон»? *Б.Бергинер-Тавгер*. Получивший известность в России, оперный и симф. дирижер Купер по приглашению Дягилева работал в Париже. Сыграл выдающ. роль в пропаганде рус. музыки не только в Европе, но и в Америке, где провел последние 20 лет жизни. – *И.3. П.31. Б.7* – 402-414.

Русское еврейство в зарубежье. Том 5(10)

44. **Гаучо из России. М.Лемстер**. Рассказано о 3 книгах, подытоживающих первые десятилетия колонизации Аргентины русскими евреями, и об их авторах: Давиде Гольдмане, Мордехеае Альперсоне и Ицхаке Каплане. – *И.4. П.39* – 13-28.

45. * **Том завершающий, но тема не исчерпана** [Предисловие к 10-му тому]. *М.Пархомовский*. Ист. издания, осн. участники работы над ним, принципы подбора материала. Обсуждение содержания 10-го т. Проекты НИ центра «Русское еврейство в зарубежье». – 5-12.

46. **Леон Цукерт – композитор, скрипач, дирижер. Э.Зальцберг**. Выходец из Полтавы, он вначале эмигрировал в Аргентину, а затем – в Канаду. Работал скрипачом и альтистом. Творческое наследие Цукерта как композитора обширно и включает произведения разных жанров. – *И.2. П.4. Прил.: Список осн. произведений.* – 63-72.

47. * **Аарон Авшаломов, пионер современной китайской музыки. Э.Зальцберг**. Род. в Николаевске-на-Амуре, начальное муз. образ. получил в Швейцарии, много лет жил в Китае. Синтезировал пентатонику и целотонные лады, характерные для китайской музыки, с классич. западно-европейскими формами гармонизации, контрапункта и оркестровки. – *И.2. П.8. Прил.: Список произведений.* – 73-86.

48. **Искусство собирать искусство: Иосиф Хиршхорн (1899–1981). И.Богуславский**. Жизнь выходца из нищей литовской семьи И.Хиршхорна в США. Как он стал миллионером и как реализовал свое пристрастие к прекрасному, собрав богатейшую коллекцию современной скульптуры, к-рую пожертвовал государству. Она находится в Вашингтоне в музее, носящем его имя. – *И.4. П.8* – 239-256.

49. **Владимир Матлин – писатель, публицист, радиожурналист. А.Штильман**. Его новеллы – живые отображения нашей реальности. Он был радиожурналистом «Голоса Америки», программу к-рого («Обзор еврейской религиозно-общественной жизни») в России слушали мн. годы. – *И.1. Р.12* – 257-262.

ABSTRACTS

A Message from the President of HIAS. *P.5.*

Introduction. *Ernst Zaltsberg (Toronto). P.6-8.*

The Light in the Night (An Essay on History of the Hebrew Immigration Aid Society (HIAS). *Valery Bazarov (New York).* The Hebrew Immigration Aid Society (HIAS) is continuing to play an outstanding role in the emigration of Jews to America. With the HIAS's help, in the 19th and 20th centuries approximately 3.6 millions Jews (mainly from Eastern Europe) immigrated to the USA. Thanks to the HIAS's heroic efforts, during World War II approximately half a million European Jews escaped the Holocaust and immigrated to the USA. *P.9-46.*

The Mystery of a Dollar, or How the Jews Saved America. *Yuri Borin (Baltimore, USA).* Haim Salomon (1740–1785) was born in Eastern Poland, then annexed by Russia. In 1772 he arrived in America. As an influential financier in Philadelphia, he conducted successful negotiations with France and the Netherlands on the granting of loans for the American colonists fighting for independence from England. During the American Revolution Salomon donated his entire fortune to support General George Washington's army. Salomon died completely bankrupt, leaving his wife and children penniless. *P.47-55.*

Vladimir Woytinsky: The Transition from a Bolshevik to President F.D.Roosevelt's Adviser. *Georgiy Chernyavskiy (Baltimore, USA).* V.Woytinsky (1885–1960) was born in Saint-Petersburg and studied law at Saint-Petersburg University. In 1905 he met Vladimir Lenin and did political work for Bolsheviks among workers and soldiers in Petersburg. He was arrested several times; in 1910 he was exiled in Irkutsk (Siberia), where he made the acquaintance of Menshevik leaders. Freed after the February 1917 Revolution, Woytinsky returned to Petrograd (Petersburg). He was a member of the Petrograd Soviet representing the Mensheviks, a delegate at the First All-Russian Congress of Soviets, and a Commissar of the Provisional Government at the Northern front. After the October 1917 Revolution he was imprisoned; upon his release he emigrated to Georgia. In 1922 he went to Germany where he

worked in the German Federation of Unions. Woytinsky left for the USA in 1935, and worked in the Federal Bureau of Statistics. He was subsequently President Franklin D. Roosevelt's adviser on labor relations, and a member of the Presidential Council on social security issues; he also wrote numerous books and articles translated into many languages. *P.56-71.*

Alexander Drankov's Hollywood Dreams. *Rashit Yangirov (Moscow).* Alexander (Abram) Drankov (1880–1949) was one of the founders of Russian cinematography. Having studied photography with his father-in-law, he then went to Petersburg where he opened his studio. Starting in 1907, he produced numerous movies including a unique documentary on L.Tolstoy (1908). After the October 1917 Revolution Drankov went to Istanbul; in 1923 he arrived in the USA. In New York he founded a movie theatre for a Russian-speaking audience. In 1927 he announced the opening of his studio in Hollywood to produce a movie entitled «A Royal Lover», but due to a lack of funds this film was never made. In Hollywood Drankov tried to work at a variety of jobs and ultimately ended his career as an extra. Unable to achieve either artistic or financial success, he left Hollywood for San Francisco where he established a small film development shop. He died penniless and totally forgotten. *P.72-91.*

The Art of Collecting Art: Maxim Karolik (1893–1963). *Joseph Boguslavsky (Lynn, USA).* Born in the town of Akkerman near Odessa, Maxim Karolik studied at the Saint-Petersburg Conservatory and then sang in the Mariinsky Theatre. After the October 1917 Revolution he left Russia and performed in Italy and England. In 1922 he went to the USA and five years later married a millionaire M.Kadman almost twice his senior. Together they compiled and donated several unique collections of works by American painters to the Boston Art Museum. Maxim Karolik was also known as a lecturer on art history. *P.92-103.*

A Portrait of My Father. *Lynn Visson (New York).* A connoisseur of painting, who was widely known in America, Vladimir Visson (1904–1976) was born in Russia but emigrated with his family to France after the October 1917 Revolution. During World War II he left for America, where he became Director of Exhibitions at New York's world-famous Wildenstein Gallery, which played a major role as an international cultural institution. At Wildenstein Visson organized dozens of outstanding exhibitions of such masters as Rubens, Goya, Van Gogh,

Renoir, and Gauguin; major shows including «Four Centuries of the Image of the Child in Painting», «The Birth of Impressionism», and «Landscapes»; and for several years directed the Hallmark Art Award, a series of competitions among modern European and American painters. *P.104-116.*

My Friend Volodya Gurvich. Mark Zaltsberg (Houston, USA). Vladimir Gurvich (1934–1999), a mathematician and programmer, immigrated to the USA in 1974. He compiled a unique collection of operatic records made in the late 19th-early 20th centuries which contained more than 2000 recordings by Fyodor Chaliapin. Gurvich was the author of the first discography of Chaliapin, attached to the monograph on Chaliapin by V.Borovsky (London, 1988). *P.117-124.*

There, Across the Ocean... Ludmila Korabelnikova (Moscow). The composer A.Lourie (1891–1966) left Russia in the early 1920s. In 1940 he went to the USA where he continued to compose and also wrote essays on various subjects. Numerous excerpts from his American diary, published here for the first time, reveal his views on arts, religion, politics and musical life. *P.125-142.*

Sergey Koussevitzky in America. Ernst Zaltsberg (Toronto). Sergey Koussevitzky (1874–1951), a conductor, teacher and publisher, emigrated to France in 1920 and went to the USA in 1924. From 1924 until 1949 he was the conductor of the Boston Symphony Orchestra which under his direction became one of the finest orchestras in the world. Koussevitzky was director of the Tanglewood Music Festival and a founder of the Berkshire Music Centre. *P.143-156.*

Albert Markov: Virtuoso, Composer, Teacher. Arthur Shtilman (New York). Albert Markov was born in 1933 in Russia, and studied with P.Stolyarsky A.Leshinsky and Y.Yankelevich. The winner of several violin competitions, he had numerous concert tours throughout the former USSR and in foreign countries. In 1975 he emigrated to the USA where he concertized extensively, taught at the Manhattan School of Music in New York and gave master classes in many American universities. In 1984 A.Markov published a book entitled «The Violin Technique» which became popular among both violin teachers and students. He also composed several works for the violin and symphony orchestra. *P.157-168.*

He Who Seeks Always Finds. Yuri Borin (Baltimore, USA). Born in Moscow in 1974, Sergey Brin emigrated with his family to the USA in 1979. He graduated with honor from the University of Maryland and received a PhD degree from Stanford University. Together with L. Page he developed and implemented Google, the Internet search information system. *P.169-174.*

Academician Isaac Bersuker (Notes on His Life and Work). Boris Tsukerblat (Be'er Sheva, Israel), Julia Sister (Kiryat Ekron, Israel), Clara Jigneu (Be'er Sheva). An internationally known specialist in quantum chemistry, I. Bersuker was born in Kishinev in 1928. He was a founder of the Quantum Chemistry Department and the Quantum Chemistry Laboratory at the Moldovan Academy of Sciences. Bersuker published numerous works on quantum chemistry in both Russian and English, which have both scientific and practical applications. He emigrated to the USA in 1993, and has continued his research work there in various fields. *P.175-186.*

«Maria Samoilovna, Do Not Abandon “Opyty”!» (Letters from M.S. Tsetlina’s Archive regarding the closure of the «Opyty» journal). Publication, Introduction, Footnotes and Comments by Mikhail Parkhomovsky (Beth-Shemesh, Israel). 20 letters primarily from M.S. Tsetlina, the publisher of the journal «Opyty» (New York, 1953–1959), to the journal editor Y. Ivask, published here at the first time. *P.187-208.*

Letters from L.D. Trotsky to N.I. Sedova (Mexico, 1937, 1938). Publication, Introduction and Comments by Yuri Felshtinsky (Boston, USA) and Georgiy Chernyavskiy (Baltimore, USA). Publication of 15 letters from L. Trotsky to his wife N. Sedova. These are important for understanding Trotsky’s personality, his likes and dislikes, and for reconstructing his psychological profile. *P.209-232.*

Journal in the Book

The Israeli Scientific Conference «The Input of Jews from Russia (the USSR/UIS) into Science, Culture and Education in Erets Israel/Israel» Dedicated to the 55 Anniversary of the State of Israel. Julia Sister (Kiryat Ekron, Israel). Short summaries of the main conference presentations are included. *P.234-241.*

Evgenia Yosifovna Gitis. *Maya Bass (Baltimore, USA)*. E.Gitis – a volunteer of the Russian-Jewish community in Baltimore who devotes most of her time and energy to improving the quality of life of elderly Jews emigrated from Russia (the USSR/UIS) to the USA. *P.242-248.*

The Washington Museum of Russian Poetry and Its Founder. *Irina Panchenko (Philadelphia, USA)*. Uli Zislin, the museum's founder, was born in Moscow in 1930 and emigrated to the USA in 1996. The museum's exhibits include books, journals, music books, pictures, tapes, discs and CDs related to the life and creative work of Tsvetaeva, Pasternak, Mandelshtam, Ahmatova, Gumilev and other Russian poets of the 19th and 20th centuries. *P.249-259.*

A Letter from M.S.Tsetlina's Archive. *Publication by Mikhail Parkhomovsky (Beth-Shemesh, Israel)*. This is the first publication of a letter from M.Karolik to M.Tsetlina. *P.260-261.*

Содержание

Обращение к читателю. <i>Леонид Гликман (Нью-Йорк)</i>	5
Предисловие. <i>Эрнст Зальцберг (Торонто)</i>	6
Маяк в ночи (очерк истории ХИАСа). <i>Валерий Базаров (Нью-Йорк)</i>	9
Тайна доллара, или как евреи спасли Америку. <i>Юрий Борин (Балтимор, США)</i>	47
Владимир Войтинский: путь от большевика до советника президента Ф.Рузвельта. <i>Георгий Чернявский (Балтимор, США)</i>	56
Голливудские миражи Александра Дранкова. <i>Рашид Янгиров (Москва)</i>	72
Искусство собирать искусство: Максим Каролик (1893–1963). <i>Иосиф Богуславский (Бостон, США)</i>	92
Набросок к портрету отца. <i>Линн Виссон (Нью-Йорк)</i>	104
Мой друг Володя Гурвич. <i>Марк Зальцберг (Хьюстон, США)</i>	117
Там, за океаном... <i>Людмила Корабельникова (Москва)</i>	125
Сергей Кусевицкий в Америке. <i>Эрнст Зальцберг (Торонто)</i>	143
Альберт Марков – виртуоз, композитор, педагог. <i>Артур Штильман (Нью-Йорк)</i>	157
Кто ищет, тот всегда найдет. <i>Юрий Борин (Балтимор, США)</i> ...	169
Академик Исаак Борисович Берсукер (Заметки о жизни	

и творчестве). <i>Борис Цукерблат (Беэр-Шева, Израиль), Юлия Систер (Кирьят-Экрон, Израиль), Клара Жигня (Беэр-Шева, Израиль)</i>	175
---	-----

«Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала. По письмам из архива М.С.Цетлиной). <i>Публ., вступ. заметка и коммент. Михаила Пархомовского (Бейт-Шемеш, Израиль)</i>	187
---	-----

Письма Л.Д.Троцкого Н.И.Седовой (Мексика, 1937, 1938) <i>Публ., вступл. и коммент. Юрия Фельштинского (Бостон, США) и Георгия Чернявского (Балтимор, США)</i>	209
--	-----

Журнал в книге

Всеизраильская конференция «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля», посвященная 55-летию Государства Израиль (Отчет о конференции) <i>Юлия Систер (Кирьят-Экрон, Израиль)</i>	234
--	-----

<i>Евгения Иосифовна Гитис. Майя Басс (Балтимор, США)</i> ...	242
---	-----

Музей русской поэзии в Вашингтоне. <i>Ирина Панченко (Филадельфия, США)</i>	249
--	-----

Письмо из архива М.С.Цетлиной. <i>Публ. Михаила Пархомовского (Бейт-Шемеш, Израиль)</i>	260
---	-----

Рецензия. <i>Эрнст Зальцберг (Торонто)</i>	262
--	-----

Об авторах и редакторах книги	264
-------------------------------------	-----

Указатель имен	272
----------------------	-----

Аннотации статей и других материалов, опубликованных в сериях книг ЕВКРЗ и РЕВЗ и содержащих сведения о русских евреях в Америке	285
--	-----

Аннотации статей настоящей книги на английском языке	293
---	-----

Contents

A Message from the President of HIAS	5
Introduction. <i>Ernst Zaltsberg (Toronto)</i>	6
The Light in the Night (An Essay on History of the Hebrew Immigration Aid Society /HIAS/). <i>Valery Bazarov (New York)</i>	9
The Mystery of a Dollar, Or How the Jews Saved America. <i>Yuri Borin (Baltimore, USA)</i>	47
Vladimir Woytinsky: The Transition from a Bolshevik to President F.D.Roosevelt's Adviser. <i>Georgiy Chernyavskiy (Baltimore, USA)</i>	56
Alexander Drankov's Hollywood Dreams. <i>Rashit Yangirov (Moscow)</i>	72
The Art of Collecting Art: Maxim Karolik (1893–1963). <i>Josef Boguslavsky (Lynn, USA)</i>	92
A Portrait of My Father. <i>Lynn Visson (New York)</i>	104
My Friend Vladimir Gurchich. <i>Mark Zaltsberg (Houston, USA)</i> ...	117
There, Across the Ocean... <i>Ludmila Korabelnikova. (Moscow)</i> ...	125
Sergey Koussevitzky in America. <i>Ernst Zaltsberg (Toronto)</i> ...	143
Albert Markov: Virtuoso, Composer, each. <i>Arthur Shtilman (New York)</i>	157
He Who Seeks Always Finds. <i>Yuri Borin (Baltimore, USA)</i> ...	169
Academician Isaak Bersuker (Notes on His Life and Work). <i>Boris Tsukerblat (Be'er Sheva, Israel), Julia Sister (Kiryat Ekron, Israel), Clara Jignea (Be'er Sheva)</i>	175

«Maria Samoilovna, Do Not Abandon “Opyty”!» (Letters from M.S.Tsetlina's Archive regarding the closure of the “Opyty” journal). <i>Public., Introd., Footnotes and Comm.</i> by <i>Mikhail Parkhomovsky (Beth-Shemesh, Israel)</i>	187
--	-----

L.D.Trotsky's Letters to N.I.Sedova (Mexico, 1937, 1938). <i>Publ., Introd. and Comm.</i> by <i>Yuri Felshinsky (Boston, USA)</i> and <i>Georgiy Chernyavskiy (Baltimore, USA)</i>	209
--	-----

Journal in the Book

The Israeli Scientific Conference "The Input of Jews from Russia (the USSR/UIS) into Science, Culture and Education in Erets Israel/ Israel" Dedicated to the 55 Anniversary of the State of Israel. <i>Julia Sister (Kiryat Ekron, Israel)</i>	234
---	-----

Evgenia Yosifovna Gitis. <i>Maya Bass (Baltimore, USA)</i>	242
--	-----

The Washington Museum of Russian Poetry. <i>Irina Panchenko (Philadelphia, USA)</i>	249
---	-----

A Letter from M.S.Tsetlina's Archive. <i>Publ. by Mikhail Parkhomovsky (Beth-Shemesh, Israel)</i>	260
---	-----

A book review. <i>Ernst Zaltsberg (Toronto)</i>	262
---	-----

About Contributors and Editors	264
--------------------------------------	-----

Index of Names	272
----------------------	-----

Abstracts of Papers on Russian Jews in America Published in the Previous Volumes of the Series	285
--	-----

Abstracts in English	293
----------------------------	-----

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье»

Центр собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о роли евреев – выходцев из России в создании и становлении Государства Израиль.

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о Русском Зарубежье.

Центром изданы две серии книг: *Евреи в культуре Русского Зарубежья* (Тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и *Русское еврейство в зарубежье* (Тома 1/6/–5/10/. Иерусалим, 1998–2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.orianim.ac.il/echo). Информацию о рецензиях (их около 80) на издания Центра см.: <<http://www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>>.

Сотрудники Центра проводят конференции, семинары, лекции; разрабатывают учебные программы о русском еврействе в зарубежье.

Кроме настоящего тома, Центром в 2005 г. подготовлены к печати две книги:

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн.1. Ред.-сост.: *Юлия Систер, Михаил Пархомовский;*

«Они погибли тогда...» (о выходцах из России – жертвах Катастрофы). Сост.: *Михаил Пархомовский, Николай (Ариэль) Борщевский.*

Научный руководитель и главный редактор Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013. ISRAEL.

Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@barak-online.net

Генеральный директор:

Dr Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis St., Kiryat Ekron 70500. Israel.

Tel.: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net

К читателю

Настоящая книга является лишь заявкой на разработку такой неисчерпаемой темы, как «Русские евреи в Америке». Научно-исследовательский центр *Русское еврейство в зарубежье* планирует издание второго «американского» тома, посвященного этой же теме. Составители хотели бы видеть в этом томе обзорные статьи, эссе и материалы на следующие темы:

1. Русско-еврейские общины в отдельных странах и городах Америки, история этих общин, их вклад в культуру, экономику, политику.
2. Процессы адаптации/ассимиляции (религиозной, культурной, экономической) русских евреев в Америке.
3. Роль русских евреев в развитии социалистического и профсоюзного движения в Америке.
4. Место, занимаемое русскими евреями в политическом спектре США, их партийная ориентированность и предпочтения.
5. Русские евреи и Голливуд.
6. Русские евреи и СМИ.
7. Русско-еврейские поселенцы в отдаленных районах Америки (дальний запад США, Аляска, канадский Север, др.).

Отдавая предпочтение темам общего характера, составители рассмотрят и статьи, в особенности документированные, посвященные отдельным лицам и организациям, внесшим заметный вклад в развитие американского общества.

Предложения и материалы для возможной публикации просьба направлять по адресу:

E.Zaltsberg, 1101-131 Torresdale Ave., Toronto, Ontario M2R 3T1, Canada. E-mail: ezaltsberg@rogers.com

Научно-исследовательский центр *Русское еврейство в зарубежье* – некоммерческое объединение, не получающее финансовой помощи от государственных институтов и учреждений. Составители второго «американского» тома выражают искреннюю благодарность всем спонсорам, независимо от размеров пожертвований, которые помогут выходу в свет планируемой книги. Чеки на издание второго тома «Русские евреи в Америке» просим высылать по указанному выше адресу.

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 12

Русские евреи в Америке
Книга 1

Редакторы-составители:
Эрнст Зальцберг
Михаил Пархомовский

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 /16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 19,0

Подписано в печать 15.06.2005. Заказ № 402.

Отп. в ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

